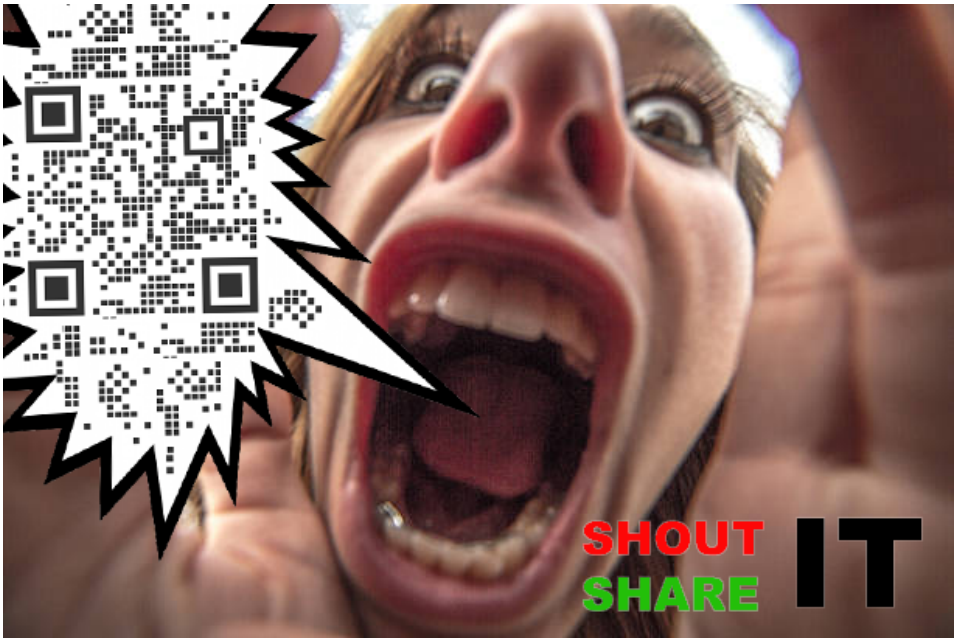
ВИТАЛИЙ
ПИЩЕНКО
ЮРИЙ
САМУСЬ
УКУС
СКОРПИОНА
ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Виртуальный мир недалекого будущего…

Теперь в него возможно входить физически!

Секрет, случайно открытый молодой преступницей? Безусловно!

Новая технология «виртуального спецназа»? И это – да!

Но прежде всего – единственный путь для человечества в войне с монстрами, порожденными «вирталом» и управляемыми таинственным искусственным интеллектом, обитающим где-то в загадочной Зоне Сброса…

- Виталий Пищенко, Юрий Самусь
  - Уровень 1
  - Уровень 2
  - Уровень 3
  - Уровень 4
  - Уровень 5
  - Уровень 6
- notes
  - 1

Виталий Пищенко, Юрий Самусь
Укус скорпиона

По-настоящему безопасной можно считать компьютерную систему, которая выключена, замурована в бетонный корпус, заперта в помещении со свинцовыми стенами и охраняется вооруженным караулом, – но и в этом случае сомнения не оставляют меня.

Юджин Х. Спаффорд

Уровень 1
Компьютерная леди

От бриджа меня оторвал сержант Стоуни.

– Извините, сэр! – рявкнул он, появляясь в дверях. – Вас вызывает лейтенант Хэлтроп.

Я молча кивнул, вернулся в комнату сказать гостям, что моя квартира остается в их полном распоряжении, и, накинув плащ, вышел под мелкий моросящий дождь.

Патрульная машина стояла в нескольких ярдах от подъезда, так что я даже не успел промокнуть. Хоть какая-то радость, пусть маленькая.

Сержант завел мотор, и автомобиль плавно тронулся с места.

– Ну, что там еще стряслось? – недовольно спросил я, хотя прекрасно понимал, что работа есть работа и именно за нее мне платят деньги.

– Точно не знаю, сэр, – пожал плечами Стоуни. – Я только что заступил на дежурство. Слышал краем уха, что кто-то исчез. Может, убийство… Не знаю.

– И что? – не скрывая раздражения, спросил я. – Убийства не по моей части. Я – специалист по компьютерам и виртуальности.

Стоуни снова пожал плечами:

– Извините, сэр, но мое дело маленькое. Мне приказали вас доставить, я и выполняю.

– Ладно, – буркнул я, – ты прав.

Я откинулся на спинку сидения, все еще продолжая злиться. Испортить такой вечер! Бридж, отличная выпивка, компания приятелей… Все псу под хвост…

Закрыв глаза, я попытался расслабиться.

С другой стороны, никто не навязывал мне эту работу. Предложили, назвали цену – весьма приличную, чтобы заинтриговать молодого специалиста по компьютерной реальности, решение же я принял сам да и не жалею об этом. Работа не пыльная, объективно – ее не так уж и много, вот только сегодня что-то на меня нашло…

Но издержки производства бывают всегда, тут уж ничего не поделаешь, с ними надо мириться.

В общем, когда мы подъехали к Департаменту полиции округа, я снова был в обычном своем состоянии, то есть спокоен, уравновешен, настроен по-деловому.

Выходить из патрульной машины не пришлось. Едва мы затормозили, как появился лейтенант Хэлтроп, прикрывающий

макушку каким-то пакетом. Он был одет в гражданский костюм, белая сорочка, рассеченная пополам галстуком, оттеняла неправдоподобно-кофейное лицо. Лейтенант спокойно мог бы подрабатывать в какой-нибудь кондитерской фирме, рекламируя ее шоколадную продукцию.

– Как нельзя вовремя, – запрыгивая на переднее сидение, пробасил он. – Едем на место. Парадиз-авеню, дом восемнадцать.

Стоуни кивнул, выжимая педаль акселератора, а Хэлтроп развернулся в пол-оборота ко мне и, жестикулируя, начал излагать суть дела.

Оказывается, два часа назад в Департамент позвонила некая миссис Куински и сообщила, что одна из ее квартиросъемщиц куда-то исчезла. Она не видела ее пять дней, но не придала этому особого значения – иные жильцы пропадают и на более долгий срок…

Когда же позвонили с работы этой самой квартиросъемщицы (зовут ее, кстати, мисс Тревор) и поинтересовались, не заболела ли их сотрудница, миссис Куински поднялась на второй этаж, долго стучала в дверь, но никто не открывал. Тогда она решила воспользоваться запасным ключом, однако он не вошел в замок. Дверь была заперта изнутри, и ключ находился в замочной скважине.

Домовладелица вызвала полицию. Дверь вскрыли. Мисс Тревор в комнате не оказалось. Проверили окна. Они были заперты опять же изнутри…

Лейтенант сделал эффектную многозначительную паузу, и я удачно успел в нее «влезть».

– Исчезновение из закрытой комнаты. Интересно. Читал о чем-то подобном. Но причем тут я?

– Вот сейчас-то мы и подошли к самому главному, – как-то странно, мне показалось, даже с некоторой долей злорадства, улыбнулся лейтенант. – В комнате Маргарет Тревор находилась одна вещица из полипластика метра два длиной.

– Ты имеешь в виду «саркофаг»? – спросил я.

– Он самый, – кивнул Хэлтроп.

– Ну и что?

– А то, что он был включен… и внутри никого!

Я оторопело уставился на лейтенанта.

– Этого не может быть!

– Оказывается, может, – хмыкнул Хэлтроп. – Или ты не доверяешь ребятам из патрульной службы?

– Доверяю, – пожал я плечами. – И все равно тут что-то не так.

– Ничего, скоро приедем на место, сам увидишь. Ты же

специалист, – не удержался от шпильки лейтенант.

Занятый своими мыслями, я воздержался от ответа.

…Терминал виртуальных проекций, или «саркофаг», как его еще окрестили, – это сложная система, включающая в себя мощный компьютер и имеющая выход через модем в местную, а при желании, и в глобальную сеть. Сотни ее биосенсорных датчиков, а также телесистема напрямую связаны с мозгом человека. Все это в совокупности позволяет из обычной реальности перейти в «виртал» – так сократили пользователи неудобное и длинное: «виртуальная реальность».

Стоили «саркофаги» недорого, так что купить такое устройство, в принципе, было несложно. Проблема заключалась в другом: человек, однажды побывавший в «виртале», редко потом интересовался какими-либо другими развлечениями.

Еще бы! Путешествовать по Галактикам, сражаться с морскими пиратами или пришельцами из космоса, стать суперагентом или рыцарем без страха и упрека – кто откажется от этого?! Компьютерные программы наперебой предлагали приключения, которые в настоящей жизни вряд ли кому удалось бы пережить. Эффект присутствия был полным. Это затягивало, это будоражило, это стало своего рода наркотиком, без которого многие уже и не представляли свою жизнь, уходили в виртуальные миры и, порой, не возвращались.

Поэтому фирмы – производители «саркофагов» были вынуждены создавать самые различные системы контроля за прохождением объекта по виртуальным мирам, часовые таймеры, отключающие терминалы после пятичасового их использования и блокирующие повторное включение в течение суток, защитные файлы для устранения случайных ошибок и множество других программ вкупе с компьютерным оборудованием.

Но не всегда эти меры могли остановить жаждущих вечных развлечений, так как хакерство процветало повсеместно. Программы взламывались, системы защиты перекодировались или убирались вовсе. Хакеры-профессионалы зарабатывали на этом деньги, хакеры-дилетанты одержимо боролись с защитой в одиночку. Казалось бы, выход из создавшегося положения один – запретить использование машин перехода в виртал. Но разве когда-нибудь «сухой закон» уменьшал количество пьяниц? Да и корпорации, производящие «саркофаги» были против их запрещения. Выход был найден. Появились такие люди как я.

Мне и тысячам других спецов по компьютерам приходилось вытаскивать на свет божий людишек, решивших покинуть этот мир, окунувшись в мир иллюзорный. Нет, не всегда это были

самоубийцы, просто некоторых «засасывало» так, что, погрузившись в «виртал», они напрочь забывали о бренном своем теле, оставшемся угасать от истощения в «саркофаге». Быть может, потому терминалы так и прозвали?

Я на миг отвлекся от своих мыслей и посмотрел на Хэлтропа. Склонив голову на грудь, он дремал. Стоуни спокойно вел машину, тихо напевая какую-то песенку. За окном, освещая редких прохожих, мелькали неоновые вывески…

На этот раз произошло что-то иное. Судя по рассказу лейтенанта, «саркофаг» находится в рабочем состоянии, но внутри никого нет. Это практически невозможно. Терминалы сделаны так, что включаются только в том случае, если в нем находится человек. И отключаются они либо таймером, либо пользователем, когда тот открывает защелки. Это – первое.

Второе. Мисс Тревор не видели несколько суток. Отсюда два варианта: она воспользовалась «саркофагом» недавно, не больше пяти часов назад, или же взломала систему защиты. Впрочем, это не столь важно. Главное – куда и как она исчезла? Действительно, загадка.

Миссис Куински оказалась маленькой сухощавой дамочкой неопределенных лет с крючковатым носом и тонкими плотно сжатыми губами. Она выбежала навстречу, едва мы с Хэлтропом вошли в подъезд.

– Вы к кому? – уперев руки в бока, спросила домохозяйка, с подозрением разглядывая нас.

Но тут в дверях показался сержант Стоуни, замешкавшийся с машиной. При виде формы глаза у дамы вспыхнули радостным блеском.

– Вы из полиции! – воскликнула она тоном прокурора, наконец-то обличившего серийного убийцу.

Мы промолчали, стараясь не глядеть на грязный, в жирных пятнах халат домовладелицы, и она успела прикинуть, кто из нас больше всего подходит на роль начальника. Выбор пал на меня. Она почему-то сразу вычеркнула из списка претендентов шоколадную физиономию Хэлтропа и сержантские погоны Стоуни.

– Я вас сейчас проведу в *ее* комнату, – сказала Куински, уже обращаясь лично ко мне. – Это на втором этаже. Но лестница у меня не крутая, так что восхождение вас не обременит.

Я утвердительно кивнул и начал подниматься вслед за хозяйкой.

Тяжело вздохнув, Хэлтроп двинулся за нами. Спиной я чувствовал его ехидный взгляд, но покорно перебирал ногами,

слушая бесконечный треп миссис Куински, похоже, не признающей ни знаков препинания, ни пауз.

– Прекрасная девушка спокойная тихая она приходила с работы домой и беззвучно как мышка сидела у себя наверху а утром опять уходила на работу и никаких у меня с ней не было проблем никаких мужчин никаких эксцессов правда она была некрасивенькой но зато Бог дал ей золотой характер она ни разу не спорила со мной, – миссис Куински повернула голову, скосив на меня глаза. – Вы ведь знаете как это бывает квартиросъемщики вечно имеют какие-то претензии к своим домовладельцам так вот она никогда не высказывала мне своих замечаний да и плату за квартиру вносила в срок побольше бы таких жильцов…

– И что, – полюбопытствовал Хэлтроп, – к мисс Тревор вообще никто не приходил?

– Нет, – отрезала миссис Куински, недовольно сверкнув глазами на лейтенанта. – Только грузчики, когда она въезжала.

– А вы сами к ней заходили?

Домохозяйка даже остановилась от негодования.

– Никогда! Если человек ведет себя благопристойно, я не сую нос в чужую жизнь.

Но по ее лицу было видно, что сует и частенько.

Наконец, мы остановились у одной из дверей.

– Вот мы и пришли, – радостно сообщила миссис Куински.

– Спасибо, – вышел из-за моей спины лейтенант. – Вы нам очень помогли, мэм. Дальше мы уж сами.

– Но я…

– Если вы понадобитесь, я вас позову.

Только сейчас миссис Куински осознала, что главный среди нас – Хэлтроп. Этот просчет срубил ее наповал. Она даже не стала выказывать недовольства по поводу того, что в ее же собственных владениях ЕЕ не пускают туда, куда она больше всего желает попасть. Миссис Куински с негодованием посмотрела на меня (так обмануться!), поджала губы и ушла.

Хэлтроп толкнул дверь, и мы оказались в довольно большой, чистенькой квартире.

Маргарет Тревор жила не очень богато, но и не сказать, что бедно: красивые занавески на окнах, в комнате в углу на тумбе – телевизор последнего поколения, кровать с балдахином, на письменном столе – компьютер «Эппл», а рядом – двухметровый «саркофаг». Из кухни доносилось гудение холодильника, заприметил я и микроволновую печь.

– Так-так… И где же эта мисс Тревор работает? – поинтересовался я.

– «Интеллект-сервис», младший программист, – сразу же

отозвался Хэлтроп и добавил. – Большинство вещей взято напрокат, это мы уже успели выяснить.

Я кивнул, одновременно здороваясь с Мастерсом и Бейли – полицейскими патрульной службы.

– Что нового? – уже обращаясь к ним, спросил Хэлтроп.

– Повторно осмотрели квартиру, – отозвался Мастерс. – Окна закрыты, да и спуститься здесь без лестницы нереально.

– А защелки какие? – поинтересовался Стоуни.

– Закрываются изнутри. Вылезти наружу и захлопнуть за собой окно невозможно. Да и какой смысл этой девице скрываться таким странным способом?

– А если похищение? Хотя, глупо все это как-то…

Мастерс пожал могучими плечами, дескать, расследование покажет.

– Что еще? – спросил лейтенант.

– Вещи, вроде, на месте. Гардероб забит под завязку. Правда, мы не нашли никаких документов.

– Это уже кое-что, – сказал Хэлтроп. – Хотя судить, что именно из этого вытекает, пока рано.

Внимательно слушая, о чем они говорят, я подошел к «саркофагу» и заглянул в него сквозь прозрачный колпак. Внутри никого не было, но пульт светился.

Черт побери! Терминал, действительно, работал. Я попытался его открыть. Тщетно. Фиксаторы, как и положено при рабочем положении, были заблокированы.

Меня прошиб холодный пот. До сих пор рассказ Хэлтропа казался мне каким-то ирреальным, даже фантастическим. Подсознательно я рассчитывал, что приеду на место, и все окажется банальным и простым: полицейские ошиблись, «саркофаг» не работает, а остальное – дело не мое. Чуда не произошло, но чудо, не поддающееся пониманию, свершилось. Терминал работал без человека внутри!!!

Представьте, что в международный аэропорт прилетел сверкающий лайнер: самолет останавливается на посадочной площадке, подъезжает трап, открывается дверца, но никто не выходит – авиалайнер совершенно пуст: ни пассажиров, ни экипажа…

– Ну что? – раздался сзади неожиданно резкий голос Хэлтропа.

Я вздрогнул и, пытаясь придти в себя, пробормотал:

– Бред, совершеннейший бред.

– Понятно, – хмыкнул лейтенант. – На горизонте замаячили ведьмы на помелах, летающие тарелки с кровожадными пришельцами, мертвецы, выползающие…

– Это не смешно, – перебил я его.

– Я и не смеюсь, – глухо отозвался Хэлтроп. – Все, что зависит от нас, мы сделаем. А это, – он похлопал по корпусу «саркофага», – твоя забота.

– Но, может быть, она не пропала? – понимая всю нелепость предположения, спросил я. – Может, пошутить решила? Ушла куда-то? Уехала?

– Из закрытой изнутри комнаты? – Хэлтроп с пониманием и сочувствием посмотрел на меня. – Сейчас я еще до конца не уверен, и все же сдается мне, что дело в этой штуковине, – он опять хлопнул ладонью по крышке компьютерного терминала, – Так что давай, парень, поднапрягись и работай.

Я тяжело вздохнул. Кофейно-шоколадный нос лейтенанта ни разу еще его не подводил. Зато единственное, что участливо подсказывала мне моя тренированная память, была глупая надпись, которую я прочел когда-то на каком-то заборе: «Покажи мне твой комп, и я скажу, кто ты».

– Мне придется пробыть какое-то время в этой квартире.

– Ничего, – усмехнулся Хэлтроп, – я позабочусь, чтобы тебе доставляли сюда сэндвичи.

– И пиво, – добавил я.

– И пиво, – согласился лейтенант.

Через полчаса они ушли, и я остался один. Настроение было прескверным, хотя я понимал, что дело стоит того, чтобы с ним повозиться. И все же меня одолевали сомнения. Меньше всего хотелось верить в версию исчезновения, связанную с «саркофагом». Однако, факты – упрямая вещь. За полчаса я успел проверить таймер. Он, естественно, был отключен от системы возврата и показывал сто двенадцать часов беспрерывной работы! Обалдеть можно… Это привело меня к совершенно бредовой мысли, что мисс Тревор каким-то непостижимым образом сумела запустить терминал, не находясь внутри него, а затем, заперев дверь и окна, прошла сквозь стену, оставив мне и тугодумам-полицейским задачку со множеством неизвестных.

В сердцах я выругался, все больше злясь на себя самого. Работать надо, а я, как мальчишка, слюни распустил, сморкаюсь в свою же собственную жилетку…

Задачка, ему видите ли, не по зубам, а зелененькие, что получаешь ежемесячно в Департаменте полиции, по зубам? Ясное дело. Тогда не время киснуть, пора начинать что-то делать. Вот и начинай. Только с чего?

Минут двадцать я бесцельно расхаживал по комнате, размышляя над этим вопросом. Наконец, решил разобраться, что

из себя представляет эта загадочная мисс Маргарет Тревор. Кое-что было уже известно со слов Хэлтропа.

Родилась в Иллинойсе в 1989 году, (значит, ей двадцать шесть, прикинул я), в две тысячи десятом там же окончила технический колледж по специальности «Прикладное программирование». Сразу же переехала в Нью-Йорк и устроилась на работу в фирму своего дядюшки на должность младшего программиста. Работа, мягко говоря, не самая престижная. Интересная деталька… Похоже, дядюшка не очень-то «протекционировал» своих родственничков. Вот, пожалуй, и все.

Ах, да, еще мы с Хэлтропом просмотрели фотоальбом. Там было всего несколько фотографий. Маргарет снималась уже в Нью-Йорке. Иллинойских фотокарточек так и не нашли, но это было не столь важно. Главное, мы теперь знали лицо человека, которого следовало искать.

По правде говоря, миссис Куински не солгала. Маргарет Тревор действительно была некрасива: высокий лоб, обрамленный реденькими светлыми волосами, серые, ничем не примечательные глаза, тонкий острый носик, слегка оттопыренные уши и почти безгубый рот. Хотя нет, глаза только казались непримечательными – в них светился ум, и он меня заворожил и испугал одновременно. В тот миг я окончательно осознал, что дело будет не из простых.

Наконец, я прервал блуждание по комнате, сел за стол и включил персональный компьютер в сеть. Что ж, мисс Тревор, попытаемся заглянуть в глубины вашей души таким образом…

На экране высветился листинг программ, записанных на жесткий диск. Я пробежал его глазами: различные рабочие программы, отладчики, архиваторы, даже старинные игры моего детства… Ага! Вот и то, что я искал. Программа «Блокнот» – так сказать, электронная записная книжка. Курсором я отметил эту программу и без особой надежды нажал клавишу «ВВОД»…

Этого и следовало ожидать. Компьютер затребовал от меня код доступа. Как это ни печально, но придется немного подождать.

Я выбрал в меню окно выхода на модемную связь, набрал код допуска в полицейскую сеть ПОЛИСНЕТ и сделал запрос на выдачу программ-декодера. Сетевой узел затребовал мой личный номер и лишь затем выгрузил в комп мисс Тревор необходимые мне файлы, которые после выполнения своей задачи должны были самоликвидироваться.

Отнюдь не лишняя мера предосторожности. Любой компьютерный пират-хакер, выложил бы уйму денег за эту программу. Полиция берегла ее как зеницу ока, дополнительно

предохраняя декодеры еще и от копирования, тем самым защищая их от не слишком чистых на руку слуг закона.

Теперь я мог вернуться к «блокноту» и запустить программу дешифровки.

Чтобы найти нужный набор слов или символов, являющихся паролем, блокирующим запуск определенной компьютерной программы, человеку потребуются годы, а то и десятилетия. Декодер же прогонял в минуту тысячи слов и знаков. Так что расшифровать код Маргарет не составляло большого труда, да и времени большого не требовало.

Я откинулся на спинку стула и закрыл глаза, чтобы не портить зрение мельтешением строк на дисплее. Однако, расслабляться не стоило. Мысли снова навалились на меня, как будто только и поджидали этого момента.

Зачастую электронным записным книжкам люди доверяют самое сокровенное. Бывает – это записи личного характера, случается – даже дневники. Большинство пользователей компьютеров наивно полагают, что это и есть самый надежный способ хранения личных тайн. Я усмехнулся, представив, какой бы разразился скандал, узнай они о декодирующей программе. Человек, как ты счастлив в своем неведении!..

Комп выдал звуковой сигнал. Я, отметив, что на сей раз он возился подозрительно долго, открыл глаза и увидел на мониторе слово «красота». Неплохое начало – уже есть первый результат. Я снова смежил веки. Самое сложное – определить систему кода и найти первое слово – было сделано. Теперь, если, конечно, код состоит из одной фразы, дело пойдет быстрее. Круг поиска сузился, из него выпали слова, не подходящие по смыслу к понятию красоты.

Я оказался прав. На этот раз компьютеру понадобилось куда меньше времени. Вторым словом было: «порождает». Я пододвинулся ближе к экрану. Теперь отсчет времени шел на доли секунды. Вспыхнуло третье слово, и сразу же на дисплее высветилась надпись: «Программ-декодер уничтожен».

Значит, дешифровка ключевой фразы допуска окончена. Путь в «блокнот» был открыт, но еще некоторое время я сидел неподвижно, вновь и вновь перечитывая слова, пылающие на экране:

КРАСОТА ПОРОЖДАЕТ НЕНАВИСТЬ

Это был ключ. Маленький ключ к душе Маргарет Тревор. Какую дверь он мог открыть, я пока не знал, но надеялся, что эта зацепка, в конечном итоге, приведет меня к вратам тайны. Покуда я сделал только первый шаг, теперь следовало решиться на

второй. Вот только почему неясное ощущение неуверенности не хочет покидать меня? Я глубоко вдохнул воздух и открыл «блокнот», а потом еще долго пялился на пустой экран, тупо осознавая, что программа стерта.

Это был удар ниже пояса. Я, конечно, понимал, что противник не из легких, но такой пакости, честно говоря, не ожидал. Что ж, мисс Тревор, один – ноль в вашу пользу.

Как и прежде, в который раз за этот вечер я очутился у разбитого корыта. Оставалась одна надежда – «саркофаг». Им я и занялся, засучив рукава: набрал шифр приборной панели (о котором не сообщали пользователям, но он был знаком мне по роду службы) открыл щиток и углубился в изучение нескончаемого переплетения проводов. За этим занятием и застала меня миссис Куински, как бы ненароком заглянувшая в комнату.

– Что вы делаете? – взвизгнула она с порога.

Я с грустью посмотрел за нее, но ничего не сказал.

– Вы же сломаете дорогую вещь! Что я потом скажу мисс Тревор?!

– Понимаете… – я попытался найти нужные слова. – Я немного разбираюсь в дорогих вещах.

Домохозяйка с подозрением посмотрела на меня, потом на вывороченные наружу внутренности терминала, и тут ее осенила запоздалая догадка.

– Так вы не полицейский?!

Я кивнул, наблюдая, как стремительно багровеет лицо миссис Куински.

Это было неслыханно – за один день она ошиблась дважды! Сначала приняла меня за начальника, а теперь оказалось, что я вообще не служу в полиции.

– Так кто же вы? – скорее прорычала, чем сказала домохозяйка, испепеляя меня взглядом.

Вот так. Кажется, я нажил себе врага.

– Эксперт по компьютерам.

– Ага, – произнесла она таким тоном, будто вместо этих слов бросила мне в лицо фразу: «Вы, мистер, убийца!» – И как долго вы хотите пробыть в моем доме?

– Столько, сколько потребуется, – ответил я, пытаясь охладить пыл настырной грымзы, и кажется, мне это удалось.

– Надеюсь, вы не собираетесь здесь ночевать? – на этот раз голос домохозяйки стал ледяным, как, впрочем, и глаза.

– Если понадобится… – улыбнулся я.

Она вышла, сердито хлопнув дверью.

«Ладно, – попытался успокоить я себя, – девяносто девять процентов пожилых дамочек ничем не отличаются от миссис Куински. Это – норма, и что-либо изменить невозможно».

Я вновь вернулся к проводам, обдумывая свои дальнейшие действия. Прежде всего, нужно открыть «саркофаг», отключив его тем самым от телефонной сети. Для этого необходимо запустить защитный механизм таймера – задача не такая уж и сложная: поменял два провода на клеммах, ввел в работу резервную предохранительную систему – и все.

Проблема заключалась в другом. Если Маргарет Тревор уже ковырялась здесь, то я мог переключить совсем не те провода. Тогда последствия окажутся самыми плачевными. Однако, выбора у меня не было, и я решил следовать своему излюбленному правилу: «Когда не знаешь, что делать – делай, что знаешь».

В общем, «саркофаг» я открыл. Немножко порадовался своей маленькой победе и принялся за пульт управления, представлявший собой миникомп, управляющий рабочими системами терминала.

Вот здесь-то и было наворочено. Блокировку часового таймера я обнаружил почти сразу, с такими вещами мне приходилось сталкиваться и раньше. Но дополнительный блок, состоящий из коробочки, напичканной микросхемами, меня изрядно удивил. Это было нечто новенькое, то, что, по всей видимости, коренным образом изменяло работу «саркофага».

Теперь я был почти уверен – исчезновение Маргарет Тревор произошло не случайно. Этого добивались, на это потратили уйму времени и сил.

С кем мне пришлось столкнуться – с гением в юбке или с маньяком? – было пока непонятно. Но то, что создала мисс Тревор, меня встревожило, хотя я еще и не знал, что ее изобретение может принести миру. Или это не ее детище? Скажем, купила у какого-нибудь хакера. Нет, маловероятно. Как только очередная новинка начинает распространяться, ее пользователи пачками попадают в поле зрения полиции. Ни с чем подобным этому блоку я пока не сталкивался. Значит, можно допустить, что передо мной изобретение хозяйки этого саркофага. Пока, во всяком случае…

И тогда я позволил себе пойти на сделку с совестью. Основной целью для нас было найти Маргарет Тревор, а вопрос, как ей удалось проделать этакий фокус, я отодвинул на второй план.

Короче говоря, я принял такое решение: используя машину Маргарет, отправиться в виртал и побродить по местной сети. Пойти, так сказать, по следу.

Перво-наперво я отключил дополнительный блок, затем проверил работу всех систем компьютерного терминала и подогнал биосенсоры по своей комплекции. Немного подумав, выставил таймер на одночасовой режим работы в реальном времени и забрался внутрь. Все это я старался проделать максимально быстро, чтобы рациональная часть моего сознания не успела задать вопросы, способные изменить принятое решение. Тем не менее, перед тем, как захлопнуть купол, я вдруг подумал: «А что, собственно, я надеюсь там найти?»

Код входа в виртал к счастью оказался тем же: «Красота порождает ненависть», и я облегченно вздохнул. Хоть одно из препятствий устранилось само собой. Я набрал на пульте команду начала работы и устроился поудобней на ложе.

Ощущение перехода приятным назвать нельзя. Нет, боли при этом не испытываешь, просто кажется, будто кто-то невидимый и могущественный выволакивает твои внутренности наружу, перемешивает их, как ему заблагорассудится, а затем засовывает обратно.

Все это происходит в абсолютной тишине и мраке. Но потом довиртуальная тьма рассеивается, и ты сразу оказываешься в буферном сегменте программы ввода в виртал.

Я открыл глаза и огляделся. Это был сегмент Маргарет Тревор. Сюда она загружала запрограммированные на обычном компьютере матрицы личностей, точнее, оболочки, в которые облекался человеческий разум, попадая в виртуальную реальность. Такой сегмент был своеобразным продолжением «саркофага», но уже в другой реальности, так сказать, – шлюз в иной мир. Каким он будет – дело самого пользователя. Мы – профессионалы – предпочитаем стандартную программу. Зато мисс Тревор над обстановкой сегмента потрудилась основательно, можно сказать, с любовью. Ее «шлюз» оказался довольно уютным.

Маргарет обставила его мягкой мебелью с гнутыми резными ножками, завесила стены старинными гобеленами, устлала пол светящимся паркетом, а вместо маленького зеркала, которое я держал в своем сегменте, у нее стояло огромное трюмо, на котором застыла немыслимая батарея флаконов с духами и баночек с кремами. Остаток свободного места занимали шкатулки с украшениями. Конечно, они были виртуальными, но что могло быть более реальным в этом мире?

Впрочем, все это меня не особенно интересовало. Я поднял голову и посмотрел на потолок. Конечно, не в прямом смысле. Оболочки у меня пока не было, а значит, не было ни головы, ни

тела вообще. Но я мог и видеть, и слышать, и ощущать, словно невидимый дух из древних мифов. Однако никакой мистики в этом не было. Так работала телесистема терминала, напрямую подсоединенная к моему мозгу, и потому я мог видеть на потолке несколько светящихся надписей стандартного меню: ПРОСМОТР, ВЫБОР, ПЕРЕХОД, ЗАМЕНА, ВЫХОД.

Я поднял руку, указывая на слово «ПРОСМОТР». Конечно, на самом деле руки я не поднимал (в связи с ее отсутствием), просто мой мозг дал команду определенному участку тела, в данном случае руке, биосенсоры уловили этот импульс, и здесь, в виртале, я произвел нужное телодвижение…

Надписи на потолке исчезли, и вместо них появилось новое меню, на этот раз состоящее из шести женских и двух мужских имен. Это были компьютерные программы личностей, созданных Маргарет. Я выбрал первое имя в списке и ткнул в него пальцем. Слово «Элизабет» исчезло, и я ощутил слабую дрожь. Так всегда бывает, когда обретаешь виртуальную оболочку, но сейчас меня смущало другое. Никогда раньше я не принимал в виртале женский облик… Нервно покусывая губы, я медленно направился к трюмо.

Отражение в зеркале меня не просто смутило, как я того ожидал, а по-настоящему ошеломило.

Передо мной стояла девушка лет двадцати, прекрасно сложенная, со стройными ногами и высокой грудью. Зеленые, как изумруд, глаза оттенялись длинными черными ресницами, водопад каштановых волос спадал на узкие плечи, скрывая их, но выделяя изящно длинную шею.

Боже мой, глядя на эту красавицу, я вдруг действительно почувствовал себя женщиной! Невероятно, но это было так. Я попытался отогнать наваждение, тряхнув головой. И красавица сделала тоже самое, но с какой грациозностью! Я заорал и отскочил от зеркала.

Виртуальностью я занимаюсь, по меньшей мере, лет десять. На своем терминале создавал различные личности, но всегда одного пола. Я никогда не занимался перевоплощениями, возможными в виртале. А тут…

«Да, мисс Тревор – личность своеобразная, ведь в меню образов я видел два мужских имени, а значит, для Маргарет такие превращения в порядке вещей».

Эта мысль меня немного успокоила и отрезвила. Женская оболочка была только оболочкой – ноль реальности одна лишь видимость. Я унял дрожь, собрался с духом и выбрал второе имя в списке.

Кристина оказалась блондинкой: ослепительной, яркой,

чарующей. Это была фея из сна, увидев которую, не хотелось просыпаться.

Я не мог не преклонить голову перед Маргарет Тревор. Она оказалась высококлассным программистом. Признаться, я вряд ли мог бы создать что-либо подобное.

Выбравшись из оболочки Кристины, я указал на третье имя, затем на четвертое… И опять ослепительные длинноногие красавицы, словно сошедшие с обложек журналов мод. Я вспомнил блеклое серенькое лицо Маргарет, и мне стало ее жаль. В виртуальности мисс Тревор воплощала мечты, которым на самом деле не дано было сбыться. И я не винил ее в этом. Проделать то же самое пытались многие, но достичь такого совершенства удавалось далеко не каждому. Для этого необходимо было огромное желание плюс, конечно, мастерство и терпение. Все это у мисс Тревор, похоже, было. И даже, в избытке.

Я выбрал пятое имя. На этот раз – пышногрудая брюнетка с шаловливыми глазами. Одного взгляда в зеркало мне хватило, чтобы поскорей сбросить эту личину.

Наконец, я добрался до последнего женского имени, указав рукой на надпись «Лора». Два шага к трюмо и долгий взгляд в пустоту. Отражения в зеркале не было. Но программа в полном порядке… Это означало одно: Маргарет все-таки ушла в виртуальные миры. Причем, именно в этом образе. Я присел на диван и задумался.

За несколько часов я проделал огромную работу, но, в сущности, с места почти не сдвинулся. Что мне известно? Мисс Тревор ушла в виртал. Но почему оказался пуст «саркофаг»? Где ее тело? Неужели… Бред! Но какое еще может быть объяснение? Все равно – чушь! Неужели этот загадочный блок способен переносить в виртуальность реальные тела, меняя при этом их облик на оболочку матрицы? Если бы еще утром я услышал подобное, наверняка бы расхохотался… Ладно, допустим хотя бы из интереса. Как поведет себя в виртале порождение реального мира? Сколько оно может там продержаться? Сплошные вопросы. Допустим, допустим… Попробовать найти Маргарет в виртале? А что я знаю точно? Что мисс Тревор теперь не похожа на себя. Однако, не зная, как выглядит Лора, смогу ли я отыскать ее среди тысяч персонажей виртала?

И все же, кое-что у меня было. Судя по пяти матрицам, которые я видел, можно предположить, что Лора также окажется весьма и весьма привлекательной женщиной лет двадцати – двадцати пяти с длинными ногами, пышными, ниспадающими на плечи волосами и высокой грудью. Это уже кое-что. «И самое главное, – вдруг понял я, – Лору удастся легко узнать, она будет

выделяться из общей толпы. Еще как выделяться! Такое удивительное мастерство – большая редкость. Несомненный талант Маргарет-программиста мне на руку. Только бы наши пути пересеклись»…

Однако, в глубине души я знал, что все не так уж и просто. Мастерски сработанные личности пускай и не часто, но встречаются.

Могло статься, что мне предстояло искать пресловутую иголку в не менее пресловутом стоге сена. Но я отогнал эту мысль подальше.

На табло оставалось два мужских имени. Личность Марка мне понравилась больше. Широкоплечий, мускулистый, с красивым открытым лицом и по-детски пухлыми губами – он, казалось, излучал доброту и нежность, одновременно демонстрируя мощь, что гарантировало защиту от злых насмешек.

Я осмотрел себя в зеркале, еще раз отдал должное мастерству Маргарет и, удовлетворенно хмыкнув, направился к выходу из экипировочной комнаты.

Доступ к компьютерным играм (хотя можно ли назвать все это играми?) происходит через специальный текстовой буфер. Вы выходите из своего сегмента и попадаете в огромный зал с множеством дверей, над каждой из которых светится название игры. Впрочем, не обязательно обходить весь зал, на потолке к вашим услугам полное меню развлечений местной сети.

Но я решил не спешить и медленно двинулся вдоль дверей, читая надписи: «Олимпийские игры», «Сафари в Мезозое», «Звездные войны», «Крестовый поход», «Флибустьеры», «Бесконечный вестерн», «Римская империя», «Частный детектив», «Улица вампиров», «Агент 007», «Рокфеллер-центр», «Подводные приключения»… Задумчиво разглядывая последнюю вывеску, я остановился.

Здесь около сотни игр. Чтобы хоть поверхностно осмотреть их, потребуются месяцы реального времени. Ими я не располагал. Нет, так Маргарет не найти. Необходимо каким-то образом сузить круг поиска.

Я сел в одно из кресел, во множестве расставленных по залу для удобства пользователей, и уставился на потолок.

«У каждого есть любимые игры, – размышлял я. – Человек, следуя своим наклонностям, опробовав все, обычно выбирает то, что ему больше всего по душе… Что я знаю о характере Маргарет? Она тихая и спокойная, как сказала миссис Куински. У нее острый ум и еще, похоже, огромная ненависть к красоте. Но

это в реальной жизни. В виртале же она создает прекраснейшие личностные образы, внешне безукоризненные.

Но что у них внутри, я пока не знаю. Впрочем, судя по личности Марка, их внутренний мир не находится в дисгармонии с внешностью. Пожалуй, это может мне помочь. Почти наверняка, из списка можно вычеркнуть боевики, шпионские страсти, „ужастики“ и войны».

Я быстро проглядел список на потолке. Что ж, неплохо. Процентов семьдесят игр отсеивалось. И все равно их оставалось слишком много. Немного подумав, я выбросил и спортивные игры. Как правило, люди к ним быстро остывают. Спортом лучше заниматься в реальности. Там, по крайней мере, действительно можно стать мускулистым и здоровым.

Оставалось девятнадцать игр. Не так уж и много… Ими мне и предстояло теперь заняться.

Конечно, я мог и ошибаться, но в тот миг верил в свои умозаключения.

Выведя на потолок дополнительное окно, я записал туда названия оставшихся игр. Первой в списке значилась «Харчевня королевы Педдок». Насколько я помнил, так назывался один из знаменитых ресторанов Парижа.

– Харчевню, – громко сказал я, услышал мелодичный звонок в глубине зала, поднялся из кресла и направился к распахнувшейся двери.

Меня встречали. Метрдотель профессионально оглядел мою персону с ног до головы, натянул на лицо служебную улыбку и повел меня к свободному столику. По дороге он предложил осмотреть главную достопримечательность ресторана – лестницу, которой пользовался (метрдотель так и выразился) сам король Генрих IV, но я, поблагодарив, отказался. Он пожал плечами и, уже молча, двинулся дальше. Облегченно вздохнув, я мысленно поблагодарил разработчиков воспитанного и нелюбопытного старика. Меня он не интересовал, поскольку весь обслуживающий персонал был встроен в программу. Обычные графические объекты, или графобы, но я привык их называть по-старому – спрайтами, хотя это не совсем одно и то же. В любой программе спрайтами руководит системный оператор, а обращать внимание на компьютерных «зомби» – зря терять время, хотя и они в некоторых случаях могут принести определенную пользу.

Я сел за столик. Метрдотель подал меню, названия блюд в котором мне ничего не говорило. Пришлось отложить массивную папку в сторону.

– Целиком полагаюсь на ваш вкус, – улыбнулся я.

– О, – расцвел метрдотель, – у нас есть прекрасное фирменное блюдо. Секрет его мы сохраняем несколько веков.

– И что же это? – полюбопытствовал я.

– Петушиные гребешки, приготовленные в особом соусе.

Я удивленно вскинул брови, но метрдотель, упреждая очередной вопрос, поспешил заверить:

– Еще ни один наш посетитель не высказывал недовольства, отведав это блюдо.

– Ладно, – сдался я, – несите. И еще хотелось бы попросить сухой «мартини» со льдом и что-нибудь из овощных салатов.

Он кивнул и, отойдя в сторону, дал распоряжение одному из официантов.

«Петушиные гребешки, – подумал я. – А почему бы и нет? Виртуальную пищу отлично ощущаешь на вкус. Жаль только, что, когда возвращаешься в обычную реальность, в желудке все равно пусто».

Официант исчез, метрдотель вернулся на свой пост, а я принялся исподтишка разглядывать ресторан и его посетителей.

Большой зал был убран под старину: тяжелые бархатные занавеси с бахромой, на стенах – средневековые гобелены, по углам – доспехи рыцарей, отполированные до блеска, старинные светильники под потолком. Здесь было уютно, и к тому же немноголюдно. Но, судя по оконной заставке с видом на Эйфелеву башню, сейчас в этой игре был день, а значит, все посетители харчевни являлись людьми, в отличие от встроенных в программу спрайтов. Системный оператор запускает их сюда по вечерам для полноты, так сказать, ощущений.

Я внимательно осмотрел собравшихся в «Харчевне королевы Педдок». Женщин здесь было не так уж и много, и в большинстве своем сработаны они были довольно топорно. Чувствовалось, что их программировали не такие асы, как Маргарет Тревор.

«Конечно же, – подумал я, – сразу надеяться на удачу было бы глупо, однако метрдотеля все же стоит кое о чем расспросить. Но это потом…»

Как ни странно, но петушиные гребешки оказались весьма и весьма приятными на вкус. Я буквально проглотил их, запивая «мартини». Официант, довольно улыбаясь, стоял чуть поодаль, в надежде, что я закажу что-нибудь еще. Но я запросил счет, расплатился с ним виртуальными банкнотами и пошел к выходу, где на своем месте по-прежнему маячил метрдотель.

При виде меня он вновь натянул на лицо улыбку.

– Так скоро?

– Дела, – пояснил я.

Он понимающе кивнул.

– Кстати, я хотел вас кое о чем спросить.

Метрдотель наклонил голову. Само олицетворение почтительности и внимания.

– Я ищу одну девушку. Ее зовут Лора. Стройная, пышноволосая с длинными ногами. Очень красивая личностная программа.

Я знал, если Лора – завсегдатай этого заведения, то ее должны вспомнить. Метрдотель никогда не забывает посетителей, так устроены программы. Но он отрицательно покачал головой.

– Здесь бывает много людей…

Я понимающе похлопал его по плечу и вышел из этой игры.

Нет, проигравшим я себя не чувствовал, но после первого опыта, пробного, так сказать, шара ко мне пришло понимание, что так я ничего не добьюсь. Слишком мало у меня было данных о Маргарет Тревор. По существу, я абсолютно не знал, что она любит, какую пищу предпочитает, какие пьет напитки, какие мужчины ей нравятся и, вообще, что ее интересует в этой жизни? Конечно, ответы на все эти вопросы я вряд ли мог получить. Но хотя бы на какие-то…

Выйдя из «Харчевни» и снова оказавшись в зале выбора, я вывел на потолок основное меню и набрал команду «ВЫХОД». Вновь меня окутала дореальная тьма, но на этот раз я, открыв глаза, тупо уставился в купол «саркофага».

Переход в нормальный мир всегда вводит меня в какой-то странный ступор, и подозреваю, что не только меня. Пусть говорят что угодно, но виртал вызывает в человеческом организме синдром привыкания. Вот только фирмы, выпускающие терминалы, наотрез отрицают это… Что ж, пусть это остается на их совести.

Я открыл купол и выбрался наружу. В апартаментах Маргарет Тревор ничего не изменилось: по-прежнему горел свет, в кухне гудел холодильник, вещи стояли на своих местах. И все же у меня было твердое убеждение, что миссис Куински успела здесь побывать. Я представил, как она склоняется над куполом «саркофага», кровожадно улыбается, обнажив огромные клыки, и передернул плечами, отгоняя видение. Нет, надо побыстрее заканчивать с этим делом.

Я подошел к настольному компьютеру и набрал на клавиатуре номер видеокомпа Хэлтропа. Через мгновение вспыхнул экран дисплея, и на черном фоне возникли белки глаз.

– Нашел? – выдохнул лейтенант.

– Ну, ты требуешь от меня совсем уж чудес. Я ведь не Господь Бог.

– И у нас ничего, – пожаловался Хэлтроп. – Побеседовали по телефону с дядюшкой Маргарет. Он не интересовался ее личной жизнью. К тому же…

– Постой, – перебил я его. – Но хоть что-то он должен о ней знать?

– Что именно тебя интересует?

– Ее интересы, привязанности.

– Полный ноль. Когда-то мисс Тревер увлекалась историей, побеждала на каких-то олимпиадах, но потом ее полностью поглотили виртуальные технологии. Этакая компьютерная леди…

– Историей? – потерянно пробормотал я. – И это все? Не густо…

– Да. Ее дядюшка вообще не хотел говорить со мной о Маргарет.

– Почему? – удивился я.

– Ты думаешь, он мне объяснил? – пожал плечами лейтенант.

– Не нравится мне все это, – вздохнул я. – Кстати, больше подобных случаев не было?

– Тьфу, тьфу, тьфу, – суеверно сплюнул мой шоколадный приятель. – Ну и шуточки у вас, господин специалист! Ладно, до встречи.

Я отключил компьютер, и Хэлтроп исчез, только белки его глаз еще несколько мгновений сверкали на экране монитора.

«Историей? Там есть несколько исторических игр. Шанс совсем небольшой, но и его упускать нельзя».

Я вернулся к «саркофагу», еще раз выставил таймер на часовой режим и забрался внутрь.

«Домой бы, да выспаться хорошенько».

Колпак мягко захлопнулся. Единственное, что меня успокаивало, так это то, что миссис Куински не сможет открыть его при всем желании.

Первой в списке исторических игр была «Римская империя». Я вывел меню атрибутов, выбрал себе короткий меч, небольшое копье и закругленный по краям деревянный щит. Потом надел тогу, напялил на голову тяжелый шлем с гребешком из конского волоса и подошел к зеркалу.

Да, выглядел я, вернее Марк, неплохо. Настоящий тяжеловооруженный пехотинец времен расцвета Римской империи. Я удовлетворенно крякнул и выбрал в меню позицию НАЧАЛО ИГРЫ.

Вышел я на холме. Внизу извивалась пыльная дорога, ведущая к застывшему у горизонта древнему городу. Что это за город, я не знал, но это было не столь уж и важно – все равно

идти больше некуда. Я спустился по пологому склону и утонул по щиколотку в дорожной пыли.

– Да, это не нынешние фривеи, – криво усмехнулся я и только тут увидел человека, сидящего на придорожном камне.

Он был вооружен так же, как и я, но поверх тоги напялил еще и доспехи. Человек помахал мне рукой, и я, не спеша, направился к нему, поднимая за собой клубы пыли, перемешанной с мельчайшим песком.

– Я вижу, вы тоже путешественник, – заговорил незнакомец, – а поначалу принял вас за графоба. Но потом думаю, откуда здесь графобу взяться, они сейчас всем скопом бредут где-то милях в пяти отсюда. Приложите ухо к этому камню, и вы услышите, как дрожит земля.

– Кто бредет? – тупо спросил я, глядя на этого странного человечка с худым и чрезмерно вытянутым лицом.

– Римские войска под предводительством Сципиона.

– Та-а-ак, – медленно протянул я, – и что нам теперь делать?

– Что? – фыркнул мой собеседник. – Сидеть и ждать.

– Да? – я снял с головы шлем и почесал мокрый от пота затылок. – Ждать мне некогда. Пожалуй, я пойду.

– Куда?

– Туда, – я махнул рукой в сторону города.

– И вас там быстренько разрубят на кусочки головорезы Ганнибала. Вы ведь не хотите стереть свою программу? Кстати, как у вас получается создавать подобные личности? – он с одобрением оглядел фигуру Марка. – Вы явно знаете в этом толк.

– Говорите, головорезы, – не слушая его, пробормотал я. – А как мне попасть в Рим?

– В Рим? – расхохотался незнакомец. – До него топать и топать. Мы в северной Африке, дружище, подле города Замы. Вы, похоже, выбрали не тот пункт в подменю.

– Я вообще о нем не знал, – честно признался я.

– Ну, это я уже и сам сообразил. Хотя ничего страшного тут нет. В любой момент вы можете воспользоваться системой экстренного выхода. Однако на вашем месте я бы этого не делал.

– Почему?

– Потому что через час здесь произойдет величайшая битва второй пунической войны. Ганнибал будет наголову разбит, что, в конечном итоге, приведет его к склянке с ядом. Разве вам не хочется стать свидетелем этого сражения или, еще лучше, его участником?

Я пожал плечами.

– А зря. Я вот ни одной битвы не пропускаю. Воевал с галлами и греками, сражался против царя Пирра и Спартака,

громил Карфаген и Сирийское царство, завоевывал Македонию и Египет.

– Но зачем? – поразился я.

– Я – румын! А значит – прямой потомок великого народа, ведь некогда моя родина звалась Дакией, – гордо вскинул голову мой собеседник. – И если когда-то варварские племена готов и вандалов смогли покорить Великий Рим, то во второй раз этого не произойдет.

Я с подозрением посмотрел на него, но незнакомец перехватил мой взгляд и сказал:

– Вы думаете, Ион Цопа-Неберуцэ малость того? Не улыбайтесь. Я понимаю, где нахожусь. Но кто может знать, что более реально – наш мир или виртал?

Откровенно говоря, я частенько думал о том же. И потому промолчал.

– Вижу, вы тоже задумались, – оживился Цопа-Неберуцэ. – Это немудрено. Каждый здравомыслящий человек хоть однажды задавал себе вопрос: что же такое на самом деле виртуальная реальность и чем она отличается от обычной? Ведь здесь каждый человек может жить той жизнью, к которой стремится, влиять на события, и даже изменять окружающий мир по своему желанию. Мы видим, чувствуем, страдаем, и не важно, что здесь мы всего-навсего запрограммированные личности, а наше тело и мозг находятся в другом месте. Мы мыслим адекватно здешней ситуации, для нас реальность – здесь и сейчас, а не там – за пределами пространства «саркофага».

– Но, к сожалению, и в виртале мы ограничены, – вмешался я в его монолог.

– Чем же?

– Рамками игры. Вот вы хотите изменить ход истории, и, допустим, вам это удастся. Римская империя не падет под натиском орд варваров. Но щелкнет таймер, появится надпись «ВЫХОД»… Все этим и закончится. Наша реально существующая цивилизация останется неизменной.

– Вы правы. Однако есть один нюанс, – Цопа-Неберуцэ перешел на шепот. – Компьютерная техника не стоит на месте. Уже существуют модули вариации, способные продлевать любую игру практически до бесконечности.

– Но это, опять же, всего лишь игра.

– Нет. Это будет мир, существующий сам по себе, хотя развитие его окажется по-прежнему в зависимости от нас, – победно скрестив руки на груди, сообщил странный румын.

Я усмехнулся:

– Что-то вроде параллельных миров, которые так любят

описывать в своих творениях писатели-фантасты?

Как и все опытные компьютерщики, я стараюсь избегать разговоров о новом не то «вечном двигателе» не то демиурге. Но зачем же разочаровывать человека? Пусть помечтает…

– А почему бы и нет? – пожал плечами Ион. – Лучшего определения и не найти. Хотя, я думаю… – но он вдруг замолчал и резко поднялся, повернувшись к городу.

Я тоже посмотрел в ту сторону и увидел облако пыли, поднимающееся над холмами.

– Сципион, – глаза Цопы-Неберуцэ загорелись. – Значит, скоро появятся карфагеняне, – он посмотрел на восток. – Пока их не видно. Но основные силы Ганнибала уже переправились из Италии и движутся сюда. Ну так как, вы еще не решились?

– На что?

– Участвовать в сражении.

– Увы, – я развел руками. – К сожалению, времени у меня не так уж и много. Я прибыл сюда с иной целью…

– Да, кстати, я так и не спросил, зачем вам в Рим?

– Я ищу одну женщину.

– Здесь? В виртале? – изумился Ион. – Странный случай. Хотя, понимаю. Вы не знаете, как найти ее в реальном мире?

Я кивнул. Не имело смысла объяснять ему, что произошло на самом деле.

– Титанический труд вы взвалили на свои плечи. Но, – Цопа-Неберуцэ улыбнулся, одновременно подмигнув мне, – любовь преодолевает и не такие препятствия.

Что мне оставалось делать, как не улыбнуться в ответ? Мы пожали друг другу руки, и я собрался уже вызвать меню экстренного выхода, как вдруг из-за соседнего холма показалась дюжина всадников. Увидев нас, они пустили в галоп лошадей, а у меня возникли нехорошие предчувствия. В землю возле нас воткнулась стрела. Это был сигнал, что игра началась. Значит, экстренно выйти из нее прямо сейчас не удастся, и придется сполна получить свою порцию адреналина…

Я вздохнул и с досадой сплюнул на землю. Угораздило же!

– Лучше не двигаться, пока они не подъедут, – сказал румын.

– Это карфагеняне?

– Нет, к счастью, римляне. Видимо, передовой отряд. Но не бойтесь, они нам ничего не сделают, если мы, в свою очередь, не будем дергаться.

Так и случилось. Ничего страшного не произошло, за исключением того, что после коротких переговоров нам приказали садиться на лошадей. Похоже, поиски мисс Тревор откладывались на неопределенный срок.

Я взгромоздился на круп лошади позади одного из легионеров, и мы тронулись навстречу туче пыли, застилающей горизонт.

По крайней мере, это ненадолго, успокаивал я себя. Минут через сорок «саркофаг» отключится. Жаль только, что в виртале это займет гораздо больше времени.

Мы стояли плечом к плечу – сосредоточенные, хмурые, молчаливые. Справа от меня застыл Цопа-Неберуцэ, слева – встроенный в программу римский воин. Но сейчас мы были единым целым, живым смертоносным организмом, имя которому – легион. Вернее, мы были только частью его, второй когортой, которой командовал центурион со звучным именем Гракх. Это был старый вояка, весь иссеченный шрамами, придававшими его лицу свирепое выражение.

Вообще, эту игру создали отличные программисты. Все происходящее казалось настолько реальным, что я, порой, переставал воспринимать этот мир как виртуальный. Цопа-Неберуцэ, похоже, чувствовал то же самое. Сначала румын возбужденно и радостно тараторил без умолку, но потом и ему передалась общая атмосфера, царящая перед сражением. Он стоял молчаливый и задумчивый, лишь изредка позволяя себе бросать отдельные реплики:

– Ганнибал опять построил свои войска полумесяцем. Он думает, римляне забыли битву при Каннах в двухсот шестнадцатом году.

– В каком двухсот шестнадцатом? – спросил я.

– До Рождества Христова, разумеется.

Я замолчал, и он тоже смолк, пока опять не вспомнил что-то, по его мнению, важное.

– Сципион не дурак! Он делает ставку на конницу. Это наш главный козырь.

– А чем окончилась битва в реальности?

– Как, вы ничего не знаете об этом сражении? – удивился румын. – А ведь оно одно из величайших в истории человечества. Мы победили! Ганнибал потерял убитыми одиннадцать слонов и двадцать тысяч воинов, мы же – всего две тысячи человек. И дай Бог, чтобы наши победы всегда были столь же великими!

– Вы боитесь, что сейчас произойдет по-иному? – удивленно спросил я.

– Увы, – вздохнул Цопа-Неберуцэ. – От этого никто не застрахован. У виртуальности свои законы. Поэтому здесь и я, и тысячи таких, как я. Не думайте, что все, кого вы видите, графобы. Нет, мы все живые. Мы несем славу Великому Риму!

«А ведь он маньяк, – подумал я. – Один из тех, кто отключает таймеры и взламывает защитные программы. Но он умный маньяк, потому что не забывает возвращаться обратно».

– Вы даже представить себе не можете, что будет, если в этой битве победит Карфаген, – снова заговорил Цопа-Неберуцэ. – Но мы не допустим этого. Рим будет властвовать над миром вечно!

Он все больше и больше распалялся, видимо поднимая в себе боевой дух. У меня же его не было и в помине. Нет, я не боялся – погибнуть в виртале невозможно. На предстоящую резню мне было плевать. Жаль было личину Марка, которая могла пострадать, но больше всего на свете я хотел вернуться домой и завалиться спать. Увы, сейчас я не был хозяином своего тела ни в прямом, ни в переносном смысле.

Взвыли трубы, загрохотали барабаны, вздрогнули, пришли в движение легионы. Гракх взмахнул своим коротким мечом, и мы тоже двинулись вперед – навстречу победе, которую оценить будет некому. Земля дрожала под нашими ногами, ржали кони, неистово избивавшие ее копытами, и, казалось, земля вот-вот разверзнется, не выдержав этакой тяжести. Но она держала нас, и легионеры шли и шли вперед без мыслей, без чувств, без надежды. Впрочем, за остальных не ручаюсь, хотя мои ощущения были именно такими.

Вот уже легковооруженные воины начали бой, обстреливая противника из луков, засыпая его дротиками и камнями. Послышались первые предсмертные крики, заглушенные гулом единого шага.

Вот уже римлян и карфагенян разделяет узкая полоска земли. Мы швыряем свои копья в плотную стену врагов и обнажаем мечи.

Грохот столкнувшихся тел и щитов, звон металла, стоны, проклятия и ругательства. Война – грязное дело, даже если это всего лишь игра.

– Смелее! – кричит Цопа-Неберуцэ и бросается на первого своего противника.

Дай Бог ему удачи!

Кажется, это была моя последняя осознанная мысль. Потом осталось только мельтешение лиц, блеск металла, грохот и лязг рукопашной схватки.

Цопу-Неберуцэ я потерял из вида. Может, его убили, и теперь ему придется корпеть над новой своей копией, а может, и нет, и он где-то рубится в самой гуще врагов во славу Великого Несуществующего Рима.

У меня же страшно болело плечо, ныла рука, сжимающая меч.

Представляю, каково сейчас приходится биосенсорам «саркофага»!

Я отбиваю очередной удар и еще один, и еще… Я не приучен к такому занятию и чувствую, как слабею с каждой минутой. Боюсь, что с личностью Марка все-таки придется распрощаться, как ее не жаль… Значит, скоро конец, скоро я отправлюсь домой, выпью перед сном горячего чаю и завалюсь в постель. Но еще долго потом у меня будет болеть правая рука…

Кажется, вот оно. Бородатый мускулистый карфагенянин, измазанный кровью с ног до головы, поднимает над моей головой тяжелый боевой топор. У меня уже нет сил остановить его.

Яркая вспышка, потом мрак и выворачивающая внутренности тошнота. Так мы выходим их виртала, потеряв личность. Где-то глубоко в мозгу раздается приятный женский голос: «Рим – Карфаген 13651:845. Благодарим за прекрасную игру». Гремят аплодисменты. Бедный Марк… и да здравствует свобода!

Утром у меня действительно разболелась рука. Я долго лежал под одеялом, стараясь думать о разных приятных пустяках. Не хотелось возвращаться к мисс Тревор даже в мыслях, но я понимал, что никуда мне от этого запутанного расследования не деться.

Надежда отыскать следы Маргарет с помощью ее терминала потерпела полный крах. Впрочем, этого и следовало ожидать. Еще Конфуций говорил, что очень трудно найти черную кошку в темной комнате. Особенно, если ее там нет. А о местонахождении мисс Тревор я не имел ни малейшего понятия. Нет, к этому делу сразу надо было подходить с другой стороны. Вот только с какой?

Уходя с Парадиз-авеню, я захватил дополнительный блок, созданный Маргарет, и собирался на досуге покопаться в нем. Но что-то меня останавливало. Скорее всего – просто боялся. Кто знает, что она там нагородила? Я убеждал себя, что сейчас этот блок вряд ли может принести пользу моему расследованию. Лучше вплотную заняться личностью мисс Тревор.

Я нехотя поднялся с постели и, шлепая босыми ногами по паркетному полу, направился в кабинет, где на письменном столе стоял мой персональный «майкрософтовский» комп.

Первым, что я увидел, войдя в комнату, была наполовину пустая бутылка из-под виски, примостившаяся на мониторе. Судя по всему, мои приятели повеселились вчера на славу, но, к сожалению, мне в этом так и не довелось поучаствовать. Я взял бутылку, сделал внушительный глоток прямо из горлышка и поставил ее на прежнее место. Кажется, теперь я был морально готов поговорить с дядюшкой Маргарет Тревор.

В электронном списке абонентов я без особого труда отыскал номер видеокомпа приемной директора фирмы «Интеллект-сервис». Ответила мне довольно симпатичная секретарша. Она по-деловому выспросила, что нужно моей персоне от ее шефа, и, связавшись с ним по системе внутренней связи, ответила, что меня ждут через час.

Неплохое начало. Я предполагал долгую канитель, а все оказалось гораздо проще.

«Видимо, дядюшка заинтересован в этой встрече, – решил я. – Неужели Хэлтроп рассказал старому хрычу, каким образом исчезла его племянница? Если да, то Арчибальд Тревор наверняка уже понял, какой лакомый кусочек сулит ему то, что сумела проделать Маргарет. Похоже, лейтенант изрядно лопухнулся, а мне предстоит непростой разговор»…

Я связался с Департаментом полиции, но Хэлтропа на месте не оказалось. Сержант Стоуни сообщил, что он уехал на задание. Дел у лейтенанта всегда было невпроворот. Так что исчезновение с Парадиз-авеню он, похоже, полностью спихнул на меня.

Сообщив сержанту, где меня искать в ближайшие два часа, я стал готовиться к визиту в святая святых «Интеллект-сервиса».

Я вывел «крайслер» из гаража, с помощью пульта дистанционного управления закрыл за собой бронированную металлическую дверь и заблокировал ее кодом защиты. Вырулив с подъездной дорожки, мой автомобиль влился в механизированный поток и начал утомительное путешествие по городу.

Предстояло проехать почти весь Манхаттан. Я жил на Медисон-авеню возле Центрального парка, а контора Тревора располагалась на Уолл-стрит – добрых сорок минут езды. Но делать было нечего, необходимо было повидаться с дядюшкой Маргарет, иначе я вообще не имел представления, что делать дальше.

По Медисон-авеню я доехал почти до центрального вокзала, но возле Рокфеллер-центра попал в пробку, где проторчал минут пятнадцать. Выбравшись наконец к вокзалу, я свернул на сорок вторую улицу, проехал Таймс-сквер и вывернул на Бродвей.

Теперь мне больше не надо было петлять. По этой магистрали, пересекавшей наискось весь Манхаттан с юга на север, я мог добраться до самой Уолл-стрит.

Глядя на дорогу, запруженную автомобилями, я не обращал внимания на вакханалию рекламных огней, зазывающих в рестораны и кинотеатры, магазины и увеселительные заведения; меня сейчас волновал другой вопрос: даст ли Арчибальд Тревор

сведения, которые помогут пролить хоть какой-то свет на это дело. Признаться, я не очень был в этом уверен.

Возле Вашингтон-сквер я опять попал в пробку и теперь опаздывал на встречу. Настроение резко ухудшилось, я злился на Хэлтропа за то, что он подсунул мне эту работенку, и клялся, что уйду из полицейских экспертов, так как меня уже тошнит от копания в чужом белье. С такими вот мыслями я и подъехал к Виктори-билдинг, на сорок седьмом этаже которого находился офис «Интеллект-сервиса».

Загнав «крайслер» в подземный гараж, я вызвал лифт и уже через минуту входил в приемную мистера Тревора.

Там был обычный набор: ковер от стены до стены, тяжелые кожаные кресла, никелированные пепельницы на ножках и стол орехового дерева, за которым сидела секретарша. Она смерила меня с ног до головы надменным взглядом, демонстративно посмотрела на свои наручные часики, намекая на то, что я есть порядочная свинья, опоздавшая к ее горячо любимому боссу на целых (подумать только!) четыре минуты. Я криво улыбнулся, но это никак не подействовало на сверкающий айсберг негативных эмоций.

– Мистер Хопкинс? – меня обдало порывом ледяного ветра.

Конечно, это был я. Мою физиономию с перебитым носом и огромными, словно два локатора, ушами забыть невозможно, даже если вы увидели ее впервые час назад и больше не увидите никогда.

Я печально кивнул головой. Само раскаяние и невинность… Но разве можно этим растопить здоровенный айсберг?

– Пройдите, шеф давно вас ждет.

И что вы думаете, я сделал? Прошел. И оказался в огромной комнате с огромными окнами, в которых мерцал Атлантический океан, и Статуя Свободы показывала свою широченную спину. Я отвел от нее взгляд и увидел маленького лысенького человечка, притаившегося за внушительным столом красного дерева.

– Вы опоздали на пять минут, – сказал Арчибальд Тревор, разглядывавший меня.

Я пожал плечами.

– На четыре. Минуту у меня отняла ваша секретарша. А вообще-то, во всем виноваты пробки.

– Ладно, садитесь, – он указал на стул напротив себя. – В вашем распоряжении десять минут. Надеюсь, вы уложитесь.

Его тщедушная фигурка абсолютно не вязалась с властным голосом и манерой держаться. Что значит, иметь много денег!

Я сел, размышляя, с чего бы начать, но он перехватил у меня инициативу.

– Вчера со мной связывался офицер полиции, – сказал Тревор. – Он сообщил, что исчезла Маргарет, но не объяснил, каким образом. Ее похитили?

Я облегченно вздохнул. Значит, он не знает о «саркофаге». Молодец, лейтенант!

– Не думаю. Дело в том…

– Но даже если ее и похитили, – по-моему, он не слушал меня, – я не собираюсь платить никакого выкупа.

Я удивленно уставился на Арчибальда Тревора, но вместо того, чтобы ответить на этот немой вопрос, он принялся развивать свою мысль дальше:

– Я бы даже заплатил кому-нибудь, чтобы ее навсегда убрали из этого города.

«Интересный поворот дела, – подумал я. – И это говорят о тихой, безобидной и спокойной девушке»?

Видимо, я не смог скрыть своих чувств, потому что, глядя на мое лицо, Тревор тихонько хихикнул.

– Вы только не подумайте, что я причастен к исчезновению своей племянницы. Упаси Господь! Просто эта дрянная девчонка вымотала мне все нервы. Представляете, она заявилась сюда из Иллинойса и потребовала, да-да, именно потребовала, чтобы я назначил ее главным программистом в какой-нибудь из моих исследовательских лабораторий. Разумеется, я поставил нахалку на место, объяснив, что только из родственных чувств и не более, дам ей работу. На довольно скромной должности! Она мне устроила концерт, хлопнула дверью и ушла. Но через две недели, когда ее прижало по-настоящему, вновь заявилась. Только из-за того, что она моя племянница, я принял ее в фирму! Сколько раз я потом жалел об этом, но рука никак не поднималась подписать бумагу о ее увольнении… Она то настаивала на повышении жалования, то приставала с каким-то своим якобы гениальным изобретением, то в наглую требовала от меня денег, на какие-то исследования. Естественно, я ей отказывал.

– Но вы хоть поинтересовались, над чем она работала? – осторожно спросил я.

– Да что может изобрести сопливая девчонка? – расхохотался Тревор – Какую-нибудь электронную игрушку? Идиоту понятно, что это был повод выкачать из меня деньги.

«Интересно, как называют людей, уступающих по интеллекту идиотам?» – подумал я, но, понятное дело, не стал говорить об этом вслух. Зато дядюшка Арчибальд затыкаться явно не собирался. Вот только не интересовала меня точка зрения мистера Тревора на оценку его личного вклада в развитие компьютерного бизнеса. Пришлось хозяина кабинета перебить.

– А чем мисс Тревор занималась в свободное время? – этот вопрос необходимо было задать. Ответ на него интересовал меня сейчас больше всего.

– Меня уже спрашивал об этом ваш коллега, – насупился лысый зануда. – Я ему ответил, что понятия не имею. Говорю это и вам.

– Но вы все-таки сказали, что она раньше увлекалась историей, – с надеждой напомнил я.

– Детские мечты… Клеопатра, Жанна дАрк, Мария Медичи. Она хотела стать сильной женщиной и, кажется, в какой-то мере ей это удалось, но вот только в самом отвратительном виде.

– Откуда вы знаете о ее детских увлечениях?

– Иногда получал от брата письма, изредка мы встречались, – недовольно пояснил мистер Тревор.

– Может быть, он рассказывал о Маргарет что-нибудь еще?

– Может быть. Но я, признаться, не помню.

«Итак, – вздохнул я, – в своем расследовании я, похоже, не сдвинулся с мертвой точки. А какие были планы… какие планы. Как у Гитлера».

Сухо поблагодарив мистера Тревора за то, что он уделил мне несколько минут своего драгоценного времени, и, мысленно проклиная старого болвана, я направился к двери. Но тут он меня окликнул.

– Да! Авось, это вам поможет. Маргарет – азартный игрок. Я как-то встретил эту вертихвостку в казино Гранд-отеля и увидел ее глаза. Поверьте, мне стало не по себе. Это были глаза свирепой и алчной хищницы. С тех пор меня не покидает мысль, как от нее избавиться. Если бы Маргарет не была дочерью моего брата…

Мистер Тревор задумчиво уставился в окно и замолчал. Я тихо притворил за собой дверь и вышел.

По уличному видеотелефону я позвонил в полицейское управление. На этот раз на экране возникло лицо Хэлтропа. Пересказав ему разговор с дядюшкой Арчибальдом, я спросил в лоб:

– Послушай, зачем мы ее ищем?

Лейтенант ошеломленно уставился на меня.

– Как, зачем? – придя наконец в себя, спросил он.

– Допустим, я докажу, что мисс Тревор сумела уйти в виртуальность. Ушла, но не вернулась. Даже если она еще жива, то этому миру теперь не принадлежит…

Хэлтроп задумчиво разглядывал мою переносицу. Я же продолжал:

– Что толку, искать Маргарет в виртале? Ее уже не вернешь.

Так зачем…

– Сразу видно, что ты не полицейский, – оторвавшись от своих размышлений, перебил меня лейтенант. – Пока не будет доказано, что она, то есть ее физическое тело, перешло в виртуальную реальность, дело закрыть мы не можем. Кстати, представляешь, какой поднимется шум, если я выскажу подобную… м-м… гипотезу. Тебе удалось выяснить, каким образом ей удалось проделать этакую штуковину?

– Пока нет. Я нашел дополнительный компьютерный блок, но как он действует – не знаю.

– Надеюсь, ты еще не пытался его вскрыть?

– Нет, – я отвел глаза в сторону.

– Молодец. Перешли его мне. А сам занимайся поисками мисс Тревор в виртале. Свою сногсшибательную версию проверяй во внерабочее время.

– Хорошо. У меня к тебе одна просьба, – добавил я.

– Слушаю?

– Постарайся пока не распространяться о том, как исчезла Маргарет. И еще: скажи Стоуни, Бейли и Мастерсу, чтобы они держали язык за зубами.

– Знаю и без тебя, – ответил Хэлтроп. – У меня тоже мозги чуточку варят. Если ты прав, вляпались мы по уши… Представляю, сколько придурков захочет смыться отсюда. Даже с билетом в один конец. Тем более, что путешествие может быть и интересным… Лучше бы ты ошибся…

Мы понимающе переглянулись.

– Вот и отлично, – улыбнулся я. – У тебя есть еще что-нибудь по этому делу?

– Практически, ничего. Мы связались с Иллинойсом и поговорили с родителями Маргарет. Как и предполагали, она там не появлялась.

– Что они еще сказали?

– Да ничего особенного. Что могут сказать о своей единственной дочери родители? – хмыкнул Хэлтроп. – Мать проливала слезы умиления, отец же сказал, что Маргарет умная и честная девушка.

– Понятно, – скис я. – Значит, опять пустышка.

– Выходит так. А ты чем думаешь заняться?

– Есть одна зацепка, но шансов на успех почти никаких.

– Ладно, держи меня в курсе дела, – сказал Хэлтроп и исчез. А я задумчиво отключил видеофон. Кто же говорит правду о Маргарет Тревор – ее дядя или миссис Куински и родители?

Дверь отворила миссис домовладелица. При виде меня ее

лицо недовольно сморщилось, как будто она вдруг испытала острую зубную боль.

– Чего вам еще надо? – зашипела миссис Куински. Могу поклясться, что в этот момент во рту у нее метался длинный, раздвоенный как у змеи на конце, язык.

Хм, что-то мое воображение чересчур разыгралось. Впрочем, домовладелица действительно говорила сквозь зубы, шипя и присвистывая.

– Сколько вы будете сновать туда-сюда? У меня все жильцы разбегутся при виде такого скопища полицейских.

– Ключ, – спокойно сказал я, понимая, что какие-либо объяснения бесполезны.

– Чего? Какой еще ключ?

– Ключ от квартиры мисс Тревор, – еще спокойнее пояснил я.

– Там все опечатали.

– Ничего, мне можно.

Злобно пыхтя, домохозяйка прошла к конторке и через минуту вернулась со связкой ключей.

– Вас провести или сами найдете дорогу? – ехидно спросила она.

– Найду. Какой из ключей?

Она отцепила один от связки и протянула мне.

– Вы очень любезны, мэм, – улыбнулся я и направился к лестнице.

Что пробормотала мне вслед миссис домовладелица, я так и не расслышал.

Наверху я снял печати и ленточку с двери, повернул ключ в замочной скважине и вошел в комнату.

Здесь со вчерашнего вечера почти ничего не изменилось, лишь холодильник отключили от сети во избежание замыканий. Закрыв за собой дверь, я сел в кресло и закурил сигарету, задумчиво разглядывая «саркофаг».

Концы с концами не сходились. Молодая, умная, практичная девушка, имеющая определенные амбиции, стремящаяся разбогатеть, вдруг уходит из этого мира. Уходит безвозвратно, как самый заурядный компьютерный самоубийца. При этом избирает совершенно необычный способ ухода. Что заставило ее поступить так? Отчаяние, безысходность? Или все гораздо проще? Она надеялась вернуться, но что-то не сработало, поэтому терминал и остался включенным…

И самый главный вопрос: зачем ей было создавать агрегат; способный переносить в виртал реальные тела?

Нет, тут что-то не так. Я чувствовал, что разгадка где-то близко. Казалось, я вот-вот ухвачу ее за хвост, но она ускользала,

словно верткая рыбка из рук нерадивого рыбака.

И я сдался. Загасил окурок и подошел к терминалу. По крайней мере, у меня появилась новая ниточка, хочешь не хочешь, ее надо было прорабатывать.

Захлопнулся колпак, я набрал код входа и оказался в буферном сегменте.

После встречи с Арчибальдом Тревором я долго размышлял, стоит ли предпринимать новое путешествие в виртал. Если б мы не были с Хэлтропом друзьями, я, наверное, давно бы послал все к черту. Я – не коп, и заниматься сыском – не мое дело. Но с лейтенантом я был знаком почти пять лет, и сейчас он надеялся на меня, разве мог я его подвести?

Я вывел на потолок меню и сразу набрал команду «ВЫБОР».

Идея воспользоваться женской личностной матрицей возникла у меня после того, как я потерял Марка. Правда, тогда эта мысль промелькнула в сознании и исчезла, я не собирался вновь погружаться в виртуальность.

Но теперь к этому замыслу стоило вернуться. А заключался он в том, что личность Лоры не будет разительно отличаться от других женских матриц, созданных Маргарет. Следовательно, на любую из них кто-нибудь из постоянных клиентов местной сети обязательно обратит внимание и, вполне возможно, хоть один из виртоманов достаточно хорошо знаком с самой Лорой. Мне хотя бы узнать, как она выглядит и когда ее видели последний раз, на большее я и не смел надеяться.

Я выбрал Элизабет с ее прекрасными изумрудными глазами и прелестным водопадом блестящих каштановых волос. Но, поколебавшись несколько минут, подойти к зеркалу не решился. Мне никогда не нравилось испытывать одно и то же потрясение дважды. Да и кто рискнет войти в комнату со змеями, скорпионами и прочей гадостью после того, как чудом удалось проскочить ее целым и невредимым?

Тяжело вздохнув, я танцующей походкой направился в зал выбора игровых программ.

Память меня не подвела. В местной компьютерной сети была лишь одна программа, связанная с азартными играми: «Лас-Вегас». Правда, через интерсеть можно было выйти на серверы сотни подобных игр. Но я не думал, что Маргарет пошла бы на дополнительные расходы ради того, чтобы поиграть в рулетку где-нибудь в «Монте-Карло». Никакой существенной разницы между такими играми нет. Впрочем, я вообще не рассчитывал на успех, но, как говорится, чем черт не шутит…

«Лас-Вегас» ошеломил меня буйством огней и красок, ослепил неоновыми вывесками и всполохами фейерверков, оглушил гулом голосов и грохотом музыки. Реальный город утраченных иллюзий не шел ни в какое сравнение с его компьютерным двойником. Оргия ирреальной жизни, буйство человеческих душ, вакханалия нравов. Это был Новый Вавилон Царства Безумцев.

Растерянный, испуганный, раздавленный, я бродил (или, вернее, бродила) по улицам, не отвечая на шуточки спрайтов, на приглашения юзеров встретиться в реальном мире.

И вдруг чья-то рука легла на мое плечо.

– Элизабет!

Я резко повернулся. Передо мной стоял молодой парень (явно не графоб), широкоплечий, подтянутый, улыбающийся. Его длинные русые волосы были стянуты на затылке цветной резинкой, голубые чистые глаза светились радостью встречи.

– Чего сюда забрела, Лиз? Или тебе уже не нравится в «Фениксе»?

– Нравится, – осторожно ответил я и не узнал своего голоса, так нежно, по-женски бархатисто прозвучал он.

– Так пошли туда, чего здесь бродить?

Парень развернул меня за плечи и легонько шлепнул ладонью ниже пояса… После моего удара он отлетел метра на три и теперь, сидя на асфальте, потирал рукой скулу, удивленно вытаращив на меня глаза.

– Ты чего, Лиз? – невнятно пробормотал он. – С ума сошла? Это же я – Джек Коллинз.

– Прости, – хмыкнул я, раздумывая о том, как нелегко быть женщиной пусть даже в нереальной жизни. Я подошел к Джеку и помог ему встать.

– Ладно, пошли. Я право не хотел…л…ла.

– Ну, ты даешь, старуха, – немного смягчился Коллинз, беря меня под руку. – Знал, что ты бешеная, но не до такой же степени.

Он остановил такси, и через несколько минут мы подкатили к шикарному отелю с гигантскими неоновыми буквами на крыше:

РЕСТОРАН, ОТЕЛЬ, КАЗИНО «ФЕНИКС».

– Куда направим наши стопы? – спросил Коллинз, когда мы выбрались из машины.

– Казино, – не задумываясь, ответил я.

– Узнаю свою Лиззи! – хохотнул Джек. – Тебя, кроме азартных игр ничто не волнует. Но ведь существует еще множество других развлечений.

– Каких? – настороженно спросил я, испугавшись на краткий

миг, что круг моих поисков опять может расшириться.

– Секс, например, – физиономия Коллинза расплылась в отвратной улыбочке.

– В виртуальности? Нет, это не по мне, – пришлось играть свою роль до конца.

– А что? Очень даже ничего… На большее мне рассчитывать не приходится. Ты же не хочешь дать свой настоящий адрес.

– Перебьешься, – ответил я, направляясь к роскошной дубовой двери парадного входа.

– Ну почему? – заныл Коллинз. – Ты же сама говорила, что я тебе нравлюсь. Так скинь же, мой крепкий орешек, с себя скорлупку в реальной жизни…

«Знал бы он, кто сейчас скрывается под этой скорлупкой», – улыбнулся я.

Швейцар открыл перед нами дверь, и мы вошли в богато обставленное фойе со стенами инкрустированными позолотой, мягкой мебелью в стиле Людовика XIV и неприметно спрятавшимися в зарослях буйной зелени меняльными конторками. Мы подошли к одной из них. Там с дежурной улыбкой на устах застыл служащий казино.

– Джек Коллинз, – назвался Джек.

Служащий кивнул и склонился над какими-то бумагами.

– У вас на счету двадцать четыре тысячи. Желаете получить всю сумму?

– Да, – сказал Коллинз и, уже обращаясь ко мне, добавил: – Все равно денежки не настоящие. Проиграл, выиграл – какая разница?

– А вы, мадам? – спросил служащий.

Я оглянулся, но никаких «мадам» сзади не было.

– Элизабет Геликстон, – вмешался Джек. Я же тихо выругался, понимая, что пора бы и привыкнуть к нынешнему своему положению.

– К сожалению, у вас нулевой счет… Хотите получить первичный взнос?

Я кивнул. Служащий, продолжая улыбаться, отсчитал игровых фишек мне на пять тысяч и Джеку на двадцать четыре, и мы, не спеша, направились к залу, откуда доносился непрекращающийся гул голосов.

Казино «Феникс» ничем не отличалось от сотен подобных заведений. Правда, в виртале мне еще ни разу не доводилось оказываться в игорных домах, но здешний ничем не удивил. Те же рулетки, те же столы для покера и «блэк-джека», та же атмосфера азарта и успокаивающая зелень сукна.

Я внимательно осмотрел зал, разглядывая лица собравшихся,

однако это занятие оказалось не таким уж простым. Здесь толпилось столько народа, что, казалось, не то что яблоку – яблоневой косточке некуда упасть.

Мы с Коллинзом с трудом протолкались к одному из столов, за которым шла оживленная игра в покер.

– Почему тут так много народа? – спросил я у Джека, понимая, что отыскать Лору в подобном человеческом муравейнике мне не удастся и за сто лет.

– В «Фениксе» выдают пять тысяч стартового капитала, в остальных казино – одну-две. Вот все и прут сюда. Больше шансов разбогатеть. Да… Смешно и грустно одновременно. Ведь большинство из них почти ничего не имеют в реальной жизни. Я знаю нескольких парней, у которых дома, кроме «саркофага», вообще ничего нет.

«Я тоже знал таких, – подумал я. – Это было последним, за что они еще цеплялись. Но рано или поздно наступал момент, и эти парни, раскурочив таймер, отправлялись в последнее свое путешествие. Не самый отвратительный способ самоубийства, но»…

Сейчас думать об этом не хотелось.

Я поставил тысячу, Джек – пять, и мы оба проиграли. Но потом мне попало шесть карт одной масти, и я сорвал приличный куш. От Джека снова отвернулась удача, вторую ставку он сделал на десять тысяч. В следующий раз он, криво улыбаясь, поставил на кон оставшиеся деньги и… опять проиграл.

– Ничего, – хмыкнул он, – разве это деньги? Так, видимость одна.

Несколько раз подряд мне не везло, но потом пришли три короля, и теперь у меня было фишек на восемнадцать тысяч. Коллинз явно скучал, переминаясь с ноги на ногу и глазея по сторонам. Я тоже подумывал бросить игру и вплотную заняться поисками Лоры, но тут Джек, извинившись, сказал, что на минутку отойдет. Я кивнул, не отрываясь от карт, когда же вновь вспомнил о своем «ухажере» и окинул взглядом зал, сердце мое бешено заколотилось.

Стоя возле рулетки, Коллинз разговаривал с женщиной. Но какая это была женщина! Рыжие волосы огненной лавой обрамляли ее лицо, оттеняя открытые белоснежные плечи. Высокая грудь, наполовину обнаженная, притягивала взгляд, очаровывая, завораживая, одурманивая. Но еще сильнее будоражили воображение ее стройные ноги, выглядывающие из-под короткой юбки. Я был не в силах отвести глаз от собеседницы Джека. Впрочем, трепет, внесенный в душу невиданной красотой, быстро был оттеснен разумом.

Это была Лора, я почти не сомневался. Картины великих мастеров вряд ли можно спутать с подделками, так и здесь: я узнал почерк Маргарет Тревор, ее руку, ее поистине дьявольский талант.

И все же у меня оставались сомнения. Достойные мастера программирования не часто, но встречаются. Поэтому я решил не спешить, а, выжидая, продолжать наблюдение.

Долго ждать не пришлось. Коллинз и его собеседница внезапно прекратили разговор, женщина резко повернула голову в мою сторону, и наши глаза встретились.

«Да, это Лора! – понял я. – Вернее Маргарет Тревор. Значит, она жива и здорова…»

Но внезапное оцепенение, сковавшее мое тело, сыграло со мной злую шутку. Я видел, как женщина вновь повернулась к Джеку, сказала несколько слов, и он, кивнув, направился ко мне. Лора же поспешила к выходу. Мысль о том, что я могу упустить ее, придала мне сил. Я рванулся за ней. Коллинз растерянно посмотрел на меня, потом на Лору и двинулся мне наперерез. Но я его остановил, опрокинув на пол, и наступил каблуком на грудь.

– Имя? – прошипел я. – Как ее зовут?

– Лора, Лора Клейн, – заикаясь, прошептал Джек.

Я бросился к выходу, увидел, как в дверном проеме мелькнуло золотистое платье Лоры….

Но все же я успел. В самый последний момент.

Лора вывела на стену дома меню экстренного выхода, дотронулась до него рукой и исчезла. Не раздумывая, я последовал ее примеру и оказался в зале выбора игровых программ.

Беглянка тоже была здесь. Оглянувшись, она увидела меня и бросилась к ближайшей двери, предупредительно распахнувшейся ей навстречу. Я побежал вслед за ней, автоматически отметив название игры. Но его смысл дошел до меня лишь через несколько секунд, когда я оказался на опушке девственного леса со странным, невиданными мною доселе растениями. Лоры нигде не было видно… Пропищал сигнал начала игры, и только тут память услужливо подсказала:

– Сафари в Мезозое…

– Добро пожаловать на сафари!

Я слышал эти слова, но резко крутанувшись на месте, никого не обнаружил.

– Какой тип оружия хотите выбрать?

– Кто это? – ошеломленно спросил я.

– Ваш гид.

– Но почему я вас не вижу?

– Нет, вы меня неправильно поняли. С вами говорит системный оператор этой программы.

– Сопер? – наконец догадался я.

– Совершенно верно.

Признаться, я действительно был поражен. Системные операторы программ, с которыми мне раньше доводилось иметь дело, занимались реализацией изображений и ощущений, имитировали различные звуки и запахи, но чтобы они разговаривали! С этим я столкнулся впервые.

Компьютерная техника с невероятной быстротой движется вперед, и не всегда поспеваешь за ней, даже будучи, некоторым образом, экспертом.

– На кого вы желаете поохотиться? – вывел меня из задумчивости голос сопера. – В Мезозое богатый животный мир. Понятно, все мечтают подстрелить какого-нибудь хищного динозавра. Риск, цель, азарт – целый каскад незабываемых впечатлений. К тому же, вы можете заранее наметить жертву. Но обычно женщины выбирают менее опасных противников: пситтакозавров, завропельт, лаозавров, игуанодонов, тенонтозавров, стегоцеросов, стиракозавров, палеосцинкусов, протоцератопсов, анкилозавров, траходонов, эдмонтозавров, гипсилофодонов, камптозавров, эуплоцефалов, тасцелозавров, лептоцератопсов, танистофеусов, хасмозавров, зауролоф, парксозавров, струтиамимусов, манчжурозавров, трицератопсов, скалозавров, паразавров, полакантусов, нодозавров…

– Хватит! – заорал я. – У меня голова пошла кругом от этих чертовых завров.

– Хорошо, – согласился сопер, – оставим растительноядных. Ими, и вправду, занимаются только слабаки. Настоящие охотники, как я уже говорил, предпочитают сразиться с хищниками. Вы не желаете сойтись один на один в смертельной схватке с тиранозавром?

– Нет! – дрожа от ярости, прорычал я.

– Тогда, быть может, с тарбозавром или альбертозавром?

– Нет!

– Спинозавр и дасплетозавр вас тоже не устраивают? А меганозавр? – казалось, список этот никогда не закончится.

– Замолчи!

– Ладно. Тогда возьмем уж совсем маленьких двух-трехметровых хищников. Есть орнитомим, стенонихозавр, дромицейомим, цератозавр и дейноних.

Я охрип, и теперь лишь слабое шипение вырывалось из моего

горла. А он продолжал нудить:

– Не хотите охотиться на сухопутных ящеров, могу предложить морских. У нас для этого есть специальные катера, оснащенные гарпунными пушками. Как вы смотрите на то, чтоб подстрелить плезиозавра или мозозавра? Можно, конечно, сразиться с эласмозавром, тринакромерумом, тилозавром, плакодонтом, плиозавром или нотозавром. Но если и это вас не устраивает, у нас есть летающие ящеры – птеранодоны с десятиметровым размахом крыльев, рамфоринхи и птеродактили.

– Нет, нет, нет! – бессильно отказывался я.

– Ну, хорошо, чего вы так волнуетесь? Давайте отправимся в Юрский период, когда на Земле обитали настоящие гиганты типа бронтозавров, диплодоков, брахиозавров и гигантозавров.

– Я не желаю охотиться, – из последних сил прошептал я.

– Вы боитесь? Напрасно. Динозавры не смогут причинить вам вреда. Даже если вы окажетесь в пасти одного из них, в реальности вы испытаете лишь слабый болевой шок, что-то вроде зубной боли или приступа аппендицита. Но ведь это пустяки по сравнению с открывающейся перед вами перспективой поединка с почти настоящим динозавром.

– Да замолчи же ты, наконец! Я здесь не для этого.

– А для чего же? – кажется, гид удивился.

– Я ищу одну женщину. Она только что вошла в эту игру.

– Это противоречит нашим правилам, – резко изменившимся тоном заявил сопер.

– То есть? – опешил я.

– Мы не можем давать вам конфиденциальную информацию.

– Почему?

– Ну, как вам объяснить? Понимаете, очень часто играющие желают справиться с каким-нибудь ящером в одиночку и не хотят, чтобы им мешали. Поэтому были введены определенные ограничения. Желание клиентов для нас закон.

– Но если это жизненно необходимо?

– На этот случай в правилах есть определенный пункт. Если два и более игрока хотят объединиться, они сообщают об этом мне, и я даю координаты их местонахождения. Как зовут человека, которого вы разыскиваете?

– Лора.

– А фамилия?

– Кажется, Клейн.

– Да. Такой клиент у нас есть. Но он, вернее она, не изъявляет аналогичного желания.

– Ты сообщил ей, что я ее разыскиваю? – ужаснулся я.

– Разумеется.

– Разве я об этом просил?

– А разве нет?

– Ну спасибо, удружил. Теперь она где-нибудь спрячется, и я черта с два ее найду. Ладно, отстань и не путайся больше под ногами.

– Дело ваше. Однако вы много потеряете, не поохотившись на древних ящеров.

– Пресмыкающиеся подождут, – криво усмехнулся я. – Только у меня есть еще одна просьба.

– Внимательно слушаю.

– Ты можешь поставить меня в известность, если Лора Клейн выйдет из игры?

– Без проблем. Это не запрещено правилами.

– Только очень прошу, сообщи мне об этом без промедления.

– О'кей, – легко согласился невидимый гид.

Я приложил руку к груди и, отвесив соперу низкий поклон, направился к лесу, однако голос меня остановил:

– Вы что, так и собираетесь бродить здесь без оружия?

Я остановился.

– Это опасно?

– А сами как думаете? – съязвил сопер.

– Ладно, – согласился я, – давай ваш арсенал.

– Выбирайте сами.

– А что у вас есть?

– Да все что пожелаете, кроме танков и атомных ракет, разумеется.

– Тогда мне что-нибудь полегче и помощнее. Автомат какой-нибудь, можно в спарке с гранатометом.

– Советую скорострельный пулемет-автомат ПМ-12, – со знанием дела предложил гид.

– Пойдет, – я равнодушно махнул рукой.

Сзади что-то звякнуло. Я повернулся и увидел лежащую в траве короткоствольную «игрушку» с раструбом гранатомета. Действительно, это была вещь!

– Ну, доморощенные монстры, держитесь! – усмехнулся я.

Уже более часа я бродил по бурелому, потея и проклиная все на свете. Было душно и жарко, как в сауне, под ногами то и дело хлюпало, несколько раз я увязал в болотной жиже, отчего настроения совсем не прибавлялось. Комары и мухи лезли в рот, уши, глаза. Противно жужжали над головой стрекозы и жуки. Отвратительно-гадкий мир! Гадко-отвратительный!

Но если б только это… Попробуйте походить на тонких каблуках-шпильках по пересеченной местности, сплошь

утыканной кустарником и деревьями. В реальном мире и обувь, и изысканное вечернее платье, в которое я был облачен, давно бы развалились, но виртуальная одежда сохраняла первоначальный вид.

Зато теперь, благодаря соперу и нескольким шишкам на лбу, я стал знатоком местной флоры. Я научился отличать огромные папоротники от хвощей, бочкообразные цикадовые от таких же беннеттитовых, но с веерообразными пальмовыми листьями, украшенными великолепными цветами.

Впрочем, попадались и более приятные глазу, к тому же, знакомые мне секвойи, тисы, ели, кипарисы и сосны. Честно говоря, я и не знал, что они существовали еще в мезозое, как и орех, ясень, бук. Однако острые иглы хвойных деревьев тоже доставляли массу проблем. О Лоре ничто не напоминало, шансы найти ее в этом ботаническом безумии стремительно катились к нулю. В общем, как и положено, мое терпение все-таки лопнуло. Грохнув о землю автомат-пулемет, я сел на камень посреди небольшой просеки, невесть кем здесь вырубленной.

– Все. Отсюда меня трактором не сдвинешь, – пыхтя, пробормотал я.

– Вызвать трактор? – съехидничал сопер.

– Угу, – кивнул я, – а еще лучше самолет.

Над головой что-то зашуршало, захлопало, гигантская тень заслонила солнце, и я, улыбнувшись, посмотрел вверх.

В тот же миг улыбка слетела с моего лица. Широко раскинув крылья, на меня пикировал летающий монстр. В одно мгновение я оценил его метровую голову с огромным беззубым клювом и костяным гребнем на макушке и, подхватив автомат, понесся к спасительному лесу.

– Что, не нравится такой самолет? – хихикнул сопер. – Не бойтесь, это птеранодон. Питается рыбой, каракатицами и рачками, вас он не съест. Так… куснет пару раз для острастки и полетит дальше по своим делам.

– Ты еще насмехаешься! – задыхаясь от бега, пробормотал я. – Поговорил бы я с тобой, обладай ты хоть каким-то телом…

Ломая кустарник, я ворвался под кроны деревьев, считая, что теперь нахожусь в полной безопасности, но тут же столкнулся нос к носу с новой пакостью.

Это был некрупный динозаврик с костяным гребнем на спине и небольшим рогом на голове. Он стоял на задних лапах, каждая из которых имела по три пальца с большущими когтями.

– Цератозавр, – пояснил системный оператор. – Хищник.

Но я понял это и без него, потому что мой динозаврик вдруг зашипел, обнажив маленькие, но острые зубы.

Я заорал, словно мне уже откусили голову, и снова бросился к просеке.

– А автомат на что? – печально вздохнул сопер, но я его не слушал.

Выбежав из леса, я облегченно отметил, что птеранодон уже исчез, и, сломя голову, побежал по расчищенной от деревьев полосе. Сзади, шурша пожухлой травой, топал цератозавр. Впрочем, радость предвкушения, пусть даже виртуального, но все-таки обеда была у него скоротечной. Я услышал треск ломаемых кустов и дикий вопль. Ну, как тут было не оглянуться?

Мне стало еще хуже. Перекусив цератозавра пополам, его пожирал другой хищник, да какой! В высоту он был метров пятнадцать, метровые челюсти, вооруженные сотнями острых и больших, как ножи, зубов, работали наподобие гидравлического резака.

– Тиранозавр – это серьезно, – философски изрек сопер.

– Да заткнись ты, – зашипел я, заряжая нижний ствол гранатой.

Полыхнуло, оглушило, откинуло назад ударной волной. Тиранозавру снесло половину головы, и он, будто при замедленной съемке, начал тихонько заваливаться на бок. Открыв рот, я наблюдал, как колосс, сотрясая землю, грохнулся в листву и начал конвульсивно дергать своими огромными лапищами.

– Поздравляю! Сразу пятьсот очков! Но какова имитация? – самодовольно спросил сопер. – Видите, кое-что и я умею.

– Где здесь можно напиться? – вытирая пот со лба, спросил я, не имея ни малейшего желания выслушивать его саморекламу.

– Идите дальше по просеке. Там река, – недовольно проворчал системный оператор и затих.

Я же, закинув автомат за спину, пошел в указанном направлении.

Сопер меня не обманул. Река оказалась поблизости от того места, где я подстрелил гигантского хищника. Но проблема возникла совсем по другому поводу. Вдоль поросшего камышом и осокой берега бродило десятка два динозавров. Некоторые из них ходили на задних лапах, имевших перепонки, и достигали десяти метров в высоту. Их большие головы имели на конце роговые чехлы, вроде черепашьих, и заканчивались весьма своеобразным клювом, которым они обрывали листву и побеги кустарников.

– Это игуанодоны, – пояснил сопер, – а те, что с костяным шпилем на голове – зауролофы. Кстати, они этот шпиль используют как водолазную трубку при погружении под воду. Зауролофы относятся к отряду утконосых ящеров. Они хорошо

плавают, используя свой широкий уплощенный хвост и передние лапы с перепонками. А еще эти динозавры примечательны тем, что имеют больше тысячи зубов, которые растут на протяжении всей их жизни, взамен изнашивающихся…

– Ты что, лекцию собрался читать? – прорычал я. – Лучше подскажи, как мне теперь утолить жажду?

– Пройдите по берегу, может, и найдется пустынное место.

«Жаль, что ты не человек, послать бы тебя куда подальше», – думал я пробираясь вдоль реки и старательно прячась за деревьями.

Я обошел небольшую рощицу древовидных папоротников и вдруг увидел совершенно пустой песчаный пляж. Издав радостный вопль, я побежал к воде, но на половине пути внезапно осознал, что тонкий слой песка скрывает что-то хрупкое и чавкающее при каждом шаге. Я разгреб песок под ногами и увидел ровные ряды яиц.

«Только этого не хватало!» – испуганно подумал я, оглядываясь по сторонам и с ужасом понимая, что попал в западню. Из леса выходило целое стадо динозавров. Наверное, спешили на помощь своим еще не вылупившимся детишкам.

– Ого, сколько мамаш… – прошептал я, отступая к реке под хруст ломающейся скорлупы. – Они хоть не хищные? – это я уже обратился к соперу.

– Нет. Процератопсы питаются растениями.

Это немного успокаивало, хотя и не полностью, ибо ящеры все больше оттесняли меня к реке.

– Что ж, ты хотел воды? – спросил я сам себя. – Ты ее получишь.

Медленно войдя в реку, я поплыл к противоположному скалистому берегу, все время ожидая, что какая-нибудь плавучая тварь ухватит меня за ногу. Но все обошлось. Через несколько минут я выбрался на сушу, даже почувствовав некоторый прилив сил после виртуального омовения.

Одежду решил не сушить, справедливо полагая, что через несколько мгновений солнце сделает это само по себе. Пекло нещадно, и я еще хоть какое-то время – покуда вода не испарится совсем – мог чувствовать себя сносно.

Над головой пролетел птеродактиль, потом еще один. Рядом проползла какая-то тварь с острыми шипами на спине и хвостом-булавой с двумя торчащими вверх роговыми наростами.

– Скалозавр. Не опасен, – сообщил системный оператор. – А вот птеродактили покоя не дадут. Советую поискать какое-нибудь убежище.

«А может, вообще убраться отсюда к чертовой матери, –

подумал я. – Маргарет можно подождать и в зале игровых программ. Там, по крайней мере, будет спокойнее».

Однако я не знал, сколько она пробудет здесь. С ее-то возможностями… А если день-два? Нет, надо было продолжать эти безнадежные поиски, другого выхода я просто не видел.

Но она нашла меня сама. А может, все время шла следом, ожидая подходящего момента? Хотя это было не столь важно. Важно было то, что она шарахнула из какого-то оружия и чуть не испепелила меня вместе с огромным валуном, в тени которого я укрывался. Через секунду я, уже скатившись в какую-то выемку, пытался перевести дух. То, что меня обстреляла именно Маргарет, сомневаться не приходилось – кому еще в этой игре нужна моя скромная персона?

– Что за базуку ты ей дал?

– Бластер, – спокойно ответил сопер.

– Что-о?

– Лучемет, – пояснил он. – Фантастическое оружие, не существующее в реальности.

– Та-а-ак, – протянул я, угрюмо разглядывая свой автоматик-пулеметик. – И что мне теперь делать?

– Не знаю. Такое случилось впервые. Неожиданность. Классифицировать ее можно как Р-17/9. Наверное, лучше всего экстренно выйти из игры.

Предложение было заманчивым. Но я уже был так близок к цели…

– Нет, так не пойдет. Тогда я ее потеряю.

Надо было выкурить Лору-Маргарет из ее убежища, сделать так, чтобы она сама захотела выйти из игры.

Я осторожно выбрался из выемки и залег за камнем. План, конечно, был хорош, вот только я не знал, где прячется Лора, ведь в этих скалах могла укрыться целая дивизия СС «Мертвая голова» вместе с танками и обозом.

Но меня выручили милые «птички». Потеряв из виду мою персону, птеродактили нашли себе новое занятие, кружась над одним и тем же местом, явно чем-то или кем-то заинтересованные.

Туда я и пальнул из гранатомета.

Взорвалось. Полетели каменные брызги, а меня откинуло назад, да так стремительно, что я не успел сообразить, что под моими ногами уже ничего нет.

Я шлепнулся на что-то твердое и бугристое, но, главное, ШЕВЕЛЯЩЕЕСЯ! И это шевелящееся вдруг понеслось во весь опор вниз по склону.

Оправившись от потрясения, я с прискорбием осознал, что

сижу верхом на каком-то чудовище пятиметровой длины, сплошь покрытом костяными щитками и выростами.

– Эуплоцефал, – назидательно сообщил системный оператор. – Пожалуй, последнее, что вы увидите в этой игре.

– Почему же?

– Мисс Лора Клейн только что покинула «Мезозойское сафари».

– Так, – пробормотал я, выводя прямо на спину эуплоцефала меню экстренного выхода.

Но я опоздал. Лоры в зале выбора игр уже не было. Зато я увидел другое, отчего мне стало не по себе.

На потолке медленно затухало основное меню, и в нем не было надписи «ВЫХОД». Это означало лишь одно: Маргарет воспользовалась именно этой командой.

Я сидел в небольшом баре, затемненном громадой Эмпайр-стейт-билдинга, и задумчиво потягивал пиво из запотевшего бокала. Ошеломление открытием, сделанным несколько часов назад, уже прошло, и теперь я мог трезво рассуждать.

Мисс Тревор, уйдя в виртал, не покончила с этим миром, она нашла не только способ вхождения в виртуальную реальность, но и пути выхода из нее. Чего-то подобного я подсознательно ожидал: Маргарет включила свой «саркофаг» почти неделю назад, а максимальный срок пребывания в виртале не превышал пятидесяти часов. После этого врачи бессильно разводили руками. Где находилось ее реальное тело? Это знал только Господь Бог. Ну и сама мисс Тревор, конечно…

Впрочем, не исключено, что Маргарет поместила тело в виде информационного пакета в буферный сегмент своего нового «саркофага». Не нашел же я его в старом. Но не буду гадать. Необходимо отыскать мисс Тревор, а с ней и ответы на все вопросы. Однако поисками пусть занимается полиция во главе с Хэлтропом. Кстати, надо бы ему сообщить обо всем.

Я спросил бармена, где находится телефон и, набрав номер, услышал в трубке хриплый голос:

– Хэлтроп на проводе.

– Это Хопкинс.

– Ты вспомнил о старинных телефонах? – хмыкнул лейтенант. – Мой уже года три стоит без дела.

– Тут нет компьютера, – буркнул я в трубку.

– А почему у тебя такой невеселый голос?

– Чему радоваться? – вяло поинтересовался я.

– Пусто?

– Да нет, наоборот. Я нашел ее.

Представляю, как Хэлтроп подпрыгнул на своем стуле.

– Где?! Где она? – заорал он, оглушая меня своими воплями.

– Не знаю.

– Как, не знаешь? Ты же сказал, что нашел ее.

– Да, – неохотно признался я. – И потерял.

– Черт побери, – выругался Хэлтроп. – Мы здесь с ног сбились, опрашиваем кучу народа, всех, кто мало-мальски знаком с Маргарет Тревор, объявили общий розыск, разослали ее фотографии…

– Ты же знал, где ее надо искать.

– Знал… Но и ты меня пойми. Слишком уж фантастичной выглядит твоя гипотеза.

– Ясно, – вздохнул я. – Однако история оказалась еще более фантастичной, чем мы предполагали.

– Не понял…

После моего рассказа лейтенант долго молчал. Я слушал шуршание и шорох, раздававшиеся в телефонной трубке, и лениво представлял, как мой шоколадный друг озабоченно чешет в затылке. И тут мне в голову пришла мысль, от которой даже в висках защемило. А что если Маргарет с помощью виртуальной реальности изменяет свою внешность и в реале? Гениально до безумия! Ее физическое тело вошло в виртуальность, где было заменено личностной матрицей Лоры, и теперь уже в реальность могла вернуться не уродливая Тревор, а красавица Клейн.

– Алло, – донесся до меня голос Хэлтропа. – И что ты предлагаешь?

– Все очень просто. Можете начинать поиски сначала. В новом направлении.

– Ты что, спятил?

– Нет, – успокоил его я.

– Тогда спокойно объясни, в чем дело? Ни черта не понимаю.

– Вы не того ищите. Маргарет Тревор, скорее всего, больше не существует.

И я рассказал Хэлтропу о невеселых результатах моих размышлений. К моему удивлению, удар лейтенанта не хватил, да и предлагать мне нанести визит к психиатру он не стал.

– Значит, надо искать Лору Клейн, – задумчиво сказал Хэлтроп, выслушав меня.

– Да. Но не забывай, она может скрываться под другим именем или, вообще, иметь другую внешность, если у нее есть запасные личностные матрицы. Хотя это маловероятно, ведь на их создание уходят месяцы. В свой буферный сегмент она попасть не может.

– А если она планировала «исчезновение» достаточно долго и

успела все подготовить?

– Тогда не знаю. Постарайтесь выйти на продавцов компьютерных терминалов. Думаю, это поможет.

– Так и сделаем. Приезжай в полицию, составим компьютерный образ новой личности мисс Тревор.

– Ты прав. Это может пригодиться.

– Вот видишь, и мои мозги на что-то сгодились, – улыбнулся Хэлтроп. – Ладно, жду. Не забудь, кстати, прихватить с собой компьютерный блок, о котором рассказывал. Надеюсь, ты еще не сунул в него нос?

– Нет, – соврал я, радуясь, что лейтенант не видит моего лица.

Естественно, я не выдержал и как следует покопался в изобретении Маргарет. Да что толку? Понял я далеко не все, однако новое знание, как и полагается, породило новые тревоги.

Повесив трубку, я расплатился с барменом и вышел на улицу. Стоял тихий погожий вечер. Служащих бесчисленных контор ожидали звонка, знаменующего конец рабочего дня, а ночные увеселительные заведения еще не думали открываться. Было то прекрасное время затишья, когда на улицах почти нет прохожих, а автомобильные дороги совершенно пусты.

Я сел в свой «крайслер», завел мотор и поехал по Пятой авеню до пересечения ее с 42й улицей. Там я свернул направо и повел машину к штаб-квартире ООН, минуя центральный вокзал и трехсотпятидесятиметровый Крайслер-Билдинг. Но, не доезжая здания Секретариата ООН, рядом с которым размещался Департамент полиции, внезапно остановил машину. Кажется, теперь я знал, как найти Маргарет Тревор…

Ближайший комп я нашел в небольшой нотариальной конторе. Это был старенький «Макинтош», но он меня вполне устраивал. Я сделал запрос в банк данных и, подождав несколько секунд, получил ответ. Это была карта охвата местной компьютерной сети. Сделав распечатку на принтере, я сунул ее в карман и, поблагодарив хозяина конторы, вышел на улицу.

Мой план был до смешного прост. Мисс Тревор продолжала пользоваться прежней сетью. Видимо, ее это вполне устраивало. К тому же, зачем ей нужны лишние затраты на выход в интерсеть, ведь она не рассчитывала, что кто-то сможет ее найти. Представляю, какой шок испытала Маргарет в «Лас-Вегасе», когда увидела одну из своих виртуальных личностей. Тем более, она представления не имела, кто под ней прячется…

Свои расчеты я основывал на том, что, будучи игроком, она вряд ли станет довольствоваться развлечениями, которые может

ей предоставить «саркофаг», ведь в них не было ощущения риска и настоящего азарта. Следовательно, Маргарет (или теперь Лора) наверняка играет и в настоящей жизни.

Оставалось свести концы воедино. Если мисс Тревор продолжала пользоваться прежней компьютерной сетью, значит, она и теперь живет в том же районе Нью-Йорка, причем, довольно небольшом, охватывающем лишь крохотную часть Манхаттана. Отсюда вытекало предположение, что вряд ли она станет ездить на другой конец города, чтобы развлечься в казино. Получив в нотариальной конторе карту охвата локальной сети, я теперь мог определить, в каких игорных домах вероятней всего встретить мисс Тревор. Для этого необходим был лишь видеофонный справочник, который можно было найти в любой переговорной кабинке.

На поиски ушло не больше трех минут. Я быстро пролистал адреса казино и отметил, что в нужном районе их всего три. Наиболее известный располагался в Гранд-отеле…

И я еще раз вспомнил маленького лысенького человечка Арчибальда Тревора и его слова: «Встретил эту вертихвостку в казино Гранд-отеля и увидел ее глаза…»

Теперь я был уверен, что иду по верному следу.

Но в казино я попал лишь через два часа, хотя и понимал, что надо торопиться. Хэлтроп, не дождавшись меня, начнет действовать, я же не мог позволить ему опередить себя. И все же я съездил домой и сделал то, что должен был сделать с самого начала. Я уничтожил блок, созданный Маргарет. Зачем? Слишком много в нашем мире жадных рук. А их обладатели очень редко обдумывают последствия своих поступков…

Теперь я сидел в баре Гранд-отеля и успокаивал нервы солидными дозами виски. Иногда меня подмывало подняться на этаж выше, но каждый раз я сдерживался, понимая, что еще слишком рано.

Но вот шум из игорного зала стал доноситься и сюда. Я встал и, стараясь казаться спокойным, поднялся в казино, где сразу же отыскал место менее освещенное, чем остальной зал. Здесь я и устроил свой наблюдательный пост, заплатив одному из служащих, за то, чтобы меня не тревожили.

Четыре часа я наблюдал за игрой, за радостными, а чаще хмурыми лицами игроков, и с каждой минутой мои надежды все больше таяли. Маргарет так и не появилась. Расчеты оказались ошибочными, хотя я и отвергал эту мысль.

«Просто сегодня не повезло, – успокаивал я себя, – значит, повезет завтра».

Но я знал, что «завтра» не будет. Утром я пойду к Хэлтропу, расскажу ему какую-нибудь небылицу, объясняющую, почему не приехал сегодня и не привез загадочную приставку к саркофагу, а потом составлю компьютерную модель внешности Лоры. Пусть даже ложную. Теперь это не имело значения. Я совершил ошибку раньше, когда рассказал лейтенанту о Лоре Клейн. Если она в реальности не изменила свою фамилию, они отыщут ее в два счета. Я же так и не успею с ней поговорить.

С такими невеселыми мыслями я спустился вниз и через огромный холл направился к выходу.

Не знаю, что это было – провидение Господа или вмешательство дьявола, но какая-то сила развернула меня и направила к стойке, за которой застыл в ожидании клиентов портье.

– Чем могу служить? – спросил он, едва я приблизился к нему.

– Я ищу одну женщину, – сказал я. – Она вполне могла остановиться в вашем отеле…

– Не сомневаюсь. У нас высокоразрядное заведение, одно из лучших в мире. Как, вы говорите, ее имя?

– Лора Клейн, – поколебавшись мгновение, ответил я.

Администратор открыл книгу регистрации, перевернул несколько страниц и радостно возвестил:

– Мисс Клейн! Пятьсот тринадцатый номер. Выйдите из лифта и по коридору направо.

Вот и все. Мышеловка захлопнулась.

Но радости я почему-то не испытывал. Наоборот, чувствовал какое-то опустошение и тревогу…

Я поднялся на пятый этаж и без особых проблем отыскал нужный номер. На мой стук ответил приятный женский голос:

– Кто там?

– Администратор, – соврал я. – Небольшая формальность, мэм.

– Сейчас. Я только оденусь.

Через несколько минут дверной замок щелкнул, и я увидел Лору. Лору Клейн. На ней был полупрозрачный халатик, плотно облегающий стройную фигуру, влажные рыжие волосы были стянуты назад.

– Простите, – удивленно сказала она, рассматривая мое лицо, – но что-то раньше я вас здесь не видела.

– Меня только вчера приняли на работу, – снова солгал я. – Можно пройти?

Лора отошла в сторону, пропуская меня в свои шикарные

апартаменты.

– О какой формальности идет речь?

Я внимательно посмотрел на нее и закрыл за собой дверь.

– Это сущий пустяк, мисс Тревор.

Стоит отдать ей должное. Она даже не побледнела, только глаза ее, сузившись, стали похожи на две прицельные планки.

– Вы, по-моему, ошиблись. Моя фамилия Клейн, – произнося каждое слово отдельно, отчеканила женщина.

Я сел в широкое кресло и закинул ногу на ногу.

– Нет, Маргарет, я не ошибся.

– Что ж, пусть будет по-вашему, – спокойно ответила она и тоже присела на огромную кровать, застланную шелковым покрывалом. – Я знала, что рано или поздно кто-нибудь ко мне придет, точнее, поняла это, когда увидела вас в «Лас-Вегасе». Это ведь вы были в облике Элизабет?

– Да.

– Значит, я тогда не ошиблась… А в первый момент даже растерялась. Очень уж дико увидеть себя со стороны, – она изящно потянулась к трюмо и достала из портсигара тонкую сигарету.

– И потому решили избавиться от меня в «Мезозойском сафари»? – я галантно протянул ей зажигалку.

– Глупости. Вы ведь знаете, что в виртале погибнуть невозможно.

– Но зато можно получить хорошую нервную встряску, – потер я ноющий бок.

– Кстати, вы тоже поступили не лучшим образом. У меня до сих пор болят глаза от вспышки. Чем это вы меня так?

– Не важно.

– Не хотите говорить, не надо, – капризно надула губы Маргарет. – Меня это, признаться, не очень интересует.

– Конечно, – сказал я. – Вас больше волнует вопрос: какова цель моего визита?

– Вы довольно проницательный человек, – усмехнулась мисс Тревор.

– Вас разыскивает полиция.

Реакция была такой, как я и ожидал. Маргарет перестала улыбаться и пристально посмотрела мне в глаза.

– Хорошо. Я вижу, дело зашло слишком далеко. Хватит ломать комедию, – она затушила недокуренную сигарету.

– Давно пора, – согласился я.

– Чего вы хотите?

– Я?

– Да! Да! Вы!

Маргарет начала нервничать, но, наверное, и я вел бы себя так же, окажись на ее месте.

– Мне нужно многое, – медленно, обдумывая каждое слово, начал я, – или, быть может, все, смотря с какой стороны поглядеть. Я хочу предложить вам сделку: вы навсегда исчезаете из города и больше ни разу не попытаетесь воспользоваться своим изобретением, а также никому не расскажите о нем. Взамен я дам вам возможность скрыться, пока сюда не нагрянула полиция.

– Заманчивое предложение, – улыбнулась Маргарет. – Но вы слишком наивны, если думаете, что я оставлю свой биоэнергетический преобразователь в ваших руках.

– Вы говорите о дополнительном блоке к «саркофагу»?

– Да, – янтари глаз в очередной раз сузились.

– Не волнуйтесь, я его уничтожил несколько часов назад.

– Что? – она посмотрела на меня, а потом вдруг громко расхохоталась. – Сумасшедший! Эта штука стоит миллиарды долларов. Да что там миллиарды, она бесценна! Вы даже представить не в состоянии, что может дать преобразователь разумному человеку!

– Кое-что уже представил.

– Не думаю. Хотя какое это имеет значение? Я не принимаю ваше предложение, но хочу поблагодарить за работу, которую вы проделали вместо меня.

– Что вы имеет в виду?

– Я должна была позаботиться о преобразователе на Парадиз-авеню. Но этот чертов грузовик… Короче, я провалялась в больнице несколько дней и дала вам шанс.

– Так вот почему работал «саркофаг»…

– Да. Я собиралась вернуться и уничтожить все следы. К сожалению, не все, что мы хотим, получается.

– Но теперь у вас есть другой терминал и другой преобразователь?

– Конечно, – она издевательски улыбнулась.

– Где он?

– В соседней комнате.

– Я хочу, чтобы вы уничтожили дополнительный блок и все чертежи, которые у вас есть. Не думаю, что все сделанное, вы способны хранить в памяти…

– Вы слишком много на себя берете, – ее голос звучал почти спокойно, женщина сумела взять себя в руки.

– А вы не боитесь полиции?

– Полиции? – Маргарет рассмеялась. – Что она может мне сделать? Я не преступница и не Маргарет Тревор. Я – мисс Лора

Клейн, и пусть кто-то докажет обратное.

Черт возьми, она была права! Я и впрямь ничего не мог сделать, даже если Хэлтроп будет на моей стороне. Стоит просочиться в свет хоть малейшей информации – и этим делом займется ФБР, ЦРУ или кто там еще. А шила в мешке не утаишь. Это будет означать конец всем нам. Реальный мир разлетится на тысячи иллюзорных мирков, ведь большинство людей на этой планете – отчаявшиеся.

И теперь сдали нервы у меня.

– Послушайте, Маргарет. Разве вы не понимаете, что своим изобретением можете навредить человечеству? Так навредить, что оно просто прекратит свое существование.

– Человечество? А мне плевать на него. Оглянитесь вокруг, кого я должна жалеть? Таких, как дядюшка Арчибальд или миссис Куински? – ее передернуло. – А кто жалел Маргарет? Она с детства жила почти на самом дне и, если б не отвратительная внешность, давно оказалась бы на панели. Да, она закончила колледж, но чего ей это стоило!

«Что это она заговорила о себе в третьем лице? – мимоходом подумал я. – Начальная стадия шизофрении?»

Разговор не имел смысла. Я чувствовал это. Молодая, умная девушка оказалась циничной, рассчетливой стервой. Обычная история… И все же я не оставлял попыток достучаться до ее разума.

– Вот видите, вам тоже пришлось туго. Такова жизнь. Но какой бы она ни была, она все же прекрасна. Разве стоит уничтожать ее?

Губы Маргарет искривила презрительная ухмылка.

– Вы читаете мне мораль? Это смешно. Весь мир живет по волчьим законам. Или, быть может, я ошибаюсь?

Я не ответил, да и что я мог ей сказать?

– Ладно. Я устала слушать ваш бред. Убирайтесь отсюда, или я позову служащего отеля.

– Хорошо, – сказал я, не собираясь уходить. – Пусть безумцы исчезнут в виртуальных мирах навсегда. Они сами сделают свой выбор. Но подумайте о нормальных людях, которые не променяют этот мир не за какие блага. Или о преступниках, безнаказанно уходящих от правосудия, изменяя свою внешность.

– Не я придумала виртуальную реальность, – пожала плечами Маргарет.

– Да, не вы. Но самое страшное, что ни вы, ни я и никто на свете не может ее отменить. Ваше же изобретение пока только ваше, потому…

– Довольно! – закричала Маргарет. – Мне надоели цитаты из

дешевых книжонок. Убирайтесь вон!

Я устало потер виски ладонями.

– И не подумаю, даже если сюда сбежится вся служба безопасности отеля.

– Что ж, – мисс Тревор мрачно посмотрела на меня, – вы сами этого добивались…

Она подняла подушку, лежащую в изголовье кровати, и я увидел странный серебристый предмет, очень похожий на короткоствольный автомат, только без курка. Вместо него на рукоятке был установлен целый ряд кнопок.

– Что это? – изумился я.

– Бластер, – криво усмехнувшись, пояснила Маргарет.

– Бред, – неуверенно пробормотал я, – это невозможно…

– Для тебя и таких, как ты, уж наверняка, – презрительно произнесла Маргарет. – А я… Я принадлежу двум мирам сразу и останавливаться не намерена…

И тут я понял, что все, чего я боялся раньше, было сущими пустяками по сравнению с *этим*. Теперь все стало на свои места, а ведь я должен был догадаться раньше!

С помощью своего преобразователя мисс Тревор переводила физические тела из материального мира в виртуальный и обратно. А значит, она вполне могла использовать и другую часть этой программы, перенося предметы, существующие в компьютерной реальности, в наш мир.

Я почувствовал, как внутри у меня все леденеет. Не надо войн, не надо атомных бомб… Вот оно – предвестие Армагеддона!

Потом я увидел дуло бластера, направленное мне в живот. Я резко выпрямился и выбил оружие из хрупкой руки Маргарет. Лучемет, несколько раз кувыркнувшись в воздухе, упал у моих ног. Маргарет громко вскрикнула и, как дикая кошка, прыгнула вперед. Но я опередил ее и подхватил бластер с пола. Тонкий бесшумный луч ярко озарил комнату…

Я повернулся и, подойдя к двери, закрыл ее на ключ. Затем прошел в другую комнату, отсоединил от «саркофага» преобразователь, и сжег его из бластера. Сам лучемет я разнес на мелкие кусочки тяжелой металлической пепельницей и лишь тогда перевел дух.

На душе было муторно и гадко, но я понимал, что иначе поступить не мог. Склонился над Маргарет и перевернул ее на спину. Она не дышала…

В дверь громко постучали.

– Мисс Клейн, к вам полиция, – это был голос администратора.

Я поднялся с колен.

– Она никуда не выходила, – раздался шепот из-за двери. – Может быть, мисс сейчас с тем мужчиной?

Снова раздался стук.

– Откройте! Полиция! – донесся до меня голос Хэлтропа. – Хопкинс, вы там?

Я сидел на кровати и тупо смотрел в пол. Делать ничего не хотелось, странная апатия овладела мной.

Что-что, а выломать дверь полицейские смогут и сами…

Уровень 2
Свободное ограничение

Скрежет тюремной решетки меня раздражал. Возникало ощущение, что этот звук, начисто сдирал кожу, выставляя напоказ обнаженные, звенящие, как высоковольтные провода, нервы.

Вот уже почти восемь месяцев как я терпел это надругательство над своей личностью. Я сыпал проклятия в лицо надзирателям, получая в ответ лишь ехидные улыбочки, я требовал встречи с начальником тюрьмы и грозился написать в Конгресс, я объявлял голодовку…

Иногда меня били, иногда, вообще, не обращали внимания, но чаще всего смеялись: нагло, во весь голос, наслаждаясь своим превосходством, дающим им право на унижение – и физическое и моральное.

Я бы мог смириться даже с унижением, не будь этого противного, леденящего кровь скрежета. Он стал моим проклятием, наказанием за великий грех, совершенный мною. И уже не имело значения, что совершая его, я думал о благе человечества. Я заполучил свою Голгофу – закономерный итог трудов праведных, я нес свой крест и, уже готов был сойти с ума.

И все же сделать это мне не дали. Не знаю, была ли то милость Господа или козни дьявола? Впрочем, какая разница? Главное, сбылось то, на что я, несмотря ни на что, надеялся. А иначе ради чего жить? Ради тюремной похлебки, которую в меня чуть ли не насильно вливали, или же ради никчемной работы, создающей видимость хоть какой-то деятельности? Разумеется, нет.

По-моему, у слова «жизнь» есть всего один синоним – надежда. Мы это не всегда понимаем, но так оно и есть. В надежде на лучшие времена мы вырастаем, стареем и, так и не дождавшись исполнения заветных желаний, покидаем этот бренный мир. Отними у нас надежду, и вся Земля превратится в огромное унылое кладбище для самоубийц.

Довольно банальная мысль для человека отбывающего пожизненное заключение. Но что поделаешь, на этом меня заклинило. В Стрэнке я уже не был человеком, я даже не был заключенным – я стал роботом, имеющим свой порядковый шестизначный номер и узкое пространство-отстойник с подзаряжающим устройством в виде металлической койки.

Поначалу я упорно думал о Маргарет. Нет, не о том, что убил ее, я был абсолютно уверен, что моей рукой водило само

Провидение. Я ломал голову над невероятным изобретением мисс Тревор и не мог понять даже не то, как ей удалось провести свое физическое тело через виртал (на этот счет идеи у меня были!). Нет, мне не давали покоя последние слова Маргарет: «Тебе это, конечно, не удастся. А я принадлежу двум мирам сразу и на этом не остановлюсь…» Но ведь виртал вымышлен, в реальности он не существует, как же ей удалось превратить выдумку – этот чертов бластер – в смертоносное оружие? Как? Этого я понять не мог.

Потом наступил день, когда я понял, что биться над этой проблемой уже не в состоянии – голову словно обкладывал толстый слой ваты, мысли путались, мозг готов был разорваться на части. Кажется, я выл и бился головой об стену – не помню… И я запретил себе вспоминать Маргарет и ее невозможное открытие.

А потом пришло избавление…

Оно явилось в виде тучного коротышки неопределенного возраста, совершенно лысого, неприятно пахнущего потом и еще чем-то неуловимым, но столь же отвратным. Кажется, я тогда подумал, что от него разит смертью.

Коротышка возник возле толстенных железных прутьев моей камеры вместе с надзирателем, которого все в Стрэнке называли Шакалом. И дело здесь было совсем не во внешности (хотя она и соответствовала), а в том, что Шакал любил наносить заключенным неожиданные удары в солнечное сплетение, когда этого не ждешь, а потом, уперев руки в бока, наслаждался видом корчащегося у его ног тела, пытающегося поймать ртом глоток воздуха.

Шакал хмуро глянул сквозь прутья решетки, сунул ключ в замок и… содрал с меня кожу. Когда же скрежет затих, и я пришел в себя, коротышка уже находился в камере, а Шакал куда-то исчез, что было не по правилам содержания преступников, отбывающих пожизненное заключение. Но еще больше меня поразила незапертая дверь – это, вообще, не вписывалось ни в какие рамки. Вот тогда-то я и сообразил, что пришел час моего избавления. Единственное, чего я не знал, какой ценой оно мне достанется. Честно говоря, меня это и не интересовало. Сердце засбоило, а голова закружилась, словно вонючий воздух моей клетки сменили на веселящий газ.

– Эндрю Хопкинс? – полувопросительно, полуутвердительно произнес коротышка.

– Можно просто Энди, – галантно раскланялся я.

Он внимательно посмотрел на мой перебитый нос, будто собираясь его тотчас же выправить, и молча сел на мою же, аккуратно застланную койку. Почему-то мне стало неприятно – это было то немногое, что в теперешней жизни являлось в каком-

то смысле моей собственностью. Но, разумеется, я промолчал.

– Уильям Мактерри, – сухо представился коротышка, не подавая руки.

– Или просто Вилли, – добавил я.

Он опять посмотрел на мою переносицу, но, видимо решив, что никуда она от него не денется, расслабил узел галстука и полез в карман за носовым платком.

– Да, у нас жарко, – сочувственно вздохнул я. – Думаю, подготовка к геенне огненной входит отдельным пунктом в процесс перевоспитания заблудших овец. Как вы считаете?

– Хватит паясничать, – вытирая лоб, ответил Мактерри.

– Упаси боже, разве я могу себе это позволить с государственным чиновником, собирающимся выпустить меня на свободу, – пустил я пробный шар и, кажется, угодил-таки в яблочко.

Поднятая рука коротышки на миг замерла, он опустил платок, наши глаза встретились.

– Я смотрю, вы умный человек, – сказал он. – Это радует.

– Меня тоже, – по инерции ляпнул я и тут же заткнулся.

– А следовательно, мы сможем договориться, – будто не расслышав моей реплики, продолжал Мактерри.

Я окончательно взял себя в руки и… промолчал.

– У меня к вам деловое предложение. Думаю, оно вас заинтересует, – он вытер лысину платком и, с отвращением кинув его под кровать, неизвестно откуда, словно фокусник, достал новый. – Мы можем вытащить вас отсюда, разумеется, при определенных обязательствах с вашей стороны.

– Я согласен.

Мактерри удивленно изогнул бровь.

– Вы не хотите…

– Абсолютно. Пусть даже вы – посланник сатаны. Не думаю, что в преисподней хуже, чем в Стрэнке.

– Легкомысленность – страшнейший из пороков, – назидательно изрек коротышка.

– Ерунда. Все зависит от обстоятельств. Тем более, что я слукавил касательно преисподней. Не верю ни в бога, ни в черта, а люди всегда предсказуемы.

– Вы мне нравитесь, Энди, – впервые улыбнулся Мактерри, обнажив белоснежные и ровные вставные зубы. – Я люблю трезвомыслящих авантюристов. И все же прежде, чем мы заключим наш… э… скажем контракт, я обязан вам объяснить суть происходящего.

– Просто скажите из какой вы конторы, и что мне предстоит делать.

– Хорошо, – усмехнулся Мактерри, – буду предельно лаконичен, раз вам так этого хочется.

– Мне хочется поскорее оказаться за пределами этого крысятника, пока я не проснулся, – честно признался я.

– Что ж, постараюсь не будить вас подольше. ЦРУ-виртал.

– И не надейтесь, что я откажусь.

Белый «лендровер» ворвался в Портервилль со стороны Оливковой авеню, если, конечно, я правильно разобрал надпись на табличке. За окном замелькали одноэтажные домики: ухоженные и утопающие в зелени.

– Куда мы сейчас? – спросил я у Мактерри.

– В Сан-Франциско. Потом самолетом в Вашингтон.

Я кивнул и откинулся на спинку сидения.

Эйфория уже прошла. Вместе с первым глотком свободы я отрезвел, и тогда в моей голове зароились десятки, нет, сотни вопросов. Но лезть с ними к коротышке-освободителю было по меньшей мере глупо. То, что я должен знать, мне сообщат, когда это будет необходимо. Не раньше и не позже. А от минимума, который я уже мог знать час назад, сам же и отказался…

И все же я был неимоверно рад. То же самое, наверное, испытывает висельник с продетой в петлю головой, внезапно услышавший слова о помиловании. Да, я был на свободе! Я упивался ею, пялясь по сторонам и радуясь каждой встречной машине, каждому ребенку, копошащемуся в песочнице. Я читал вывески на магазинах, указатели на домах, рекламу на щитах и проносящихся мимо грузовиках. Я – уже никогда не надеявшийся снова увидеть все это!

Мы свернули на Мэйн-стрит, проскочили отель «Портервилль» и вскоре оказались за городской чертой. Началось царство виноградников и цитрусовых рощ, которыми так славится долина Сан-Хоакин, особенно восточная, более обжитая ее часть.

Я и не заметил, как мы, оставив позади внушительных размеров мотель, выбрались на шестьдесят пятую автостраду. Мотель назывался «Пол Буньян». Кажется, так звали легендарного дровосека, некогда уничтожавшего леса в этих местах, но я могу и ошибаться.

На автостраде Мактерри прибавил скорость и закурил, угостив «ротмансом» и меня.

– Небось курил там всякую дрянь? – спросил он, протягивая мне зажигалку.

– Тухлятину, – согласился я.

– Ну ничего, теперь тебя ждет другая жизнь.

Мы давно и незаметно для себя перешли на «ты». Чем-то

Мактерри все же располагал к себе. Может быть, безобидной своей физиономией, а, может, рассудительностью и хладнокровием.

Я не знал, буду ли потом работать с ним, или же его дело – доставить меня к месту назначения и сдать с рук на руки, так сказать, тепленького и завербованного. Почему-то мне хотелось работать с ним вместе. Впрочем, подозреваю, что я попросту находился во власти обычного человеческого стремления иметь под рукой хоть что-то знакомое.

– Скоро будем во Фриско, – снова заговорил Мактерри. – Но до той поры я все же хочу вкратце объяснить, с чем тебе придется иметь дело. Надеюсь, ты уже немного пришел в себя и готов воспринимать информацию?

Я с благодарностью посмотрел на него, и коротышка, перехватив этот взгляд, улыбнулся.

– Вот и замечательно. Теперь слушай: с сегодняшнего утра ты стал… гм… скажем так, собственностью Центрального разведывательного управления. Уйти от нас по своей воле ты не можешь, иначе тотчас окажешься в Стрэнке или, того хуже, в Сан-Квентине. У нас тебя выжмут, как лимон, зато после этого ты получишь реальную свободу. До тех пор себе больше не принадлежишь. Но думаю, это все же лучше, чем пожизненное заключение, тем более, что ожидает тебя интересная работа по твоему профилю. В придачу к этому обеспечишь себе безбедную старость. И не пугайся, особенно ограничивать твою свободу не будут. Ежегодно, как положено, у тебя будет отпуск, можешь даже завести семью. Требуется только полное сохранение секретности и лояльность по отношению к Президенту и Соединенным Штатам. Это, надеюсь, понятно?

Я кивнул.

– И не волнуйся. Все мы прошли через это, кто добровольно, кто примерно так же как ты. Наша работа ничем не хуже других. Вопросы есть?

У меня их по-прежнему была масса, но я выбрал самый, как мне казалось в тот миг, важный:

– Почему именно я?

Мактерри пожал плечами.

– Этого я не знаю.

В Вашингтонском аэропорту мы пересели в бордовый «понтиак», поджидавший нас на автостоянке с ключами в замке зажигания, и спустя десять минут очутились на автостраде имени Джорджа Вашингтона, проложенной по холмистой местности, поросшей густым лесом.

Я знал, что от столицы до Лэнгли, где располагается штаб-квартира ЦРУ, всего пятнадцать километров и потому не удивился, увидев вскоре дорожный знак:

Центральное разведывательное управление —
следующий поворот с автострады направо

Через несколько минут мы уже были у развилки. Свернув в указанном направлении, «понтиак» выехал на шоссе, огороженное трехметровым забором из колючей проволоки. За ней виднелись охранники, вооруженные автоматами.

«Не променял ли я одну тюрьму на другую?» – мелькнула мрачная мысль.

Будто прочитав ее, Мактерри улыбнулся, а затем ободряюще похлопал меня по плечу.

– Не бойся, жить ты будешь не здесь, а в городке неподалеку.

Как ни странно, но эти слова произвели на меня абсолютно противоположное впечатление. Не слишком ли часто он меня успокаивает? Что это – желание приободрить перед встречей с неведомым или же попытка усыпить бдительность? Впрочем, какой в этом смысл? Я продал свою душу и теперь при всем желании ничего не мог изменить. ЦРУ – не та организация, с которой стоит играть в кошки-мышки.

Наконец, вдалеке показался целый комплекс зданий. Сердце ухнуло куда-то вниз – вот она, святая-святых разведки США, на которую вот уже больше полувека льются потоки грязи, и хвалебных речей.

Был ли я рад работать на эту организацию? Пожалуй, да. Я, как ни крути, патриот своей страны. Меня так воспитали. Укреплюсь ли я в этой вере, или меня ждет разочарование? Сейчас это, наверное, самое важное, ибо от этого зависит, буду ли я здесь пленником или равным среди равных…

За окном промелькнула табличка:

Государственная территория
Вход только официально приглашенным

и сразу же за ней – другая:

Фотографирование и видеосъемка запрещены

Мы подъехали к воротам, и Мактерри заглушил мотор. Двое вооруженных охранников вышли из небольшого одноэтажного здания, больше всего напоминающего бункер времен Второй мировой войны. Один из них застыл у ворот, другой подошел к

машине. Мактерри молча протянул ему удостоверение и еще какую-то бумагу, сложенную вчетверо. Охранник лишь мельком глянул на удостоверение, зато бумагу изучал долго и внимательно. Я исхитрился и увидел верхнюю ее половину. Там, в левом углу, была приклеена моя фотография.

«Что ж, – окончательно осознал я, – они знали, что я соглашусь. Это не сложно. Из двух проблем человек всегда желает столкнуться с меньшей, если, конечно, это меньшее не противоречит его моральным принципам. Хотя порой, многие переступают и через это»…

– Можете следовать, – глухо сказал охранник, возвращая документы, и отошел от машины.

Створки ворот почти бесшумно разошлись в стороны, и Мактерри повел «понтиак» в образовавшийся проем. Сразу за контрольным пунктом дорога свернула налево, и я увидел странное здание с полукруглой крышей, а за ним другое, не столь причудливое, но зато, как дикобраз, ощетинившееся иглами антенн. Мы свернули к автомобильной стоянке и, припарковав машину, выбрались наружу.

– Вот ты и на месте, – улыбнулся Мактерри, – надеюсь, не слишком устал?

– После восьмимесячного пребывания в конюшне я мог бы доскакать сюда из Фриско гораздо быстрее, чем мы это только что с тобой проделали, – буркнул я.

Мактерри громко расхохотался и, вытирая слезы, двинулся к входу в центральное здание. Я последовал за ним, напрочь забыв о своей шутке. Меня начинало лихорадить, потому что я боялся. Боялся, как студент, впервые идущий на лекции, как новичок, прыгающий с парашютом, как… Хотя, перечислять все варианты мне пришлось бы пол жизни.

Пока мы ехали сюда, я наслаждался пьянящим запахом свободы – единственным, который стоит вдыхать полной грудью. Я не задумывался о своей будущей работе, по крайней мере, не до конца осознавал, что ждет меня впереди. Теперь же, страх перед неизведанным навалился липкой и потной тушей, и от ужаса я готов был орать, как маяк в бурную и туманную ночь. И все же, хотя и на негнущихся ногах, я шел вслед за Мактерри.

Мы вошли в парадный ход, и я замер, увидев гигантскую светящуюся надпись:

И познайте истину, и истина сделает вас свободным

Увидев, что я остановился, Мактерри повернулся и кивнул в сторону надписи:

– Цитата из Библии. Насчет этого распорядился Даллес. Старик искренне верил в Бога, что, впрочем, не мешало ему забывать о некоторых его заповедях. Ладно, пошли, тебя уже ждут. Да и мне нужно возвращаться.

То, что он не будет работать со мной, я понял еще на автостраде, ведущей в Сан-Франциско. А потом в магазине, где Вилли покупал мне костюм, он сам признался, что всего лишь вербовщик, и его дело – доставить меня в Лэнгли.

Теперь подходило время расставания. Что ж, я все-таки был благодарен этому человеку. Пусть не он распоряжался моей судьбой, но именно он был тем ангелом-спасителем, который спустился с небес и вытащил меня из клоаки, в которой я оказался.

Пока я размышлял над этим, к нам подошел очередной охранник, внимательно изучил наши документы, отдал Мактерри его удостоверение, а мою бумажку забрал. Затем Уильям и охранник расписались в каком-то журнале, и меня отвели в комнату ожидания.

– Ну, удачи тебе, – протягивая руку, сказал Мактерри. – Жди, за тобой придут…

Он оглянулся и увидел, что охранник уже вышел из комнаты.

– Запомни, – быстро проговорил Уильям, – если станет совсем плохо – звони. Телефон в Лос-Анжелесе 473 – 33—14.

Мы обменялись крепким рукопожатием, и он ушел.

Я остался один в ожидании своей участи.

– Мистер Хопкинс?

Я поднял голову. В дверях стояла миловидная девушка лет двадцати и вопросительно смотрела на меня васильковыми глазами.

Я утвердительно кивнул.

– Следуйте за мной…

Прошло более получаса, прежде чем обо мне, наконец, вспомнили. Впрочем, об этом я не жалел. Впервые со времени освобождения из Стрэнка, у меня была возможность спокойно обдумать свое положение, ибо вопрос: «Почему именно я?» – по-прежнему не давал мне покоя. Конечно же, ответов на него у меня было множество, но я не знал верного.

Им нужен эксперт, разбирающийся в виртуальной реальности? Но таких спецов множество, причем, я, отнюдь, не самый лучший из этой когорты. Или ЦРУ предпочитает использовать людей, которых легко удержать на крючке? Но не связываться же из-за этого с убийцей, коим я, как это не прискорбно, но все же являюсь. Крючок можно найти и менее

острый. А может быть, им просто потребовался достаточно молодой и деятельный индивидуум, не обремененный семейными и иными узами? Впрочем, могло быть и так, что при отборе, вообще, не существовало одного критерия, а какая-то их часть в совокупности дала тот результат, который и привел меня в Лэнгли…

И все-таки что-то меня тревожило, не давало покоя с того самого момента, как подле моей камеры возникла гротескная фигурка Уильяма Мактерри. И только сейчас я понял, что это было. ЦРУ ни при каких обстоятельствах не имело право освобождать меня из тюрьмы. Значит, в той, нормальной и привычной жизни на мне окончательно поставили крест. Эндрю Хопкинса больше не существует, он умер, а вместо него появился совсем другой человек – без прошлого, без документов… По всей видимости, это более всего соответствовало истине.

Моя проводница резко остановилась возле электронного турникета, и я едва не налетел на нее. Из небольшой стеклянной кабинки вышел, наверное, тридцатый охранник, которого мне довелось здесь лицезреть, и что-то вручил моему «гиду». Оказалось, это была пластиковая карточка оранжевого цвета с моей фотографией и пятизначным номером, что свежо напомнило мне Стрэнк.

– Прицепите это к пиджаку, – сказала моя провожатая. – И постарайтесь как можно быстрее выучить личный номер. Это облегчит вам перемещение из блока в блок.

– Постараюсь, насколько позволят мои умственные способности, – улыбнулся я. – А впрочем, это легко. Число дьявола плюс чертова дюжина.

– Вы это о чем? – подозрительно посмотрела на меня милашка-«бортпроводница».

– Личный номер 66613, – отрекомендовался я. – Что вы делаете сегодня вечером?

– Посетитель? – угрюмо спросил охранник.

– Новичок.

– А-а, – протянул охранник, открывая турникет. – Не обломанный, значит, еще…

Я косо зыркнул на него, но промолчал, покуда мы не вошли в длинный коридор.

– Простите, мисс, – сказал я, сотворив на лице ангельскую мину. – Я даже не знаю вашего имени. А ведь я впервые в Лэнгли, здесь так много интересного и совершенно мне незнакомого, что я в полной растерянности. У меня столько вопросов, но, не зная, как к вам обратиться, я не решаюсь их задать.

– Я не уполномочена отвечать на вопросы, – отрезала девушка.

– Спасибо, что не ударили, – усмехнулся я, все же решив не сдаваться. – Неужели и ваше имя засекречено?

– Почему же. Мой личный номер 55955.

– Ага, – обрадовался я, – вот и познакомились. Отныне и навеки я буду называть вас «пятерочкой».

Она фыркнула и, даже не взглянув на меня, добавила:

– Через десять минут мы расстанемся и вряд ли когда-нибудь увидимся снова.

– О боже, – театрально прижав руку к груди, застонал я. – Вы разбили мне сердце.

– Лучше постарайтесь не разбить себе голову.

Она резко повернула в боковой коридор, менее освещенный, чем предыдущий, и мне действительно пришлось быть более внимательным. Однако через несколько мгновений я убедился, что пол здесь столь же гладок, а потолки также недосягаемы, и опасаться за свой лоб не имело никакого смысла. Но продолжать бесцельный треп почему-то уже не хотелось. Я нашел более достойное занятие и принялся пялиться по сторонам.

Оказалось, что этот коридор освещен не хуже прежнего, просто стены здесь были выкрашены в фиолетовый цвет. Оттого и возникало ощущение полумрака. Еще я заметил, что на нас все время нацелены телекамеры, закрепленные под потолком на специальных кронштейнах. Впрочем, едва ли все это предназначалось моей персоне – чем-чем, а манией величия я не страдаю. Просто по всему зданию, скорее всего, велось общее наблюдение, а так как мы с «пятерочкой» были единственными в этом коридоре, то следили камеры именно за нами, а не за пустым пространством.

Кроме того, я сделал еще одно интересное открытие. Сколько дверей не попадалось на моем пути, я так и не увидел ни одной, на которой была бы прикреплена хоть какая-то табличка, как это заведено в других правительственных учреждениях.

«Пора привыкать, – подумал я. – Работа в разведывательном управлении требует секретности. Теперь каждый день кто-то будет рыться в твоем грязном белье, просвечивать внутренности и промывать мозги. Ты будешь обязан научиться не болтать языком почем зря, даже если в тебя вколют сыворотку правды, ты должен будешь беспрекословно подчиняться, выполняя чьи-то приказы, при этом даже мысли не допуская о каком-то своем, личном мнении. Тебе предстоит заново научиться жить, видя в каждом заговорившем с тобою на улице или в баре потенциального врага. Тебе предстоит…»

Хотя, по правде говоря, ни хрена я не знал, что мне предстоит. В дешевых книжонках, из которых я мог сложить свое представление о ЦРУ, львиная доля написанного была беззастенчивой брехней, остальное – чистым вымыслом. Те же сведения, которые я мог почерпнуть из прессы, касались лишь скандалов и громких разоблачений…

«Пятерочка» замедлила шаг и остановилась у одной из дверей, ничем не отличавшихся от других. Как она только разобралась, что нам нужна именно эта дверь?

Я встал за спиной девушки, наблюдая, как она вставляет пластиковую карточку электронного допуска в щель идентификатора. Щелкнул замок. Мой «поводырь» толкнула дверь и, не глядя на меня, тихо произнесла:

– Вам сюда.

– Только после вас, – галантно раскланялся я.

– Вам сюда, – повторила она, никак не отреагировав на мои кривляния.

Я вздохнул и переступил порог. Сразу же дверь бесшумно захлопнулась за моей спиной.

Я оказался в просторном кабинете, меблированном в сугубо канцелярском стиле: сейф в углу, несколько стульев, стол, компьютер со всей периферией. Только людей здесь не было.

Я на всякий случай заглянул под стол. Там тоже никого не оказалось. Я пожал плечами и только теперь заметил две двери справа и слева от окна. Одна из них отворилась. Несколько секунд я по-прежнему оставался в комнате один, затаив дыхание и ожидая явления нового персонажа трагедии, коя называлась «моя жизнь». И дождался!

В кабинет ввалился грузный джентльмен с мексиканскими усами и не менее мексиканским орлиным носом. В остальном же его физиономия могла послужить эталоном чистокровного янки, такой холеной и самодовольной она была. Я уже собрался сообщить пришельцу об этом, но он перебил меня радостным возгласом:

– Ага! Вы уже здесь!

– Собственно, а где мне еще быть? – спросил я.

Но он продолжал, не слушая меня:

– Личный номер – шестьдесят шесть шестьсот тринадцать?

– А вот и не угадали, – ответствовал я.

– Позвольте, – он подошел ко мне вплотную и, уставившись на пластиковую карточку, печально спросил: – А это что? Я же вижу, что у вас написано…

– Все правильно, – согласился я, не дав ему закончить

фразу, – но здесь написано, что мой личный номер – шестьсот шестьдесят шесть плюс тринадцать, а не так, как вы изволили его прочесть.

– Какая разница?! – взревел янки с носом отъявленного мексиканца.

– Ну, вот, – обиделся я. – А где поэзия мистики, где зловещая окраска моего вновь приобретенного имени? Я имею на это право, черт возьми, раз вы мне его подсунули!

Янки изучающе посмотрел на меня, почти так же, как этим утром оценивал в камере мой нос Мактерри. Впрочем, я уже сильно сомневался, что это была настоящая фамилия моего вербовщика. Судя по тому, как они любили здесь секретничать, так оно и было на самом деле.

– Еще один шутник попался, – хмыкнул янки. – Зря вы это, шестьсот шестьдесят шесть, тринадцать, ох, зря.

– Вы так думаете, тридцать пять тысяч сорок восьмой? – усмехнулся я. – Разве в вашей конторе юмор запрещен?

– Гм, все зависит от обстоятельств, мой друг, и только от них, – он поскрипел стулом, усаживаясь, положил узловатые руки на крышку стола. – И вот еще что… В пределах этой комнаты вы можете называть меня… ну… скажем, Джеком. Так проще, чем каждый раз обращаться друг к другу по номерам.

– Замечательно, – сказал я. – А меня зовите милашкой Сью. По рукам?

И с этими словами я плюхнулся на один из стульев, чем вызвал явное неудовольствие «мексиканца» Джека, отразившееся на его лице. Впрочем, мне на это было глубоко наплевать. Я уже подготовил в голове достойные слова, чтобы ответить колкостью на его предстоящее замечание, но Джек промолчал. Мало того, он даже перестал расстреливать меня взглядом, а, включив компьютер, негромко, но внятно произнес:

– Файл – «Эндрю Хопкинс», раздел – «Новые поступления», код – шестьдесят шесть, шестьсот тринадцать.

Он зыркнул на меня из-за монитора, но я лишь улыбнулся ему уголками губ.

Едва слышно зашелестел винчестер, считывая информацию, и, пока на дисплей выводилась вся моя подноготная, я окончательно осознал себя товаром, который купили современные рабовладельцы.

Да, Мактерри объяснял мне все это, но готов ли я на самом деле отдать себя во власть чужой воле, ведь даже в тюрьме, пусть в самой малой мере, но я все же принадлежал сам себе? Теперь же я был обязан выполнять только приказы свыше, здесь любой самовольный поступок будет расцениваться, как неподчинение, и

строго наказываться, пожалуй даже вплоть до водворения обратно в Стрэнк. А туда мне, ох, как не хотелось!

Честно говоря, я ненавижу военную службу. Мой сосед в Нью-Йорке был капитаном ВВС, служил, кажется, в вертолетном полку. Он редко бывал дома, а когда появлялся – всегда отключал телефон. Помню, когда мы еще гонялись за мисс Маргарет Тревор, я услышал, как его пятилетний сын спросил, зачем он это делает? Сосед улыбнулся, усадил пацана на колено и сказал:

– Запомни, сынок, страшнее всего в этой жизни три вещи: обман, предательство и приказ.

Видимо, плохо запомнив первые два слова, мальчишка спросил, что такое «приказ». Отец громко расхохотался, а потом, вмиг став серьезным, ответил:

– Приказ – это когда ты не хочешь что-нибудь делать, а тебя принуждают к этому.

– Почему?

– Потому что ты не имеешь права не подчиниться, иначе тебя сурово накажут.

– Но зачем тебе подчиняться? Ты ведь взрослый.

– Я дал клятву, сынок, и на службе не принадлежу себе.

– И я, когда вырасту, тоже должен буду делать то, что мне скажут другие?

– Надеюсь, что нет. Я не хочу, чтобы ты стал военным…

Почему-то этот разговор, невольным свидетелем которого я стал, врезался мне в память. И вот теперь… Теперь я был уверен в одном: что бы не ждало меня впереди, я не должен поступаться своими принципами. Я освободился из одной клетки, очутившись в другой, пусть более просторной и светлой, но почему я не могу попытаться вырваться и из этой?..

– О чем это вы задумались, Хопкинс?

Я покосился на Джека, успевшего нацепить на переносицу тяжеловесные очки с толстыми линзами, и пожал плечами:

– Да так, ничего. Не каждый день на твоей трассе попадается столько крутых поворотов.

– А-а… Ну-ну, – хмыкнул Джек, вновь обращая свой взор к монитору. – Что ж, у вас не такое обширное досье, чтобы потратить на него кучу времени. Посему, перейдем к формальностям.

Он извлек из ящика стола лист бумаги и положил его передо мной. Это был стандартный бланк, в котором уведомлялось, что отныне такой-то (вместо фамилии значилось пустое место) принят на государственную службу в Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов Америки в качестве штатного агента со всеми вытекающими отсюда

последствиями. Признаться, последствия мне эти не понравились, но я благоразумно промолчал, внимательно дочитав бумагу до конца.

– Все понятно? – спросил Джек.

Я кивнул.

– Тогда распишитесь внизу и поставьте дату.

Он сунул мне под нос ручку, и я вывел на бумаге свою незамысловатую закорючку.

– Теперь подойдите сюда.

Я покорно встал и, обойдя стол, приблизился к Джеку почти вплотную. Его мясистый загривок так и призывал вцепиться в него зубами, но я вынужден был отказать себе в этом удовольствии. Пришлось ограничиться тем, что я просто заглянул Джеку через плечо и увидел, как он каллиграфическим почерком вносит в бланк мое имя.

«Канцелярская крыса, – подумал я. – Крыса и есть. Интересно, кто он таков? Начальник отдела по работе с кадрами? Хотя, какой там к черту начальник. Рядовой инспекторишко – не больше».

Джек тем временем кончил выводить буковки и, с удовлетворением оценив результат своей работы, крякнул от удовольствия. А может, у него просто в горле запершило, кто знает?

– Так. А теперь давайте сюда свои ладони, – сказал он, глядя на меня поверх очков.

Я повиновался, приложив ладони к электронному дактилосканеру. Через секунду мои отпечатки появились на экране дисплея. Вновь зашуршало считывающее устройство, а потом приятный женский голос произнес:

– Идентифицирован.

«Да, хороший здесь комп, – отметил я. – Восьмой „пентиум“, а, может, и повыше. И блок звукового диалога есть. Вещь не такая уж и распространенная, хотя и не столь редкая. Что ж, компьютерная техника развивается стремительно и, похоже, пределов этому развитию не существует. Взять, хотя бы, тот же виртал…»

Память щелчком выкинула из своих глубин образ Маргарет Тревор, и я поспешил отогнать от себя ненужные мысли.

Джек тем временем производил сканирование подписанного мною документа. Теперь он осядет в электронном архиве ЦРУ, и мне не изъять его оттуда при всем желании.

Что ж, доктор Фауст, ты продал свою душу за услады земные… Так возрадуйся!

Кажется, последнюю мысль я пробормотал вслух. Джек, косо глянув на меня, отключил сканер и сухо сказал, поднимаясь из-за

стола:

– Вы знали, на что шли. Теперь возврата нет, и потому вам следует уяснить для себя одну вещь: вы не должны совершать необдуманных поступков, – помолчал и добавил: – Это в ваших же интересах.

А между строк я прочитал: «За тобой, парень, постоянно будут приглядывать, и не дай Бог, ты попытаешься взбрыкнуть».

– Я не пугаю, – продолжал Джек, – и даже не предупреждаю. Просто советую.

– Спасибо, – я шаркнул ножкой. – Премного благодарен, так сказать, за отеческую заботу.

– Ну-ну, – растянул рот в улыбке янки-мексиканец, – сейчас вам будет не до шуток.

Он подошел к той же двери, из которой появился сам двадцать минут назад, и, распахнув ее настежь, бросил:

– Теперь он ваш. Можете приниматься за дело.

– Даже так? – вздохнул я.

– И только так.

«Ну и ладно, – смирился я, – хорошая разминка еще никому не повредила. Тем более, что Стрэнк научил меня работать не только головой, но и кулаками».

Но я ошибся. В комнате, в которую я попал через несколько секунд, явно не собирались проверять прочность моих костей. Тем более, что молодая худосочная девчушка, облаченная в белоснежный халат, и убеленный сединами старик, хотя и выглядевший довольно бодро, при всем желании не смогли бы научить меня хорошим манерам при помощи манер нехороших. Да и, собственно, отчего я решил, что мне собираются вправлять мозги зуботычинами?..

Меня усадили в мягкое, удобное кресло, нацепили на голову какой-то шутовской колпак с множеством разноцветных проводов, а затем девчушка принялась лепить на мое бренное тело кучу всяческой дребедени, из которой, благодаря моей скромной эрудиции, я узнал лишь пневмограф, фиксирующий частоту дыхания; тонометр, измеряющий кровяное давление и потограф, определяющий степень потливости пальцев и ладоней. Кроме того, мою грудь опоясали какими-то трубками и, в довершение, прилепили где только можно добрую дюжину датчиков. Все это было подключено к компьютеру, при помощи которого собирались заглянуть в мою душу, ибо я, наконец, осознал, что передо мной находится полиграф или, как его принято называть в широких кругах, «детектор лжи».

И тогда я занервничал. Не знаю почему, но я занервничал.

Мне нечего было скрывать, я и так был весь, как на ладони – рядовой эксперт-убийца без психических отклонений, но, в общем-то, по большому счету, чудак, возомнивший, что в его силах спасти мир…

– Меня готовят для запуска в космос? – неуклюже сострил я, стараясь отвлечься от предстоящей процедуры.

– Здесь вопросы задаю я, – сотворил постную мину на лице старик.

– За сегодняшний день не многовато ли этих самых вопросов? – все же поинтересовался я.

Но мне не ответили. Старик отвернулся к окну и закурил, «белоснежка» же проверяла крепление датчиков. Потом она отошла к компьютеру, что, видимо, послужило сигналом для старика. Он вновь повернулся ко мне и сказал:

– На все вопросы вы будете отвечать однозначно: «да» или «нет». Уяснили?

– Разумеется, – усердно закивал я.

– Тогда начнем. Ваше имя?

– Да.

– Что, да?

– Тоже нет.

– Не морочьте мне голову.

– Но вы же сами сказали…

– Заткнитесь, – прошипел старичок.

Я заткнулся. И молчал. Долго молчал. А старик все брызгал слюною, все пытался мне что-то доказать, до хрипоты… до появления Джека.

– Что тут происходит? – спросил тот с порога.

«Белоснежка» кивнула в мою сторону:

– Псих какой-то.

– И вовсе не псих, – возмутился я. – Мне было приказано заткнуться, и я заткнулся.

– Так, – тяжело вздохнул Джек. – Паясничаете? Ну-ну. Кажется, без моего присутствия здесь не обойтись, иначе этого шута не угомонить.

– Ваше имя? – снова спросил старик.

Ну как я мог такое пропустить?!

– Да.

– Ну вот опять! – всплеснул руками старик. – Я не могу работать в такой обстановке.

– В чем дело! – взревел Джек.

– Нет, ну что вы от меня хотите? – развел я руками. – Он меня спрашивает, мое ли это имя? Я и отвечаю.

– Не прикидывайтесь дурачком, – испепеляя меня взглядом,

процедил сквозь зубы инспектор отдела кадров.

– Эндрю, – выпалил я.

– Полное имя! – закричал старик.

– Но вы же сами прекрасно его знаете?

– Имя?!

– Эндрю Гордон Хопкинс.

– Это ваше настоящее имя?

– А как вы думаете?

– Я же вам сказал: «да» или «нет»!

– Или.

– Что это значит, Хопкинс? – прорычал Джек.

– Но он ведь сам сказал, что надо отвечать «да», «нет», «или».

– Причем здесь «или»? – застонал старик. – Вы хотите свести меня с ума?

– А разве вы еще не того?..

– Все! – выдохнул старик. – Я отказываюсь проводить тестирование.

– Успокойтесь, Мэтью, – сказал Джек, буравя меня глазами. – У этого парня гарвардский диплом. Он просто пудрит нам мозги. Я сейчас вызову охранников, пусть они с ним побеседуют без применения интеллекта.

«Гарвардский диплом? – удивился я. – Когда это я успел его получить? Что-то не припомню. Однако, похоже, настало время становиться паинькой».

– Все понял, – быстро сказал я. – Меня всегда убеждали убедительные доводы. Продолжайте ваше тестирование, я буду слушаться.

– Вы родились в тысяча девятьсот восьмидесятом году в Нью-Йорке?

– Да.

– Вы гражданин Соединенных Штатов?

– Да.

– Вы когда-либо отбывали срок в тюрьме?

– А откуда, по вашему мнению, меня привезли?

– Опять! – взвыл старик. – Отвечайте однозначно.

– Да.

– Вы курите?

– Изредка. Ой-ой, простите. Да.

– Вы владеете какими-либо иностранными языками?

– Да.

– Вы член коммунистической партии?

«Ну и дурак,» – подумал я, но вслух сказал:

– Нет.

– Вам нравятся красивые женщины?

– Да.
– А некрасивые?
– Нет.
– Вы специалист по виртуальным системам?
– Да.
– Вы сотрудничали с полицией?
– Да.
– Вы предпочитаете американскую одежду?
– Да.
– Вы агент иностранной разведслужбы?
– Нет.
– Вы убивали людей?
– Да, – слегка замявшись, все же ответил я.
– Вы закончили Гарвард?
– Не помню.
– Что это значит?
– Я и впрямь не помню. Но раз Джек говорит, значит, кончил.
– Хорошо. Вы любите заниматься спортом?
– Да.
– Вы член организации левого толка?
– Нет.
– Вы женаты?
– Нет.
– У вас есть дети?
– Нет.
– Если среди ваших знакомых мусульманские экстремисты?
– Нет.
– Вы когда-нибудь выезжали за пределы страны?
– Нет.
– Вы когда либо контактировали с представителями зарубежных разведслужб?
– Нет.

И так далее, и тому подобное. Они меня пытали не менее сорока минут. К концу опроса я уже готов был убить и Мактерри, и Джека, и старика с его «белоснежкой». Но тут мне задали последний вопрос: «Говорили вы неправду в ходе обследования, отвечая на какой-то из заданных вопросов»? Я облегченно ответил: «Нет», – и старикашка, обращаясь к своей ассистентке, радостно сказал:

– Все, Лиз. Можешь снимать с него требуху.

Затем он поднялся со своего стула и подошел к компьютеру, где долго пялился на монитор, потом, наконец, приглашающе кивнул Джеку, и они вышли в соседнюю комнату. Я же, блаженно вытянувшись в кресле, отдался во власть цепких «белоснежкиных»

рук.

Кажется, первое серьезное испытание я прошел. Впрочем, прошел ли?

– Поздравляю, – сказал Джек, – вы успешно одолели тестирование. Теперь вас ждут в блоке В-12. Прощайте, и дай Бог, наши пути больше не пересекутся.

– Спасибо за доброе слово, – ответил я, но он не стал меня слушать, а выпроводил в коридор.

– Вот ваш пропуск.

Джек протянул мне пластиковую карточку опять же оранжевого цвета и почти идентичную той, что висела у меня на груди. Затем, похлопав меня по плечу, шустро захлопнул дверь.

«Сердечный джентльмен, – подумал я, – приветливый».

– Следуйте за мной.

Я вздрогнул и оглянулся. Ба! Знакомые все лица!

– «Пятерочка», вы ли это?

Признаться, я был рад вновь встретить хоть одно знакомое лицо. В этом осином гнезде, полном хитрющих и кровожадных шпионов, чувствуешь себя не самым лучшим образом. Уж поверьте мне на слово, обманывать не стану.

Однако моя «путеводная звезда» по-прежнему была холодна. Не удосужив меня взглядом, она двинулась по коридору, и мне не оставалось ничего другого, как плестись за нею следом да разглядывать стройные ножки, почти до коленок прикрытые форменной юбкой.

Так мы дошли до конца фиолетового коридора, и там у нас снова проверили пропуска. Затем были голубой, красный и оранжевый сектора. Если следовать логике, то мы были у цели. Оранжевый пропуск, оранжевый коридор… И жизнь у меня теперь будет оранжевой, как гнилой апельсин…

Логика меня не подвела. Мы вскоре остановились возле одной из дверей, и через мгновение я оказался в очередном кабинете, но зато каком! Дорогие ковры, изящная, но современная мебель, мягкие диваны, телевизор и даже бар с множеством разнокалиберных бутылок.

«Вот чего мне сейчас не хватает,» – с тоской подумал я.

И будто глас Господний донесся с небес:

– Хотите что-нибудь выпить?

Я проглотил комок и попытался разглядеть, кто же произнес эти слова, ведь не мог же в самом деле этот голос принадлежать божественной ипостаси. Не верю я в чудеса, хоть режьте. Атеист я до мозга костей.

И вновь я порадовался своей правоте, разглядев наконец в

глубоком кресле с высоченной спинкой уже немолодого грузного мужчину с седыми висками и высоким, даже слишком высоким любом. Таких, обычно, за глаза называют «яйцеголовыми». Так я его и окрестил, еще не ведая, что это и есть мой будущий шеф…

– Сам налью, – нагло заявил я, направляясь к бару.

Я проглотил стакан виски, даже не почувствовав его вкуса, затем хотел налить еще один, но благоразумие взяло верх. Сейчас, как никогда, я должен иметь трезвую голову.

И тут я, поймав себя на мысли, что поступил несколько неприлично, не предложив бокал и хозяину кабинета, решил, что лучше сделать это с опозданием, чем выглядеть полным невежей.

Но он отказался. И тогда я почувствовал себя неуютно вдвойне, тем более, что я даже не видел его глаз, так как он сидел, будто нарочно, прямо напротив окна. Что ж, похоже, глупым хозяина кабинета назвать было нельзя. Он мог спокойно изучать мою персону, а мне недоступна была даже его мимика.

А потом пришла следующая мысль, и мне стало совсем худо, я начал извиняться, начал объяснять, что я вовсе не алкоголик, просто голова пошла кругом от событий сегодняшнего дня, и мне необходимо встряхнуться, выпустить пар, взбодрить извилины.

Какого черта я перед ним распинался – до сих пор не пойму. Может быть, глядя на шикарную обстановку этого кабинета, решил, что передо мной ни много, ни мало, а сам директор ЦРУ Томас Бредли, а может, алкоголь все же начал свое черное дело. Хотя какая разница? Болван – он и в Америке не умник.

И вот, в самый разгар моих излияний, хозяин решился прервать мою словесную Ниагару.

– Замечательно, – звучным баритоном произнес он. – Ко всем вашим достоинствам я теперь могу добавить и красноречие.

– Что вы! – смутился я, как девица впервые оказавшаяся на панели. – С меня оратор, как с червяка гвоздь. Это все виски – величайшее средство для развязывания языков. Кстати, похлеще «детектора лжи».

– А что, это мысль. Надо будет подсказать ее отделу по укомплектовке кадров.

– Вы думаете? – глупо спросил я.

– А почему бы и нет?

Мы переглянулись и одновременно расхохотались. Вот тогда-то мне и полегчало.

– Кто вы? – без обиняков спросил я, поразмыслив, что пришел тот самый момент, когда следовало бы и узнать, с кем ведешь столь приятную беседу.

– Глен Стрэдфорд, ваш шеф.

– Ага! – я радостно хлопнул себя по коленке. – Именно вы

мне как раз и нужны.

– Думаете?

– Совершенно уверен.

– Тогда я вас слушаю.

– Итак, – торжественно произнес я, – что все это значит?

– Что именно?

– Ну… это все… Мое избавление, например, странное предложение работать в Лэнгли. Да и откуда, черт подери, в столь солидной организации знают о моей скромной персоне?

– Вам и вправду не терпится узнать ответы на все эти вопросы? – уголки губ Стрэдфорда дрогнули.

– Да.

– Боюсь, что вынужден вас огорчить. Обращаетесь не по адресу. Могу лишь сказать: сегодня утром мне позвонили и сообщили, что вместо Стефансона подыскали нового курьера.

– Курьера?! – ошеломленно уставился я на Стрэдфорда.

Он тоже с некоторой долей удивления посмотрел на меня, а потом несколько раз задумчиво кивнул головой.

– Ну да, конечно, вряд ли кто-то мог рассказать вам о предстоящей работе.

– Совершенно верно. Мне только намекнули, что это как-то связано с вирталом.

– Разумеется. Отдел, который я возглавляю, специализируется на ВР.

– Но тогда почему курьером? – с некоторой долей обиды в голосе, спросил я. – В этой области я не совсем дилетант.

– Ах, вот, что вас смутило, – улыбнулся Стэдфорд. – Это не то, что вы подумали. На какое-то время вам придется стать виртуальным курьером, в последствии же, в достаточной мере проявив себя, вы сможете перейти в исследовательский отдел.

– Что означает «виртуальный курьер»? – прямо спросил я.

– Хорошо, – вздохнул Стрэдфорд. – Придется потратить несколько минут, чтобы ввести вас в курс дела. Так, по крайней мере, будет честно. Хотя к работе вы приступите не раньше, чем через месяц, но должны же понимать, к чему вас готовят.

– Вот спасибо, – прижав руку к сердцу, сказал я.

– Бросьте. Это, в конце концов, и в моих интересах, – не пожелав уловить иронию в моих словах, ответил он. – Итак, если вам известно, в настоящее время почта, телефон и даже радиосвязь постепенно умирают. Их почти полностью вытеснила связь компьютерная. Это и дешевле, и удобней, и дает возможность видеоконтакта абонентов. Но увы, как и прежде, этот вид коммуникаций не защищен от прослушивания. Любой пакет информации можно перехватить и раскодировать.

– Это понятно, – кивнул я.

– Чтобы подобного не случилось, мы посылаем с особо секретными донесениями специального ВР-курьера. Так гораздо надежней, хотя, опять же, никто не застрахован от случайностей.

– Ясно, – задумчиво сказал я. – Курьер забирается в «саркофаг», и его личностная матрица, пройдя виртуальную реальность, проникает в нужную локальную сеть через Интернет или другую глобалку. Я правильно уловил суть дела?

– Почти. Только мы не можем рисковать, посылая в виртал личностную матрицу. Она ведь всего-навсего программный продукт, не способный видоизменяться.

– Что вы имеете ввиду под видоизменениями? – спросил я.

– Матрица не имеет нужной гибкости. Будучи однажды запрограммированной, она остается неизменной, пока не будет внесена корректировка извне. Курьер же может превращаться в виртуальных мирах во что угодно: в поток частиц, например, в любой одушевленный или неодушевленный предмет…

– Ничего не понимаю, – сознался я. – Как можно превратиться в поток частиц?

– Не знаю, – пожал плечами Стрэдфорд. – Никто этого точно не знает. Мы еще не разобрались до конца в механизме или, точнее, способности человеческого организма к трансформациям в виртуальной реальности.

– ЧТО?!!

Казалось, земля разверзлась под моими ногами. На миг перед глазами возникло изуродованное лицо Маргарет Тревор. Я вспомнил об угрызениях совести, терзавшихся меня все эти месяцы, вспомнил суд, скорый, но справедливый, и еще я вспомнил святую мою веру в то, что я свершил правое дело, спасая нашу цивилизацию от полного хаоса. И теперь вот этот, совершенно мне незнакомый человек говорит, что все было напрасно. Буднично и по-деловому говорит о проникновении людей в виртал.

О Боже, какой же я кретин! Самонадеянный, безмозглый кретин… На что я надеялся? Что вместе с мисс Трэвор умрет и ее тайна? Глупец! Уж если какая-то жадная стерва смогла в домашних условиях состряпать преобразователь, так почему я решил, что до этого не сможет додуматься кто-то другой? Конечно, в Древнем Риме при всем желании не смогли бы соорудить паровой двигатель, а в средние века, скажем, пулемет. Но существует ведь закон диалектики: «для каждого изобретения – свое время». И если уж это время пришло…

– Вам нехорошо? – голос Стрэдфорда донесся до меня словно из тумана.

– А? Д-да… Пожалуй. Устал. Пожалуй, устал. Столько переживаний…

– Ну, что ж, тогда отдыхайте. Располагайтесь как у себя дома.

– Но…

– Не волнуйтесь. Это комната для гостей.

– Я бы мог снять номер в гостинице.

– Это ни к чему. Тем более, что завтра вас отправят в Кэмп-Пири.

– Куда?

– Завтра все узнаете.

– Но я думал…

– Не торопите события. Для того, чтобы стать хорошим курьером, вам еще надо многому научиться. А теперь отдыхайте. Увидимся через месяц и тогда продолжим наш разговор.

Кэмп-Пири! Это резкое, острое, как клинок, слово для меня всегда будет ассоциироваться со сторожевыми вышками, провонявшей потом казармой, изнуряющей, вытягивающей все жилы жарой.

Кэмп-Пири! Это место, где заставляют забыть, что вы – человек, место, где вас стараются превратить в машину для убийства, марионетку, слепо выполняющую любые приказы кукловода-сержанта.

Кэмп-Пири! Это учебный центр ЦРУ, носящий конспиративное название «Ферма», и находящийся где-то в штате Вирджиния. О более точном его расположении я понятия не имею. Меня привезли в этот заброшенный на край мира уголок на вертолете, ночью, высадили посреди бетонного плаца, и вертушка тут же убралась восвояси.

Я долго вглядывался в ночную мглу, пока не разглядел неясные очертания каких-то строений, длинных и приземистых, сторожевые вышки и еще что-то вроде высоченных антенн или шестов. Было тихо. Только где-то приглушенно лаяли собаки. Но вскоре я различил звук шагов. Луч фонарика уперся мне в лицо, и я опять ослеп.

– Эндрю Хопкинс? – прорычал кто-то у меня над ухом.

Именно прорычал, так как человеческой речью это трудно было назвать.

– Да, – ответил я.

– Следуй за мной и смотри, не сверни себе шею. Не лишай меня удовольствия сделать это самому.

Я открыл было рот, но потом захлопнул и последовал за ярким лучом фонаря, словно моль, летящая на свет прожектора.

Так, молча мы шли несколько минут, пока не приблизились к

одному из приземистых строений. Скрипнула дверь.

– Выберешь пустую койку и ложись дрыхнуть, – снова пророкотал противный голос. – Завтра тебе предстоит тяжелый денек.

Я опять промолчал, переступая порог. В ноздри ударил ужасный запах никогда-не-стиранных-носков, и я чуть не задохнулся. Сзади раздался громкий хохот, и дверь захлопнулась. Стало еще темнее. Я вытянул одну руку вперед, второй же зажал нос и медленно двинулся невесть куда, надеясь, что мне удастся не впаяться во что-нибудь лбом. Но надежды, как известно, это одно, а реальность – другое. Через несколько шагов я врезался головой во что-то тонкое и металлическое.

– Какого черта? – недовольно проворчал над моей головой сонный голос. – Смотри, куда прешься.

– Извините, – ответил я. – Темень, как в преисподней, а мне нужно как-то отыскать себе койку.

– Новенький, что ли?

– Угу.

– Залазь на нижнюю. Тут свободно.

– Огромное спасибо.

– Не за что…

Я поправил рукой матрац, твердую, как камень, подушку и удивленно спросил:

– А простыни?

– Сегодня не дадут. Спи так, а завтра получишь, – и сразу над головой раздался могучий храп.

Я лег, не раздеваясь. Шикарный костюм, подаренный мне Мактерри, остался в Лэнгли. Взамен него мне выдали пятнистую униформу цвета хаки да снабдили в придачу тяжеленными армейскими башмаками. Их, правда, перед тем как лечь, я снял. Попробуйте-ка уснуть с гирями на ногах.

Сон не шел долго. Я обдумывал услышанное от Стрэдфорда, прикидывал, каким образом могут взаимодействовать вымышленный и реальный миры. Не могло такого быть, но ведь было же! Сути происходящего понять я не мог, и это было неприятно. Я ворочался с боку на бок под тысячегласый храп и леденящие кровь стоны. Так, наверное, дремлют грешники в аду. С этой мыслью я и заснул.

Утром меня разбудили, наступив на руку. Я громко взвыл и с трудом разлепил веки. Шоколадная рожа, сверкая зубами, расплылась в широкой улыбке в нескольких дюймах от моего лица.

– Хватит дрыхнуть! – вымолвила она. – Подъем! Сержант не

любит, когда опаздывают на утренний моцион.

Я ошалело крутил головой, ни черта не понимая: голые торсы, длинные черные трусы, скрип панцирных кроватей, топот кованных башмаков – где я? Негр тоже исчез, и я, сообразив, что остался в казарме совершенно один, тоже кинулся к двери сломя голову.

На плацу уже выстроились в шеренги несколько взводов, и я на миг растерялся, не зная куда бежать. Послышались резкие отрывистые команды, затем последовала короткая пауза, и тут же десятки голов повернулись в мою сторону. В небо рванулся разноголосый хохот, но его сразу же заглушил громкий рык:

– Молчать!

Я узнал голос встретивший меня ночью на этом плацу. Теперь появилась возможность разглядеть и его обладателя. Это был настоящий образец вояки: широкоплечий, приземистый, с крупным гориллоподобным лицом и наголо выбритым черепом – он на кого угодно мог навести страх. Прибавьте к этому массивную нижнюю челюсть, выпирающую далеко вперед, уши практически без мочек, прилепленные почти на темечке, маленькие серые глаза под бесцветными бровями – и тогда вы точно поймете, что перед вами сержант армии США. И я действительно не ошибся, на рукаве рубахи этой образины красовались сержантские нашивки.

– Марш в строй! – проревел он мне.

– Но я не знаю, куда именно? – тоскливо признался я.

– Сэр! – заорал сержант. – Когда со мной разговариваешь, следует добавлять «сэр»!

– Да, сэр. Я не думал, сэр. Вы ведь не офицер, сэр, чтобы я так к вам обращался.

– Для тебя, червь навозный, я – офицер! Понял, кусок дерьма?

– Да, сэр.

– Не «да», а так точно, ублюдок!

«Вот оно, – с тоской подумал я. – Как мне не хотелось оказаться в армии, и все же угораздило. И ничего не поделаешь, вляпался по самую макушку. Теперь придется терпеть, радует только, что этот кошмар продлится всего лишь месяц. Надо только покрепче сцепить зубы и считать дни. Месяц – это не так уж и много…»

Как я был наивен в тот миг! В Кэмп-Пири день шел за год. Это я уяснил в первые же сутки пребывания здесь. Впрочем, как оказалось, – и последние. Но пока я этого не знал…

– Запомни, ублюдок, – продолжал орать сержант. – Тебя определили во второй взвод, и, к твоему несчастью, этим взводом командую я. Так что особо не радуйся, что у тебя укороченный

курс подготовки. Ты будешь у меня вкалывать за четверых. Либо я сделаю из тебя настоящего солдата, либо ты захлебнешься в собственном дерьме. Все понятно?

– Так точно, сэр!

– Стать в строй.

Я опять растерялся, но потом, заметив разбудившего меня негра, поспешил занять свободное место рядом с ним. Похоже, я не ошибся, так как сержант ничего не сказал, а, обойдя шеренгу, остановился перед строем, широко расставив ноги и заложив руки за спину.

Тем временем, остальные взводы, понукаемые своими сержантами, стали трусцой покидать плац.

– Хопкинс! – выкрикнул мой сержант.

– Я, сэр.

– Тебе не кажется, что ты выделяешься из этого стада?

Я огляделся, и только сейчас заметил, что из всего взвода единственный одет и единственный разут.

– Так точно, сэр, – ответил я.

– Но я и не подумаю, дружище, что либо менять. Ты так и побежишь босиком.

Эта фамильярное «дружище» и притупило мою бдительность. Я даже решил, что он сжалился надо мной, углядев мозоли на ногах, которые я уже успел натереть этими идиотскими башмаками. Но я тогда еще не знал, что это самое страшное слово в лексиконе сержанта. Оно означало, что он уже выделил меня из общей массы, а, значит, ничего хорошего в ближайшем будущем меня не ожидало.

– Бег-гом арш! – рявкнул сержант.

И началась первая пытка из бесконечной череды вкушенных мною в Кэмп-Пири в этот день…

На первом километре я выдохся, на втором – мои подошвы превратились в кровоточащее месиво, на третьем – я бежал, постоянно спотыкаясь и ничего не видя перед собой. На четвертом – я упал под каким-то кустиком и слабеющим голосом попросил, чтобы меня здесь и похоронили. Остальные шесть километров меня волокли на себе знакомый уже негр и какой-то молодой парень с кривым носом и ушами, оттопыренными так неестественно, словно они выросли задом наперед.

Я их просил, уговаривал, умолял бросить меня, говорил, что никуда не спешу и, вообще, мне никуда не надо…

Они же пытались втолковать мне, что если взвод не прибежит обратно в полном составе, то всех заставят бежать еще десять километров.

Я им, конечно же, не верил, я им говорил, что это садизм, и в

наши дни никто не имеет права так измываться над людьми.

На что они отвечали, что все это я могу рассказать сержанту.

Я им пообещал, что так и сделаю, и уже больше не сопротивлялся…

Едва меня уложили на бетон плаца, я услышал голос сержанта:

– Когда эта падаль очухается, покажете ему, где лазарет. А теперь умойте свои потные рожи и набейте желудки тухлятиной, которую состряпал вам повар. Ровно в семь построение!

Я остался один на бетонке, еще не понимая, жив ли, или уже на том свете. Но когда солнце начало поджаривать меня, словно цыпленка на гриле, понял, что все-таки еще не отдал Богу душу, с трудом поднялся и, хромая на обе ноги, побрел искать лазарет.

Мне повезло, я тут же наткнулся на какого-то солдата, и он указал мне на серое невзрачное здание, больше напоминавшее покосившийся сарай.

Док, плюгавый старикашка с красным носом, помятым лицом и трясущимися с перепоя руками, долго цокал языком, разглядывая мои раны, потом спросил невнятно, будто у него рот был набит кашей:

– Нофенький?

– У-у, – простонал я.

– Фзфот какой?

– Чего? – не понял я.

– Фзфот какой, гофорю. Подразделение?

– Кажется, второй.

– Значит, Брэг постарался, – удовлетворенно констатировал он.

– Кто?

– Сержант тфой, кто же еще? Ублюдок, какиф мало. Но дело сфое, стерфец, знает. Из любого сопляка мужчину сделает.

Это, как раз, меньше всего меня и радовало. Но не было сил высказать свое мнение вслух.

Доктор тем временем обработал мои ступни каким-то раствором и плотно перебинтовал.

– Зафтра будешь, как нофый пятицентофик, – пообещал он. – А сегодня я скажу Брэгу, чтобы он тебя не напрягал на фечерней пробежке.

Нет, что ни говори, красиво он говорил, приятно было слушать! Хотя, о чем это я? Нашел о чем думать. Тебя собираются загнать в гроб, а ты думаешь о логопедии.

Я вздохнул и только сейчас заметил, что старикашка куда-то подевался, видимо, подался выпить неразведенного спирта. Я блаженно растянулся на кушетке, где мне делали перевязку, и

задумался:

«Что же теперь делать? Сбежать я не могу, это значит вновь оказаться в Стрэнке. Значит, придется терпеть, грызть землю и терпеть»…

Я опять вспомнил разговор вертолетчика с сыном: «Если ты все же попадешь в армию, сынок, – говорил он, – запомни: первая заповедь солдата – никогда не выделяться, иначе ты пропал. Все шишки будут сыпаться на твою голову.»

Мальчик тогда еще рассмеялся и спросил, какие шишки – еловые? На что отец ответил, что те шишки, к сожалению, похуже.

Как он все-таки был прав!

В двери показался док, увидел меня и вытаращил глаза.

– Ты еще здесь? Ишь, разлегся, стерфец. Марш ф казарму!

Я нехотя поднялся и, тихо выругавшись, вышел вон.

За время, пока меня «лечили», под открытым небом стало еще жарче. Тут же с меня потекло в три ручья, и я, как мог, поспешил к казарме, по-прежнему прихрамывая на обе ноги. Вы когда-нибудь хромали на обе ноги? Тогда вам не понять, что это за удовольствие.

Но оказалось, что спешил я зря. Уже наступило время построения. Я только успел заскочить в казарму и с трудом натянуть на распухшие от ран и бинтов ноги проклятые свои башмаки.

Сержант запаздывал. Мы успели взмокнуть, но никто не решался высказать своего неудовольствия. Все молча потели, переминаясь с ноги на ногу. Единственный, кто не потел, так это мой знакомый негр. Кстати, он был и единственным чернокожим в нашем взводе. Представляю, как ему было не по себе среди нас.

Как ни крути, а расизм остается острой проблемой и в двадцать первом веке. Может быть, не настолько актуальной, как в прошлом и, еще в большей степени, в позапрошлом столетии, но все же проблемой. К счастью, у меня самого не просыпались дремучие инстинкты при виде кожи цвета, отличного от моей собственной. Любой человек, прежде всего, разумное существо, а уж какими внешними данными наделила его природа – не имеет никакого значения. Поэтому я без обиняков обратился к негру первым:

– Давно здесь?

Он кивнул:

– Третий месяц.

– Ого! – присвистнул я. – При таком сержанте наверное несладко?

– Привык.

– Похоже, ты прежде уже служил в армии.

– Довелось.

– Тогда тебе легче, – вздохнул я. – А мне вот не приходилось. Думал, вообще, Бог милует, а вот не помиловал.

– Зачем же тогда в контору пошел? – хмуро спросил он.

– Обстоятельства, – улыбнулся я, в последний миг решив не раскрываться перед ним до конца. Почему? Я и сам, наверное, не смог бы ответить. Неужели дух тотальной секретности, витавший вокруг в последнее время, успел впитаться и в меня?

Негр видимо понял, что я решил не откровенничать, и, сотворив на лице равнодушную мину, отвернулся. Это меня не устраивало, я почему-то обязательно хотел с кем-то сдружиться и потому представился:

– Меня зовут Эндрю Хопкинс. Можно просто Энди.

– А меня – Болдуин.

– Как? – я с трудом сдержал смех.

Уж к кому, а к нему это имя абсолютно не клеилось. Негр посмотрел на меня, а потом, мрачнея на глазах, добавил:

– Но ты будешь звать меня Болом и не иначе.

– Хорошо-хорошо, – поспешил заверить я его, – как скажешь. И уж прости, если я тебя чем-то обидел. Это не нарочно. Честное…

– Что за стадо баранов? – разнеслось над плацем, заглушив мой лепет.

В мгновение ока взвод преобразился. Все подтянулись, задрали подбородки, руки вытянулись по швам. Ни малейшего движения или звука. Даже солнце, казалось, встало по стойке «смирно».

Сержант вырвался из-за наших спин, разгоряченный и злой. В глазах сверкали молнии, на губах застыла улыбочка, от которой враз леденеет кровь.

– Хопкинс!

Я непроизвольно втянул голову в плечи.

– Два шага вперед!

На подгибающихся ногах, словно робот, у которого сели батарейки, я вышел из строя. Сержант сунул мне под нос какую-то папку.

– Читай.

В ней оказался всего-навсего список. Но почему-то легче от этого мне не стало.

– Баркс! – выкрикнул я.

– Я.

– Донован!

– Я.

– Хопкинс!

– Болван! – это уже сказал сержант, и я решил, что он прав.

– Крайтон!

– Я.

– Кулл!

– Я…

Я не видел, кто отвечал, так как все мое внимание было приковано к списку, но голос Болдуина все же узнал. Он носил фамилию Найтс. Красиво звучит для негра: «Ночь». Хотя, какая мне разница, надо побыстрее прочесть этот список и вернуться в строй от греха подальше.

Наконец, я кончил. В списке оказалось восемнадцать человек.

– Встать в строй! – приказал сержант, что я и выполнил с особой прытью. – Теперь слушайте меня внимательно. В четвертом взводе возникла небольшая проблема. Сбежал один молокосос, но прежде перерезал глотку часовому и забрал его автомат. Сейчас вам выдадут оружие. Наш взвод прочесывает сектор к северу от «Фермы». Если его засечете, в ваших башках не должно быть даже мысли о милосердии. Стреляйте без предупреждения. Ничего страшного, если вы выпустите из него кишки. Запомните, он теперь вне закона. Вопросы есть?

У меня были вопросы, но я решил оставить их при себе.

– И еще, – сержант скривился и внимательно оглядел нас, – если кто-то из вас задумает смыться под шумок, пусть считает себя покойником! Здесь не пансионат для благовоспитанных девиц.

Грузовик, надрывно рыча мотором, полз вверх. Каменистая дорога, которую и дорогой-то нельзя было назвать, подбрасывала машину на ухабах, словно пыталась вытрясти ее механическую душу. К тому же и амортизаторы у грузовика были скверными. Мы прыгали в кузове, как мячики для пинг-понга, каждый раз хорошенько прикладываясь к деревянным скамьям своими не менее одеревеневшими задами. И еще была пыль. Она лезла в нос и глаза, заставляя непрестанно чихать и вытирать слезы.

Я судорожно сжимал коленями автомат, надеясь, что он все-таки поставлен на предохранитель. Проверить это я не мог, ибо понятия не имел, где он находится у этого короткоствольного, странного оружия, увиденного мною впервые в жизни. А спросить, сидевшего рядом Бола, я никак не решался – Болдуин был сосредоточен и хмур. В такие минуты лучше не лезть к людям с расспросами, и мне не оставалось ничего другого, как бездумно разглядывать местный ландшафт, открывающийся через свободный от брезентового тента задний борт.

А местность здесь была, мягко говоря, отвратительная:

скудная растительность выглядела настолько чахлой, что казалось мертвой, давно высохшей и превратившейся в этакий своеобразный гербарий под открытым небом. Каменистая пустыня навевала тоску, заставляя задуматься о бренности всего сущего в этом мире.

Говорят, еще несколько десятилетий назад здесь не было столь пустынно и безрадостно. Увы, природа не рассчитана на человеческий фактор. Она не ведала, когда создавала нас, что мы можем уничтожить все живое, при этом совершенно не заботясь о последствиях. Мы – самоубийцы. Мы знаем об экологической катастрофе, растянувшейся на десятки лет, но для нас она так и не стала жизненной проблемой. Мы почему-то не обращаем на нее внимания. Ну воздух стал хуже, ну вымерли почти все виды животных и растений, ну пьем мы теперь только отфильтрованную воду и болеем чаще, чем прежде, но мы и были готовы к этому, и оскудение природных богатств воспринимали как должное. Вот и продолжается экологическая катастрофа по сей день. Ее не остановить, как не остановить любой необратимый процесс. Хотя, наверное, так и должно было случиться, все заранее предопределено. Но тогда получается…

Я даже ошалел от озарившей меня мысли. Что, если открытие ухода в виртал не случайно? Допустим, наступит критический момент, когда человечество будет вынуждено уйти в вымышленную реальность. Чем не выход? Тысячи миров откроются перед нами, миров, созданных для развлечений и даже для войн, если у кого-то чешутся руки пустить друг другу кровь. Каждому – по его вкусу. Чистые, светлые, не загаженные миры с бесконечными возможностями – разве это не мечта, не цель, к которой стоит стремиться?

Нет, невесело усмехнулся я, все это бред. Чистейшей воды бред. Сильные мира сего – вот в чем проблема. Кто добровольно откажется от власти и богатства? Разумеется, никто. Миры – для избранных, а вы подыхайте здесь, на отравленной, изгаженной старушке Земле. Это ваша проблема.

А впрочем, не в этом дело. С чисто технической стороны этот проект невыполним. Сначала надо создать вечный компьютер со столь же вечным источником бесперебойного питания. Но даже в этом случае не обойтись без обслуживающего персонала. Любая неожиданность, будь то сбой в программе, краткая заминка в энергообеспечении, зависание оболочки, да мало еще что, и виртуальные миры канут в небытие. Пусть ненадолго, пусть на кратчайший миг, но после восстановления системы, миры окажутся девственно стерильными. То, что не является программным продуктом, сгинет навсегда. Проще говоря,

исчезнут люди, оставив после себя вселенную спрайтов.

Холодный пот внезапно выступил на лбу, сердце учащенно забилось, руки задрожали уже не от дорожной тряски, и я никак не мог унять эту дрожь. Теперь стал понятен ответ на мучивший меня все эти дни вопрос: «почему именно я?»

Стрэдфорд даже не намекнул о самой страшной опасности, поджидающей курьера в виртале, об опасности, которая грозит ежечасно, ежеминутно, потому что сбои в программах – вещь настолько повседневная и распространенная, что в обыденной жизни мы даже не обращаем на них внимания, а лишь досадливо морщимся из-за того, что потеряли несколько минут, перезагружая свой комп. Но для человека, физически находящегося в виртуальной реальности, любая техническая неполадка означает гибель.

Именно поэтому меня и вытащили из тюрьмы, «забыв» при этом объяснить, что я им понадобился в качестве «пушечного мяса». Хорошие же методы у ЦРУ!

А, собственно, чего я ожидал? Что меня в благодарность за содеянное повысят в должности или отправят работать воспитателем в колледж для талантливых детишек? Кроме того, зря что ли столько скандалов разворачивалось вокруг Лэнгли чуть ли не со дня его основания? Я же как добропорядочный гражданин своей страны, закрывал глаза и уши, веруя, что все, что бы не делалось, направлено на благо Великой Америки. И все же подспудно сознавал: дыма без огня быть не может.

Но теперь все вопросы отпадали сами собой. Со мной начали грязную игру, и мне остается отплатить той же монетой. Только бы знать, как? Сбежать? Без денег и документов я не смогу даже выбраться за пределы Штатов. А если мне это и удастся, все равно за мной устроят настоящую охоту. Окажись я даже на Луне мне от них не скрыться. Хотя…

Сердце радостно дрогнуло. Ответ лежал на самой поверхности, как я до сих пор не додумался до него? А ведь эта мысль посещала меня и раньше. Воспользовавшись изобретением Маргарет Тревор, любой преступник может изменить внешность в виртале, и тогда отыскать его будет практически невозможно. Дело остается за малым. Мне надо каким-то образом дать стрекача. Но, разумеется, не сейчас. Пока я не окажусь в виртуальности, и размышлять о побеге нечего.

И все же что-то не состыковывалось в моих умозаключениях. Не слишком ли поспешными и эмоциональными они были? Может быть, дело обстоит совершенно иначе, и я кричу о пожаре, когда его нет? Какой им смысл посылать людей на верную смерть, заранее зная, что донесение не будет доставлено

адресату?

И еще одно. Для такого дела им, как минимум, необходимы люди мало-мальски разбирающиеся в виртуальной реальности. Что-то не верится, что такими, как я, наши тюрьмы забиты под завязку. Да и о Маргарет Тревор забывать не стоит. Вряд ли она разгуливала бы по вирталу, посещая игорные дома и зная при этом, что ей грозит смертельная опасность. Наверняка, прежде чем уйти в виртуальную реальность Маргарет просчитала и такой вариант.

Я вконец запутался в своих рассуждениях. Голова раскалывалась то ли от жары, то ли от тряски, то ли от мыслей моих тяжких. И я перестал терзать мозговые извилины, решив, что время покажет, в чем я оказался прав, а в чем – нет. Надо только найти в себе силы на самую страшную пытку. Пытку ожиданием.

Грузовик особенно сильно тряхнуло, и мы едва не продырявили макушками брезентовый потолок кузова. В тот же миг я почувствовал, что машина начала сбавлять скорость, а потом остановилась совсем. Хлопнула дверца кабины, и через секунду появился сержант.

– На выход! – гаркнул он, и мы посыпались через борт.

– Растянуться в цепь, – коротко, словно лаяла собака, командовал Брэг. – Интервал – полкилометра. Двигаться строго на север. Я буду в центре. На флангах – Найтс и Донован. Все, разошлись. Фланговым сообщить по рации, когда займете исходное положение. До этого момента движения не начинать. Хопкинс!

– Я, сэр!

– Будешь справа от меня. Дистанция – сто метров. И не дрейфь, сосунок.

И мы разбежались. Девять человек – в одну сторону, девять – в другую. Я оглянулся, и увидел, как сержант сел на бампер грузовика и прикурил сигарету.

Сто метров я преодолел за полминуты и остановился, оглядываясь по сторонам.

Да, здесь было где спрятаться. Местность холмистая, плюс огромные валуны и заросли засохшего кустарника, ветви которого, хотя и не имели листьев, все же могли послужить хорошим убежищем для того, кто хочет укрыться от сторонних глаз.

Я снял с плеча автомат, бессмысленно покрутил его в руках. Почему-то именно теперь мне стало страшно. Нет, у меня было время спросить у любого из парней, как снять оружие с

предохранителя, но я боялся, что тогда смогу им воспользоваться и опять кого-то убить. Пусть на этот раз безнаказанно, но разве это что-то меняет? Я не хочу убивать людей, но ведь может так случиться, что буду вынужден защищать свою жизнь, встав перед выбором: или он, или я. Только вот выбирать будет не из чего, ибо дороже собственной жизни ничего нет.

Кто-то может, конечно, вспомнить об идеалах, которые выше отдельно взятой жизни, о самопожертвовании, о Копернике или Джордано Бруно, наконец. Но даже истина не стоит Вселенной одного человека, одного неповторимого «я». Почему же тогда, в номере Лоры Клейн, я поступил, как безумец, погубивший свою судьбу во имя абстрактной идеи? Почему?..

Я помотал головой, пытаясь отогнать эти неожиданные и неприятные мысли, но в этот миг ужас окатил меня ледяной волной. Я повернулся и, сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее побежал к машине. Заметив движение, сержант вскинул голову и выплюнул окурок. Грудь его вздыбилась, набирая воздух для резкого окрика, но слова так и не вылетели из луженой глотки.

Вместо слов прогрохотала автоматная очередь. Я видел, как мелкой крошкой осыпается лобовое стекло грузовика, как водитель безвольно роняет голову на руль, как сержант падает на землю, на лету выхватывая из кобуры пистолет. Я видел все это и продолжал бежать, все еще не веря в реальность происходящего.

И лишь когда Брэг повернул голову в мою сторону и громко выкрикнул: «Ложись, ублюдок!» – я вдруг осознал, что в меня тоже будут стрелять, ведь и я охотник, оказавшийся здесь, чтобы убивать. Все то, о чем я только что думал, стало реальностью в один миг. Почему только плохое исполняется незамедлительно?

Я грохнулся на землю и оцепенел от боли в расшибленных коленках. И эта боль занимала меня больше, чем пули, выбивающие каменные брызги в нескольких дюймах от моей головы.

Потом я заметил, что сержант уже успел отползти за колесо грузовика и ведет прицельный огонь. Значит, он засек, где спрятался беглый солдат. Я же его не видел и, по правде говоря, меня это не занимало – волновала лишь сохранность собственной шкуры. Мозг, скованный спазмом страха, отказывался что-либо воспринимать. В тот миг я был живым трупом, похороненным, разлагающимся, полным червей. Пусть только мысленно, но где находится грань, отделяющая еще несбывшееся от уже совершенного?

Боже мой! Наверное, то же самое испытала Маргарет за секунду до того, как я выстрелил из бластера. Сколько ужаса

было в ее глазах, сколько мольбы! Но я выстрелил. Почему? У меня было оправдание, которого на самом деле не было, и быть не могло. Убийству нет оправдания. И потому мое место не здесь и даже не в Стрэнке, а в газовой камере… Искуплением моего греха может стать только смерть…

Я поднялся на ноги и медленно двинулся вперед.

– Лежать! – заорал сержант.

– Да пошел ты…

Вокруг меня пели перепелки, а, может, то свистели пули. Хотя нет, наверное, перепелки. Впереди грозно кудахтала курица, сзади добывал древожорку неутомимый дятел. А потом курица смолкла, замер дятел и перепелки куда-то подевались. Позади зацокали подковы.

«Лошадь, наверное,» – вяло подумал я.

– Вперед! Бегом! – разорвало барабанные перепонки. – Живее, черт побери! Этот ублюдок расстрелял всю обойму.

Я побежал, бездумно, словно заводная игрушка, внутренности которой чья-то злая воля свернула в тугую спираль сжатой пружины.

– Быстрей! – подгонял меня сержант. – Если он успеет сменит обойму, нам хана!

Но я и так мчался во всю прыть, забыв и про жгучую боль в ногах, и про страх, всего лишь несколько секунд назад едва не лишивший меня воли, а, может быть, и рассудка.

Стоп! Я на миг остановился, потрясенный неожиданной мыслью. А если все, что сейчас происходит, и есть безумие? Почему я бегу вперед, навстречу верной гибели? Угрызения совести? Чепуха. Я и вправду знал, на что шел, убивая Маргарет Тревор, да и сидя в тюрьме, не раз приходил к мысли, что повторил бы это снова и снова, ибо по-другому поступить просто не мог.

Тогда отчего я стал действовать вопреки своему «я», вопреки логике? Лишь потому, что сам испытал животный страх перед возможностью оказаться трупом? Нет, тогда бы я ни за что на свете не встал во весь рост под пули. Здесь что-то не клеилось, не попадало в четкие рамки, определяющие обычные границы моего поведения. Я совершал поступки, которые не мог совершить ни при каких обстоятельствах, как будто бы чья-то невидимая рука подталкивала меня.

Впрочем, нет. На этот раз рука оказалась видимой и довольно тяжелой. Сержант со всей силы толкнул меня в спину, и я едва не упал на каменистую осыпь.

– Вперед, скотина! – орал Брэг. – Иначе я тебя…

Но я так и не узнал, что он собирался со мной сделать. Снова

загрохотали выстрелы. На этот раз стреляли совсем близко, и пули лишь чудом не зацепили ни меня, ни сержанта.

Мы почти одновременно рухнули на землю. Брэг без промедления открыл ответный огонь. Я же лежал, не шевелясь, вжимая голову в плечи как можно глубже.

– Стреляй, падаль! – прорычал сержант в краткий миг затишья.

– Но я… я…

– Что ты там бормочешь, вошь казарменная?

– Я… я не знаю, как им пользоваться? – кивнул я на автомат, зажатый в руке.

– Проклятье! – выругался Брэг. – Присылают сопляков безмозглых, учи их.

Он выстрелил несколько раз вверх по склону, потом вновь повернул ко мне голову.

– Сними с предохранителя и жми на курок.

– А где предохранитель?

– Да вон же, тупица, у тебя палец на нем лежит.

– Какой?

– Дерьмо собачье, – застонал Брэг. – Безымянный! Опусти собачку и пали со всей дури по тем кустам, иначе я сейчас сам из тебя мозги вышибу!

Я пропустил угрозу мимо ушей и сделал так, как говорил сержант. От выстрелов автомат заплясал в руках, и я едва не выронил его.

– Высоко берешь, целься ниже, – тут же проворчал сержант.

Неподалеку послышался треск еще нескольких автоматов. Лицо Брэга расплылось в довольной улыбке.

– Молодцы, ребята. Уже подоспели. Теперь сделаем так: ты побежишь вперед, я буду тебя прикрывать, затем наоборот. Понял?

Я кивнул.

– Давай!

Рванувшись с места, я зигзагами понесся к ближайшему валуну, величиной с минитрактор. Сержант несколько раз выстрелил и затих. Я оглянулся и увидел, что он меняет обойму.

«Вот сволочь!» – мелькнуло у меня в голове.

До валуна оставалось еще несколько метров открытого пространства, а пули ложились к моим ногам все ближе и ближе.

И тут я понял, что валун меня не спасет. Он был длинным и узким, словно костяной гребень стегозавра, а я лишь сейчас понял, откуда этот парень ведет огонь. Камень не мог укрыть меня от пуль!

И тогда я потерял над собой контроль. Что-то динамитной

шашкой взорвалось у меня в голове и я, громко вопя, открыл беспорядочную стрельбу. Ноги сами по себе несли меня к кустам, в любую секунду я ждал удара в грудь, удара, раздирающего тело на куски, превращающего плоть в кровавую кашу. Я уже видел, как меня хоронят. Прямо здесь, в предгорьях Аппалачей, и никто, никогда не узнает, где покоится мое бренное тело. Хотя, найдется ли кто-нибудь на свете, кому захочется это узнать?

Я ворвался в заросли кустарника, так и не получив пули в живот. И еще недоумевая по этому поводу, увидел молодого паренька, затравленно глядевшего на меня черными пуговицами глаз. В руках он сжимал автомат, издававший странные глухие щелчки.

«Наверное, у него кончились патроны,» – вяло подумал я, расстреливая остатки магазина в дергающееся, уже безжизненное тело.

– Реакция адекватная, – раздалось над моим ухом. – Параметры: 112, 42, 34, 586. Включаю программу выхода.

– Как вы себя чувствуете?

Я открыл глаза и увидел над собой яйцеподобную голову Глена Стрэдфорда.

– Где я? – тихо прошелестели мои губы.

– В госпитале. Небольшое психическое истощение, нервный срыв. Вам надо отдохнуть несколько дней и подлечиться.

– А потом? – устало спросил я.

– Думаю, вы сможете приступить к работе.

– Опять в Кэмп-Пири? – с ужасом спросил я, чувствуя противную пустоту в желудке.

– Зачем? – удивился Стэдфорд. – Вы удачно прошли тест-проверку, хотя некоторые шероховатости и были.

– Какую тест-проверку? – на этот раз удивился уже я.

– Ах, да! – хлопнул ладонью по своему огромному лбу Стрэдфорд. – Я же вам еще ничего не объяснил. Впрочем, думаю, вы сами догадаетесь.

– Насчет чего?

– Касательно Кэмп-Пири.

– Право, у меня сейчас не то состояние, чтобы решать головоломки, – пробормотал я.

– Что верно, то верно, – согласился Срэдфорд и затем, загадочно улыбнувшись, добавил: – И все же, неужели вам не показались странными и необъяснимыми некоторые моменты, связанные с «Фермой»?

– Нет. Хотя… м-м…

– Ну же!

– Нет, не знаю. Просто однажды мне показалось, будто кто-то управляет моими действиями.

– И как вы это воспринимали?

– А как я должен был это воспринимать?

– Неужели вам не показались необычными подобные ощущения?

– Вы хотите сказать, – задумчиво начал я и тут же осекся. – Виртуальность?

– Да, – расцвел Стрэдфорд.

– И Кэмп-Пири с его ублюдочным сержантом Брэгом не существует?

– Ну… Кэмп-Пири существует, хотя и не в таком виде, какой вам довелось лицезреть. Вы побывали на «Ферме» семидесятых годов прошлого века. Сейчас учебный центр оборудован иначе. Что же касается сочного типажа сержанта Брэга, так его графоб создала одна из наших сотрудниц. Кстати, весьма хрупкая и к тому же привлекательная женщина.

– О, Господи! – расхохотался я. – Значит, все это было лишь кошмаром, и я не убивал того парня?

– Разумеется, нет. Главным для нас было выяснить ваши реакции на раздражители.

– То есть, вы проверяли, в состоянии ли я кого-нибудь укокошить?

– И да, и нет. Хотя и это для нас немаловажно.

– Разве вам мало того, что я сделал с Лорой Клейн?

– Увы, мистер Хопкинс, люди меняются чаще, чем погода.

– А почему вы не отправили меня в настоящий центр? Я, бы наверняка, многому научился. Разве это не пригодилось бы в работе?

Стрэдфорд покачал головой:

– Во-первых, у нас нет на это времени; во-вторых, и это основное, нам не нужен профессиональный убийца без чувств, без эмоций и без принципов. Именно такое чудовище из вас получилось бы, пройди вы полный курс обучения в реальном учебном центре. Нам же нужен специалист совершенно иного профиля. При этом – умеющий постоять за себя.

– И на том спасибо, – усмехнулся я.

– А чего вы хотели? – пожал плечами Стрэдфорд. – Не забывайте, на какую организацию вы теперь работаете. Ну да ладно. Мне кажется, я вас утомил. Отдыхайте, поправляйтесь – скоро вас ждет ответственная работа.

– Можно последний вопрос?

– Ну, если только последний.

– Если я правильно понимаю, то вы создали не только Брэга,

но и всю компьютерную программу?

– Вам она не понравилась?

– Нет, ни в этом дело. Я ведь не дилетант, но даже на миг не заподозрил, что вокруг меня одни спрайты…

– Не совсем так. Там были и рэйверы.

– Кто? – не понял я.

– Живые люди, введенные в виртуальную реальность.

– Хм… Если не Брэг, то кто же? Ах, да! Этот негр… Болдуин.

– Мимо, – усмехнулся Стрэдфорд. – А как вам понравился доктор?

– Этот любитель спиртных паров?!

– Должен же кто-то облегчать жизнь страждущим. Сами понимаете, с его пристрастием врачу найти практику достаточно трудно. А доктор он хороший, не сомневайтесь.

Стрэдфорд развернулся и вышел, а я остался один среди сверкающей белизны больничной палаты.

Меня лихорадило, болели ноги и сильно хотелось спать. Но взбудораженный мозг не отпускал в царство грез. Значит, это правда. Люди могут существовать в виртале, находясь в своем реальном теле… Какой смысл Стрэдфорду обманывать меня? Перед глазами стояли окровавленное лицо Маргарет, изрыгающий смертоносный луч бластер, Кэмп-Пири, пьяница-доктор, а еще – паренек, разрываемый в клочья автоматными пулями. Слава Богу, Стрэдфорд так и не понял, что это не просто нервный срыв, иначе, я бы уже отдыхал на больничной коечке в Стрэнке. И в разговоре он не уловил тех ноток, которые искал. Пусть… Пусть считает меня хладнокровным убийцей. А, впрочем, разве это не так?

– Разрешите представить вам нашего нового сотрудника, – произнес Глен Стрэдфорд. – Эндрю Хопкинс – специалист по вирталу, последнее место работы – отдел безопасности виртуальных погружений фирмы «Компьютер технолоджис», а также эксперт по компьютерной реальности Департамента полиции Нью-Йорка.

Кивком головы я поприветствовал собравшихся в большом, освещенном десятками электрических ламп зале, до отказа напичканном электронной аппаратурой.

– Дэвид Нортон, – продолжал Стрэдфорд, – заведующий лабораторией виртуальных преобразований.

Ответный кивок головы, внимательный взгляд голубых глаз. Я решил не отставать от него, и также пристально стал изучать физиономию завлаба: пышная, ухоженная борода, длинные волосы, стянутые на затылке в пучок, тонкий, слегка

искривленный нос, и не менее тонкие губы. Этакий хиппи двадцатого века, причем, с весьма отталкивающей внешностью. Он мне не понравился, хотя это было только первое впечатление. Внешность человека, порой, обманчива.

– Кристофер Шин. Сотрудник ВП-отдела. Так мы сокращенно называем лабораторию преобразований…

Отечное лицо, мешки под глазами, внушительное брюшко, перетянутое брючным ремнем, пухлые, короткие руки младенца – розовые и с ямочками.

– Кэрол Тренси. Наш ведущий программист. Я вам уже о ней говорил. Сержант Брэг – ее рук работа.

Очаровательная брюнетка приветливо улыбнулась мне, заставив на миг затрепетать сердце. Она, действительно, была хрупка и красива неброской красотой, приводящей в восторг настоящего ценителя, умеющего отличить шедевр от великолепной, но все же подделки. Тонкие, правильные черты лица, глаза огромные и бездонные, как весеннее безоблачное небо, губы слегка пухлые, но без пошлой вывернутости, которую всеми способами пытаются подчеркнуть у себя манекенщицы, блестящие ухоженные волосы коротко острижены, как бы невзначай открывая взору белоснежную шею и маленькие розовые ушки.

Я встречал раньше таких женщин, но большая их часть была всего лишь плодом вымысла злого гения Маргарет Тревор. Теперь же я видел эталон женской красоты воочию и, признаться, был потрясен, даже по-мужски взволнован близостью столь очаровательной особы.

– Очень приятно, – пролепетал я, и улыбка Кэрол стала еще шире.

– Мне тоже, – отозвалась она, и ее голос музыкой прозвучал в моих ушах. У Лоры-Маргарет тоже было на редкость мелодичное контральто, но куда ей до Кэрол! Так, тень, жалкое подобие…

– Дик Джексон, программист, – донеслись до меня слова Стрэдфорда.

Я с трудом перевел взгляд на огромного негра с пышной кудрявой шевелюрой и фигурой штангиста-тяжеловеса.

– Кеннет Грипс – шеф отдела прикладной виртуальности.

Старичок с рыхлым носом и совершенно лысым черепом. Маленькие глазки просверлили во мне две дырки, но, не найдя в моих внутренностях ничего примечательного, погрузились сами в себя.

– Абрахам и Бенджамин Обермайеры. Из этого же отдела.

Два брата-близнеца. Насколько я знаю, такое случается в еврейских семьях не часто. Оба очкарики, черные волосы,

тщательно выбритые подбородки, посиневшие от ежедневного бритья, нижние губы слегка выпячены.

– И, наконец, ваши, так сказать, ближайшие коллеги. Эдвард Смит…

Подтянутый, стройный спортивного вида парень лет двадцати пяти с благодушным открытым лицом.

– … И Бруно Филетти.

Типичное итальянское лицо, античный профиль, смуглая кожа, черные волосы и глаза, порывистые движения.

– Как видите, штат сотрудников у нас небольшой, зато загрузка у каждого на двести процентов. Впрочем, никто не жалуется. Когда работа приносит моральное удовлетворение, она радует и не обременяет. Я верно говорю?

Никто ему не ответил.

– Что ж, – неуверенно улыбнулся шеф. – Думаю, на этом официальное представление окончено. Со временем, Эндрю, вы познакомитесь со всеми поближе и, надеюсь, подружитесь. Я хотел бы побеседовать с вами в моем кабинете. Бруно, ты мне тоже нужен.

Мы вышли из зала, и через еще не захлопнувшуюся дверь я услышал гул голосов. Надеюсь, это не означало, что началось перемывание моих косточек.

Разговор со Стрэдфордом не затянулся. Он просто сообщил, что тренировки начинаются немедленно, а Бруно будет моим наставником…

Костюм рэйвера чем-то напоминал водолазный, с той лишь разницей, что к прорезиненной ткани были прикреплены сотни биосенсорных датчиков.

К тому же, костюм имел множество самых разнообразных карманов, кармашков и карманчиков, набитых различными анализаторами, энергобатареями, системами обнаружения противника и прочей ерундой. На ноги надевались специальные башмаки с изменяющимися при необходимости подошвами, которые могли превратиться в магнитные подковы или же сплошь покрыться мелкими присосками. Перчатки, как и весь костюм, были сделаны из токонепроводящей ткани и также могли видоизменяться.

Но главным в экипировке был, конечно, шлем. По существу, это мощнейший компьютер с памятью в пятьсот гигабайт, способный оценить ситуацию и дать вполне компетентную рекомендацию. Связь с ним осуществлялась с помощью мини-дисплея, вмонтированного в прозрачный щиток забрала.

Бруно объяснил мне, что шлем дает возможность видеть в

инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах; определять расстояние до любого объекта с точностью до нескольких дюймов; отличать рэйверов от спрайтов; автоматически переводить курьера из реальности в виртал и наоборот, заменяя тем самым «саркофаг». Были у шлема и другие функции, с которыми мне еще предстояло познакомиться.

– А перевоплощениями рэйвера он тоже занимается? – спросил я у Бруно.

– Может быть, может быть, – задумчиво ответил Филетти. – Доподлинно неизвестно. Старина Грипс бьется над этой проблемой, но пока никаких проблесков.

– Известно хотя бы, почему происходят эти перевоплощения?

– Разумеется, – усмехнулся Бруно. – Все очень просто. В виртуальной реальности, ты являешься пакетом информации, но информации мыслящей – запомни это. При желании ты можешь изменить структуру своей оболочки. Для этого достаточно простого мыслеимпульса или, проще говоря, мысленного желания. Достаточно только представить предмет, в который ты хочешь воплотиться и – бах! Ты сам заказываешь музыку, стоит только мысленно этого пожелать.

– То есть, если мне захочется превратиться, скажем, в ворону, то я смогу летать в виртуальных небесах и каркать во все горло?

– Верно. Каркать ты будешь, но вряд ли тебе этого захочется.

– Почему? – спросил я.

– Если ты превратишься в ту же ворону, твоя возможность мыслить исчезнет. Птицы ведь не умеют рассуждать о превратностях жизни. А если без шуток – я сам не могу понять, в чем тут дело. Только информационный пакет, имеющий параметры, присущие человеческой особи, не теряет способности мыслить. Шеф называет этот эффект «Виртуальным генотипом человека». Кроме того, стопроцентной гарантии, что ты выйдешь из трансформации таким же, каким был до того, нет.

– Почему тогда Стрэдфорд говорит, что посылать в виртал людей, надежней, чем личностные матрицы? – спросил я.

– Так оно и есть. В критический момент у рэйвера больше шансов выпутаться. И если уж по настоящему прижмет, ты сможешь перевоплотиться, чтобы не погибнуть. Но главное, и ты это хорошенько запомни, им важнее передать информацию, чем сохранить жизнь курьера. Моли Бога, чтобы до этого дело не дошло… А вообще-то, основное, почему посылают нас, а не матрицы, заключается в том, что наша проекция в виртале не всегда адекватно реагирует на события.

– Как это? – я удивленно посмотрел на Бруно.

– А вот так. Матрица не способна улавливать малейшие

изменения в окружающей ее обстановке, она схватывает только основное, пропуская незначительные мелочи. Но, порой, от них зависит очень многое.

– Хорошо, – не сдавался я. – Допустим, мы посылаем матрицу, а на другом конце с помощью преобразователя из «саркофага» выйдет человек и донесет сообщение, не рискуя нашей шкурой.

– Какой человек?

– Ну… материализовавшаяся матрица.

– Как это ты ее материализуешь? – ехидно осведомился Бруно. – Ну хорошо, допустим невозможное. Какой у нее будет внешний вид?

– Да любой! Какой напишет программист.

– А мозги у нее чьи будут?

– Вот, черт! – выругался я. – Об этом как-то не подумал. Еще не хватало иметь двойника, который мог бы претендовать на мое место.

– И будет не один двойник, поверь мне, ибо работой мы загружены под завязку. Ну да ладно, хватит болтать, времени осталось не так уж и много. Пора переодеваться. Вот это – шкафчик Смита, это – мой, а этот теперь будет твоим.

Я подошел к металлическому ящику, величиной в человеческий рост, на котором висела отпечатанная на лазерном принтере табличка:

Стефансон

– А что с ним? – спросил я, кивнув на надпись.

– С кем? А… С Эриком. Не повезло парню. Его закапсулировали вместе с ВР-программой, когда он был в отключке. Затем программу стерли. Эрик даже не мог произвести трансформ-операцию, чтобы вырваться наружу.

– Страшная смерть, – севшим голосом пробормотал я.

– Не хуже других. Он даже не понял, что ему пришел конец. Раз – и нет человека.

– Послушай, а давно люди ходят в виртал? – задал я самый важный для себя вопрос.

– Ты имеешь в виду рэйверов?

– А кого же еще?

– Насколько знаю, года два, не больше. Хотя Стрэдфорд теоретически обосновал возможность перехода материальных тел в ВР еще лет пять назад.

– И на чем основана эта теория?

– А черт его знает. Спроси лучше у шефа, он объяснит, если тебя так это интересует.

Ценное предложение… Подойти и спросить в лоб: «Не скажете ли, уважаемый сэр, в чем суть вашего сверхсекретного открытия? У меня есть подозрение, что оно несет опасность человечеству». Не знаю, как насчет Стрэнка, но психушка мне будет гарантирована. Можно не сомневаться. А от косвенных вопросов Стрэдфорд уклоняется с виртуозной ловкостью…

Азы его теории мне давно понятны. Виртуальность, как известно, состоит из множества информационных пакетов. Но ведь и весь мир, все, что существует вокруг нас можно назвать пакетом информации. Например, человек – он рождается в определенный день, имеет специфический цвет кожи и волос, только ему одному присущие физические параметры, генетический код, наконец. В общем, много чего он имеет. И все это можно описать, представить в виде информации, закодировать и с помощью электрических импульсов загнать в компьютерную систему. Так вот, при погружении материальных тел в виртуальность, происходит то же самое. Тело рэйвера под воздействием прибора Стрэдфорда распадается на кванты информации, и вновь соединяется в виртуальном пространстве, то есть внутри такого же, только намного более интенсивного потока информации. То же самое происходит и при обратном переходе. Не будь виртала, транспортировка бы не произошла, как бы мы не пытались этого добиться, потому что нельзя переместить информацию через ничто, должен быть носитель. Это, как река, увлекающая лодку своим течением. Без воды лодка так и останется на прежнем месте…

– Эй! Ты что уснул? – Бруно толкнул меня в плечо. – Трусы тоже снимай. Костюм должен прилегать к телу без разрывов. Теперь найди разрез на животе и засовывай ноги в штанины, чтобы остальная часть комбинезона оставалась у тебя за спиной… Вот так. Хорошо… Развернись на пол-оборота и просунь руку в рукав… Теперь другую… Подними руки и натяни верхнюю часть костюма через голову… Застегни молнию на животе. Замечательно. Башмаки и перчатки, думаю, сам наденешь.

В раздевалку вошел Стрэдфорд.

– О, я вижу, вы почти готовы. Превосходно. Тогда я подожду погружения.

Он сел на скамейку, достал из кармана пиджака запакованную в металлический цилиндрик сигару и откусил зубами ее кончик.

– Нервничает шеф, – прошептал мне на ухо Бруно. – Он и курьера на задание всегда приходит провожать. Впрочем, старика можно понять. Раньше было проще, особых забот у рэйверов не

было: погружение, переход, передача депеши адресату.

– А теперь?

– Любая, даже самая секретная информация рано или поздно перестает быть тайной. Сначала русские, потом японцы, англичане и шведы открыли возможность проникновения в виртуальную реальность. И пошло, поехало…

Дьявол! Неужели эта «зараза» распространилась по всему миру? Хотя, чему я удивляюсь? Рано или поздно так и должно было произойти. Сперва в тайну посвящен лишь узкий круг лиц: военные, политики высокого ранга, работники служб безопасности, а потом рэйверство захлестнет весь мир, и тогда катастрофы не избежать.

Неужели этого не понимают? Или… или не хотят понимать. Ведь как все просто: сама собой решится самая важная проблема человечества – проблема перенаселения. И не надо никаких войн, сойдет на нет наркомания, исчезнет проблема обеспечения населения продовольствием. Но ведь нетрудно догадаться, что взамен мы получим полный хаос в экономике и невиданный разгул преступности…

«Нет, – прервал я себя, – глупости. Я снова пытаюсь создать образ врага, которого нет. Все гораздо проще и примитивнее. Я опять должен вернуться к той же мысли: вряд ли найдутся сумасшедшие, заинтересованные в исходе человечества в виртуальную реальность. Последствия этого слишком очевидны и ужасающи. Беда лишь в том, что теперь ни от кого ничего не зависит. Это как цепная реакция, стоит процессу начаться, а дальше он протекает сам по себе, подобно снежной лавине»…

– Оглох?

Я удивленно посмотрел на Бруно, протягивающего мне шлем.

На вес он оказался не таким уж тяжелым, видимо, был сделан из какого-то легкого сплава. Теперь я разглядел его получше.

Сзади шлем заканчивался мощным защитным воротником, спереди лицо прикрывал щиток из прозрачного пластика, с левой стороны располагалось утолщение, в котором скрывались наушники и микрофон, а справа – небольшой жесткий кронштейн с телеобъективом, вмонтированным в забрало прямо напротив глаза. С его помощью я мог разглядеть любой объект на достаточно большом расстоянии, а еще он служил «глазом» для компьютера, размещенного в верхней части шлема.

– Давай-давай, смелей. Это не больно, – попытался приободрить меня Бруно, по своему истолковавший мою рассеянность.

Кивнув итальянцу, я натянул шлем на голову.

На мгновение я ослеп, но тут же это состояние прошло. Я

видел, но зато как! Исчезли тени, мельчайшие цветовые оттенки сделали комнату похожей на дворец, так все выглядело ярко и красочно. Я видел сразу два плана одного и того же: один крупный, до мельчайших трещинок или неровностей, другой – обычный.

– Отрегулируй телесистему, – как будто в самой голове раздался голос Бруно.

– Как?

– Звуковой командой. Тебя же учили.

Я отдал компьютеру приказ отключить объектив и снова стал видеть нормально.

– Ну хорошо, – поднялся со скамейки Стрэдфорд, поглядывая на часы. – Можете начинать.

Он бросил недокуренную сигару в урну, но промазал.

«Действительно нервничает,» – подумал я.

– Выход! – сказал Бруно и исчез.

Я растерянно посмотрел на Стрэдфорда.

– Повторите то же самое, – подсказал он.

Я повторил, зажмурив глаза. Но ничего не произошло. Так я и стоял несколько секунд с закрытыми глазами, представляя, каким дураком выгляжу в глазах Стрэдфорда. Наконец, не выдержав, я поднял веки и увидел перед собой Бруно.

– Вот мы и в виртале, – улыбаясь, вымолвил он. – Как слышимость?

– Нормально, – пробурчал я в ответ.

– Замечательно. Сейчас мы в буферном сегменте, одновременно являющемся и оружейкой или экипировочной, называй, как тебе больше нравится. Здесь ты можешь выбрать себе любую пушку по вкусу. Я обычно пользуюсь «Береттой» тридцать восьмого калибра. Довольно удобная в обращении штука и тяжести таскать не надо.

Я оглянулся и ахнул. Три стены сегмента были до самого потолка заставлены стеллажами с оружием.

– Даже и не знаю, – растерянно пробормотал я. – Тут и жизни не хватит, чтобы выбрать что-нибудь по душе.

– Хм, – хмыкнул Бруно, – тогда сделаем проще. Ты когда-нибудь пользовался оружием?

– Да. Автоматом и еще… бластером.

– Чем?

– Бластером. Это такая штука…

– Да знаю я, что такое лучемет. Небось, в виртале игрался?

– И в реальности тоже.

– Это все ерунда, – махнул рукой Бруно. – Обыкновенное армейское лазерное ружье – вещь маломощная и неэффективная.

К тому же оно хорошо действует лишь на близком расстоянии. И в реальности, и в виртале, что абсолютно естественно, иначе его бы просто не ввели в компьютерную программу.

– Почему ты так думаешь? – спросил я.

– Все очень просто. Создавая виртуальный продукт, программисты стремятся придать любому объекту тот вид, который он имеет в реальности, иначе пользователи заметят подделку и просто-напросто откажутся от подобной программы. Времена наивных графических изображений давно прошли. Человек, оказавшийся в виртале, хочет забыть, где он находится. Ему подавай все настоящее, как в жизни или максимально приближенное к жизни, иначе для чего нужна сама виртуальная реальность? Вот поэтому с помощью сканеров, телмеров и прочей аппаратуры программисты копируют все предметы до мельчайших деталей конструкции. Да что там, вспомни Кэмп-Пири. А сделать подобное с объектами, не существующими в реальности, невозможно. Фантастическое оружие, субпространственные корабли, другая, созданная человеческой фантазией техника, а также всякого рода инопланетяне, просто милые сказочки, в которые верят не умеющие повзрослеть чудаки. Попади эти игрушки из виртала в наш мир, что само по себе невозможно, были бы они просто-напросто муляжами, макетами, видимой оболочкой. Сам подумай, окажись подобная вещь в реальном мире, смогла бы она функционировать?

– А ты как считаешь?

– Ну, ты даешь! – удивленно посмотрел на меня Бруно. – Да пойми, программисты могут создать все что угодно. В виртуальности, конечно, все это работает, а вот в реальности – черта с два.

– А кто-нибудь это проверял?

– Зачем? Это и так понятно, как дважды два.

Разве мог я ему объяснить, что бластер, из которого я застрелил Маргарет Тревор, как-то не очень походил на создание рук человеческих? Разве мог рассказать, как боялся, сидя в Стрэнке, что наша цивилизация вот-вот выйдет на новый виток гонки вооружений? На этот раз вооружения фантастического, типа бластеров, деструктеров или аннигиляторов, о которых военные и не мечтают, а ученые только-только начинают задумываться. И эти мучительные сомнения и тревоги так и не развеялись здесь, на свободе…

– Ну, так что выбираешь? – вывел меня из задумчивости Бруно. – Советую мини «узи». Большая скорострельность, прост в обращении и, главное, весит совсем немного.

– Это что, пистолет? – спросил я.

– Вообще-то, пистолет-пулемет, созданный для войск специального назначения. В магазине тридцать два патрона, имеет глушитель и ночной прицел, может метать специальные гранаты. Убойное оружие, скажу я тебе, но главное, его легко спрятать под одеждой, когда мы будем действовать в реальности.

– Хорошо, – согласился я. – Пусть будет «узи».

Бруно объяснил, как пользоваться оружием, и я сунул его в специальный карман комбинезона.

– Теперь возьми это, – Филетти протянул мне армейский рюкзак.

– А он зачем?

– Там твоя цивильная одежда. Представь, как мы будем выглядеть, разгуливая по какому-нибудь Мюнхену в таком виде.

– Что верно, то верно, – согласился я. – Но ведь сегодня тренировка. Сам говоришь: летим на нашу базу…

– А если сбой в сети? – ехидно посмотрел на меня итальянец.

– Что тогда? – осторожно осведомился я. Надо сказать, что ответ на этот вопрос меня очень интересовал.

– Ничего особенного, – Бруно лениво потянулся. – Даже если виртал рухнет в тартарары, нас выбросит обратно в реальность благодаря этим шлемам с системой экстренной эвакуации. Вопрос в другом: в какую точку реального пространства мы попадем? Этого заранее никогда не знаешь. Но в любом случае не дрейфь, мы от падения системы застрахованы.

Уже легче. На мгновение даже стало неудобно за мысли о том я предназначен на роль «пушечного мяса». Не дураки же, в самом деле здесь работают. Да и информация, о которой говорил Бруно, наверняка стоит денег. И немалых.

Д-да… Похоже, что массовый исход в виртуальную реальность оказывается блефом. Без специального шлема с системой экстренной эвакуации вряд ли кто-то рискнет уйти в виртал на верную смерть. Стоит же такой шлем наверняка немало, да и проводить время в ВР в подобном головном уборе да еще и прорезиненном одеянии не очень-то приятно.

И все же, полностью сбрасывать со счетов проблему исхода не стоит. За «саркофаги» ведь тоже платили когда-то бешеные деньги, но времена меняются, технологии совершенствуются, кто знает, что будет через год или два? Единственное, я мог успокоить себя тем, что данная проблема отодвигается пока на неопределенное время. И на том, как говориться, спасибо…

А ведь, если пользоваться только биоэнергетическим преобразователем, как его называла Маргарет Трэвор, от сбоев в системе не спасешься. Да, надо отдать должное Маргарет, она рисковала, зная, чем это для нее может обернуться. Стоп! А

может, мисс Трэвор и не думала об этом, может, я переоцениваю ее умственные способности? Бесстрашие от незнания – это не героизм…

– Ну вот и все, – критически оглядев меня с ног до головы, сказал Бруно. – Теперь в путь. И да поможет нам Бог!

– Аминь, – пробурчал я.

Выйдя из сегмента, я ожидал увидеть привычный для меня текстовой буфер, а проще – зал выбора игровых программ. На самом же деле мы оказались в абсолютно ином месте, больше напоминающем эллинг с наклонным стапелем, заканчивающимся входом в широкий туннель.

Разумеется, я не ожидал, что расстояние до точки назначения мы будем преодолевать, прыгая из одной игры в другую или же через сетевые залы. Но чтобы выйти в виртал, минуя текстовой буфер… Нет, с таким я столкнулся впервые.

– Где мы? – озираясь по сторонам, спросил я.

– На станции, – ответил Бруно. – На нашей телефонной станции.

– Не понял, – признался я.

– Мы выходим в компьютерную сеть, обойдя выводные системы, определители кодов абонентов, пункты проверки и идентификации и многое-многое другое. При первом удобном случае нас как информационный пакет сбрасывают куда нужно, если, конечно, кто-нибудь по пути не попытается перехватить капсулу.

– Какую капсулу? – тупо спросил я.

– Вон ту, – махнул рукой Бруно.

Я посмотрел в направлении, куда он указывал, и только теперь приметил яйцевидный предмет величиной с небольшой автомобиль, сиротливо приютившийся на самом краю стапеля.

– Хорошо, – я поднял руки, – сдаюсь. В этом деле я полный профан. Хотя бы в трех словах объясни, что к чему?

– А что тут объяснять? – пожал плечами Бруно. – Сейчас мы заберемся в капсулу и будем ожидать звонка.

– Чьего звонка?

– В данном случае – нашего диспетчера. А вообще-то, без разницы. Если ты должен попасть, к примеру, в Москву, значит туда или оттуда. Первый звонок – и капсула, увлекаемая электроимпульсом, отправится по телефонному кабелю к пункту назначения. Видишь туннель? Это и есть виртуальная проекция кабеля, так сказать, аналог системы проводной связи виртала. Пошли, у нас не так уж много времени. Сегодня пройдем обычный маршрут до нашей базы на Аляске.

Вблизи модуль уже не так сильно походил на яйцо. Нижняя его часть была сплошной и чуть приплюснутой, образуя своеобразное днище. Верхняя же состояла из двух сегментов, причем, передний был прозрачным, и сквозь него я разглядел сложную панель управления, а также два сидения с высокими спинками и амортизационными подушками. Задний сегмент служил багажным отделением, куда Бруно тут же запихнул рюкзаки с нашей одеждой. Затем он откинул прозрачный колпак, и мы забрались вовнутрь.

– Хорошо, – сказал я, – прямо как в «Кадиллаке», удобно и комфортабельно. А я уж грешным делом думал, что мы пехом будем переть.

– В любом случае пешком здесь не походишь, – сказал Бруно, пристегиваясь ремнями безопасности. – Даже без модуля нас понесет по магистрали, ибо мы, как я уже говорил, станем чем-то вроде информационного пакета. Задать скорость и направление можно и с помощью компа, – он похлопал согнутым пальцем себе по шлему, – но экспериментировать не советую. Последствия непредсказуемые.

– А кто-нибудь пробовал?

– Чего не знаю – того не знаю, – развел руками Бруно. – А теперь пристегнись, перегрузка будет приличная.

– И насколько?

– Мало не покажется, – как-то странно улыбнулся итальянец. – Разумеется, мы не будем перемещаться со скоростью, с которой движется импульс по телефонной сети, ибо в виртале этот сигнал можно растянуть во времени, но все равно перегрузки будут достаточно большие.

Я поспешно застегнул ремень безопасности, наблюдая, как Бруно колдует над панелью управления, одновременно объясняя мне назначение многочисленных приборов.

– Вот эти две кнопки, – говорил он, – подсоединяют или разъединяют нас с коммуникатором. Эта включает систему поиска. Видишь экран? На нем показываются все направления, по которым идет набор телефонных номеров. Вот этот вьюер служит для ручной установки маршрута следования. Сейчас я выставил шкалу напротив адреса нашей базы. Ниже расположен блок подключения капсулы к телефонной сети. Включается этим тумблером. Остальные лампочки, индикаторы и шкалы действуют во время движения. Самые важные из них: указатель разрыва в сети и определитель изменения мощности импульса, что означает вмешательство извне. Надеюсь, чаша сия тебя, да и всех нас минует… Да! И вот еще что. Видишь красную кнопку. Она включает систему экстренного торможения. В этом случае модуль

сам вырабатывает импульс, гасящий инерционный момент. Все понятно?

– В общем-то, да.

– Тогда ждем. Сейчас поедем. Да и обычно ожидание надолго не затягивается. Все зависит от степени значимости места назначения. Как правило, со столицами проблем нет, бывает два-три звонка в минуту, а то и боль…

– О-о-о! – завопил я.

Стена эллинга стремительно понеслась навстречу, и я понял, что сейчас от нас не останется и мокрого места. Но к счастью, модуль, заложив крутой вираж, с огромной скоростью ворвался в туннель.

Раздавленный, расплющенный, вмятый в амортизационную подушку, я балансировал на грани сознания и небытия, понимая, что долго не продержусь. Я ведь не космонавт, меня не готовили к таким перегрузкам, даже не предупредили. Почему? Это было странно и, честно говоря, не совсем понятно.

Что-то опять было не так, и я уже почти понял, в чем дело, но слабенькую, еще не до конца оформившуюся мыслишку внезапно спугнул громкий хлопок.

– Прошли звуковой барьер, – раздался в наушниках голос Бруно. – Ну, как ты там? Еще не превратился в камбалу?

Я не ответил, лихорадочно вытаскивая назад из глубин мозга визжащую от испуга догадку. Она изо всех сил сопротивлялась, она пыталась вновь ускользнуть от меня, вертко виляя хвостом, но я все же уцепил ее за жабры и лишь тогда понял, что к чему.

– Ладно, хватит, – громко сказал я, – Повеселились и довольно. Включай стабилизирующую систему.

Бруно лишь на самую малость повернул голову в мою сторону, и я увидел широкий его оскал. Тут же перегрузка исчезла. Бруно довершил поворот головы, продолжая широко улыбаться.

– Раскусил все-таки.

– Тебе сейчас врезать как следует или потом? – зло спросил я.

– Не обижайся, – Бруно сотворил на лице улыбку младенца. – Это ведь только шутка.

– И за меньшее в прежние времена на кол сажали.

– Ну не сердись. Мы так обычно новичков проверяем.

– А если бы от такой проверки у меня сердце остановилось?

– Да ты что! Я ведь все время следил за информацией, передаваемой твоим компом.

– Врешь. Как ты мог получить такую информацию?

– Вот те раз. Наши компьютеры имеют не только постоянную радиосвязь. Взаимодействие гораздо глубже. При необходимости

ты, например, можешь подключить и мой комп для решения какой-либо проблемы, как я твой.

– Все равно дурацкая у вас проверка, – продолжал злиться я.

– А представь, каково было еще год назад, когда стабилизирующую систему только разрабатывали? Нас после задания, в прямом смысле слова, соскребывали со стенок модуля.

– Ну, вот что, – хмуро сказал я, – давай договоримся раз и навсегда. Я не люблю проблемы, и если кто-то начинает мне их создавать, тот автоматически попадет в разряд моих врагов.

– Понял, – покорно кивнул итальянец, – каюсь, виноват, больше не повторится.

– Будем надеяться, – произнес я и, не выдержав, улыбнулся.

Уровень 3
Курьер особого назначения

Коридор был освещен яркими светильниками с металлической оплеткой. Мы дошли до лифта, который вознес нас на нулевой этаж, где надо было перейти в другую кабину, связывающую наземные уровни здания, а также пройти проверку документов. Впрочем, это не заняло много времени, и через несколько минут мы с Бруно уже входили в кабинет Стрэдфорда.

– Садитесь, – приказал шеф, и сам занял место за письменным столом, на котором красовалась новенькая Ай-Би-Эмка последней модификации.

Бруно устроился в кресле, я же выбрал один из стульев и сел на него в позе добропослушного подчиненного.

– Итак, – начал Стрэдфорд, – сегодня вечером вам предстоит доставить депешу нашему агенту в Лондоне. Содержание депеш, обычно, курьеры не знают. Это я объясняю вам, Эндрю. Скажу лишь одно: от этого сообщения зависит жизнь нескольких человек. Встреча с агентом назначена в клубе «Реформ» на Пэлл-Мэлл с двадцати двух часов до полуночи. Вы узнаете нужного человека по золотой, в форме трилистника булавке на галстуке. Агент подойдет к вам сам и скажет пароль: «Не хочу навязываться, но терпеть не могу одиночества», на что вы должны ответить: «Ради Бога, втроем всегда веселее».

– Один вопрос, шеф, – сказал Бруно. – А если мы не уложимся в нужное время?

– Обязаны уложиться. МИ-5 села этому парню на хвост. Без инструкций ему из Англии не выбраться.

– Понятно, – вздохнул Филетти.

– Для вас же, Эндрю, это будет отличной школой, – продолжал Стрэдфорд, – Бруно – непревзойденный специалист в своей области, съевший в виртале не один пуд соли. Именно поэтому я посылаю вас двоих, что обычно мы не практикуем. Учитесь, перенимайте навыки, в дальнейшем вам предстоит работать в одиночку. Ну а сейчас пообедайте, отдохните, в общем, готовьтесь…

Мы встали и, попрощавшись, вышли в коридор.

– Что такое МИ-5? – спросил я.

– Британская служба безопасности или, проще, контрразведка.

– А-а, – протянул я.

– Не дрейфь, парень, все будет о`кей. А, вообще, лучше не

думай об этом, вспомни о хорошей еде. Еще неизвестно, когда нам доведется перекусить в следующий раз.

– Совсем не против, – ответил я, все еще размышляя о службе безопасности.

– Тогда, вперед! Тут есть отличное место, где подают великолепные спагетти.

За прошедшее время мы сдружились с Филетти. Разговоры наши становились все откровеннее, поэтому я не боялся обидеть итальянца вопросом:

– Не хочешь рассказать, как ты очутился на этой работе?

Бруно зыркнул черными глазищами и сперва неохотно, но потом со все большим энтузиазмом поведал мне свою историю.

В семье Филетти почитался один-единственный бог – компьютер. Отец и мать были высококвалифицированными программистами, начинавшими свою карьеру еще на заре развития вычислительной техники. С детства Бруно был погружен в эту среду. Первая написанная им строчка появилась на экране монитора и лишь потом на бумаге.

В восемь лет Бруно создал свою первую программу на тогда весьма распространенном, но теперь давно забытом языке С. Далее – школа с кибернетическим уклоном, колледж. К восемнадцати годам – автор почти сотни системных, прикладных и познавательно-игровых программ. Но ни денег, ни славы, о которых мечтал молодой Филетти, они не принесли. Бруно фатально не везло. Его программы нагло присваивали другие, чаще просто воровали, иногда все же покупали, но по такой смехотворной цене, что молодой программист, к тому времени оставшийся без родителей, едва сводил концы с концами.

И однажды ему все это смертельно надоело. Он взломал банковскую компьютерную сеть и с нескольких, раскиданных по всему миру счетов, перевел на свой три тысячи долларов. Все прошло гладко, и Бруно воспрянул духом. В то время он работал над структурированной автоматизированной системой логического проектирования, и, чтобы целиком отдаться исследованиям, ему постоянно нужны были средства.

Два года он потихоньку воровал деньги с разных счетов из разных банков, не ведая, что к нему медленно, но уверенно подбирается Отделение по борьбе с компьютерными преступлениями Интерпола. Впрочем, вычислить его они вряд ли когда-нибудь бы смогли, если б результаты двухлетнего труда Бруно по созданию революционной системы программирования не были вновь украдены.

Филетти доверился молодой, но быстро развивающейся

компьютерной фирме, которая еще быстрее обанкротилась и в довершение всего продала за бесценок системный продукт, в который Бруно вложил всю свою душу, талант и сбережения. Проклиная весь мир, а особенно компьютерный, Бруно создал один за другим несколько вирусов, вызвавших немалый переполох в локальных компьютерных сетях Чикаго, откуда Филетти был родом.

– Но все это было лишь тренировкой, – возбужденно говорил Бруно. – Я, так сказать, набивал руку, готовя нечто грандиозное, от чего содрогнулся бы весь мир. На меньшее я, просто, не был согласен. Я решил сделать так, чтобы все люди поняли – от компьютеров не стоит ждать ничего хорошего. Они – путь к хаосу. Слишком много на них возложено, за многое они отвечают, даже за жизни человеческие. Конечно, я был юн и запальчив. Свои личные обиды хотел спрятать за глобальными проблемами, а со временем и вовсе уверовал, что несу человечеству избавление…

«Господи, как он похож на меня,» – подумал я, продолжая слушать итальянца.

– Три года я создавал своего «скорпиона» и потом запустил его через систему теледопуска сразу с нескольких десятков компьютеров, раскиданных по всей Америке.

– Ну, ты даешь! – пробормотал я.

– Это еще что, – хохотнул Бруно. – Дальше было интересней. Чтобы распространение вируса было как можно шире, я ввел его сразу в несколько компьютерных сетей. А затем, чтобы обезопасить себя, специальная программа «скорпиона» стерла из памяти компьютеров первоначального запуска всю информацию, по которой можно было определить, откуда вирус поступил в сети.

И началась потеха… Вирус, используя системы электронной почты, сетевые утилиты и другие средства коммуникаций, начал распространяться с невиданной скоростью. Почему? Обычно создатели вирусов пытаются вогнать свои детища в чужие компьютеры при помощи различных лазеек, оставленных разработчиками при составлении программ для облегченного доступа в любую их точку, либо же пробуют подобрать пользовательские пароли. Бруно пошел напролом. «Скорпион» нес в себе программу, которая, опережая системный защитный файл, сама запрашивала у него пароль входа в систему, одновременно изменяя структуру этого файла. Программа-взломщик как бы менялась местами с программой допуска. Все двери широко распахнулись, впуская в себя заразного больного. А дальше все шло как обычное инфицирование самым банальным «сетевым червем». После прорыва модуля захвата в систему, сразу же

задействовалась вторая часть вируса, занимавшаяся тем, что отыскивала адреса других компьютеров, входящих в данный узел сети, одновременно размножаясь и посылая свои копии по уже обнаруженным абонентам.

– Впрочем, самым главным в «скорпионе», сам понимаешь, был его хвост, – хвастливо сообщил Филетти. – Стоило вирусу закончить размножение и прорваться в «нутро» очередных своих жертв, в первично зараженном компе включалась последняя программа, ради осуществления которой я, собственно, все и затеял. Эта совсем крошечная программка вмешивалась в работу электросхемы компьютера и давала пиковую нагрузку на монитор и материнскую плату. Перегорали они за милую душу. «Скорпион» жалил сам себя и погибал вместе со своим инкубатором – компьютером. Но десятки, сотни, тысячи его детишек уже трудились в других местах.

– Маньяк, – хмуро сказал я. – Ты хоть задумывался, к какой катастрофе могли привести твои действия?

– Конечно, – усмехнулся Бруно. – Но я хотел лишь показать, что может натворить один-единственный вирус, а отнюдь не собирался уничтожать человечество. Прежде всего, я запрограммировал «скорпиона» так, что при всем желании он не мог вторгнуться ни в одну служебную сеть, только в развлекательные, фактографические и библиографические. Так что ни о каких катастрофах с человеческими жертвами не могло быть и речи. Пользователи лишь потеряли свои компы и информацию.

– Допустим, – сказал я. – А системы виртуальных развлечений?

– Им тоже досталось. «Саркофагов» сгорело порядочно… Жалоб было море! Страховые компании совсем взбесились, – радостно ухмыльнулся итальянец.

– Чертов хакер, – пробурчал я. – Убивать таких надо.

– Ты дальше слушай! – с энтузиазмом перебил меня Филетти.

И Бруно принялся рассказывать как ФБР, дотошно проверяя всех, кто подключался в систему теледоступа, из которой началось распространение вируса, аналитически его вычислило. А потом на Федеральное бюро расследований вышел Интерпол. Сопоставили факты и вышли на Бруно. Правда, доказать его виновность в ограблениях банков и порче частного имущества было не так уж и просто. Бруно затаскали на допросы, а он упорно отмалчивался.

«Это как раз понятно, – угрюмо размышлял я. – Все молчат. Стрэдфорд тоже. Что с того, что я выяснил, что его идеи базируются на волновой теории? Виртуальная волна в реальном

мире, реальная в виртале… От мира, куда они вторгаются, волны достаточно надежно защищены. А они на него влияют? Бог весть… Похоже, Маргарет что-то поняла… Хоть убейте, не могу поверить, что эта хитрая стерва рисковала своей драгоценной жизнью ради виртуальных развлечений. Да и рисковала ли? Не складывается, ничего не складывается… Дьявол! Здесь нужно быть специалистом-теоретиком, причем, неординарным»…

– И они мне сказали, что у тебя, парень, есть два выхода, – оказывается, Бруно все еще продолжал свой рассказ. – Либо тебя засадят на пятнадцать лет в тюрьму, и ты до конца своих дней будешь выплачивать деньги за нанесенный ущерб, либо мы тихо и мирно закрываем дело, взамен предлагая тебе интересную и высокооплачиваемую работу, на которой ты сможешь сполна раскрыть все свои таланты. Понятное дело, я выбрал второй вариант.

Опять у меня мелькнула мысль о том, что в курьеры берут людей с не совсем безоблачным прошлым. Но развивать ее дальше я побоялся. К тому же слишком мало данных у меня пока было, а делать какие-то поспешные выводы уже надоело. Я ведь не был гадалкой на кофейной гуще.

– Меня интересует другое, – сказал я Филетти, – почему такого программиста, как ты, Стрэдфорд держит в черном теле, заставляя столько времени работать курьером?

– Тут может быть несколько ответов, – невесело усмехнулся Бруно. – Первый: мне не доверяют до конца, все еще присматриваются, так сказать. Второй: как любой разведывательной службе им, прежде всего, нужны действующие агенты, а не научные сотрудники. Третий: наш шеф сильно боится, что кто-то сможет хотя бы чуть-чуть приблизиться к его гениальности. Этак, со временем и затмить сумеют. Поверь, за эти годы я хорошо изучил его болезненное самолюбие…

– Понятно, – вздохнул я. – Значит, и мне уготована та же участь.

– Все может быть. Но сильно не расстраивайся, в лабораториях тоже не сахар. Они вечно там грызутся, как голодные псы над костью. У нас же есть хоть какое-то ощущение свободы. Поверь, это многого стоит…

Я снова тяжело вздохнул.

Мы молчали. Я пытался разглядеть туннель за прозрачным фонарем кабины. Но толком так ничего и не увидел. Слишком быстро мы двигались, поэтому все вокруг сливалось в одно сплошное пятно.

Наконец, капсула стала замедлять ход.

– Скоро центральная АТС Лондона, – сказал Бруно. – Нам надо соскочить раньше, иначе вляпаемся в фильтр-очиститель.

– Что за фильтр? – спросил я.

– Да придумали недавно на нашу голову средство защиты. Новичок, конечно, может попасться, а, вообще, ерунда. Движущийся модуль на короткий миг лишается поступательного импульса и мгновенно тормозит. Это, как вмазаться в бетонную стену на сверхзвуковой скорости. Сам понимаешь, после подобного поцелуйчика от капсулы остаются одни воспоминания.

– Замечательно, – невесело усмехнулся я. – На какие еще сюрпризы я могу рассчитывать?

– Их больше, чем ты можешь себе представить, но если делать все как надо, любую ловушку можно обойти. Так что учись. Пригодится.

– Мог бы этого и не говорить. Сам все понимаю, – ответил я, разглядывая стены туннеля, которые раньше не мог рассмотреть из-за бешеной скорости.

Оказывается, они были однородны и однообразны, как песчинки в пустыне. Никаких стыков, никаких сочленений – обычная цельнотянутая гладкостенная труба. Да и чему тут удивляться, туннель – это всего-навсего телефонный кабель.

– Все, – сказал Бруно, – приехали. Судя по датчику расстояния, мы находимся в пределах Лондона.

Модуль прокатился еще метров двадцать и замер. Мы выбрались наружу, разминая затекшие члены.

– Что дальше? – спросил я.

– Переоденемся.

Я тут же потянулся к змейке на животе. Признаться, стягивающий тело костюм мне уже порядком надоел.

– Стой! – заорал Бруно. – Ты с ума сошел! Сперва нужно активировать объективное поле, иначе тебя раскидает по разным реальностям. Я видел однажды, как это происходит. Голова и правая рука того бедолаги остались в виртуальности, а остальное вышвырнуло в обычное пространство. Жуткая, скажу тебе, была картинка.

Меня передернуло, как будто я и сам присутствовал при этом.

– А как это делается? – с трудом выговаривая слова, спросил я.

– Что именно?

– Активация.

– Уже забыл? Знаешь, Эндрю, люди с короткой памятью у нас не задерживаются. Просто отдай команду компу, он сам все сделает.

– Активация! – с замиранием сердца произнес я.

– Активация, – повторил за мной Бруно, и тут же засветился с ног до головы ярким голубым светом, похожим на огни святого Эльма. Я посмотрел на свои руки и понял, что выгляжу так же нелепо, как и мой напарник.

– Возьми из модуля рюкзак и можешь переодеваться. Только не снимай пока шлем и не забудь переложить оружие, – распорядился Филетти.

Я с радостью достал из ранца белую сорочку, пестрый галстук, темно-синие твидовые брюки и такой же пиджак, затем снял комбинезон и принялся запихивать его в рюкзак.

– Нет, – остановил меня Бруно. – Не надо его мять, просто положи на сидение в модуле. К тому же рюкзак нам еще понадобится.

Итальянец уже полностью оделся, сунул пистолет в кобуру и теперь ждал меня. Пришлось поторапливаться. Только движения мои были какие-то замедленные, как бывает, когда ты идешь под водой. Я поинтересовался у Бруно, почему это так, и он объяснил, что такой эффект возникает, если снять биосенсорный костюм.

– Теперь его функцию выполняет шлем, реагируя на возмущения каждой нервной клетки. По существу, перезагрузка компа и создает такое ощущение. Ну ничего, привыкнешь. Это не страшно. Страшнее выход, – говорил Бруно, пока я возился с пуговицами. – Никогда не знаешь, куда тебя выкинет из сети. Можешь попасть в чью-то квартиру или оказаться посреди многолюдной улицы, а может случиться что-нибудь еще похлеще. Так что будь готовым ко всему. Вполне возможно, что нам сразу же придется уносить ноги.

– Разве нельзя придумать более безопасный выход в реальность? – удивленно спросил я.

– Увы, – Бруно развел руками. – Раньше проблем не было. В любом крупном городе у нас были конспиративные квартиры. Достаточно было сделать телефонный звонок по нужному адресу и тебя выбрасывало прямо туда. Теперь же из-за этих чертовых фильтров дело сильно усложнилось.

– Но подожди, – я был ошарашен. – Тогда получается, что способ доставки информации курьерами так же ненадежен, как и все остальные?

– Ты забываешь об одной мелочи. В случае неудачного выхода, мы тут же можем нырнуть обратно в виртал и попытаться выйти в другом месте. Ну что, готов?

Я кивнул.

– Даю команду на синхронизацию наших компов, чтобы нас не раскидало при выходе, – произнес Филетти.

На дисплее моего забрала забегали цифры, выстраиваясь в столбики.

– Приготовься! – раздался в наушнике голос Бруно. – Три, два, один, зеро!

Автобус с воем несся на меня, слепя фарами.

– О черт! – заорал я и прыгнул к обочине, вытянув вперед руки.

Тугая волна воздуха прижала к бордюру, заставив почувствовать каждую неровность камня, и железный монстр, ревя девятижильным мотором, умчался прочь.

Я пошевелил руками, потом ногами. Вроде, цел. Перевернулся на спину, сел.

Машин на шоссе больше не было, но зато вокруг стояла темень, как в трюме нефтеналивного транспорта. Но хуже было то, что эта местность на Лондон как-то не тянула, да и на городские предместья тоже.

Однако сейчас меня интересовало вовсе не это. Я не видел Бруно, хотя крутил головой на все триста шестьдесят градусов. Либо его выбросило в другом месте, либо… Либо его сбил автобус! Я вскочил на ноги, я запаниковал, я завопил, как ненормальный:

– Бруно! Бруно, где ты, мать твою?!

– Чего орешь? – раздался за спиной спокойный голос итальянца.

– Это ты! – я подпрыгнул от радости. – А я уж думал…

– Сними шлем, и спрячь его в рюкзак, – перебил меня Филетти.

– Да-да, конечно, – бормотал я, радуясь, как щенок, нашедший хозяина.

– Надо запомнить это место, – оборвал мои излияния Бруно. – Телефонный кабель проходит где-то рядом с дорогой. Я пойду в эту сторону, ты – в другую. Ищи указатель с надписью «кабель». Надо обязательно определиться, иначе потом не найдем модуль.

– А где мы, вообще, находимся? – спросил я. – Что-то не похоже на город.

– Лондон вон там, – показал Бруно. – Видишь слабое зарево на севере?

– Угу.

– Не знаю, почему мы оказались так далеко от места. Наверное, фильтр отодвинули от границ города. А может, в модуле барахлит датчик расстояния. Впрочем, все не так уж и плохо. Выход практически чистый, если не считать того, что ты едва не поцеловал радиатор автобуса на полном ходу, – он

громко хохотнул и хлопнул меня по плечу.

Я тоже улыбнулся, но не так жизнерадостно.

– Ладно, разошлись, – сказал Бруно. – И смотри в оба.

К тому времени мои глаза адаптировались к слабому свету небесных светил, и я разглядел грязно-белый столбик метрах в двадцати от нас.

Бруно достал фонарик и посветил.

– До Лондона двенадцать миль, – пробормотал он. – Это не тот указатель, но тоже сойдет за ориентир. Достань из своего рюкзака саперную лопатку.

– Что? У меня нет никакой лопатки.

– Тогда посмотри в моем.

Я подчинился и долго рылся в содержимом рюкзака, хотя и понимал, что лопата – не иголка. Наконец, сдался и сказал:

– Здесь тоже ничего нет.

– Черт! – выругался Бруно. – Неужели они убрали из комплекта лопату? Кретины! Как теперь, скажи на милость, мы спрячем рюкзаки?

– А зачем их прятать?

– Слушай, парень, – зло проговорил Бруно. – Ты, действительно, настолько туп или притворяешься?

– Притворяюсь, – буркнул я, понимая, что он прав.

– Тогда займись делом, – сказал Бруно. – Придется поработать руками.

Он достал нож и прямо под столбом принялся разгребать лезвием землю. Я последовал его примеру.

Прошло не меньше получаса, прежде чем мы вырыли яму достаточно глубокую, чтобы в ней могли уместиться оба рюкзака. Правда, несколько раз, когда по дороге проезжали автомобили, нам приходилось отрываться от работы и отходить от столбика подальше.

Но теперь, уложив рюкзаки на дно, мы закидали их землей, тщательно разровняв ее.

– До утра земля подсохнет, – сказал Бруно. – Будем надеяться, что наш тайник никто не обнаружит.

– Да кому нужно бродить возле шоссе? – фыркнул я.

– Ты не смейся, – косо посмотрел на меня Бруно. – В нашем деле любая мелочь может оказаться роковой. Ладно. Пошли. До рандеву осталось всего полтора часа…

Выбравшись на шоссе, мы, как мотыльки, устремились на свет Лондона, пусть пока едва различимый, но не теряющий из-за этого своей привлекательности. Несколько раз нас обгоняли машины, но лишь с четвертой попытки Бруно удалось остановить

попутку.

Здоровенный розовощекий детина, насквозь пропахший навозом, оказался фермером из Саутгемптона. Звали его Рони Фэлдон. Небольшой рефрижератор был под завязку набит говяжьими тушами. Фэлдон вез их на фабрику пищевых концентратов, где должен был сдать по бросовой цене. Но лучше уж так, чем, вообще, ничего.

Все это Рони выложил нам в первую минуту, а потом начал рассказывать о своей ферме, о непомерных налогах, о жене и двух дочерях, от которых в хозяйстве никакого проку.

– Эти бездельницы думают лишь о том, как бы повыгодней выскочить замуж, – сетовал Фэлдон. – Даже доить коров не хотят. Всё на моей шее. И тронуть их нельзя – Мэри сразу на дыбы. Говорит, если сам горбатишься от зари до зари, так пускай хоть у дочерей будет лучшая доля. Бездельниц из них вырастила и довольна. Дура! Работать надо, вот что я скажу. Отец мой скот разводил и дед разводил, и прадед разводил. Да и Мэри из фермерской семьи, откуда у нее такие взгляды на жизнь – ума не приложу. Хоть бы сына мне, что ли, родила. Я б его научил землю любить…

Меня от его трёпа уже тошнило. Бруно пока только скрипел зубами, но я чувствовал, что он в любую секунду может взорваться. Итальянцы – народ вспыльчивый, импульсивный, но оказалось, и они умеют сдерживаться. Бруно просто закрыл глаза и уснул. Я же принялся разглядывать все более яркое сияние впереди…

В тюрьме я читал книгу о Лондоне. Там было много фотографий, и я заочно, так сказать, познакомился со знаменитыми на весь мир Вестминстерским аббатством, Биг-Бэном и Тауэром. Удастся ли мне насладиться всеми красотами Лондона воочию, я не знал, но очень хотелось, чтобы нашлось время осмотреть достопримечательности города.

Занятый этими мыслями, я потихоньку погрузился в дрему под монотонные причитания Фэлдона. Когда же проснулся, оказалось, что дорогу с обеих сторон обступили коттеджи.

– Где мы сейчас? – перебив неутихающего Рони, который, похоже, так и не заметил, что «благодарные слушатели» давно не внемлют его речам, спросил я.

– А? – непонимающе посмотрел на меня фермер.

– Спрашиваю, где мы находимся? – повысив голос, прорычал я, отчего, вздрогнув, сразу же проснулся Бруно.

– Ты чего? – испуганно спросил он.

– Спи, – буркнул я. – Иначе он тебя своей болтовней на тот свет загонит.

– Что? – спросил Рони.

– Черт побери! – выругался я. – Как прикажете разговаривать с вами двумя одновременно? Бруно, ты помолчи, хорошо? А тем временем Рон мне ответит, где мы сейчас находимся.

– А-а, – протянул Фэлдон. – Так мы недавно проехали Кобем, а это – Ишер. Потом будут Сербитон и Хук. Туда я и еду.

– Там можно поймать такси? – спросил Бруно.

– Конечно. Такси можно везде поймать. Вон, к примеру, стоит.

– Тормози! – заорал я.

Рони резко надавил на педаль тормоза, отчего мы с Бруно едва не врезались головами в лобовое стекло.

– Что случилось? – спросил фермер.

– Ничего, – ответил я. – Спасибо, что подвез. Дальше мы уж как-нибудь сами.

– Жаль, – вздохнул Фэлдон. – А я как раз хотел поведать историю о моей тетушке Мэг…

– Только не это! – соскакивая с подножки, вскричал Бруно.

– Язык тебе надо периодически подрезать, как шерсть у овец, – чуть тише добавил я.

Без всяких приключений мы добрались на такси в центр города. Возле клуба «Реформ» водитель остановил машину, и, расплатившись, мы выбрались на мостовую.

Улица Пэлл-Мэлл, застроенная в незапамятные времена серыми домами с высокими окнами и напоминавшая гравюру викторианской эпохи, навевала тоску. «Реформ», впрочем, выглядел вполне респектабельно, но, как оказалось, это заведение давно не было клубом, а числилось в разряде вполне обычных ресторанов. Просто хозяин его, будучи человеком консервативным, решил не менять прежнее название. Отдавая дань прошлому, он несказанно гордился тем, что когда-то членами клуба были высшие государственные чиновники и политические деятели Британии.

– Говорят, сам сэр Уинстон Черчиль и «железная леди» Тэтчер наслаждались форелью именно здесь, – доверительно шептал нам на ухо гордый официант, ведя к свободному столику. – Кстати, советую и вам отведать нашу форель. Нынешний повар просто виртуоз, пальчики оближите.

– Спасибо, – ответил Бруно, усаживаясь на стул с высокой спинкой и показывая взглядом, чтобы я устроился напротив него. – И еще хорошего вина пятилетней, скажем, выдержки.

Когда официант удалился, итальянец тихо прошептал:

– Не нравится мне здесь.

– Почему? – встревожено спросил я.

– Не знаю. Но что-то тут не так. Да не крути головой! Старайся вести себя непринужденно, а еще лучше, сделай вид, что занят изучением меню.

Я подхватил со стола пластиковый лист и невидящими глазами уставился на него. Бруно же подозвал официанта, попросив принести пока аперитив.

– Что будем делать? – тихо спросил я, едва официант отошел на достаточное расстояние.

– Не паникуй. Мы ничем не отличаемся от других посетителей. Главное, не показывать, что мы нервничаем.

Но его слова на меня не подействовали. Я понимал, какое мнение составит обо мне Бруно и что расскажет Стрэдфорду, но поделать с собой ничего не мог.

– Ты видишь т-того п-парня? – слегка заикаясь, спросил я.

– Какого?

– Ну, с кем мы должны встретиться.

– Пока нет, но он может подойти в любую минуту. А пока постарайся осторожно расстегнуть пиджак, чтобы в любой момент можно было выхватить пистолет из кобуры.

Господи, я совсем забыл про оружие! Долго не мог привыкнуть к давившей под ребра кобуре, а, привыкнув, напрочь забыл про нее. Теперь же, как ни странно, сознание того, что я вооружен, добавило мне смелости. Тело перестало противно дрожать, и я более спокойным тоном спросил:

– Думаешь, может случиться перестрелка?

– Все может быть, – криво усмехнулся Бруно. – Эти супчики, я имею в виду наших разведчиков, попав в передрягу, начинают делать кучу ошибок. Мы – их соломинка, с помощью которой можно выплыть, а можно пойти на дно, прихватив с собой и ее… Ага, вот и наш утопающий.

Я сидел спиной к двери и потому не видел, что происходит. Повернуться к вошедшему я не мог, просто не имел права. Приходилось довольствоваться созерцанием застывшего, словно культовая маска африканских аборигенов, лица Бруно.

– Понял, – едва слышно выдохнул он. – Это же ресторан, а не клуб. Но тогда почему здесь совершенно нет женщин?

Я покрылся потом, чувствуя, как сердце проваливается в желудок. А сзади уже раздавался звук приближающихся шагов.

– Не хочу навязываться, – донеслось до моего слуха, – но терпеть не могу одиночества.

– Ложись! – заорал Бруно, вскакивая со своего места.

Рывком я отбросил от себя стул и повалился на пол, вырывая из кобуры пистолет. Загрохотали выстрелы. Люди, только что

непринужденно набивавшие свои желудки, теперь вместо вилок и ножей сжимали в руках пистолеты, плюющиеся свинцом. Рядом со мной кто-то упал. Это был высокий блондин в твидовом пиджаке и ярком галстуке, закрепленном золотой булавкой в форме трилистника. В виске блондина дымилось кровью крошечное отверстие.

– Вот мы и «выполнили» задание, – пробормотал я, открывая ответный огонь.

Да, мини «узи» оказался стоящей штуковиной. Не знаю, подстрелил ли я кого-нибудь или нет, но в панику противника ввел. Прикрывая огнем друг друга, несколько человек добрались до выхода и шмыгнули за дверь.

– Бежим! – в тот же миг крикнул Бруно. – Быстрей на кухню!

Я бросился за ним. Со стороны входной двери снова раздались выстрелы, но теперь нас не было видно из-за клубящегося в зале порохового дыма. Стреляли наугад, надеясь, что мы все еще находимся на прежнем месте.

На кухне никого не оказалось. Повара в страхе разбежались кто куда. Лишь на плитах исходили паром и дурманящими ароматами разнокалиберные кастрюли, да на огромной сковороде жарилась форель.

Из кухни мы попали в какое-то служебное помещение, а оттуда – в длинный коридор, заканчивающийся с одной стороны дверью, ведущей на улицу, а с другой – лестницей. Я рванулся к двери, но Бруно меня остановил.

– Нельзя! Там нас наверняка ждут. Давай наверх.

По лестнице мы добрались до чердака, но выход, ведущий туда, оказался закрытым. Бруно, не мешкая, несколько раз выстрелил, метя в косяк рядом с замочной скважиной, а затем ногой вышиб дверь.

На чердаке было темно. Пахло пылью и птичьим пометом. Встревоженные голуби взорвались хлопушками крыльев, оглушив нас и немного испугав.

– К окну, – скомандовал Бруно. – Попытаемся уйти по крышам. Надеюсь, вертолеты у них в операции не задействованы…

И мы ушли-таки по крышам – благо, в старом центре города дома почти вплотную прижимаются друг к другу. Внизу выли полицейские сирены, кто-то громко кричал в мегафон. Но мы чувствовали, что они потеряли нас из виду.

На Сент-Джеймс-стрит мы спокойно спустились по пожарной лестнице и, свернув направо, не спеша, словно совершали столь любимый англичанами вечерний моцион, пошли по Пэйтон-стрит

в сторону Лестер-сквер.

– Попали в передрягу, – немного придя в себя, сказал я.

– Да, не каждый день такое случается, – согласился итальянец.

– Жаль того парня.

– Сам виноват, – зло сплюнул Бруно. – Влип в историю и нас подставил. Из города теперь так просто не выйдешь – все дороги перекрыты. Пока мы торчали в ресторане, нас наверняка успели заснять на пленку. Теперь у любого копа есть наши фотографии.

– Что же делать?

– Попытаемся уйти через виртуальность.

– Каким образом? У нас ведь нет шлемов.

– Так-то оно так, но мы отправим в виртал наши личностные матрицы. На такой вот экстренный случай контора создала в некоторых играх специальные тайники. Надо добраться до одного из них. Шлемы там есть.

– А не проще сообщить обо всем Стрэдфорду? Пусть он пришлет сюда Смита с необходимым снаряжением.

– Как я ему сообщу? – спросил Бруно. – У нас нет канала связи, а по видеокомпу слишком опасно, сигнал могут перехватить. Больше не хочу никого подставлять. Лучше поищем какой-нибудь игровой центр, думаю, их в Лондоне не так уж и мало.

Рядом взвизгнули тормоза. Филетти вздрогнул и резко повернулся. Из машины высыпали люди в черном, и тут же скрутили Бруно. Я отшатнулся и прыгнул в сторону. Промелькнули в воздухе руки, пытаясь ухватить меня за одежду, но поймали лишь воздух.

– Беги! – заорал итальянец.

И я рванулся к какой-то подворотне.

– Стоять! – закричали сзади.

Захлопали выстрелы, засвистели над головой пули. Я нырнул под арку, выхватывая на бегу «узи». Затем рухнул на землю, собираясь отстреливаться. Но какой там к черту отстреливаться! Шквал огня не давал поднять голову, не говоря о том, чтобы вести прицельную стрельбу. Я успел лишь увидеть, как Бруно завернули руки за спину и поволокли его к машине.

Дальше я не смотрел, а медленно, извиваясь, словно угорь, начал отползать в сторону, стреляя наугад, лишь бы не дать им зайти под арку. Потом, скрывшись за стеной дома, подхватился на ноги и, только сейчас увидев, что двор, в котором я оказался, не имел другого выхода, бросился к ближайшему подъезду,

«Нет, – подумал я, – здесь они будут искать в первую

очередь».

Я проскочил этот подъезд, затем еще один и лишь тогда забежал на слабоосвещенную лестничную площадку первого этажа.

Слава богу, жильцы дома не являлись обладателями туго набитых кошельков, и привратника здесь не было. Иначе меня бы просто вывели отсюда за ухо прямо в лапы местных охотников за черепами.

Оказалось, что здесь не было и лифта. Пришлось сломя голову бежать по ступенькам вверх, на ходу обдумывая, что делать дальше.

Мне было по-настоящему страшно, как тогда, в Кэмп-Пири. Но боялся я не столько смерти (как-то в тот миг о ней просто не задумывался), сколько того, что, потеряв Бруно, теперь совершенно не знаю, что делать дальше, словно слепой, оставшийся без поводыря.

Вот и последний, четвертый этаж. Я остановился, растерянно глядя по сторонам.

Окно, через которое можно выйти лишь вниз головой… на асфальт (даже мурашки побежали по телу от этой мысли), и три двери, совершенно одинаковые и древние, как этот дом. Я подошел к ближайшей и нажал на кнопку звонка. Постоял, прислушиваясь, но за дверью стояла гробовая тишина. Я вновь нажал на кнопку, и в этот миг дверь отворилась. Но не эта, а другая, что была за моей спиной.

Я повернулся и направил пистолет на молоденькую девушку лет восемнадцати, одетую в сверхкоротенькую юбочку и мужскую хлопчатобумажную рубашку.

– Сюда, – сказала она ангельским голоском. – Быстрее.

Не раздумывая, я нырнул в ее квартиру.

Ее звали Сюзан Моле. Она родилась в Англии, хотя родители были выходцами из Франции. Но три года назад они погибли в автомобильной катастрофе, и Сюзи осталась совершенно одна. Родственники, пусть дальние, жили во Франции, знакомые же по Лондону решили себя заботами о чужом подростке не обременять.

Впрочем, все это я узнал несколько позже. Сейчас, ворвавшись в ее квартирку, я обвел глазами единственную комнату и понял, что спрятаться здесь негде. Маленький платяной шкаф, стол с персоналкой, но без принтера и сканера, телевизор с экраном в двадцать один дюйм, кровать, покрытая шерстяным покрывалом, два кресла и столик на колесиках – вот, пожалуй, и все.

Я растерянно посмотрел на Сюзи, отметил миловидное лицо с большими кошачьи-зелеными глазами (что мы за порода такая, мужики?) и устало рухнул в одно из кресел, понимая, что у меня есть еще несколько минут, чтобы передохнуть и собраться с мыслями.

– Это за вами охотятся? – спросила девушка, присаживаясь на краешек кровати.

Я удивленно посмотрел на нее.

– Ничего удивительного, – пожала плечами она. – Случайно видела через окно, как на вас и вашего друга напали эти… из машины.

Я промолчал, потому что решал вопрос сдаваться мне или нет?

Действительно, без Бруно я не мог сделать и шага. Допустим, где-то удастся пересидеть эту заваруху. А дальше что? Как-нибудь добраться до Америки, прийти в ЦРУ и заявить Стрэдфорду, что Бруно сцапали агенты британской охранки. А он тут же поинтересуется, почему замели только Филетти? И что я ему отвечу? А как он на это отреагирует? И вообще, на кой нужен шефу бестолковый курьер? Отправит, чего доброго, обратно в Стрэнк… Тогда уж проще сдаться англичанам. Не расстреляют же меня в самом деле! Засадят в тюрьму лет на тридцать, если я, конечно, кого-то невзначай не подстрелил, и всех делов-то…

Но вот как раз в тюрьму я не хотел, до рвотных спазмов не хотел. Мне хватило на всю жизнь восьми месяцев Стрэнка.

А, значит, значит нужно было бороться. Я с тоской посмотрел на девушку и спросил:

– Скажи, а черного хода в вашем доме нет?

– Увы, – вздохнула она.

– Плохо, – тоже вздохнул я, а потом добавил: – Что мы теперь будем делать? Скоро они обязательно придут и сюда.

Странно, в ее глазах не появилось даже и тени страха. Смелая девушка и безрассудная. А, может, она не осознает всей опасности?

– Ты понимаешь, – начал я, – что и тебе в этом случае не поздоровится?

Она кивнула.

– Так, может, я пойду, пока ты не вляпалась в это дело окончательно?

– Вы кто? – тихо спросила Сюзи.

– Я? – и что ей ответить? – Наверное, шпион.

– А что вы натворили, раз за вами гонятся?

– Ничего. Мы просто оказались здесь, чтобы спасти одного человека.

– Тоже шпиона?

Я утвердительно кивнул.

– Спасли?

– Нет. Его убили.

– Ладно, – она встала. – Идемте.

– Куда?

– В квартире, куда вы звонили, сейчас никого нет. Хозяева уехали на Мальту, а мне поручили присматривать за орхидеями. Никто в доме этого не знает, но всем известно, что они отправились за границу.

И она увлекла меня за собой, не забыв при этом погасить свет в квартире. Тихонечко, на цыпочках пробрались мы к соседской двери, и Сюзи также тихо повернула ключ.

Сладковатый запах цветов сразу ударил в ноздри, и я чуть не расчихался, хотя со всей силы зажимал нос пальцами. Мы осторожно прикрыли за собой дверь и долго стояли в прихожей, пока глаза привыкали к полумраку.

– Идемте, – наконец, потянула она меня за рукав. – Сядем на диван в гостиной и превратимся в маленьких мышек, возле норки которых расхаживает голодный бездомный кот. А дверь в прихожую закрывать не станем, чтобы слышать все-все…

Я улыбнулся ее детской непосредственности и окончательно для себя решил, что Сюзи не представляет-таки всей степени грозящей нам опасности. А, может, в этом и заключалось самое важное для меня? Будь она взрослой дамой, я бы до сих пор стоял на лестничной площадке, решая дилемму: тюрьма или краткий миг свободного полета.

«Если выпутаюсь, – подумал я, – обязательно отблагодарю эту девушку. Не знаю еще как, но сделаю ей что-нибудь хорошее».

Далеко, будто из глубокого подземелья, послышался шум открывающейся двери и тут же топот шагов. Вот они и пришли по мою душу… Раздались голоса, грубые окрики.

– Откройте, полиция!.. Да, мэм… Мы должны проверить вашу квартиру… и вашу тоже… Вы препятствуете спецслужбе?.. Эй, Джек, этот джентльмен хочет проехаться в участок!.. Что?.. Нет, нам только надо убедиться, что в вашей квартире не скрывается опасный преступник… Спасибо, господа, за оказанную помощь…

Вновь послышались шаги, и проверка началась на втором этаже.

«Нет, так не пойдет, – подумал я. – Две квартиры на этом этаже окажутся пустыми, если не все три. Двери они, конечно, ломать не станут, но слежку установят обязательно. Надо отослать Сюзи в ее квартиру, только вот согласится ли она так рисковать?»

Я шепотом объяснил девушке, что нужно сделать, и она без вопросов направилась к двери. Вот у кого следовало бы поучиться смелости.

Выпустив ее на лестничную площадку, я тут же прикрыл дверь. Сюзи тем временем открыла свою, но, увы, не так тихо, как бы этого хотелось. Тут же послышался мужской голос:

– Слышали? Быстро наверх.

Я прильнул к глазку и увидел, как Сюзан быстро включила свет в своей квартире и рывком сорвала юбку, оставшись в трусиках и рубашке. Ну девка! Кипящее молоко! В следующий миг она взъерошила на голове волосы и сотворила на лице милую гримаску, что, по всей видимости, означало заспанный вид и недовольство тем, что кто-то посмел потревожить ее покой.

На площадку ворвались двое: один в черном, другой в форме полицейского.

– В чем дело? – испуганно спросила Сюзи, вытаращив на них глаза.

– Простите, мисс, – сказал полицейский, не отводя глаз от ее прелестных ножек. – Мы ловим преступника, который прячется где-то неподалеку. Вы не слышали ничего подозрительного?

– Нет, – спокойно сказала она. – Покуда вы не подняли внизу гвалт, из-за которого я и проснулась.

И тут я увидел, как открывается третья дверь, выходившая на площадку, и из нее высовывается голова безобразной старухи в беленьком чепце и здоровенных очках на переносице.

– Снова, милочка, ваши кавалеры шастают по ночам! – вскричала она, брызгая слюной. – Я немедленно вызову полицию! Шлюхи должны находиться в известном заведении, а не жить в приличном доме.

– Спокойно, мэм, – сказал полицейский. – Мы сами из полиции.

– Знаю я, из какой вы полиции, – продолжала верещать старуха. – Все, на ком есть штаны, ходят сюда только за одним. Ишь ты, из полиции они.

– Довольно! – оборвал ее «черный» и, уже обращаясь к полицейскому, добавил: – Проверишь квартиру старой ведьмы, а я займусь девицей.

– Что?! – вскричала старуха. – Только попробуй сунуть нос, я его мигом оттяпаю.

– Эй, что там у вас? – донеслось снизу.

– Проблема! – крикнул в ответ полицейский.

– Кто тебе это сказал? – черный удивленно посмотрел на своего напарника. – Никаких проблем.

И он медленно и угрожающе начал надвигаться на старуху.

Та попятилась, вероятно прикидывая, как бы поскорей захлопнуть за собой дверь.

– В вашей квартире кто-то скрывается? – строго спросил он.

Старуха вздрогнула и закричала:

– Нет!

– Врет, – спокойно заявила Сюзи. – у нее там любовник. Вернее – два. Может быть, даже и три.

Толстая ведьма разинула было рот, но полицейский прервал ее.

– Вы слышали за последние полчаса какую-нибудь возню в подъезде или на крыше? – нахмурился он.

– Нет. Только стреляли на улице.

– Вот видите. А вы почему-то не верите, что мы из полиции.

– Верю я, верю, – сдалась старуха и как-то даже в размерах стала меньше.

– Значит, мы можем проверить вашу квартиру?

– Ну. Если это так важно…

– Важно, – перебил ее полицейский.

– Вы бы ее сперва проверили, – вздохнула старуха. – К ней много всякого сброда таскается.

– И до нее дойдет черед, – сказал «черный». – А здесь кто живет?

Он кивнул на дверь, за которой я прятался, и сердце мое ухнуло вниз.

– Их нету. Уехали жарить свои толстые задницы под солнцем, – фыркнула старуха.

– На Мальту, – добавила Сюзи.

«Черный» подошел к двери, подергал за ручку и кинул через плечо полицейскому:

– Еще одна пустышка. Запиши. Квартира тридцать два.

– Уже сделано.

– Тогда проверь старухино логово и пошли в следующий подъезд.

Оба исчезли в квартирах, но через несколько минут почти одновременно вышли обратно на площадку. «Черный» растирал щеку и недовольно морщился. Полицейский хихикнул, но, натолкнувшись на сердитый взгляд коллеги, тут же умолк. Они начали спускаться вниз. Я, опершись спиной о стену, медленно осел на пол.

– Что будете: чай, кофе?

– Лучше чего-нибудь спиртного, – признался я. – И если можно, говорите тише. Судя по всему, ваша премилая соседка любит совать нос в чужие дела.

– Да, этого у миссис Грюндик не отнимешь, – улыбнулась Сюзан, наливая в крохотную рюмку шотландское виски.

Я принял у нее рюмку, с трепетом вдохнул запах спиртовых паров с примесью хвои и залпом опрокинул содержимое в рот.

– Хорошо, – выдохнул я. – Сейчас бы напиться вдрызг, чтоб ни о чем не думать, никого не бояться, забывшись в добром сне.

– Вы не похожи на шпиона, – внезапно сказала Сюзи.

Она уже успела забраться на диван и, скрестив ноги, внимательно смотрела на меня.

– Точно подмечено, – ответил я. – Шпионю я сегодня первый день, а раньше был специалистом по виртуальной реальности.

– Вот как? – приподняла брови Сюзан. – А я уж грешным делом подумала, что, наконец, встретила настоящего супермена. А то посмотришь вокруг – одна шваль под ногами путается. Обмельчали как-то людишки, я имею в виду мужчин, только сопли умеют распускать.

Да… Красиво она меня поддела. Хотя, конечно же, Сюзи права. Не боец я, и никогда им не был, а вот, похоже, придется повоевать.

Удивительно, но эти ее слова, вывели меня из оцепенения. Еще минуту назад я подсознательно готов был сдаться, абсолютно не зная, что делать дальше. Без Бруно возврата к Стрэдфорду для меня не было. Оставался, правда, еще один вариант: плюнуть на все и попытаться затеряться в этом бескрайнем мире. Но я понимал, что с ЦРУ не шутят, и меня рано или поздно найдут. А это означало одно – ликвидацию, чего я, как и любой здравомыслящий человек, желал меньше всего.

Но теперь, после слов девушки, я вдруг подумал, что должен вытащить Бруно. Нет, четкого плана у меня еще не было, но я, по крайней мере, знал, с чего начать.

А начинать надо было с Сюзи. Без нее у меня ничего не получится, в этом я был уверен на все сто, и потому осторожно «забросил удочку»:

– Никак не пойму, почему ты помогла мне? Наверняка понимаешь, что влезла в серьезное дело, за которое и голову могут снести…

– Плевать, – хрипло ответила она. – Мне на все наплевать.

И вдруг разрыдалась. Громко, закрыв лицо руками и вздрагивая всем телом. Я подскочил к ней, осторожно обнял за плечи и прижал к себе. Она тут же вырвалась и посмотрела на меня злыми глазами.

– Ты чего? Отстань!

Я обескуражено отпустил ее, удивленный резкой сменой настроения.

– Что случилось?

– Руки нечего распускать!

– Ну ты даешь! – рассердился я. – Хотел успокоить тебя, вот и все. Не люблю, когда слезами обливаются.

– Уже не обливаюсь, – сказала Сюзи, кулаком размазывая слезы по щекам.

– Вот и отлично, – я снова опустился в кресло. – Но ты так и не ответила на мой вопрос.

– Какой?

– Почему ты помогла мне? Нет-нет, – поспешил добавить я, – уже уяснил, что тебе на все наплевать. Но этот ответ меня не устраивает. Если человек достаточно умен, ему не свойственен безоглядный героизм. Ты не глупа, а следовательно, не можешь относиться к своей жизни наплевательски, если, конечно, не мечтаешь наложить на себя руки.

– А если мечтаю?

Я недоверчиво посмотрел на нее. Девушка была серьезна – ни тени улыбки на лице, ни задорного блеска в глазах.

– Та-а-ак, – протянул я. – Отличненько. Ну-ка, выкладывай, что у тебя за проблемы?

– А ты что, священник? – резко бросила она, словно окатила холодной водой.

– Ну, – улыбнулся я, – как тебе сказать… Будем считать, что я просто хороший человек.

Сюзи осторожно, как-то недоверчиво улыбнулась мне в ответ и начала свой рассказ…

Я знал, что такое одиночество, у меня самого не было семьи, но зато были когда-то друзья или просто хорошие знакомые. Однако мужское одиночество отличается от женского, тем более, когда женщине всего восемнадцать лет, и она беспомощна и беззащитна перед этим огромным, жестоким миром.

Я не раз задумывался, почему люди в большинстве своем питают ненависть к себе подобным. Нет, мы испытываем любовь, но к самым близким, к единицам. Остальные же для нас враги, потому что от них можно ждать любых неприятностей. Что же мы за твари такие – люди? Откуда в нас столько подлого, мелкого, злого? Впитываем ли мы это с молоком матери или же нас обучает этому общество? Тут и ответ искать не надо…

И чем я был лучше остальных, когда объяснял Сюзан, где искать закопанные рюкзаки со шлемами? Вот именно – ничем. Я подвергал риску ее, не подставляя при этом свою шею. Нет, я убеждал себя, что другого выхода нет, что ищут меня, а не ее, но в глубине души знал, что это не так. Они могли развязать язык

Бруно, могли следить за нами с самого начала, не зря же мы не доехали до Лондона, а были остановлены вместе с капсулой гораздо раньше. Да мало ли еще какие опасности могли подстерегать Сюзан. Но ведь не меня же…

А Сюзи слушала меня внимательно, стараясь все запомнить, не пропустить ничего из сказанного мною. И я, глядя в ее спокойное, сосредоточенное лицо, действительно, восхищался выдержкой этой девушки.

А потом она ушла, и я остался один. Долго метался по комнате, как разъяренный лев, однако усталость все же сделала свое дело. Но прежде, чем заснуть, я успел еще раз осыпать себя проклятиями за то, что послал Сюзи в такую даль и глушь да еще в столь поздний час, сам же прячусь в ее маленькой уютной квартирке…

Вернулась она под утро, тихонько открыла дверь ключом, но даже слабый шелест ее шагов вырвал меня из царства сновидений. Я вскочил с дивана и улыбнулся ей, радуясь, что все обошлось, что вот она – жива и невредима стоит передо мной, пусть усталая и какая-то взъерошенная, но такая же милая и почти что родная. Странно, но мне действительно казалось, что я знаю эту девушку уже тысячу лет. Наверное, когда человек в опасности, чувства обостряются.

– Уф, – выдохнула она, – веселенькая поездочка! Я думала, от страха с ума сойду. Мимо машины так и шастают, а я под столбом копаюсь, копаюсь, а потом – бац на живот и лежу, чтобы, значит, фарами меня не высветили. Хотя ерунда все это, главное – вот! – и она достала из большого целлофанового пакета наши рюкзаки.

Я позволил себе то, чего давно желал – обнял ее и поцеловал.

– Ты чего? – отстранилась Сюзи.

– Знаю-знаю, – закивал я головой. – Все я знаю, но это просто знак благодарности, не больше.

Конечно, я немного лукавил. Но она-то об этом не знала…

Сюзан пошла принимать ванну, а я вытащил из рюкзака шлем и долго смотрел на него, как на череп Йорика.

«Бедный Бруно, – думал я, – может быть, тебе сейчас ломают кости господа английские инквизиторы. Но ты потерпи малость, я уже иду, я уже в пути…»

– Какого черта, – пробормотал я. – Прежде чем отправиться в путь, надо еще много чего сделать, а прежде всего, узнать хоть один номер телефона в этом МИ-5. А, впрочем, разве это так сложно сделать?

Я подошел к двери в ванную комнату и, заглушая шум воды,

крикнул:

– Слушай, Сюзи, у тебя комп подключен к ИНТЕРНЕТу.

– А-га, – послышалось из-за двери.

– Можно, я им воспользуюсь?

– Конечно.

Я вернулся обратно в комнату, воткнул сетевой фильтр в розетку и вдавил кнопку включения питания внутрь системного блока. Затем отыскал «желтые» страницы ИНТЕРНЕТа, а там – сайт лондонских хакеров и даже присвистнул от удовольствия. Тут были телефоны резиденции королевы Великобритании и кабинета премьер-министра, что уж говорить о каком-то МИ – 5!

Сюзи вышла из ванной комнаты, вытирая полотенцем волосы, заглянула через мое плечо на монитор.

– Что это? – спросила она.

– Понимаешь, – сощурился от удовольствия я, – это величайший телефонный справочник всех времен и народов. И вообще, когда не знаешь, что делать, обращайся к хакерам. Только прошу, не надо благодарностей за бесплатный совет.

Сюзан пожала плечами и отправилась на кухню, где загремела сковородками и захлопала дверцей холодильника.

«Да, на дорожку завтрак не помешает», – подумал я, выписывая в блокнот компа телефон приемной шефа британской контрразведки, обладавшего звучным именем Бен Берримор.

Мы сидели за столом и поглощали яичницу с беконом. Сюзан как-то странно поглядывала на меня и несколько раз порывалась что-то сказать, но так и не решилась. Я проглотил последний кусок и, прежде чем приняться за кофе, сжалившись над нею, спросил:

– Что вас так заботит, мадмуазель?

И она, словно сорвавшись с тормозов, скороговоркой выпалила:

– Я хочу туда. С вами.

– Куда? – опешил я.

– Выручать вашего друга.

– Ага, – только и смог вымолвить я. – Ага… И как, собственно, сеньорита себе это представляет? Или вы думаете, что все будет как в нашего производства дешевых боевичках, где все нехорошие дяди до того косые, что с трех метров не могут попасть из базуки в героя размером с шифоньер? Нет, так в жизни не бывают, и те, с кем мне предстоит столкнуться, стреляют достаточно метко. Но кроме этого меня интересует другой вопрос: с чего это вдруг леди решила, что я собираюсь вызволять своего напарника? Заметьте, напарника – не друга.

– А зачем вам нужны были все эти телефоны? – нахмурившись, спросила Сюзан.

Я щелкнул пальцами.

– Ты смотри. Наблюдательная какая. А, может, я хочу отомстить за коллегу, подняв на воздух вашу королеву вместе с ее дворцом?

Сюзан теперь не только хмурилась, она уже не смотрела на меня, готовая в любой момент разреветься.

– Ладно, – сдался я. – Ты права. Мне нужно вытащить напарника, и я сам точно еще не знаю, как это сделать. Надеюсь, попасть в МИ-5 мне удастся, там же все придется решать прямо на месте. А подвергать риску еще и тебя я просто не могу. Тем более, что мне нужна твоя помощь здесь, так как сделать звонок шефу контрразведки больше некому, а без этого звонка у меня ничего не получится.

Сюзи тихо вздохнула, и принялась собирать посуду.

– Я все понимаю, – наконец выдавила она из себя, – но разве ты не видишь, что я хочу тебе помочь?

– А разве ты не помогла? Разве мало для меня сделала? Я очень благодарен тебе и даже не знаю, как высказать свою признательность… Впрочем, если хочешь, можем сначала прогуляться в виртал. Вместе.

– Ура! – закричала Сюзи, подбросив от радости тарелку.

Почему-то она ее не поймала.

Идея, как повысить шансы на спасение Бруно пришла ко мне под утро во сне. Проснувшись, я долго гнал ее, но она упорно возвращалась, зудя, как надоедливая муха. В конце концов я сдался. А почему бы и нет? Прежде чем оправиться в логово «зверя», нужно как следует подготовиться. Не попрусь же я туда со своим игрушечным «узи».

Прихватив рюкзаки, я осторожно проскользнул в квартиру любителей орхидей и взял в руки свой шлем. Как же проникнуть в его электронную начинку? Ага… Не так уж все и сложно… Интересно, не напихал ли сюда Стрэдфорд какой-нибудь взрывчатой дряни, чтобы проучить излишне любопытных типов вроде меня? Напихал, всенепременно напихал. Осторожный старичок. И идейка новая, года еще нет ей от роду. Вот только в бытность мою работы в полиции ребята меня с ней познакомили… Ай-яй-яй! Дистанционный взрыватель. Бах, и нет шлема. А то, что в нем голова рейвера, никого не волнует? Надо же, до чего плохие дяденьки! Да и то – не суй голову куда попало… Ладно, мы тоже не лыком шиты. Теперь можно работать спокойно. Вот он, тот самый блочок. Почти как у Маргарет…

Почти да не совсем. Здесь чуть-чуть не так, и микросхемки одной не хватает. Вот только, где ее добыть, я знаю… Есть в рюкзаке один приборчик, без коего я вполне обойдусь, а в его недрах и таится та самая схемка. Я еще в Лэнгли, изучая этот приборчик, ее нашел. Нашел и удивился – умница была все-таки мисс Трэвор, мир ее праху. Из пустячков блок свой собрала… Но и я не дурак. Зачем его с собой носить, рисковать, если в голове все есть? А голова у меня неплохая, совсем даже неплохая…

Я удовлетворенно оглядел видоизмененный шлем. Со вторым возиться смысла нет, отключим только дистанционный взрыватель – вдруг у шефа нервы не выдержат? Старенький он у нас уже, психованный… Вот так… Теперь все в порядке. Можно и на дело идти!

Мы вышли в локальную сеть, и я принялся разглядывать игровое меню. Сюзан восторженно крутила головой по сторонам. Оказывается, она никогда не бывала в виртале (а чего удивительного? С ее-то доходами на «саркофаг» не раскошелишься…). По сей причине я ей строго настрого наказал, чтобы она не отставала от меня ни на шаг.

Итак, мне необходимо было оружие и амуниция, причем, я решил не связываться с обычными стрелковыми штучками. Мне хотелось чего-то солидного, что одним своим видом ввергало бы противника в шок. И пусть Бруно пытался втолковать мне, что такое оружие в реальности действовать не будет, у меня было свое мнение на этот счет. Его я и хотел проверить, а потому решил смотаться в какую-нибудь фантастическую игру, где доблестные космодесантники распыляют на атомы всякую инопланетную нечисть мощными дезинтеграторами.

Долго искать подобную игрушку не пришлось, ибо почти сразу на глаза мне попались полюбившиеся еще с детских лет «Звездные войны».

– Ага! – радостно сказал я и, ухватив Сюзи за рукав, поволок за собой.

– Мы туда? – столь же радостно спросила она, глядя на меня широко распахнутыми глазами.

«Ребенок еще, – опять поймал я себя на мысли, – совершенный ребенок. А все туда же – лезет во взрослые игры».

А разве я сам не туда же влез? Я имел квартиру в престижном районе Нью-Йорка, хорошую работу, приличный заработок и, признаться, ни в чем себе не отказывал. А теперь что? Бегаю, как свихнувшийся, по виртуальности, гоняюсь за кем-то, за мной кто-то гоняется. А зачем мне все это надо – до сих пор понять не могу.

И с досады сплюнув на пол я начал свою звездную войну.

– Ну, – сказал Люк Скайуокер, – так и будем таращиться? Падайте на пол, иначе имперские роботы вас засекут.

Повторять дважды ему не пришлось, мы с Сюзи тут же плюхнулись на пластик и принялись осторожно оглядываться по сторонам. Лежали мы в одном из коридоров, который выходил в огромный ангар, посреди коего покоились на посадочных платформах космические штурмовики с хищными клювами орудий. Рядом с нами лежал Скайуокер, сжимая в руке свой знаменитый меч Джедая.

– Оружие есть? – тихо спросил он, по понятным причинам ничуть не удивляясь тому, что мы свалились прямо ему на голову. Он лишь как-то косо посмотрев на наши шлемы да и только.

– Нет, – ответил я.

– Плохо, – скривился он. – Очень плохо. Чего ж вы в экипировочный сегмент не заглянули? Сопер вам при выходе головы открутит.

Я с подозрением посмотрел на него.

– Чего пялишься? – сказал Скайуокер. – Я не графоб, а игрок.

– А-а, – протянул я. – Понятно.

– Ни черта тебе не понятно, – сказал Скайуокер, сверкнув глазами. – Я не могу позволить, чтобы какой-то император властвовал над нашей Галактикой.

«Еще один сдвинутый», – с тоской подумал я.

И тут сзади раздались шаги. Мы одновременно повернулись и увидели косматое чудовище двухметрового роста. Сюзан вскрикнула, но я успокаивающе взял ее за руку.

– Это Чубакка, – пояснил я. – Он на нашей стороне.

– Где тебя носит?! – заорал мнимый Скайуокер. – Я уже минут десять здесь торчу, а роботы, сам знаешь, в любой момент могут оказаться в этом коридоре.

– Мы с Соло заминировали преобразователь, – зарычав, вымолвил Чубакка. – А потом на нас напали солдаты, пришлось отстреливаться.

– А где Хан? С ним все в порядке? – встревожено спросил Скайуокер.

– Он с Леей Органой спускается по коммуникационному колодцу. Скоро будут здесь. А это кто? – Чубакка кивнул на нас с Сюзан.

– Пополнение, – хмыкнул Скайуокер. – Только без оружия сюда прибыли. Лопухи.

– Дай им свой лазерный пистолет.

– Перебьются. Пусть возвращаются обратно и входят в игру

через экипировочный сегмент.

«А что, это мысль, – подумал я. – Может, так и сделать?»

Но, по правде говоря, мне не хотелось выходить из игры и зря терять время. Нужно вытаскивать Бруно, а потом уносить из Лондона ноги.

– А где роботы? – поинтересовался тем временем Чубакка.

– ЗПиО прячется в нише. От страха он читает библию на малараирском языке и даже крестится. Интересно, кто его этому научил?

– А Р2Д2? – не ответив на вопрос Люка, спросил Чубакка.

– Не знаю, я думал он с вами.

Чубакка хлопнул косматыми лапами по бедрам.

– Вечно этот маленький свистун куда-то пропадает. А потом ищи его.

– Не ворчи, – сказал Скайуокер.

– Я не ворчу. Я злюсь. У нас нет времени заниматься его поисками. Надо побыстрей захватить какой-нибудь из этих кораблей и уносить отсюда ноги. Когда рванет преобразователь, от этой станции и следа не останется… А вон и Соло с принцессой!

Я оглянулся, но сзади никого не было. Оказалось Хан Соло и Лея Органа появились в одном из коридоров почти напротив нас.

– Приготовиться к атаке! – вскочил на ноги Скайуокер. – Эй, ЗПиО, тебя это тоже касается.

– Иду, иду, – раздалось совсем рядом, и прямо из стены в коридор вывалился человекоподобный робот, блестящий золотом корпуса. – Только можно я пойду в атаку позади всех?

– Железяка трусливая, – презрительно посмотрел на него Чубакка. – Как на заправку, так первым бежишь!

– Я не труслив, – попытался оправдаться ЗПиО, – просто, на планете, где меня собрал Люк, слишком много бандитов, которые так и норовят всадить в вас заряд, не имея на то никакого повода. Вот у меня и выработалась чрезмерная осторожность, но разве можно ее сравнивать с трусостью?

– Можно, – кивнул косматой головой Чубакка.

– Ладно вам, – вздохнул Скайуокер. – Времени нет ругаться. Надо начи…

Но слова застряли у него в горле, ибо в этот самый момент в коридор стремительно ворвался Дарт Вейдер. Сюзан вскрикнула и остолбенела, разглядывая страшную его маску.

Загудел, сверкнул голубым лазерный меч Джедая. То Скайуокер приготовился сражаться со своим злейшим врагом. Вспыхнул розовым и меч Дарт Вейдера.

«Нет, – подумал я, – теперь минут десять смотреть за их

поединком. Оно мне надо? Тем более, сбегутся солдаты, роботы, начнется перестрелка. Чего доброго, подстрелят меня или Сюзи. Потом пока очухаешься…»

– Можно на секунду твой бластер? – спросил я у Чубакки.

Он молча протянул мне оружие, и я, не целясь, засадил заряд прямо в черную маску, так напоминавшую своим видом осклабившийся череп.

Дарт Вейдеру снесло голову. Обалдевший Скайуокер повернулся и, увидев у меня в руках дымящийся лучемет, заорал:

– Мразь! Зачем ты это сделал? Я должен был победить его на мечах, иначе этот уровень не пройти! Теперь придется начинать все с начала!

Я пожал плечами, спокойно подошел к тому, что осталось от Дарт Вейдера, снял с его пояса кобуру с бластером, а затем, с трудом разжав пальцы убиенного, забрал и меч.

По коридору побежала рябь, потом предметы и графобы стали расплываться. Происходило сворачивание программы и возврат на предыдущий уровень. Я взял Сюзан за руку и сказал:

– Закрой глаза, иначе может закружиться голова.

Она повиновалась беспрекословно, а я продолжал наблюдать, как окружающее нас пространство постепенно тает, словно опускаясь в густой, как желе, туман.

– Сволочь, – процедил сквозь зубы Люк Скайуокер. – Я еще до тебя доберусь!

– Кишка тонка, – улыбнулся я и дал команду синхронизации моего и Сюзан компьютеров. На дисплее шлема забегали цифры, потом остановились, и начался отсчет выхода.

Я рассчитывал, что в реальность мы вынырнем опять в квартире Сюзи, но ошибся. Материализовались мы в странной комнате с красными бархатными занавесками, плотно прикрывающими окна, черным лакированным комодом, изъеденным древесным червем, древней панцирной кроватью, застланной какой-то не первой свежести тряпкой, и дюжиной стульев, расставленных вдоль стен.

Но хуже всего было то, что прямо напротив нас с выпученными от ужаса глазами сидела соседка Сюзан толстая миссис Грюндик.

– А! А! А! – заверещала она, подхватываясь на ноги. – Сгинь, нечистая сила!

Мы с Сюзан, не сговариваясь, так и прыснули со смеху. Миссис Грюндик при всем желании не могла рассмотреть наших лиц за забралами шлемов, и потому можно было повеселиться.

– У-у! – загробным голосом взвыл я. – У-у-у!

Сюзи тоже поддержала меня и громко запищала:

– Ё-хо-хо. Где твой маленький ножик? Я проголодалась!

Тут я вспомнил о мече Дарт Вейдера и нажал на пусковую кнопку. Ослепительный лазерный клинок описал дугу в воздухе и едва не уткнулся в брюхо миссис соседки.

«Работает, – радуясь и печалясь одновременно, подумал я. – Он все-таки работает».

И тут мадам Грюндик как стояла, так и рухнула на пол без чувств.

– Это ей за все, – беззлобно сказала Сюзи и рассмеялась. – Нечего людей доставать своим длинным языком. Жалко, что все так быстро закончилось…

– Ладно, пошли – улыбнувшись, предложил я.

И мы ушли в квартиру Сюзан.

– Приготовлю обед, – сказала она, снимая шлем.

Я отрицательно покачал головой.

– Некогда. Мы в реальности, а тут время идет, как ему и положено идти. Надо спешить, если, конечно, Бруно еще жив.

Взял из ее рук шлем, засунул в рюкзак и перекинул его через плечо.

– Не вешай нос, – улыбнулся я, застегивая на животе ремень с кобурой и сжимая покрепче рукоятку лазерного меча. – Сейчас я войду обратно в виртал, а ты через минуту наберешь номер МИ-5.

Сюзи кивнула, и тут я увидел слезы на ее щеках.

– Ты… Ты вернешься? – прошептала она.

Я удивленно посмотрел на нее.

– Ну… не знаю. Наверное. Правда, не сейчас, не сегодня. Я не совсем свободен в своих поступках.

– Прошу тебя, возвращайся!

Сюзан бросилась мне на шею.

– Что с тобой, детка? – окончательно растерялся я.

– Я… Я не знаю, – шептала она. – Не знаю… Просто давно никто не был со мной так добр, как ты.

«Не хватало еще, чтобы эта девочка в меня влюбилась…» – подумал я, потом осторожно отстранил Сюзи от себя, надел шлем и сказал:

– Помни, ровно через минуту. Жду твоего звонка.

С этим словами я нырнул в виртуальность.

В локальной сети я быстро отыскал буфер подсоединения к обычной телефонной магистрали и, немножко повозившись, понял все же как им пользоваться.

Через несколько секунд я вошел в магистральный туннель, хотя и не такой большой, как трансатлантический, по которому

мы попали в Англию. Затем секунд двадцать ушло на то, чтобы ввести в компьютер приказ на отслеживание нужного мне телефонного звонка и теперь оставалось только ждать.

Но вместе с ожиданием ко мне пришел и страх. В тот миг, когда у меня возникла мысль проникнуть в МИ-5 через виртал, я прекрасно помнил, что говорил Бруно о путешествиях по виртуальному кабелю без транспортного модуля. Но других идей у меня просто не было, и потому я решил рискнуть, о чем сейчас очень и очень жалел. Вернее – не просто жалел, а проклинал себя за то, что в мою безмозглую голову пришла такая бредовая мыслишка.

Кажется, еще Александр Македонский придумал набирать в свое войско солдат, предварительно проверив их на «испуг». Перед носом новобранца неожиданно мелькало лезвие меча, и если человек бледнел, цепенея, его отбраковывали, если же становился пунцовым, но пытался отразить удар, то его ждала великая карьера в армии покорителя мира. Меня Александр служить к себе взял бы наверняка. Вот только карьеру я бы не сделал – покойникам она ни к чему…

Я, начал отступать обратно к переходному сегменту. Оставалось только руку протянуть…

– Поступил звонок, – сказал компьютер, словно вынес приговор, и меня в ту же секунду бросило вперед со скоростью стартующей межконтинентальной ракеты.

– Не-е-ет! – только и успел пропищать я.

В раю оказалось так же, как в виртуальности – тот же туннель, только по нему порхали ангелы. Они пели задушевные песни.

«Может быть, Бог создал нашу Вселенную, сидя за клавиатурой компьютера? – поймал я себя на совершенно дикой мысли. – А почему бы и нет? Надо бы об этом пораспросить у сведущих людей…»

– Идите ко мне, я здесь! – позвал я ангелов, и они обернулись на мой крик.

Я приподнял голову, стараясь рассмотреть их получше и почувствовал острую боль в плече. В глазах на миг потемнело и, когда я вновь обрел способность видеть, то осознал, что ко мне приближаются вовсе не ангелы, а какие-то люди в белых хламидах и с автоматами в руках.

И тут я понял, что попал именно туда, куда стремился, раз уж меня встречают в виртале с оружием. Значит, они смогли отследить мое прибытие в их сеть, а это плохо. Это очень и очень плохо. Я потерял фактор внезапности, и еще, наверное, долго

провалялся в беспамятстве, коль они успели выслать сюда спецгруппу.

«Ну и Бог с ними, – подумал я. – Шлемов на них нет, отсюда следует, что вошли они в ВР каким-то иным способом, если, вообще, не через „саркофаги“. А значит, у меня есть еще немного времени в запасе».

– Выход! – приказал я компьютеру, и тут же очутился в просторной комнате со стеллажами и большим столом, за которым восседала импозантная дама с изящными очками на толстом, мясистом носу.

В комнате было две двери. На одной из них красовалась табличка:

Бен Берримор
приемные дни: понедельник и среда

– Ага! – сказал я и включил свой лазерный клинок.

Сзади раздался звук падающего стула и удара чего-то более тяжелого о деревянный пол. Я даже не оглянулся на даму, зная что у секретарш сотрясения мозга не бывает.

Толкнув ногой дверь, я вошел в кабинет такой большой, что дверной скрип еще долго висел в воздухе противным эхом. В кабинете оказалось полно народу. За длинным полированным столом сидели и штатские, и люди в форме, убеленные сединами и наоборот, симпатичные и не очень, но я тут же понял, кто из них Берримор. И не потому, что у него было самое солидное брюшко или самый орлиный взгляд, не потому, что он был выше других ростом и имел самые длинные усы, просто он сидел во главе стола.

– Руки вверх! – сказал я, и лишь теперь на меня обратили внимание.

Мой меч, казалось, парализовал их. Они не могли отвести от него взора, как кролики от пасти удава, и, благодаря их замешательству, я смог приблизится к Берримору почти вплотную.

– Это не все, – сказал я, вытаскивая из кобуры лазерный пистолет и делая в портрете какой-то дамы с короной на голове аккуратненькую дырочку величиной с арбуз. – Вот что у меня есть еще. Так что попрошу без лишних телодвижений. Я ненадолго, сделаю свои дела и уйду восвояси. Но скажу честно, лучше меня не злить, я человек нервный, с детства замученный кока-колой.

– Американец? – промычал Берримор.

– Угу, – кивнул я. – А раз вы поняли, с кем имеете дело, то попрошу немедленно отдать распоряжение, чтобы сюда незамедлительно привели моего товарища, которого вы этой

ночью наглым образом решили отвлечь от весьма важных дел. Я жду! Через каждые пять минут здесь будет появляться по одному трупу. Это вас устраивает?

– Нет, – прохрипел Берримор, потом снял трубку телефона и рявкнул нее: – Приведите арестованного американца!

«Интересно, сколько пролежит в обмороке дама из приемной? Не подняла бы она тревоги…» – подумал я, поглядывая то на часы, то на все это кодло, которое не хуже бластера прожигало во мне дырки своими глазищами.

Прошло три минуты, четыре, четыре с половиной, а Бруно все не было. Неужели придется стрелять? Черт, я ведь не убийца, но если я не сдержу обещания, они разорвут меня на куски. Просто руками разорвут. У, рожи злые, просто жуть! А ведь как хорошо, что они не таскают с собой повсюду оружия, уже бы давно пристрелили, за всеми ведь не углядишь.

– Пять минут, – сказал Берримор, исподлобья глядя на меня.

– Намек понял, – как можно кровожаднее улыбнулся я, делая в воздухе фортели мечом. – Ну, кто смелый, кто готов сложить голову на плахе?

Смелых не нашлось.

– Та-ак, – задумчиво протянул я. – Тогда сделаем так: я начну считалочку, на кого выпадет, тот и покойник.

Все молчали, глядя на меня, как на сумасшедшего, но я невозмутимо начал:

– Эни бени рес… квинтер финтер жес… эни бени ря…

И тут в кабинет вошел Бруно в сопровождении двух дюжих охранников с внушительных размеров кобурами, выпирающими из-под пиджаков. Вид у итальянца был еще тот: губа рассечена, синяк на пол-лица, нос в крови. Но глаза его так и засветились от радости при виде шлема, прикрывающего мою личность.

Я облегченно вздохнул, с удивлением отметив, что тоже самое сделали все присутствующие, кроме, разумеется, вновь прибывших.

– Где шлем? – спросил Филетти.

– Держи, – я протянул ему рюкзак и умильно посмотрел на охранников. – Пистолетики на пол. Быстренько.

Но они не спешили, они сперва посмотрели на Берримора, и лишь потом потянулись к своим кобурам.

Дальнейшее произошло так стремительно, что я и не понял, что к чему. Раздался выстрел, и шлем на моей голове разлетелся вдребезги. Видимо, пуля прошла вскользь, иначе вместе со шлемом разлетелась бы и моя черепушка.

Я пальнул из лучемета и, кажется, попал, ибо один из охранников начал заваливаться набок. Второй же – бросил

пистолет и поднял руки, а в воздухе все еще витало эхо от Берриморовского вопля: «Не стрелять!»

Мы с Бруно попятились к двери и выбежали в приемную. Секретарша уже сидела в безопасном, по ее мнению, месте – под столом. Я заприметил туфлю милой дамы и кусок слоновьей ноги в капроновом чулке.

Мы выскочили в коридор, и Бруно потащил меня за собой, что было вполне резонно, так как он, пожалуй, уже успел стать здесь «своим парнем».

Далее был лифт и бесконечный спуск в подвальный этаж, где располагался подземный гараж. Мы успели туда до того, как в здании вырубили свет. А затем до нас донесся грохот десятков ног, бегущих по лестничным пролетам, но мы уже забирались в машину, в которой какой-то олух оставил ключи в замке зажигания.

«Мерседес» взвизгнул колесами, рванул с места и, набрав скорость, разнес вдребезги шлагбаум, закрывавший путь на свободу. Кажется, охранник в будке проглотил свою сигарету, а, может, мне это и показалось…

Но как бы то ни было, мы вырвались в сумерки Лондона и на бешеной скорости поехали по одной из его улиц, названия которой я не знал. За рулем сидел Бруно, и потому у меня была задача крутить головой, высматривая, нет ли за нами погони. Только спрашивается, а как же без нее? Уже через два квартала я увидел, как за нами неотрывно следуют два черных «БМВ».

– Что будем делать? – спросил я у Бруно, целиком поглощенного тем, чтобы не задавить какого-нибудь неосторожного джентльмена или, не дай Бог, леди.

– Сколько их? – ответил он вопросом на вопрос.

– Пока две машины.

– Подключат полицию, тогда нам уж точно кранты. Правильно?

Я лишь вздохнул.

– Значит, устроим себе мнимую смерть.

– Это как? – опешил я.

– А вот так!

В этот миг мы выехали к Темзе, и Бруно повел машину прямо на чугунные ограждения набережной.

– Ты с ума сошел! – заорал я.

– Ничего страшного, – усмехнулся Бруно. – В «мерседесе» лучшие в мире надувные аварийные подушки.

– Нет! – простонал я.

– Да, – сказал итальянец. – Надеюсь, плавать ты умеешь?

С грохотом проломив решетку, машина вместе с нами

полетела в мутные речные воды.

– А-а! – на всякий случай заверещал я, изо всех сил вцепившись в рюкзак со шлемом, лежавший у меня на коленях.

Мокрые, но довольные, мы выбрались на берег, и, стянув с себя одежду, начали выжимать из нее воду. На Лондон опустилась ночь, и здесь, на какой-то полузаброшенной лодочной станции не горело ни одного фонаря.

Настроение у меня было отличное. Я все-таки вытащил Бруно, и нам удалось уйти от погони. Правда, к боли в плече, появившейся после путешествия по кабелю, добавилась шишка на лбу, но это были пустяки.

– Ловко ты придумал, – рассмеялся я, напяливая на себя влажную одежду. – Они там бегали по набережной, вызывали по рации речной патруль и водолазов, а надо было самим в водичке искупаться, глядишь и поймали бы рыбку.

– Да, – кивнул Бруно. – На этом и строился весь расчет. Не один чиновник не полезет в воду, если знает, что эту «приятную» миссию может выполнить кто-то другой. Ладно. Не в этом дело. Лучше расскажи, как тебе удалось до меня добраться?

– Потом, – махнул я рукой, – как-нибудь на досуге. Сейчас надо выбираться из Лондона, не то опять обложат, как волков.

– Что верно, то верно, – согласился Бруно. – Только теперь нам придется идти в виртал за шлемом.

– За двумя, – поправил я. – Я потерял рюкзак в реке.

– Паршиво, – вздохнул Бруно. – Если англичане его найдут, шеф нам головы поотрывает.

– Не найдут, – успокоил я итальянца. – Минут через десять от него и следа не останется. Придется «мишникам» удовлетвориться глушеной рыбешкой – заряд в шлеме весьма приличный.

– Ловко, – одобрительно кивнул Филетти. – Успел-таки? Молодец. Кстати, а чем это ты в кабинете Берримора размахивал?

– Что ты имеешь в виду? – состроил я невинную физиономию. Меч Дарт Вейдера и бластер покоились на дне Темзы в том же рюкзаке, что и обреченный шлем.

– Ладно, – Бруно внимательно посмотрел на меня, помолчал. – Будем считать, что все это мне привидилось. Вот только для Стрэдфорда нужно будет придумать что-нибудь пооригинальнее. Сумеем?

– А то! – довольно осклабился я.

Центр компьютерных развлечений мы нашли на Харли-стрит рядом с какой-то рекламной конторой. В огромном зале, набитом

электроникой, было полно народу. В основном здесь развлекалась молодежь, но можно было увидеть и людей более зрелого возраста.

Мы подошли к стойке, за которой пританцовывал типичный киберпанк с наушниками на голове, облаченный в блестящую серебристую куртку из фольги с надписью на груди: «Ай-Би-Эм – нет проблем».

– Что надо, старики? – усердно пережевывая жвачку, спросил он. – Игрануть?

– Два «саркофага» – нахмурившись, сказал Бруно.

– Хоть десять, – усмехнулся парень.

– И выход в Интернет.

– Это будет стоить дороже.

– И еще отключишь таймеры.

– Ты что? Это нельзя, это я никак не могу. На кой хрен мне в тюряге гнить?

– Не надо заливать, – процедил сквозь зубы Бруно. – Наверняка, у тебя есть пара-тройка левых терминалов, о которых сам Господь Бог не ведает.

– А куда я потом буду сбагривать ваши трупы?

– Придурок, мы не собираемся уходить в виртал насовсем, нам просто нужен неограниченный временной объем.

– Ладно, папаша… Гони сто фунтов, и я вам устрою праздник.

– Только не вздумай навести на нас копов.

– Псих я, что ли? Мне же потом дороже обойдется…

Я отсчитал деньги и протянул парню. Тот сунул их в карман куртки и громко выкрикнул в зал:

– Эй, Боб, подмени на пару минут, у меня клиенты.

– Ну, Фил! Подожди секунду. Я только прошел четвертый уровень…

– Я кому сказал?!

– Иду, иду… Чего разорался?

Мы поднялись вслед за Филом на второй этаж и зашли в небольшую каморку, куда были втиснуты два двухметровых «саркофага» довольно древней конструкции.

– Они в рабочем состоянии? – с подозрением разглядывая их, спросил я.

– А то как же, – обиженно зачавкал жвачкой Фил, – туфту не держим.

– Ладно, иди. Мы тут сами разберемся, – произнес Бруно.

Он закрыл за парнем дверь, задвинул щеколду.

– Это не поможет. Надо проверить систему блокировки «саркофага», – сказал я.

– Надо, – согласился Бруно, и мы принялись ковыряться во

внутренностях терминала.

– Одного не пойму, – нарушив молчание, сказал я. – Англия – дружественная страна. Почему же они пошли на этот конфликт, ведь можно было как-то договориться?

– Так обычно и происходит, – ответил Бруно. – Но если кто-то слишком глубоко начинает рыть, МИ-5 не останавливается и перед ликвидацией.

– Интересно, как они узнали о рандеву? Перехватили информацию?

– Все может быть, – ответил Бруно, а потом гневно добавил: – Вот сволочь этот Фил! Блокировка снята.

Я вскрыл панель и увидел, что мой «саркофаг» тоже отключен от системы предотвращения доступа при работающем оборудовании. Выругавшись, я вставил блок на место, и закрыл крышку. Бруно уже забрался в свой терминал и, прежде чем закрыть купол, сказал:

– Ну, с Богом. Встретимся в зале выбора игровых программ.

В буферном сегменте оказалась всего одна личностная матрица, сработанная весьма топорно, но выбирать все равно было не из чего.

С рожей отпетого головореза из Бронкса я выбрался в текстовой буфер, где меня уже поджидал Бруно. Физиономия его матрицы была похлеще моей, и меня даже заинтересовало, что за «гений» программирования создал подобные личины. Понятно, ответа на этот вопрос я не узнаю никогда.

– Это ты что ли, Энди? – подозрительно спросил Филетти.

– Ага, – признался я.

– Ну, и морда у тебя! – хохотнул он. – Ты и в жизни не красавец, а тут, хоть свет туши.

– На себя посмотри, – достойно парировал я.

– Ладно. Оно и лучше. Там, куда мы с тобой направляемся, с такими физиономиями будет даже проще.

– Это где же? – спросил я.

– Терпение, мой друг, терпение. Сперва мы выйдем в ИНТЕРНЕТ, я уже вывел меню Перехода.

– А потом куда?

– Завоевывать империю инков.

– Ясно, – вздохнул я. – Значит, опять придется драться.

– Что поделаешь? – пожал плечами Бруно. – Вся история человечества – одна сплошная война. Вот такие мы козлы… Ладно, пошли.

Мы вернулись в сегмент Бруно, где на потолке уже светились буквы: «ПЕРЕХОД». Я поднял руку, и надпись исчезла. Взамен нее

появилось новое меню с названиями компьютерных сетей. Я отыскал ИНТЕРНЕТ и сделал новый выбор.

Теперь, выйдя из сегмента, мы оказались в совсем ином текстовом буфере, размеры которого поражали воображение. В огромном, казалось, бесконечном зале сновали туда-сюда вагоны монорельса, развозя тысячи людей к тысячам дверей в иные миры. Здесь слышался громкий смех, визг тормозящих вагонеток и, заглушающая все, музыка.

Мы с Бруно, не сговариваясь, направились к платформе, над которой горела огромная буква «О».

– Как называется игра? – спросил я.

– «Конкистадор».

– Значит, придется немного прокатиться на «железке».

– А ты хочешь пройтись пешком?

– Боже упаси! Я уже достаточно набегался. И хотя мое тело лежит сейчас в «саркофаге», ноги от этого будут потом болеть не меньше.

Забравшись на платформу, мы втиснулись в битком набитый вагон, чтобы через несколько минут выйти на перроне, помеченном литерой «К».

– Теперь хочешь – не хочешь, а придется идти пешком до входа в нужную игру, – вздохнул я.

– Топай-топай, – усмехнулся Бруно. – Это только начало. Нам предстоит еще порядочно побегать, пока доберемся до цели.

– Когда это кончится? – воздев руки к виртуальным небесам, вопросил я.

– Он тебя не услышит, – хмыкнул Бруно, и мы побрели по залу, читая названия игр над каждой из дверей.

А их было предостаточно: «Кабаре», «Кайнозойская эра», «Казино Роял», «Капитал-шоу „Поле чудес“», «Капризы Екатерины II», «Капитан Кук», «Караван-сарай», «Карфаген», «Кегельбан», «Кладоискатели», «Клыки», «Ковчег», «Кодекс смерти», «Кокаиновая лихорадка», «Кокон», «Колдовской мир», «Колесо фортуны», «Колонизация», «Конвой», «Конкистадор»…

– Вот оно! – остановился Бруно.

– Не может быть! – воскликнул я. – Мне казалось, что никогда не дойдем.

– Ты думаешь, у меня сил больше, чем у тебя? Милые коллеги вконец замордовали меня своими вопросиками. И чтобы этого не повторилось, надо спешить, пока нам не перекрыли все пути к отступлению.

– Тогда чего мы стоим? Пожалуем в Южную Америку времен конкисты!

Я толкнул дверь, и мы окунулись в экипировочный сегмент.

– Так, – пробормотал Бруно, разглядывая меню атрибутов. – Что тут у нас есть? Ага! Одежда испанских солдафонов шестнадцатого века: камзол, панталоны, чулки, сапоги с высокими голенищами… Годится.

– А из вооружения что возьмем?

– Бери меч и аркебузу.

– Аркебузу? – переспросил я.

– Ну да. Это фитильное ружье тех времен, заряжавшееся с дула. Ничего лучшего здесь не предлагают.

– Да, – вздохнул я, – жалко, что «узи» лежит сейчас вместе с моим бренным телом в тесном чулане. С ним я чувствую себя как-то спокойней.

– Ерунда. Что может случиться с матрицей? Ну, покалечит нас малость. Не убьет же, – отмахнулся Бруно.

– Совсем ничего, – хмыкнул я. – Только в самый неподходящий момент нас может выкинуть обратно в буфер. Тогда начинай все сначала.

– А ты постарайся, чтобы тебя в виртале не угробили, и все будет в порядке. Ладно, переодевайся, и не забудь надеть шлем и панцирь. Мы, как никак, конкистадоры, что в переводе с испанского означает «завоеватели». Ну а если серьезно, вся эта мишура нам не понадобится. В этой игре задействованы одни графобы, кроме нас попасть в нее никто не может. Заберем шлемы и смоемся.

– Зачем же вся эта дребедень? – тряхнул я тяжеленным ружьем, – Ладно, не имея шлема в обычную игру без экипировки не попадешь, но ты же говоришь, что здесь особый случай.

– Для маскировки, – ухмыльнулся Бруно. – Или ты хочешь, чтобы окружающие обратили внимание на двух придурков, собирающихся играть в неподобающем одеянии?

Однако, все сразу пошло наперекосяк. В мире «Конкистадора» двигались войска, дымились костры, стлались за всадниками шлейфы пыли…

– Что за ерунда? – недоумевал Бруно. – Рейверов кроме нас здесь нет, кто же дал команду на начало игры?

– Может, кто-нибудь из наших тоже потерял шлем и опередил нас? – уныло предположил я.

– Маловероятно… Однако, хочешь не хочешь, а чтобы найти шлемы, придется включаться в охоту за золотом инков.

– Всю жизнь только об этом и мечтал! – вздохнул я.

…Перед нами простирался странный город. Глиняные хижины, крытые соломой, соседствовали с дивными домами, сложенными из плотно подогнанных каменных глыб. Большую

треугольную площадь окружали просторные, хотя и приземистые строения, похожие на современные казармы. Чуть поодаль, на холме застыла каменная крепость, а дальше – еще одна, обнесенная тремя рядами высоких стен.

– Кахамарка, – сказал Писарро. – Вот мы и достигли цели. Атауальпа со своими воинами рядом. Завтра будет великий день, да благослови нас Господь!

С этими словами сто пятьдесят конкистадоров вошли в «город морозов», как переводилось с индейского слово «кахамарка». Мы с Бруно ехали на мускулистых жеребцах почти в самом конце кавалькады. За нами шли пешие солдаты. А еще дальше – лошади, тащившие за собой пушки и дрожавшие от напряжения.

– Улицы пусты, – хмуро сказал Бруно. – Никто не встречает Франциско Писарро и его головорезов, к которым мы нынче с тобой «имеем честь» принадлежать.

– Да ладно тебе, – сказал я. – Берешь все так близко к сердцу, будто это происходит в реальности, и ты пришел превратить в прах целую цивилизацию.

– Спешиться! – пронеслось над нами, едва мы въехали на площадь. – Выставить сторожевые посты.

Забряцало оружие, заржали кони, предчувствуя долгожданный отдых.

– Де Сото к Писарро! – вновь разнеслось над площадью.

Мы принялись расседлывать коней, но не успели. Де Сото вернулся.

– Пятнадцать человек со мной! – выкрикнул он. – Надо проведать Великого инка, – и он смачно сплюнул себе под ноги.

Снова мы были в седле. Признаться, своего зада я уже не чувствовал, хотя прошло не более трех часов, как мы оказались среди испанского воинства, покинув экипировочный сегмент. Утомленные кони недовольно ржали, но все же слушались ударов шпор, и вскоре малочисленный отряд, выбравшись из города, оказался на дороге, ведущей к горам, где был разбит военный лагерь инков. И тут наш отряд догнал брат Писарро Эрнандо с двадцатью солдатами.

– Что случилось? – спросил де Сото.

– Франциско решил укрепить посольство, – улыбнулся Эрнандо. – Мало ли, что придет на ум этим варварам.

– Мудрое решение, – кивнул де Сото, прекрасно понимая, что теперь отрядом командует не он, а значит, Франциско в который раз выказывает ему свое недоверие.

– Я имею не меньше прав получать лучший кусок при дележе добычи, чем эти чертовы братья, – пробормотал де Сото. – Нет же,

они забирают себе самое лучшее и ценное. Да и слава покорителей Нового Света будет принадлежать не мне, а им. Разве это справедливо?

Но в этот миг впереди показалась река, а за нею – тысячи и тысячи перуанских воинов, выстроившихся в боевые порядки. У меня даже дух захватило, от этого величественного зрелища.

«Ну программисты, ну молодцы, – подумал я. – Постарались. Впечатляет».

– Вперед! – крикнул Эрнандо. – Мы почти у цели!.

И мы на полном скаку влетели в реку, хотя рядом был мост.

– Бр-р-р, – я заклацал зубами, – они что, сдурели? К чему нам холодные ванны?

– Писарро боится, что на мосту ему могут устроить ловушку, – пояснил Бруно. – А, вообще, программисты, видимо, решили ни на шаг не отходить в сторону от реально происходивших почти полтысячелетия назад событий.

– Что б их… – собрался выругаться я, но тут же с облегчением увидел, что мой конь почти выбрался на противоположный берег.

Как ни странно, нашему продвижению никто не препятствовал. Воины Великого инки даже не тронулись с места. Наоборот, один из индейцев показал Эрнандо Писарро, где находится резиденция Атауальпы – дворец с множеством колонн и каменным бассейном, куда по трубам стекала горячая и холодная вода из источников. Возле дворца был разбит большой сад, окутанный дымкой из-за небольших гейзеров то тут, то там выбрасывавших в воздух клубы пара.

Когда наш отряд подъехал ближе, мы увидели толпу людей в необычных одеждах. Это были приближенные правителя. Сам же Атауальпа сидел в кресле, украшенном драгоценными камнями и золотыми пластинами. Он был не молод, но и стариком его нельзя было назвать. Высокий, широкоплечий, крепкого телосложения, с умными спокойными глазами – он всем своим видом олицетворял могущество и величие империи инков.

Наш отряд остановился неподалеку от дворца. Спешившись, мы остались возле лошадей, а Писарро и де Сото вместе с тремя солдатами приблизились к Атауальпе, так и не покидая седел.

– Видишь золотой шлем на голове Великого инки? – толкнул меня в бок Бруно.

– Ну?

– Это и есть наша цель.

У меня отвисла челюсть.

– А как мы его заберем?

– Узнаешь. Но никого из наших здесь нет. Кто же дал команду на начало игры? Непонятно… – проговорил Бруно,

наблюдая, как Эрнандо приблизился почти вплотную к Верховному инке и, склонившись в низком поклоне, сказал:

– Я – посланник моего брата, главнокомандующего войсками великой Испании. Мы пришли в вашу страну с миром и хотим помочь в борьбе против ваших врагов. Главнокомандующий просит узнать, не хочет ли Предводитель инков прибыть в Кахамарку, чтобы лично убедиться в дружественных намерениях испанцев.

Атауальпа молчал, ни один мускул не дрогнул на его лице, ни одним жестом он не показал своего отношения к тому, что сказал Писарро, хотя переводчик, взятый специально для этого случая в перуанский лагерь, перевел речь испанца слово в слово.

Пауза затягивалась. Конкистадоры начали нервничать. Писарро видимо тоже, потому что, не выдержав, сказал:

– Мы ждем твоего решения, или ты уже забыл о нас?

– Нет, – усмехнулся Атауальпа. – Скажи вашему предводителю, что у меня сейчас пост. Завтра он завершится, и тогда я и мои вожди посетим его. А до тех пор вы можете разместиться со своими людьми в казармах около площади. Завтра я решу, что делать дальше.

Писарро вновь поклонился и, повернув коня, поскакал прочь. Мы последовали за ним, радуясь, что обошлось без драки, хотя прекрасно понимали, что рано или поздно она обязательно будет, страшная и кровавая, несмотря на то, что мы находимся всего лишь в виртале.

В Кахамарке нас встречал Франциско Писарро, нервно расхаживавший по площади.

– Как Атауальпа? – первым делом спросил он у брата.

– Он принял наше предложение, – расхохотался тот в ответ.

– Слава Всевышнему! – перекрестился Франциско.

Ночь прошла в тревожном ожидании. Никто не сомкнул глаз, понимая, что перуанцы могут напасть в любой момент. Огни вражеского лагеря сверкали на склоне горы, словно звезды на небесах – так их было много, вселяя в сердца испанцев еще больший трепет. По крайней мере, на физиономиях графобов читался именно страх.

Но ничего не произошло. Наступило утро, постепенно разгорался день, время шло к полудню. Лишь тогда в Кахамарке появились гонцы, сообщившие, что Повелитель инков скоро прибудет в город в сопровождении знати и воинов.

– Вот тогда и начнется резня, – шепнул мне на ухо Бруно. – Великий лев окажется в зубах гиены.

– А если попытаться изменить программу и предупредить

инков? – спросил я.

– Жалко их, да? Это же только игра. К тому же не забывай, нам нужен шлем. А его можно будет снять только с поверженного Сына Солнца. Таковы условия игры.

– Ну, хорошо, – кивнул я. – Допустим, этот шлем окажется у нас в руках. А где взять второй?

– Он рядом с нами, – и Бруно кивнул в сторону Франциско Писарро, о чем-то спорившего в этот момент с де Сото.

– Проклятье! – выругался я. – Неужели нельзя было придумать более простой способ заполучить эти чертовы шлемы?

– Нельзя, – усмехнулся Бруно. – Как говорят русские, дальше положишь – ближе возьмешь… Да и кто мог подумать, что все пойдет шиворот навыворот?

– Идут! Идут! – разнеслись над площадью крики дозорных.

Действительно, перейдя мост, войско Атауальпы шествовало к Кахамарке.

– Все по местам! Живо! – закричал Франциско Писарро.

Мы с Бруно рванулись к одному из глиняных домов и, спрятавшись внутри, принялись наблюдать через оконце, затянутое пузырем какого-то животного, за процессией Верховного инки.

Зрелище было впечатляющим. Впереди паланкина, в котором несли Атауальпу, шло огромное количество прислужников, за ними следовала разодетая в яркие разноцветные одежды придворная знать, а дальше – само войско, разбитое на отряды. Передовая колонна состояла из пращников, несших прочные деревянные щиты, следом двигались тяжеловооруженные воины с бронзовыми топорами и боевыми копьями, имевшими наконечники размером с кулак, из которых торчало множество острых шипов. Дальше шли отряды, вооруженные дротиками, арьергард же составляли воины с длинными тридцатифунтовыми пиками.

– Представляю, каково было настоящим испанцам при виде этой мощи, – пробормотал я, зачарованно разглядывая тридцатитысячное войско инков.

– И все-таки они победили, – задумчиво произнес Бруно. – Беда индейцев в том, что они были слишком доверчивы.

– И не знали железа, – авторитетно добавил я.

– Пожалуй.

– Подожди, – встрепенулся я, – они останавливаются.

– Похоже. Черт! Кажется Атауальпа сходит с носилок, рабы устанавливают шатер. Только этого нам не хватало! Мы и так слишком долго находимся в виртале, и опять задержка.

– Они посылают гонца, – добавил я, продолжая наблюдать за

войском перуанцев. – Надо пойти послушать, что он скажет.

Мы вышли на площадь и увидели, что Франциско Писарро, скрестив руки на груди, тоже поджидает гонца. Но прошло не менее десяти минут, прежде чем тот появился, чтобы сообщить, что Повелитель Страны Солнца решил провести ночь за городом и только утром сможет посетить испанцев.

– Как же так? – запротестовал Писарро. – Мы готовились к этой встрече, столы ломятся от яств. До завтра почти все станет несъедобным, и мы не сможем достойно принять великого правителя Перу.

– Хорошо. Я передам Повелителю слова белого человека, – сказал гонец и поспешил в обратный путь.

К Франциско, наблюдавшему за удаляющейся фигурой посланника, подошел Эрнандо.

– Молодец! – сказал он брату. – Еще одну ночь в этой мышеловке нам не вынести. И люди устали. С утра находятся при полном вооружении подле оседланных коней.

– Знаю, – ответил Франциско. – Но еще не известно, клюнет ли на эту уловку Атауальпа. Будем ждать и верить в провидение Господне.

Однако ждать пришлось не так уж и долго. Вернулся гонец и объявил, что сын Солнца благосклонно отнесся к столь сердечному приглашению и в знак миролюбия незамедлительно прибудет в город без вооруженной охраны.

Глаза у Франциско вспыхнули хищным блеском, которого гонец, увы, так и не заметил.

– Я рад такому известию, – поклонился испанец. – Мы ждем Великого инку.

На закате торжественная процессия вступила в Кахамарку. Атауальпу по-прежнему несли в паланкине, но только сейчас испанцы разглядели, что он украшен драгоценными камнями и золотыми пластинами.

Сам властелин Страны солнца сидел на массивном троне из чистого золота, при виде которого конкистадоры едва не сошли с ума. Да и на придворных, со всех сторон обступавших носилки, было навешано множество золотых и серебряных украшений. У многих из них на голове красовались золотые короны, также подогревавшие кровь испанцам, сидевшим в засаде.

Мы с Бруно стояли возле лошадей в ожидании сигнала к атаке и наблюдали как к Атауальпе подходит Вицент де Вальверде – домашний священник Писарро.

Что он говорил, мы не слышали, лишь заметили, как меняется в лице Верховный инка. А затем заговорил он сам.

Гневно, отрывисто, резко – так, что было слышно на весь город.

– Я никому не намерен покоряться и платить дань! Только слабоумный может променять живого бога на мертвого. Скорее, я уничтожу вас самих!

Писарро поднял руку и взмахнул белым платком. В то же мгновение из крепости донесся грохот пушечных выстрелов, вслед ударили аркебузы. Над площадью разнесся боевой клич испанцев:

– Сант-Яго с нами! Бейте их!

Всадники и пехотинцы ворвались в самую гущу окаменевших от неожиданности инков. Многие так и не поняли, что произошло, сраженные в первые же секунды боя пулями и железными мечами.

А потом началась паника. Охваченные ужасом перуанцы попытались спастись бегством, даже не помышляя дать хоть какой-то отпор. Их затаптывали лошадьми, разили алебардами, били мечами и копьями. Обезумев от ужаса, не зная, где искать спасения, индейцы бросились к стене, которая была построена между домами и ограждала площадь, и проломили ее своими телами. Но и это их не спасло. Всадники настигали их и рубили, рубили, рубили, опьяненные кровью.

Атауальпа с окаменевшим лицом смотрел на это страшное побоище, осознавая свое бессилие и не веря в происходящее. Около носилок метались знатные инки из ближайшего его окружения. С голыми руками они бросались на врагов, принимая бессмысленную смерть.

Мы с Бруно так и не вышли из своей засады.

– Боже мой, – шептал я, – неужели все так и было на самом деле?

– Увы, – ответил итальянец. – Впрочем, сейчас не время для исторических экскурсов. У нас здесь свои дела и, кажется, пора ими заняться вплотную.

Он вскочил в седло.

– Ну же!

Я повиновался.

– Займешься Писарро, а Атауальпа мой! – кинул Бруно, пуская коня с места в галоп.

Мне не оставалось ничего иного, как ринуться в атаку вслед за ним, выставив вперед длинное копье.

Защитников Владыки Солнца к тому времени почти не осталось. Бруно подскочил к паланкину и проткнул мечом последних двух спрайтов, удерживавших носилки на весу. Они опрокинулись на землю, и Филетти, соскочив с коня, сорвал шлем с головы Атауальпы. Тут же подоспело несколько

конкистадоров и начали вязать инке руки. А я, наконец, увидел Франциско Писарро. Он тоже спешил к паланкину. Я направил коня к нему и на полном скаку ударил его кобылу копьем в круп. Лошадь опрокинулась на землю вместе с всадником. Шлем слетел с головы Франциско и откатился в сторону. Выпрыгнув из седла, я подхватил его и в тот же миг увидел Бруно, выводящего на стену каменного дома меню выхода.

– Быстрее! – махнул он рукой.

Я сорвался с места, проклиная тяжеленные доспехи конкистадоров.

– Все, уходим, – сказал Бруно и ткнул рукой в слово «ВЫХОД».

В последний миг я успел оглянуться на груды тел, залитых потоками крови. И еще я увидел глаза Атауальпы, в которых отразилось страшное будущее его народа. Это было началом конца великой империи инков, это было концом начала моей службы специальным курьером самой могущественной разведывательной службы, когда-либо существовавшей на Земле. Ибо в направленном на меня взляде графоба светилось чисто человеческое злорадство…

Уровень 4
Стрельба по бегущей мишени

– Глупости, – сказал Кристофер Шин, – виртуальные ощущения ни в коей мере не сравнимы с реальными. Возьмем, к примеру, этот бокал с шампанским, истекающим пузырьками углекислого газа, и пройдемся по цепочке ощущений. В данный момент у меня задействованы только органы зрения, но теперь я беру бокал с подноса, и тут же в работу включается осязание. Делаю глоток – получаю вкусовые ощущения. Далее через какой-то промежуток времени начнут работать органы пищеварения, почки и, простите за вульгарность, мочевой пузырь. Мало того, алкоголь воздействует и на мой мозг, внося коррективы в вестибулярный аппарат, органы зрения, память и так далее. А о каком, извините, метаболизме может идти речь в виртуальности? Нет, это грубая подделка, вроде той, когда в мозг подопытной мыши вживляют электрод, способный заменит ей кусок сыра. Мышь чувствует себя сытой и умирает от истощения.

– А секс? – спросил Эдвард Смит.

– Что, секс? Тот же суррогат. Ваш мозг отвечает на раздражители, и вы даже можете испытать оргазм. Но это будет мнимый оргазм, тот самый кусочек несуществующего сыра. Разве вы почувствуете себя удовлетворенным, вернувшись в нормальный мир? Виртуальный секс не вызывает даже поллюций, так что эротические сновидения в этом плане более эффективны.

– Но вы забываете о рэйверах, – сказал я.

– Отчего же? – Шин протянул свою пухлую руку к подносу, ставя на него пустой бокал и подхватывая новый. – В этом аспекте можно рассматривать три варианта. Первый – это когда один из партнеров является рэйвером, другой – графобом, второй: рэйвер – личностная матрица, и третий: рэйвер – рэйвер. Как видите, в первых двух случаях сексуальные взаимоотношения сводятся к тривиальному одностороннему получению мнимого удовольствия, о котором я говорил ранее. Пожалуй, это можно в какой-то степени сравнить с обычным употреблением некоторыми индивидуумами, преимущественно женского пола, различных стимуляторов, вроде вибраторов и прочей дребедени. Хотя… гм… можно вспомнить и надувные куклы для мужчин. А вот третий случай не так уж и прост. Главный вопрос, который здесь возникает – возможно ли зачатие в виртуальности? Ответить на него мы пока не в состоянии. Нужна экспериментальная проверка. Но увы, у отдела нет времени отвлекаться на такие пустяки. И без

того на разработку направлений, которыми мы сейчас занимаемся, уйдут годы и годы. К сожалению, ЦРУ пока не осознает до конца, какие перспективы открывает виртуальность. Отсюда те мизерные ассигнования, выделяемые нашей службе.

Шин допил шампанское и, поставив бокал на столик, посмотрел на меня.

– Ну а вы, что думаете обо всем этом по прошествии двух месяцев работы в нашем не очень-то дружном коллективе?

– Что вы имеете в виду? Ассигнования или секс в виртале?

Шин сморщился.

– Ненавижу термин «виртал». Звучит как-то грубо и резко. «Виртуальность» – слово красивое и полностью объясняет суть явления. Не правда ли?

Дремавший доселе в кресле Кеннет Грипс, вдруг вздрогнул, приоткрыл одно веко, пробормотал: «Да-да, конечно,» – и тут же тихонько захрапел, так и не закрыв глаз. Выглядело это довольно жутко.

– Вот видите, – медленно проговорил Шин, видимо тоже потрясенный этаким зрелищем. – Старцы глаголют истину и только ее. А мнением я вашим поинтересовался касательно зачатия в виртуальности, ибо к ассигнованиям вы не имеете совершенно никакого отношения.

– Смотря с какой стороны подойти к этому вопросу, – начал я. – Физиологически сие вполне допустимо, но, как вы правильно заметили, требует экспериментальной проверки. А вот что касается психологического аспекта…

– Психологического? – фыркнул Шин. – Дорогой мой, психологии не существует. Ее выдумали бездельники, которых я называю абстрактными мыслителями. Вся наша психология заключается в одной фразе: «Страх перед смертью». Да-да, именно страх перед смертью, ни больше и ни меньше. Присмотритесь получше к нашей жизни, и вы поймете, что все наши помыслы, все стремления связаны только с этим. И заметьте, Зигмунд Фрейд тоже не обошел этот аспект стороной. Вспомните его мортидо! Только вот зачем он приплел сюда секс с его дурацким либидо, я не пойму. Не сделай он этого, старика можно было бы записать в разряд величайших гениев человечества. А так получилась очередная пустышка. Современные же, так называемые, прогрессивные психологи, вообще, ни черта не смыслят в человеческой мозгах. А там, поверьте мне, сидит лишь маленький и липкий ужас перед неотвратимым концом. Мы недалеко ушли от животных, у которых, как вы знаете, основной инстинкт – это инстинкт самосохранения. И не всегда он выше материнского, как нас

убеждают бездарные естествоиспытатели. Я видел, как моя кошка драпала из горящей квартиры, начхав на своих котят, которые так и сгорели заживо. Только вот человеческий инстинкт самосохранения следует помножить на два, так как мы еще и осознанно понимаем, что жизнь чертовски хорошая штука, чтобы с нею расставаться. И не верю я ни в какой героизм, самопожертвование или чувство долга. Все это чепуха и идеологическая трепотня.

– А войны? – спросил я.

– Что войны? Если вы не пойдете в армию, вас расстреляют как дезертира. Тут верная смерть, а на войне есть хоть какой-то шанс уцелеть. Выбора нет. Просто из двух зол выбирают меньшее. Это, заметьте, основная аксиома нашей жизни.

Я слушал его и думал, неужели я единственный кретин, решивший пожертвовать собой ради блага цивилизации? Нет, глупости. Из истории я знал тысячи примеров, когда люди шли на смерть ради спасения друга, семьи, страны. А если Шин прав, и все это лишь патетика патриотизма и самоотверженности? Кто знает, о чем думали эти люди, заглянув смерти в глаза? Не проклинали ли они себя за необдуманный шаг, приведший их на край пропасти? Или же они попадали в такие условия, что выбирать уже было не из чего? Смерть или смерть – тут нет дилеммы. Ответить на этот вопрос я не мог, но и тем более не верил в собственную исключительность.

А Шин продолжал вещать своим размеренным менторским голосом:

– Бихевиористы были правы, когда сводили всю психологию к ответным реакциям подопытного на раздражители. Дайте вам возможность насладиться чем-то, ну… хотя бы хорошей пищей, вином или женщиной, но при этом скажите, что прежде чем придет наслаждение, вы испытаете дикую боль. И поверьте мне, вы откажетесь от еды, даже если будете голодать, но согласитесь на эту боль, если наступит время умирать от истощения. Разве я не прав?

– Не знаю, – ответил я. – Вы заставили меня крепко задуматься. И, признаюсь, я сейчас не готов вступать с вами в полемику, если, вообще, найдется в этом необходимость.

– Ценю откровенность, – улыбнулся Шин, и его толстая физиономия расплылась от удовольствия. – Но вообще-то, я бы хотел поговорить с вами вот на какую тему…

«Боже мой, – мысленно застонал я, – он сегодня замучит меня своими философскими размышлениями».

И тут, словно фея из доброй сказки, в комнату вошла Кэрол Тренси, крутя на указательном пальце коротенькую цепочку с

ключами.

– Кого подвезти? – спросила она, рассматривая нашу слегка подвыпившую компанию.

– Еще полно шампанского, – сказал Шин. – Да и куда торопиться? Дома меня ждут только мыши.

Смит тоже отказался ехать, кивнув на спящего Грипса, дескать, кто присмотрит за стариком. Я же подхватился на ноги и, пожелав всем приятного вечера, поспешил за Кэрол.

Добрых полчаса мы выбирались из здания ЦРУ и шли до автостоянки, где застыл в ожидании хозяйки роскошный бирюзовый «ягуар».

– Вы любите красивые вещи? – спросил я.

– И дорогие, – улыбнулась Кэрол.

– Я о вас почти ничего не знаю, хотя в нашем отделе не так уж и много сотрудников.

– Не удивительно, когда в мужском коллективе всего одна женщина, не считая уборщиц, ей приходится не выставлять себя напоказ. Да и разве можно поговорить с мужчинами о дамских делах?

– Да, – вздохнул я, садясь в машину, – вам нелегко.

– Привыкла, – пожала плечами мисс Трэнси. – И, может быть, так даже лучше. Меньше отвлекаешься от работы.

Она включила зажигание, и машина лениво выползла из теснины парковки.

– Вы уже обжились на новом месте? – спросила Кэрол, когда мы проехали последний пропускной пункт.

– Как вам сказать… Квартира неплохая, но все равно это клетка.

– Помышляете о побеге?

– И вы тоже?

– Зачем? Я сама предложила свои услуги ЦРУ.

– И мне незачем. Снова в тюрьму я не хочу.

– Я слышала, вы кого-то убили? – не слишком, на мой взгляд, тактично поинтересовалась мисс Трэнси.

– Гм, – прокашлялся я. – И вы после этого не боитесь ехать со мной в одной машине?

– Бруно о вас очень хорошо отзывается. Вы вытащили его из МИ-5. Признаться, надо быть смелым человеком, чтобы сунуться в это логово.

– Не знаю, – я пожал плечами, – может быть, я и смелый. Смотря с какого боку.

– Даже так? Тогда зачем вы рисковали жизнью, вытаскивая его из контрразведки?

– А как я мог вернуться без него?

– Причина только в этом?

– Тогда была в этом. Сейчас я сделал бы то же самое, но исходя из иных мотивов.

– Дружба? – улыбнулась Кэрол.

– Можно сказать и так.

Мы надолго замолчали, и я все это время с тоской смотрел в окно на приближающийся жилой массив Лэнгли. Вот моя новая тюрьма. Лучше, чем Стрэнк, но что с того? Вечерами я прихожу в пустую квартиру, ужинаю, включаю телевизор и смотрю на экран, не видя его. Нет, работа мне нравиться и нравилась бы еще больше, если бы не столько повседневного риска. Смешное словосочетание – «повседневный риск», и страшное. Бруно говорит, что к нашей работе можно привыкнуть. Верю, но с большим трудом. Тем более вот уже две недели, как я хожу в виртал один. Филетти научил меня всему, что умел сам, остальное придет с опытом. Если доживу до него, этого опыта.

В общем, на работе, я занят, мне не до тоски-печали. Но вот после нее разом приходят и полное одиночество, и мысли, мысли, мысли…

Я так и не смог по-настоящему с кем-то сдружиться, даже с Бруно. Когда выдается мало-мальски свободная минута, он возится с компьютерами. Да и в кампанию медленно спивающихся виртуальщиков, в которую я с недавних пор записался, он тоже не входит. Так что общаться нам с ним просто некогда…

Мы въехали в поселок, в основном застроенный одно и двухэтажными коттеджами и свернули на Линкольн-стрит, куда селили новобранцев, вроде меня.

– Четвертый дом, – сказал я, и Кэрол послушно притормозила возле моего узилища.

– До завтра, – улыбнулась она.

«Черт, – подумал я, – до чего ж она красива. Как Лора Клейн, даже красивее».

Честно говоря, я устал от воздержания. Нет, когда меня отпускали на выходные в Вашингтон, я мог заплатить за любую проститутку, даже самую дорогую, но с юных лет у меня выработалась к ним брезгливость. Сколько было до меня у такой дамы мужиков – сотня, тысяча? Да и что это за секс сродни работе? Нет уж, увольте.

О Кэрол же я и не мечтал. Квазимодо и Эсмеральда при любом раскладе не пара. И все же я забросил удочку.

– В Вашингтоне я купил отличный кофе, может…

Но она не дала мне договорить, задав встречный вопрос:

– А выпивка у вас есть?

– Нет, – честно признался я. – Мне хватает тепленькой кампании во главе с Шином.

– Плохо, – сморщилась Кэрол. – Тогда сделаем так, сбегаете за своим кофе, а потом мы поедем ко мне.

– Понял, – сказал я, пряча улыбку.

Похоже, наступил квазимодин день!

У мисс Тренси был собственный особняк, да такой здоровенный, что я сперва подумал, будто мы подъехали к дому самого директора ЦРУ. Нет, эта дама положительно имела много денег и жила на широкую ногу.

Внутреннее содержание ее жилища соответствовало внешнему виду: всюду ковры, дорогая бытовая техника, мебель из натурального дерева и еще много всякой всячины, на описание которой ушло бы не менее получаса.

А еще у Кэрол была прислуга: три женщины, которые смотрели за порядком в доме, готовили обеды и, вообще, занимались всем хозяйством. Как оказалось, мисс Тренси ненавидела домашнюю работу.

Покуда я рассматривал обстановку, она отдала приказание накрыть стол и вручила одной из служанок мою банку кофе.

– Нет, – встрепенулся я, – Сварю сам.

– Тогда позже, – улыбнулась Кэрол. – После ужина. А пока идем в библиотеку, выпьем немного, чтобы взбодриться.

– С удовольствием, – сказал я. – Правда бодрости во мне, хоть отбавляй.

Библиотека меня потрясла не меньше, чем все остальное. Я видел подобное изобилие разве что в хорошем книжном магазине где-нибудь на Мэлтон-стрит в Нью-Йорке.

– Вот это да… – выдохнул я, замерев на пороге.

– Интеллектуальные мужчины, – фыркнула Кэрол. – Почему-то вас всегда поражает больше всего библиотека, а не, скажем, этот «саркофаг» на две персоны или 786 модель компьютера, которых в мире всего-то штук двадцать из-за сумасшедшей стоимости процессора.

Действительно, только сейчас я заметил стоявший на письменном столе черного дерева мощный сервер с монитором 72 по диагонали и странного вида, широченный «саркофаг».

– Удивлены, откуда все это? Получила наследство от дядюшки. У него была своя компьютерная фирма.

– Я чужих денег не считаю, – честно сказал я и, не моргнув, выдержал ее пристальный взгляд.

– Похвальная черта, – усмехнулась Кэрол. – И, вообще, я вижу, вы положительный во всех отношениях человек. Что будете

пить?

«Ну и переходы у нее, – подумал я, – похвалит и тут же кувалдой по голове, дескать, знаем мы ваше увлечение спиртными напитками».

Но я все же попросил бурбон, а пока она звенела бокалами, подошел к компьютеру. Оказалось, он работал, и на черном фоне хранителя экрана без конца бежала разноцветная надпись. Прочитав ее, я замер, и долго стоял, словно в трансе, не веря собственным глазам…

Красота порождает ненависть

А потом я тихо, почти беззвучно прошептал: «Маргарет» – и, увидев, как напряглась спина мисс Тренси, услышав, как предательски звякнули в ее руке бокалы, понял, что не ошибся.

Кэрол повернулась ко мне, на ее губах играла презрительная усмешка.

– Хотите убить меня, как Лору? – спокойно спросила она.

– Нет, слишком поздно, – прошептал я.

– Неужели мы поумнели? – иронически заметила мисс Тренси, а потом добавила, – Когда вы появились у нас, я решила заменить экранную заставку, да все было недосуг, а потом, вообще забылось. Честно говоря, была уверена, что вы провалите тест в Кэмп-Пири. Увы, ошиблась. Хотя… Какая теперь разница? Садись, мы должны поговорить.

Она протянула мне бокал, наполовину наполненный янтарной жидкостью, и уселась в кресло, закинув ногу на ногу. Но я так и остался стоять, пытаясь переварить новость, навалившуюся на меня тугой удушливой волной.

Маргарет Тревор жива! Значит, я не преступник? Значит, тогда я ее только ранил?

«Нет, – с тоской подумал я, – этого не может быть… Я видел то, что сделал с ее телом луч бластера. Такие раны смертельны, тут и не специалисту ясно. Да и не дышала она тогда, я проверил. К тому же, если бы я только ранил ее, меня не осудили бы на пожизненный срок».

И тут я, наконец, понял, в чем дело, и, пристально поглядев на Кэрол, как ни в чем не бывало потягивающую бурбон из своего бокала, спросил:

– Так сколько вас теперь, мисс Маргарет, две, пять?

– Не знаю, – пожала плечами Тренси-Тревор. – Любой мой дубль может сделать себе сколько захочет клонов. Что может быть проще виртуального клонирования?

– Но вы-то – оригинал?

– Увы… Только я клон первого порядка, так же, как и Лора.

Нас сделала сама Маргарет.

– А где она сейчас?

– Понятия не имею. Мы живем сами по себе, встречаемся раз в год в День благодарения. Нужно же обмениваться информацией. И даже этого чересчур много. Скучно находиться в кампании с собой, зная заранее, что скажет твоя виртуальная сестрица. Хотя, кое в чем мы различаемся. Лора, к примеру, обожала азартные игры, а я их терпеть не могу.

«Господи! – думал я. – Как далеко они зашли… Десятки, сотни женщин с одинаковым темпераментом, мышлением и даже запросами. Это, как цепная реакция. Да и кто знает, может быть, уже появились дубли не только Маргарет? Ведь у каждого из них наверняка есть друзья или близкие, возжелавшие разойтись по всему свету, как сыны израилевы».

– А как выглядит сейчас мисс Тревор?

– Какая разница? – женщина подняла бокал, полюбовалась цветом его содержимого.

– Уж, наверное, не так, как выглядела прежде, – сам себе ответил я. – Готов поспорить: она создала себе самую шикарную матрицу. Рядом с ней и Клеопатра казалась бы дурнушкой. Как и рядом с вами…

– Да? – Кэрол обворожительно улыбнулась. – Спасибо, – потом внезапно расхохоталась: – Господи, да вы и впрямь считаете, что я – Маргарет!

– Почему бы и нет?

– Думайте, что хотите, – в ее глазах появились колючие льдинки. – Мне наплевать. Да и зачем вам Маргарет?

– Я могу с ней увидеться?

– Для чего?

«А, действительно, для чего? – с тоской подумал я. – Чтобы с помощью ее доказать правосудию, что я убил вовсе не человека? Но разве клон – не мыслящее существо с душой и плотью? Нет, стоп. Так я могу договориться до чего угодно. Суд постановил, что я явился причиной смерти мисс Лоры Клейн, спасибо Хэлтропу, он не сказал, кто на самом деле убитая, а просто закрыл дело с исчезновением. Правда, теперь основная проблема именно в этом. Но все же у меня есть свидетель, который может рассказать правду, а, значит, и надежда восстановить свое доброе имя.»

Впрочем, и комплекса вины, по большому счету, я могу не испытывать, ведь на самом деле мисс Тревор я не убивал, а уничтожил лишь порождение виртала, которое и человеком-то… Черт, я совсем запутался. Да и чему тут удивляться? Наша цивилизация еще не создала критериев, по которым можно было

бы четко ответить на вопрос: кто есть гомо сапиенс, а кто…

– Стрэдфорд знает, кто вы? – спросил я.

– И кто же я? – изумленно вскинула она брови.

– Ну… – замялся я.

– Не человек? Вы это хотите сказать?

Признаться, я даже покраснел.

– Так вот какую дилемму вы решали эти пять минут! Да, я – клон. Но чем я отличаюсь сейчас от Маргарет? Ее физическая сущность… Нет, зачем усложнять. Она, вернее, ее тело, вошло в виртуальность, изменило физические параметры и вышло тем же человеком. Я же очеловеченный программный продукт, но во крови и во плоти, как и вы. «Cogito ergo sum – я мыслю, значит, существую», – сказал почти четыре века назад Рене Декарт, повторив фразу древнегреческого философа Парменида, изрекшего «Мыслить и быть одно и то же». Право, точнее просто невозможно сказать.

– Может быть, вы и правы… – пробормотал я.

– Я права, и вы это понимаете. А чтобы удовлетворить вашу любознательность, отвечу на последний вопрос. Нет, говорить что-либо подобное Стрэдфорду я и не думала. Если бы вы размышляли, прежде чем задавал вопросы, то сэкономили бы кучу времени. Я – человек. И Лора была человеком! Вы убили человека!

– Нет! – вскинулся я.

– Да! Да! Да! – лицо Кэрол внезапно исказилось, но оно осталось по-прежнему прекрасным. – Неужели вы думаете, что мы простили вам Лору? Не надейтесь! Свое вы получите… – она так же внезапно успокоилась и почти ласково улыбнулась: – Не бойтесь. Это произойдет не сегодня. И не завтра. Убийца, даже раскаявшийся, должен нести свой крест долго, очень долго… А ведь вы не раскаялись…

«Почему все они так и норовят ткнуть меня мордой в грязь? То Лора, то она, – со злостью подумал я. – Окажись кто-нибудь из них на моем месте, у них бы и не так голова пошла кругом. Хотя… Хотя положение у Кэрол, если она, конечно, не врет, похуже моего. Кому-кому, а ей действительно не позавидуешь. Жить среди людей и знать, что ты не такая как все. Бр-р-р».

Меня даже передернуло.

– Надеюсь, с вопросами мы покончили? – спросила Кэрол, допивая свой бурбон.

– Не знаю, – признался я. – Все так неожиданно, нужно обдумать это.

– Тогда проваливайте! Забейтесь в свою конуру и ломайте голову, как выпутаться из этой истории. А я устала и хочу спать.

Завтра у меня тяжелый день…

Уснуть я не мог. Открытие ошарашило меня, выбило из колеи. Чем больше я думал, тем больше убеждал себя, что Кэрол лгала. Именно под ее личиной укрылась Маргарет Тревор! А как, иначе, объяснить ее богатство? Она же обмолвилась, что получила наследство от дяди, имевшего компьютерную фирму. Уж не от дядюшки ли Арчибальда? Не отдала бы жадюга Маргарет деньги своей матрице, никогда бы не отдала! Да и не верил я во множественное клонирование. Не сошла же с ума мисс Тревор, чтобы пойти на такое… Дублей, пусть внешне непохожих друг на друга, человечество не потерпит. И так нас слишком много на этом маленьком шарике, и без того чуть ли не половина человечества живет в скотских условиях, голодает и умирает от пустяковых болезней. А значит, клонов начнут преследовать, если, вообще, не отстреливать, как в старом фантастическом триллере «Бегущий по лезвию бритвы», где подобным образом поступали с киборгами. Наверняка Маргарет понимает это. И потому должна быть осторожной. Чертовски осторожной… Нет, Кэрол не матрица, она и есть Маргарет Тревор!

Всю ночь я ходил по комнате, словно загнанный в ловушку зверь, а утром прямиком отправился в кабинет шефа. Стрэдфорд был не в духе, хмурился, глядя на меня из своего глубокого кресла, да изредка поглядывал на монитор компьютера.

– Ну что еще? – проскрипел он, как несмазанная дверная петля.

– Я хочу расторгнуть контракт с ЦРУ, – сказал я.

– Что?!

– Повторяю, я хочу…

– Я понял, что ты сказал! – взревел Стрэдфорд. – И еще я понял, что ты рехнулся. Больше устраивает жизнь за решеткой? Или подобным образом ты пытаешься добиться повышения по службе?

– Ни то и ни другое, – спокойно ответил я. – Тот крючок, на который подцепило меня ЦРУ, проржавел. Я хочу добиться в суде пересмотра дела.

– Хочешь сказать, что никого не убивал?

– Нет, этого я не говорю. Только вот убил я совсем не человека, и в этом весь вопрос.

– А кого же тогда? – опешил Стрэдфорд.

– Это и предстоит выяснить суду.

– Та-ак, – протянул шеф, – замечательно. Ну-ка садись и выкладывай все начистоту.

И я поведал ему все, начиная с того дождливого вечера, когда

сержант Стоуни приехал за мной. Ну, почти все…

Когда рассказ наконец закончился, Стрэдфорд долго сидел в задумчивости, и я, как ни старался, не мог определить по выражению его лица на моей он теперь стороне или нет. Впрочем, ответ, как мне казалось, я просчитал еще ночью, иначе не явился бы к нему со своей просьбой.

– Чего же ты ждешь конкретно от меня? – спросил, наконец, Стрэдфорд.

– Отсюда я не могу начать судебное разбирательство. Я хочу, чтобы вы негласно отпустили меня на некоторое время, пока я не выиграю дело.

– А если проиграешь?

– Вернусь обратно.

– Ладно, – Стрэдфорд вытолкнул свое тело из кресла и, подойдя ко мне вплотную, похлопал по плечу. – Я подумаю, как тебе можно помочь.

– Спасибо. Я знал, что вы порядочный человек, – пробормотал я.

– Ну-ну, – усмехнулся шеф и вернулся обратно к себе за стол. – Ступай. Я тебя вызову.

Я вылетел из кабинета, словно стал воздушным шариком, таким легким казалось тело, таким радостным мне виделось будущее. В дверях столкнулся с Дэвидом Нортоном, и он еще долго провожал меня взглядом, наблюдая, как я вприпрыжку бегу по коридору. А я изо всех сил сдерживал крик «Свобода! Я буду свободен!»

Почему даже зрелые люди иногда впадают в детство? Или радость, как и спиртное, низводит нас до уровня младенцев, которые умеют радоваться на всю катушку, не оглядываясь на какие-то, пусть пока отошедшие на второй план, но все же никогда не прекращающиеся проблемы?

И тут я наткнулся на Кэрол. А когда увидел ее глаза, радость моя улетучилась, словно аммиак, вырвавшийся из резервуара – столько презрения было в ее взгляде.

– Значит, это из-за вас меня вызывает шеф, – не столько спрашивая, сколько утверждая, произнесла она. – Не думаю, что вы взвесили все «за» и «против». Но теперь уже поздно что-либо менять. Глупец…

– Но вы же еще вчера понимали, что вас ждет, – в моих словах было столько наивного удивления, что мисс Тренси расхохоталась:

– Бедненький и несчастненький! Один он попал под жернова системы. Нужно было радоваться тому, что вам предложили. Это самые мягкие жернова из всех возможных. Теперь же вас ждет

кое-что пострашнее, чем работа виртуальным курьером…

– Глупости! Я добьюсь правды, чего бы мне это не стоило, – зло выкрикнул я.

– Кто спорит? Только цена, которую вы за это заплатите, будет гораздо выше возможного приза.

Я повернулся и, не говоря больше ни слова, двинулся было дальше по коридору, но остановился, сознавая, что она все-таки смогла посеять во мне зерно сомнения… Резко крутнувшись на каблуке, я рванулся вдогонку за Кэрол.

Зачем? Я и сам не знал. Но мисс Тренси успела уже зайти к Стрэдфорду. Пришлось мне остановиться чуть поодаль от его кабинета и, опершись спиной о стену коридора, дожидаться или ее возвращения или вызова шефа.

Прошло минут двадцать, а Кэрол все не появлялась, да и Стрэдфорд не давал о себе знать. Я уже истомился ожиданием. Честно говоря, в эти минуты меня больше всего интересовала собственная судьба, и не было мне дела до Тревор-Тренси-Клейн и всех прочих клонов вместе взятых. Нет, любопытство все же оставалось, но постепенно оно притуплялось, ибо свой смокинг всегда дороже. Мыслями я давно перенесся в Нью-Йорк, просчитывая каждый шаг, который мне предстояло сделать на пути к свободе. Я так увлекся этим, что не заметил, как подошел Бруно.

– Эй, атлант, – произнес он. – Ты чего это прилип к стене, боишься, что она обвалится?

Я невидящими глазами посмотрел на коллегу.

– Не дрейфь! – продолжал Филетти. – ЦРУ строило свою вотчину на века, если не на тысячелетия.

Наконец, я сфокусировал на нем взгляд и улыбнулся.

– А, это ты, любитель макарон и острых соусов. Опять опоздал?

– Куда? – встрепенулся Бруно.

– На службу, разумеется.

– А-а, – итальянец махнул рукой. – Я, вообще, не понимаю, зачем шеф заставляет нас торчать здесь с утра до вечера. Достаточно, чтобы один из троих дежурил, а если подвернется горячая работенка, то до Лэнгли-сити рукой подать. Пять минут – и мы здесь.

– Ну так скажи это Стрэдфорду.

– Ага! Сам скажи.

– Слушай, отстань. Меня сейчас интересует нечто другое.

По моей радостной физиономии Бруно понял: что-то произошло.

– Тогда выкладывай, – сказал он. – Ты же знаешь, что итальянцы больше всего на свете любят сплетни.

– Это не сплетни.

– Еще лучше. Только пошли отсюда, мне возле кабинета шефа становится как-то не по себе. С тобой этого не происходит?

Я улыбнулся, и мы двинулись вдоль коридора к небольшой, но уютно захламленной стараниями Филетти комнате, где, собственно, и положено нам было находиться в ожидании виртуальных вылазок.

Наши «апартаменты» располагались рядом с экипировочной раздевалкой. Далее шли складские помещения и гигантское бомбоубежище, предназначенное для эвакуации правого крыла здания. Короче говоря, в этом закутке, кроме курьеров, никто не обитал, что нас вполне устраивало. Как говорят в армии: «Подальше от командира, поближе к сортиру». А мудрость народа – это мудрость всей нации.

Мы ввалились в свою резиденцию, изрядно напугав осоловелого от сна Смита.

– Дрыхнешь! – заорал Бруно. – Интересно, чем ты всю ночь занимался? Опять девочки?

Эдди благодушно улыбнулся, безуспешно пытаясь разлепить непослушные веки.

– Надо, надо умываться, если хочешь бодрым быть, – промямлил он.

– И еще предохраняться, раз не хочешь СПИД лечить, – гнусаво допел я куплет дурацкой, но почему-то ставшей шлягером песенки.

Эдди поднялся с дивана, который мы с Бруно сперли в прошлом месяце у интенданта, и отправился в ванную комнату. Я плюхнулся на его место, а Бруно отправился к холодильнику за пивом, запасы которого мы не забывали периодически пополнять. Кинул одну банку мне, вторую откупорил сам и спросил:

– Что у тебя за известия? Выкладывай побыстрей, пока я не занялся этой рухлядью, – и он кивнул на свой стол, где глыбой застыла куча металлолома, еще недавно называвшаяся компьютерной техникой.

– Вчера я был у мисс Тренси, – начал я и запнулся, прерванный репликой итальянца:

– И всего-то? Нашел, чем удивить.

– Да я не о том, – разозлился я. – Знаешь, кто такая наша мисс Тренси?

– Богатющая суч…

– Заткнешься ты или нет! – рявкнул я.

– Все-все. Понял, не прав, молчу.

– На самом деле, Тренси – это Маргарет Тревор.

– Кто?

– Я же тебе рассказывал. По ее милости я оказался здесь.

– Ага, припоминаю. Так ты хочешь сказать… Погоди… Ты же ее… того…

– Оказывается, я убил всего-навсего ее виртуальный клон.

И тут до Бруно дошло окончательно. Он выпучил глаза.

– Ты хочешь сказать, что та страшилка стала теперь Кэрол? Боже мой, вот это поворот сюжета!

– Вот именно. Всей правды она не сказала, однако, я ее раскусил. Но даже не это главное. Пойми, теперь все меняется коренным образом!

– Что именно? – озадаченно посмотрел на меня Бруно, и я уже хотел обозвать его тупоголовым кретином, но передумал и терпеливо пояснил:

– Понимаешь, я убил Лору Клейн, считая что это и есть Маргарет, но на самом-то деле она жива. А, значит, с меня могут снять обвинение в убийстве.

– Но ты уверен, что Кэрол и есть мисс Тревор?

– Вот это я и хотел выяснить, поджидая вызова шефа, а тут заявился ты.

– Ничего, успеешь, – задумчиво сказал Бруно и через несколько секунд добавил: – А она что у Стрэдфорда?

– Он ее вызвал, после того, как поговорил со мной.

– Не понял? Ты что, все рассказал старику?

– В общем-то, да…

– О господи! – простонал Бруно. – Ты же…

И как обычно бывает по законам сюжета в приключенческих романах, дверь в этот момент открылась, и в комнате появились трое здоровенных охранников. Но хуже всего было то, что все это происходило не в развлекательном боевике, это была жизнь, и главным действующим лицом в ней был я сам.

– Кто из вас Эндрю Хопкинс? – спросил самый здоровенный охранник, щеголявший бульдожьей челюстью и кулаками, размером с мою голову.

Я непроизвольно втянул голову в плечи, а Бруно сделал вид, что очень занят своей грудой металлолома.

– Молчуны, – хмыкнул второй охранник и шмыгнул свернутым на бок носом. – Заберем обоих? Там разберутся.

«Бульдог» ловко отцепил со шлейки на поясе наручники и, косолапя, потопал к нам.

И тут открывается дверь ванной комнаты, появляется удивленная физиономия Эдди, глупо спрашивающего: «Это ко мне?» – охранники, поворачивают к нему свои рыла, Бруно орет:

«Беги!» – и я ломлюсь к двери, правда, все это происходит гораздо быстрее, чем описывается.

Еще быстрее я соображаю, что мне все равно не уйти, что они меня стреножат на любом посту, а потом вспоминаю о виртуальности и лечу в раздевалку. Сзади слышаться вопли, глухие удары, а потом топот кованых сапог. Но я уже в раздевалке, оглядываюсь по сторонам и вижу швабру в руках уборщика. Именно в таком порядке. Я хватаюсь за швабру, но старый пень держит ее мертвой хваткой. «Убью»! – рычу я, но он не верит, и тогда я бью его ногой в пах. Намек уборщик понял и руки разжал. Я засовываю швабру в дверную ручку, но понимаю, что она слишком тонка, чтобы выдержать бизонью силу охранников. Зато у меня появляется несколько секунд. Я, словно заправский стриптизер, одним движением сбрасываю одежду, запихиваю ее в рюкзак, а затем выхватываю из ящика свой ВР-костюм, и лихорадочно принимаюсь его напяливать. Благо, за два месяца я научился делать это достаточно быстро. Швабра в дверях трещит, но пока держит, уборщик все еще держится за живот и приседает, как заведенный. А я уже застегиваю змейку на животе, одеваю шлем.

– Аревидерчи, господа цэрэушники! Мне с вами не по пути…

А швабра все-таки выдержала. Умеют у нас делать хорошие вещи.

В экипировочном сегменте я набрал оружия, сколько мог унести. Вы думаете, в виртуальности тяжесть не ощущается? Еще как ощущается!

А дальше встал вопрос: куда теперь направить свои стопы? Конечно, хотелось сразу в Нью-Йорк к Хэлтропу. Но наверняка и они будут искать «убийцу Хопкинса» прежде всего там.

До меня стало, наконец, доходить, что я теперь вне закона, и ЦРУ направит по моему следу целую свору гончих. Так может, вернуться, пока еще не поздно, покаяться, объяснить, что я больше не буду взбрыкивать, что я уже конь объезженный и готов стоять в стойле, сколько прикажут? А потом проклинать себя всю жизнь за то, что не вырвался из их лап, что сдался, едва в воздухе запахло опасностью. Нет, они не хотят отпускать меня, но что может быть лучше свободы? И я ее не отдам!

Пока еще какое-то время у меня в запасе было, но не стоило на этот счет обольщаться. Пройдет полчаса, если не меньше, и здесь, в виртале, меня тоже начнут разыскивать. Разыскивать для того, чтобы отправить в Стрэнк, а то и вовсе ликвидировать. ЦРУ умеет сохранять свои секреты.

Поэтому, быстренько модернизировав свой шлем по методу

Тревор-Хопкинса (похоже, это я мог уже делать с закрытыми глазами), я поспешил в эллинг, где застыл в вечном ожидании виртуального полета модуль. Не знаю, был ли это тот самый, что мы бросили подле Лондона или же они создали другой? Я так и не спросил об этом у Бруно. Да, в общем-то, какая разница?

Я залез в капсулу и долго смотрел на вьюер со шкалой деления, читая названия городов, куда мог попасть. Честно говоря, я и понятия не имел, что делать дальше. И посоветоваться было не с кем, ни знакомых, ни друзей…

– А Сюзан? – я хлопнул себя ладонью по лбу. – Милая и добрая Сюзи! Из всех живущих на Земле только она будет рада моему появлению.

Я протянул руку к вьюеру, но выставить шкалу напротив Лондона не успел. Модуль, быстро набирая скорость, рванулся с места. Я ошалело уставился на панель, не понимая, что происходит. Неужели модулем можно управлять дистанционно, даже находясь в реальности? Черт! Он же подключен к телефонной сети, а, значит, при желании можно контролировать через компьютер и управление им. Почему Бруно ни разу не заикнулся о том, что капсула имеет автоматику? Может, он и сам этого не знал?

Тем временем модуль все набирал и набирал скорость. Я включил стабилизирующую систему и откинулся на спинку сидения, глядя на стрелку, застывшую возле отметки «Берлин». Для чего-то они хотели скинуть меня в Германию, знать бы только для чего?

Эх, как же я мог ошибиться в Стрэдфорде? Добродушный, сердечный мозгляк… Или у него просто не было выбора? Нет. Выбор есть всегда, но, кроме того, имеются желания и возможности. Да, я сделал ошибку, неправильно рассчитав реакцию шефа на мою просьбу. А ведь просто надо было поставить себя на его место. Разве мог он допустить, чтобы на суде я заявил во всеуслышанье, что виртуальная реальность дает возможность погружения человеческого организма в ирреальный мир? А если вспомнить еще и клонирование, и вывод объектов из виртала в реал…

Господи, я же сам когда-то пытался воспрепятствовать этому! А теперь что? Дошло дело до моей собственной шкуры, и я обо всем забыл. Вот такой, господа, перед вами борец за светлое будущее человечества. И поделом тогда мне…

Одно обидно, неужели Стрэдфорд не мог объяснить мне все это, не прибегая к доводам силы? А с другой стороны, почему я стараюсь его идеализировать? Мог, но решил иначе, значит, и душа у него не такая, как я предполагал. С гнильцой у него душа.

«Впереди преграда,» – вывел сообщение на забрало шлема компьютер.

– Что? Какая преграда?!

«Обрыв виртуальной проекции,» – бесстрастно сообщил комп.

– Тормози! – заорал я. – Немедленно экстренное торможение!

Тут же раздался громкий хлопок, кабина завибрировала, и я клацнул зубами, больно прикусив язык.

– Расстояние? – продолжал орать я.

«Виртуальный километр».

– У нас есть время на остановку?

«Не хватает данных. Туннель схлопывается с обеих сторон».

И тогда мне стало совсем плохо. Они сворачивали виртуальную проекцию кабеля. Каким образом? Если бы я знал! Но зато было ясно, что с туннелем «свернусь» и я. Навсегда свернусь. Как парень, закапсулированый вместе с программой, тот, о котором целую вечность назад рассказывал Бруно.

Я сидел, скованный ужасом и, словно со стороны, наблюдал как почти незаметно замедляется бег модуля, а впереди навстречу мне несется на дикой скорости волна бирюзового свечения. Я оказался словно в середине бикфордова шнура, подожженного с обеих сторон.

«Вот и все, – пронеслось в голове. – Вера в справедливость, куда же ты меня привела? В серьезных играх терпят поражение сперва доверчивые, а потом уж глупые. Я же оказался и тем, и другим. Но я, господа, обязательно исправлюсь, если, конечно, вы мне дадите на это время».

Модуль остановился. Я открыл колпак и выпрыгнул наружу. Две стены огня нависали надо мной, оглушительно треща электрическими разрядами.

Но я успел, фортуна по-прежнему не покинула меня! И я готов был станцевать для нее «джигу», а, может, даже принести ей на алтарь жертву. Человеческую. Но это произойдет позже, сейчас мне некогда.

– Выход! – выдохнул я приказ компу.

И внутрь меня хлынула вода. Я захлебнулся, запаниковал, чувствуя, что мои барабанные перепонки вот-вот лопнут из-за сумасшедшего давления.

Потом пришло понимание, что я вышел из виртала посреди океана, ведь трансатлантический кабель лежал на его дне. Только вот на какой глубине меня выбросило? Я поднял глаза кверху и увидел, что до поверхности было далеко, слишком далеко. Как я не потерял сознание из-за сумасшедшего перепада давления, до сих пор не понимаю? Впрочем, весь этот кошмар длился не более

нескольких долей секунды. Я едва успел подумать о том, как отдать звуковой приказ компу, когда во рту полно воды, как он сам, видимо оценив ситуацию, бросил меня обратно в виртуальность.

Я опять оказался в кабеле, но теперь никаких сверкающих электричеством стен не было. Все правильно, кабель многожильный, и я попал совсем в другой туннель. Только вот странным оказался этот туннель. До того странным, что я выхватил оружие и, прижавшись спиной к стене, готов был в любую минуту открыть пальбу.

А в туннеле на стенах, полу, потолке копошились какие-то ужасные твари, не то сошедшие с картин Босха, не то сбежавшие из горячечного бреда какого-то сумасшедшего. Да и как описать эту мерзость, имевшую зубы без ртов, щупальца без туловищ, глаза без голов? Многих тварей, вообще нельзя было с чем-то сравнить, а, значит, и нельзя описать, ибо не оперируя известными понятиями, невозможно рассказать о том, что не попадает ни под одно из них. Так устроен человеческий мозг – везде искать аналогии. Нет их – нет и образа, нет и слов, которыми можно было передать то, что видят глаза или ощущают другие наши рецепторы.

– Где мы? – тихо прошептал я.

«В виртуальной проекции кабеля», – тут же отпечатал на забрале шлема комп.

– Это я и без тебя понимаю. Можешь сказать конкретнее, куда ты меня забросил?

«Нет. Я дал обыкновенную команду на погружение в виртал».

– Но ты видишь все это?

«Что именно»?

– Этих тварей.

«Разумеется, вижу. Телеобъективы в норме. Электронные связи в норме…» – начал он тестирование системы.

– Прекрати! – прошипел я. – Я и сам вижу, что все в норме, только вот мы с тобой оказались в каком-то ненормальном месте. Ты когда-нибудь сталкивался с подобным?

«Нет».

«Вот это везение… – с тоской подумал я. – Понял Стрэдфорд, что в огне я не сгорел, и запустил новый вариант капсулирования. Ведь все это только видимость, а как эта дрянь выглядит на самом деле, только виртуальному богу известно. Может, я уже умер? Захлебнулся водой и умер? А это, так сказать, преисподняя. А что, неплохо – виртуальный ад, где и черти на чертей не больно-то похожи. Ладно, хватит мечтать, мертвому и смерть нипочем, а тебе, братец, надо выпутываться из этой

передряги».

– Слушай, – сказал я компу, – ты можешь выкинуть меня в другой кабель?

«Нет. Выход только через реальность».

«Ага! Значит опять надо будет принимать холодные ванны. А где, к тому же, гарантии, что он меня не выбросит поближе к океанскому дну, и я тут же загнусь от чудовищного давления? Таких гарантий нет, но нет их и на то, что через секунду вся эта свора не навалится на меня и не слопает на завтрак. Веселенькое положеньице, просто замечательное. Однако, надо что-то придумать, попытаться спасти свою шкуру. Черт, почему у меня нет под рукой бластера? Тогда бы у нас хоть шансы немного сравнялись».

Ладно, нечего мечтать. Надо действовать, надо сматываться отсюда, если, конечно, они мне это позволят…

Я осторожно сделал первый шаг, затем второй. Висящая у меня над головой клюваст-когтистую мерзость с тысячами мелких шипов по всему телу пошевелилась, зашипела, заглушив на миг шуршание и чавканье остальных обитателей виртуального Аида, а потом, расправив десяток кожистых крыльев, рванулась в мою сторону.

И пришлось стрелять, пришлось засадить в нее половину обоймы, прежде чем эта нечисть наконец издохла, выпуская белому-мутную слизь. И когда я кончил стрелять, я вдруг понял, какая тишина опустилась на это обиталище монстров. Я оглянулся. Тысячи шипов, клювов, оскаленных пастей были направлены в мою сторону. И я вытащил из сумки гранату, и бросил ее в эти шипы, клювы и пасти.

«Что же это за виртуальная дрянь такая, если ее можно уничтожить обычным оружием? – билось в мозгу. – Как Стрэдфорд сумел такое создать? А может, он ни при чем? Откуда же взялась здесь вся эта пакость? Если монстры существуют в виртуальности, значит, они созданы руками людей. Только для какой цели? Кому такое понадобилось? Потом, все потом… Вот выберусь, буду сидеть в каком-нибудь уютном баре и потягивать пиво из запотевшего бокала, тогда на досуге можно будет поразмышлять, а сейчас…»

Скользя на слизистом полу и непрестанно спотыкаясь о тела издыхающих тварей, я шел и шел вперед, бросая одну гранату за другой и зная, что когда-нибудь они все же кончатся.

И вот последняя. Впереди – тысячи еще живых тел, наблюдающих за каждым моим движением. Они дождались своего часа. У меня лишь «узи» и два полных магазина к нему, да

еще безотказный автомат «Калашникова» с одним рожком. Но я уже знал, что не отдам себя на растерзание этим гадам ползучим, я отправлю в цель последний патрон и «выпрыгну» в океанскую пучину. Пусть на корм рыбам, но они все-таки милее, чем эти…

Вот одна из тварей, похожая на змею с множеством голов, извиваясь, выползает из общей массы. Я разношу ее в клочья, и перезаряжаю автомат. Теперь семенит что-то необъяснимое с тысячами лап-усиков. Голова вращается вместе с шеей, будто они прикреплены к туловищу на шарикоподшипнике. Этакая бурильная установка о тысяче ног. Еще один труп и еще полрожка.

Пора, понимаю я, уже давно пора, но все оттягиваю этот момент. Даже такие минуты жизни краше, нежели небытие… Вот и все. «Калашников» вздрогнул и заглох.

– Выход! – командую я и оказываюсь… в какой-то комнате с круглыми окнами.

Пол под ногами качается, и комната слишком маленькая, с двухъярусной койкой и с девочкой, лежащей на верхней. Девочка смотрит на меня испуганными, но любопытными глазенками, и я слышу ее тоненький голосок:

– Дяденька, вы водолаз?

И только тогда я понимаю, что жив, что выбросило меня на какой-то корабль, чудом оказавшийся поблизости. И осознав это, я медленно оседаю на пол, срываю с головы шлем и улыбаюсь девочке той обезоруживающей улыбкой, после которой дети просто забывают, что надо орать во все горло при виде мужика, неизвестно каким образом материализовавшегося из воздуха посреди океана в твоей каюте. И девочка улыбается мне в ответ, и я ощущаю блаженство, наподобие того, какое испытывает дрессировщик, засунувший голову в пасть льву и успевший вытащить ее до того, как подавившийся слюной зверюга щелкнул зубами…

– Дяденька, вы водолаз? – снова спросила девочка.

– Да, – кивнул я.

– А как вы вынырнули прямо в нашу комнату.

– Новые скафандры ученые придумали.

– А можно, я надену ваш шлем?

– Валяй, – добродушно разрешил я.

Девочка соскочила с койки и ухватилась за края шлема.

– Ой, такой легкий! А как его надевать?

– Давай помогу.

Я нахлобучил ей на голову шлем, и она превратилась в смешного и милого головастика.

– Вот здорово! – восхищенно выдохнула она. – А куда

цифирки бегут?

– Это компьютер. Он внутри шлема находится, – пояснил я. – А где твоя мама?

– Мамы нет, мы с папой плывем к ней в Дакар.

«Ага, – радостно подумал я. – Порт назначения мы знаем, теперь бы только папаша сговорчивый попался».

Увы, папаша сговорчивым не был. Он уже открыл дверь да так и замер на пороге.

«Сейчас спросит, как я сюда попал,» – с тоской подумал я.

Так и случилось. И что я мог ему ответить? Объяснить, что к чему? Так он больше бы поверил в то, что я Кентервильское привидение. Пришлось на ходу сочинять, что я боец подразделения «морские львы», что выполняю спецзадание, что… Но тут его дочурка ляпнула, что появился я прямо из воздуха.

– Та-ак, – протянул папаша, закрывая за собой дверь. – Мне нравятся фокусы, но не фокусники!

– Хорошо, – сдался я, – вы поверите мне, что наука смогла придумать такие приспособления, чтобы человеческий организм мог проникать в виртуальность и выходить обратно?

– Ой, как здорово! – всплеснула руками ничего не понявшая девочка.

– Помолчи, – осадил ее суровый джентльмен.

– Папа, он же ничего плохого не сделал. Даже дал мне подержать свой замечательный шлем. Знаешь, там внутри есть компьютер, и он…

Но папа бросил на нее такой взгляд, что девочка осеклась и умолкла.

– Документы, надеюсь, у вас есть? – спросил он.

Документы у меня были. В кармане рубахи. А рубаха лежала в мокром рюкзаке, с которого на пол натекла уже целая лужа.

Я кивнул на рюкзак и сказал.

– Удостоверение там. Достать?

Он как-то странно посмотрел на меня и сказал:

– Обойдемся. Лучше я вызову представителей власти, пусть сами разбираются.

– А вот этого не надо, – сказал я и, повернувшись к девочке, добавил: – Ты уж извини.

И я врезал этому дотошному гражданину кулаком в челюсть. Он даже не охнул, просто отлетел к переборке и оплыл на пол, в ту самую лужу.

– Я же не виноват… – сказал я девочке. – Он сам все это начал.

И я выскочил вон из каюты. Черт побери, когда все это кончится? Я обрету когда-нибудь покой хоть на пять минут? Вот

теперь ищи, где можно спрятаться. Этот тугодум поставит на уши всю команду, и они перероют судно от кормы до носа.

Но первым делом надо было переодеться. Почему я не сделал этого в каюте, ведь была куча времени, я же балдел, сидя на полу, словно кот на печной трубе? Плохо быть умным задним числом, теперь не те времена, чтобы позволять себе подобную роскошь.

Пришлось раздеваться прямо в коридоре. Я стянул со спины рюкзак, вытащил оттуда хоть и помятую, хоть и влажную, но все же нормальную для реала одежду, и принялся снимать с себя костюм. И надо же, когда я был в совершенно непрезентабельном виде, дверь одной из кают отварилась и в коридор выплыла дородная дама в белой пляжной шляпе и купальнике, обнажавшем ее рыхлые телеса.

– Боже мой! – воскликнула дама при виде моей обнаженной натуры. – Что вы тут делаете в таком виде?

– Конференция нудистов, – крякнул я. – Разве вы не знали, что почти все судно арендовала наша организация?

– Нет! – гневно сказала она. – Если бы знала, ноги моей здесь не было. Я порядочная женщина.

– Значит, вам не повезло, – двусмысленно посочувствовал я. – Но чтобы больше вас не расстраивать, позвольте я оденусь. Не думал, что мой вид вызовет столь бурную реакцию.

– Уж извольте, – сказала дама и, смешно колыша задом, поплыла по коридору, в конце которого виднелась дверь на палубу.

Я быстренько оделся и побежал в другую сторону – туда, где находилась лестница.

Так, а теперь куда – вверх или вниз?

Вверх, на дневной свет, почему-то не хотелось. Мне бы сейчас забиться в какую-нибудь щель, и сидеть там, как таракану, не высовывая наружу даже усов. И еще очень хотелось узнать, далеко ли мы находимся от Дакара, от этого зависело насколько серьезная игра в прятки мне предстоит. Но пока второй вопрос был менее важен чем первый. И я нырнул в чрево судна, спускаясь по лестнице все ниже и ниже.

Исчезли коврики, прикрепленные к ступенькам стальными планками, стало грязнее, и не так блестел давно не крашеный пол. Наконец, я оказался на последней пассажирской палубе, где располагались каюты четвертого класса.

«Прежде всего надо спрятать рюкзак, – подумал я. – Во-первых, улика, а во-вторых, я не слишком уж и похож на туриста».

Искать место для тайника даже и не пришлось, за сходнями вполне могло поместиться не меньше десятка таких же рюкзаков. Туда я его и засунул, и лишь потом принялся разглядывать уныло

освещенный тусклыми лампочками коридор со множеством дверей. Тесновато здесь, но, может, с моим помятым костюмчиком в этом улье как раз и удастся сойти за местную «пчелу»?

Я открыл первую дверь и заглянул вовнутрь. Какой-то важный негр читал газету, а рядом под неусыпным оком шоколадной мамаши возились ребятишки.

– Простите, – сказал я и направился к следующей двери.

Здесь дрыхли четверо здоровенных мужиков, и запах чеснока бил, как из брандспойта, тугой и мощной струей, выкинувшей меня обратно в коридор.

За третьей дверью играли в карты, играли по маленькой, и сюда набилось еще человек пять глазеющих. Что ж, на какое-то время есть, где приткнуться, и на том спасибо! Не спрашивая разрешения, я вошел в каюту и через чье-то плечо принялся следить за ходом игры, сотворив на лице заинтересованное выражение.

Внимания на меня не обратил никто. На нижних палубах довольно часто можно увидеть подобное «карточное» времяпрепровождение. Люди, которым едва хватило денег на билет, не могут позволить себе корабельные развлечения вроде баров и дансингов. Так и коротают они время, выигрывая и проигрывая крохи, которые им кажутся целым состоянии. Увы, все познается в сравнении.

Через какое-то время мне удалось присесть на одну из коек, оттеснив впередистоящих. Теперь они оказались между мной и дверью. Дай бог, чтобы карточная игра продолжалась как можно дольше, а их спины послужили хорошим укрытием от чужих глаз.

Теперь оставалось ждать и надеяться, что тот нервный папаша не сможет убедить капитана начать крупномасштабные поиски. Впрочем, скорее всего произойдет как раз наоборот. Свое везение, равно как и невезение я уже проверял сегодня не единожды. Очередь за невезением. Так и есть, скрипнула дверь, и над нами громыхнул грубый с хрипотцой голос:

– Это что здесь за казино, бездельники!? Марш по своим каютам! Еще раз увижу карты – пеняйте на себя.

Все повернулись к двери, хмуро глядя на седовласого моряка в лихо заломленной фуражке.

– Я сказал – выметайтесь! И не все разом! Выходите по одному.

Я аккуратно выглянул из-за чьей-то спины, и сердце забарабанило прямо по ребрам. Рядом с моряком стоял побитый мной папаша и внимательно вглядывался в лица. Любители карточных игр начали по очереди покидать каюту. Я, разумно

решив, что не стоит быть в этой очереди последним, пристроился за худосочным низеньким человечком и, сотворив на лице безразличное выражение, направился к двери.

Удивительно, но на меня так и не указали пальцем, не заорали: «Вот он! Держи его, держи!» Я вышел в коридор и направился к лестнице, краем уха услышав вопрос, заданный хриплым голосом:

– Ну что, и здесь его нет?

– Я же вам объяснял! – заорал въедливый джентльмен. – Тот был в водолазном костюме и со шлемом.

«Лопух, – хмыкнул я про себя, – только страху на меня нагнал, паршивец».

Оказалось, мы были уже рядом с Африканским берегом, и к двум часам пополудни следующего дня на горизонте показался Дакар.

Что знал я об этом городе? Практически ничего. Ну, о гонках Париж – Дакар знают все, о том, что это столица Сенегала – тоже, и то, что страна эта славится на весь мир своим арахисом – многие. Но вот чего я не знал, так это то, что дакарцы встречают заморские корабли чуть ли не всем городом. Когда мы вошли в акваторию порта, пристань, к которой наш пассажирский лайнер собирался швартоваться, была заполнена неграми, почему-то преимущественно мужского пола. Они радостно махали руками, кричали что-то на своем языке, в общем, радовались несказанно.

Я наблюдал за аборигенами с нижней палубы и не меньше их радовался тому, что окажусь наконец на суше и смогу по-человечески отдохнуть, ведь всю предыдущую ночь мне пришлось проторчать на данс-площадке, развлекая танцами не первой молодости дамочек. Они щедро угощали меня выпивкой, приглашали за свои столики, но почти не предлагали есть. Поэтому под утро я был пьян вдрызг и с трудом сумел перевалиться через борт шлюпки, где и продрых до полудня.

Эх, что вспоминать, паршиво мне было, да и теперь не очень-то хорошо. Зато впереди меня ожидал отдых. Я решил на несколько дней задержаться здесь и позагорать на роскошных пляжах, обдумывая план дальнейших действий. Однако для этого мне надо было сперва отправиться в виртуальность, и раздобыть там денег, ведь я был на абсолютном нуле…

Кто-то подергал меня за рукав. Я вздрогнул и оглянулся. Это была девочка, в каюте которой я материализовался из виртала. Она улыбалась мне широкой улыбкой.

– Дядя, это вы?

Я быстро стрельнул глазами по сторонам. Ее отца на

горизонте не наблюдалось.

– Да, – выдохнув воздух, признался я. – А где твой папа?

– Спит. Он вчера всю ночь гонялся за вами. И не нашел, и потому очень и очень злился. А я ему сказала, что вы хороший, а он мне ответил, что хорошие пап не бьют.

Я рассмеялся.

– Я не хотел его бить, но ты же видела – он сам все начал.

– Папа всегда такой въедливый, он ведь у меня военный.

«Так, – уныло подумал я, – похоже, мне придется несколько подсократить свой отдых в Дакаре. Военный – не агент ЦРУ, но все же надо держать ухо востро. Этот парень дела так не оставит, заявится, чего доброго, в американское посольство и заявит о нашей нелицеприятной беседе. Ну ничего. Пока они отреагируют, пока займутся поисками, я уже успею покинуть этот город».

Тем временем к лайнеру приблизились буксиры и начали толкать его к пристани.

– Тебя как звать, королева? – спросил я.

– Джулия, – покраснела девочка.

– Мне пора, Джулия. Боюсь, твой отец может в любой момент появиться на палубе. А неприятности нам ни к чему. Правильно?

– Пока, – сказала Джулия и побежала к себе в каюту.

Я смотрел ей вслед и думал, что, может быть, и зря врезал ее папаше. Эх, да что там говорить! Все как-то с самого начала пошло наперекосяк.

Наконец, подали сходни, и я выбрался на берег. Внимательно огляделся – слава Богу, ничего подозрительного.

Только теперь стало понятно, почему наше судно встречало так много негров. Они наперебой предлагали нехитрые свои товары: часы, бижутерию, ткани и даже портативные ноутбуки. Все это стоило раз в десять дешевле, чем в Америке, но и качество вполне соответствовало цене.

Я пробился сквозь толпу и вышел на длинную улицу, идущую вдоль океанского побережья. Чувствовалось, что я в Африке: солнце палило нещадно, а вокруг росли экзотические пальмы. Я и не знал, что есть так много их разновидностей. Одни были покрыты какой-то зеленой «чешуей», другие – маленькие и пузатые, третьи – наоборот, высоченные, но почти без листьев, лишь на самой их верхушке торчал небольшой пук, будто кепка на темечке забулдыги. Были здесь и банановые пальмы, но с какими-то уж чрезвычайно маленькими плодами, и масличные с большими гроздьями. А между пальмами попадались манговые деревья, баобабы и еще бог знает что за растения с неизвестными мне названиями. В общем, Африка, что еще сказать?

Я свернул на первом же перекрестке и направился в сторону

небоскребов, перстами пронзающих небо. По всей видимости, там и находился центр города. Я шел по красивой тенистой улочке, по обеим сторонам которой располагались небольшие магазинчики и, очень похожие на парижские, кафе. Неудивительно, Сенегал долгое время был колонией Франции.

Я беспрестанно крутил головой, посмеиваясь, при виде женщин, несущих на голове здоровенные корзины. За спинами у многих из них были привязаны еще и детишки. Этакая кенгуриная сумка, где безмятежно посапывая в две дырочки, спали маленькие негритосики. Улыбался я и при виде мужчин, которые на кой-то ляд носили в такую жару меховые шапки, гордясь тем чрезвычайно. Одним словом, экзотика!..

Постепенно улицы становились все шире и шире, и все больше они стали напоминать европейские. Появились кинотеатры с яркой рекламой, высокие дома, и еще я, наконец, увидел белых людей, спокойно идущих по своим делам.

Хотя нет, не все белые чувствовали себя здесь спокойно. Группка людей, с опаской озиралась по сторонам. Это были русские моряки, я понял несколько слов из их разговора. Они искали лавки с недорогим товаром. Бедные русские, их страну вечно потрясают революции! Был царь, потом большевики, потом капиталисты, а теперь и вовсе черт знает что. Все никак они не найдут своего светлого будущего…

Я прошел еще несколько шагов и остановился. Надо было надеть костюм и отправляться в виртал за «выходным пособием». Но не переодеваться же прямо на улице… Оглядевшись по сторонам, я увидел кинотеатр со стереовывеской – страшный монстр с истекающей слюной пастью таращился на меня кровожадными глазами. Сверху пробегала надпись: «Чужие-18».

Вообще-то, подходящее место для задуманного, но как туда попасть? Была бы хоть пара монет… На всякий случай я порылся в карманах. Пусто. Да и откуда там чему-то взяться? Я не был готов к тому, что брошусь в бега…

Откуда взялся тот негр, одному Богу известно. Он материализовался, будто из виртала, и скороговоркой выпалил на ломаном английском:

– Господина нуждается деньги? Так моя он могу помочь. Твоя часы – на три тысячи франков. Честный ченч!

Я молча снял часы, и он радостно протянул мне деньги. Надул, конечно, стервец. Но иного выхода у меня сейчас не было. И на том спасибо.

Конечно, я не собирался смотреть затянувшийся сериал о похождениях третьего пилота Рипли, воюющей с мерзкими пришельцами. Меня больше интересовал туалет, где можно было

закрыться в одной из кабинок и с помощью шлема заглянуть в меню местной сети. Правда, положа руку на сердце, признаюсь: меня трясло от страха при одной мысли, что надо опять отправляться в виртуальную реальность. Я не мог забыть ужасных тварей в проекции кабеля. Но разве у меня были другие варианты?

Я стоял в зале выбора игровых программ и просматривал названия игр. Азартных, где можно было набрать денег, было полно, но теперь меня начали терзать сомнения.

Как известно, наиболее тщательно человечество проверяет деньги. В любой захудалой лавке полунищий продавец протестирует твою купюру хотя бы просто на свет. Созданы ли виртуальные деньги программистами с должной тщательностью? Конечно, нет. Зачем им ломать голову над столь сложной проблемой. Черт! И что мне теперь делать? Все мои планы горели синим пламенем. Я уселся в кресло и принялся размышлять.

«Отправиться в Лондон я не могу. Без модуля, в одном костюме… Меня размажет о какую-нибудь виртуальную стену и этим все кончится. Без денег же добраться до Британских островов, вообще, немыслимо. Хватит, покатался зайцем, надолго ощущений хватит».

И тут я вспомнил про негра, купившего у меня часы, и даже подпрыгнул от радости. А чем не выход? Надо только вытащить в реальность стоящий товар. Вот только какой? Я долго ломал голову, пока не придумал. Заделаюсь-ка я торговцем книгами. Неграм они конечно ни к чему, но тут ведь и европейцев полно. К тому же, я знал, что существовавшая в Интернете виртуальная библиотека содержит копии всех прижизненных изданий классиков. Да на таких раритетах можно нажить себе целое состояние!

Я отдал компьютеру приказ на выход в Интернет и вновь окунулся в суету и движение. Действительно, эта глобальная сеть стала вторым Вавилоном, правда, пока в ней разгуливали личностные матрицы, но так ли уж далек тот час, когда здесь появятся рэйверы? Я знал, что недалек, но очень хотелось верить в то, что массовый исход в виртуальность затянется лет на двадцать-тридцать. Эх, да что тут говорить…

Из игрового зала я перебрался в тематический и, найдя библиотечный отдел, стал заказывать копии книг, создав себе временный сайт. Я вызывал трагедии Шекспира, поэмы Байрона, новеллы Мериме, романы Стендаля, с упоением листал томики с пожелтевшей от времени бумагой, радуясь тому, что компьютерщики смогли в полной мере воссоздать вид и

содержание древних фолиантов.

«Эти книги – да себе в библиотеку, – с тоской думал я. – Только нет у меня ни библиотеки, ни дома, и неизвестно будут ли когда-нибудь вообще».

Наконец, я выбрал нужные тома, нашел какую-то веревку и связал книги в стопку. Тяжелы они были, хоть и виртуальны, но надо было дотащить их до того места, куда я в этот раз вынырнул из реальности, иначе бог знает где можно было оказаться. Даже в кабинете шефа местного отделения ЦРУ, если уж не повезет на все сто.

Я выбрался из кинотеатра и вновь увидел негра, которому продал часы. Он сидел на корточках и, безмятежно чавкал жвачкой. Негр приветливо помахал мне рукой. Я доплелся до него, потея и проклиная тяжесть книг.

– Не знала моя, что в киношке открылася книжный магазина, – сказал негр.

– Ага, – ответил я. – Моя тоже не знала.

– Мосье потратила все деньги, что моя дала за часы?

Я кивнул.

– Тогда пиджака продай, хорошо деньги дам.

– Перебьешься. Лучше скажи, где у вас здесь рынок?

– Какая рынок, Сандага, Кармель или Тилена?

– Ну, не знаю… – замялся я. – А куда белые ходят?

– На Кармель.

– И как туда пройти?

– Иди по эта улица до Площади Независимости, потом свернешь налево и через два квартала сама увидишь. А, вообще, продала бы пиджака, да на такси доехала, господина.

Я покосился на палящее солнце, потом на книги и махнул рукой. Зачем в Африке пиджак? Негр дал мне пятьсот франков и даже поймал такси. Я забрался на заднее сидение и, сказав водителю, куда ехать, принялся разглядывать местные достопримечательности.

В общем-то, все походило на то, что я видел и прежде: лавки, ресторанчики, дома в колониальном стиле. Но вся эта экзотика кончилась, когда мы подъехали к Площади Независимости, вокруг которой, возносясь к небу, стояли белоснежные здания банков, различных фирм и страховых обществ. За ними, уходя к центру города, проглядывали многоэтажные билдинги, выросшие вдоль широченной Авеню Рум, в конце которой, как сказал водитель, находился Дворец Президента.

По широкому кольцу мы объехали утопающий в зелени акаций сквер, разбитый в центре площади, и, наконец, оказались

возле базара. Я расплатился с водителем и, выбравшись из машины, замер, обалдев от дикого шума, суеты, буйства красок и запахов.

Здесь продавали овощи, лимоны, манго, мясники с выкриком рубили говяжье и баранье мясо, торговки рыбой чистили свой товар прямо на месте, и серебристая чешуя разлеталась далеко вокруг. Были здесь и молочные продукты, самые разнообразные пряности, а рядом продавали ширпотреб, украшения, игрушки, видео и аудиоаппаратуру. Я шел по рядам и поражался разнообразию товаров, какого ни в одном супермаркете мира не увидишь. А ведь Сенегал официально объявил на весь мир, что у них голод. И идут, идут сюда корабли с гуманитарной помощью…

Негр меня не обманул. Торговали на рынке в основном африканцы, а вот сновали среди рядов преимущественно белокожие покупатели.

Я долго искал, где бы приткнуться со своими книгами, пока не увидел целый книжный ряд. Туда я и направил свои стопы. Книготорговцы сверкнули на меня белками глаз, но ничего не сказали. Когда же они увидели, какой товар я принялся раскладывать на прилавке, то занервничали и, собравшись в кружок, начали о чем-то перешептываться.

Но нервничали торговцы зря. Я проторчал на базаре до сумерек, так и не продав ни одной книги. Нет, люди подходили, я им объяснял, что это прижизненные издания, но произведения классиков никому и даром не были нужны. Куда катится человечество, черт побери?! В конце концов, негры-книготорговцы купили у меня все книги оптом, дав за них пять тысяч африканских франков, что, соответствовало приблизительно двадцати американским долларам, и я, радуясь тому, что избавился наконец от довольно-таки тяжелой «обузы», поплелся к выходу с рынка. Вот так терпят крах самые гениальные идеи…

Я сидел на каменной террасе «Туринг-отеля» и, попыхивая сигаретой, наблюдал за вечерней жизнью Дакара. Где-то гремела музыка, по дороге проезжали шикарные автомобили, в которых сидели в основном белые. Черные ходили пешком.

Стройные африканские женщины были одеты в длинные и яркие национальные одежды, мужчины – кто во что. Я завидовал их беззаботности и улыбкам на лицах. Да, Дакар разительно отличался от многих городов не только своей чистотой и простором, вечерами здесь не стреляли, и люди не разучились еще улыбаться.

«Вот только назойливости у них гораздо больше», – вздохнул я, наблюдая, как бочком подбирается ко мне очередной

«коммивояжер» с отрезом ткани под мышкой.

– Три тысячи, – говорит он шепотом, – даром отдаю.

– Тысячу, – устало отвечаю я, понятное дело, не собираясь ничего покупать.

– Тысячу двести, – радостно соглашается черномазый.

– Пятьсот, – еще больше сбавляю цену.

– Тысячу! Вы сказали тысячу, – нервничает негр.

– Двести франков, – я умильно смотрю на него, ожидая реакции.

– Пятьсот, – казалось, негр еще больше почернел.

– Сто.

Негр плюет и, развернувшись, уходит. Господи, а я собирался сделать в этом городе карьеру торговца! Да здесь весь Зеленый мыс можно скупить по дешевке…

Я поднялся из плетеного кресла и направился к себе в номер, который снял на ночь за последние деньги. Апартаменты мои, разумеется, не блистали ни роскошью, ни комфортом, но если учесть, что предыдущую ночь я прогарцевал на танцплощадке, а потом лишь на четыре часа сомкнул глаза, лежа на жесткой лавке шлюпки, то обычная кровать номера вызывала у меня щенячий восторг.

Скинув ботинки, я блаженно вытянул члены. Так, что же мы имеем? От цэрэушников я, похоже, сумел оторваться. Не сгорел, не утонул, отстрелялся… Никогда бы не подумал, что в виртале можно бросать обычные гранаты и палить из обычного же «калашникова». Опять проделки блока Маргарет? Все равно не понимаю… Слишком уж реален этот абсолютно вымышленный мир. Хотя, вышел-то я из кабеля без единой царапины…

В этот миг тонко звякнуло стекло. Я удивленно посмотрел на окно, увидел аккуратную маленькую дырочку, перевел глаза на стену и с тоской убедился, что в ней тоже появилось отверстие. в меня стреляли!

От сонливости не осталось и следа. Я слетел с кровати и растянулся на полу. Из окна меня теперь не было видно, но пробраться к двери и выйти из номера – об этом не могло быть и речи.

«Как же так?! – панически вопил мой мозг, – Как они смогли выйти на меня так быстро? Это тот неугомонный военный, отец маленькой Джулии! Черт бы его побрал.»

В тот миг я не знал, что зря поминаю вояку недобрым словом. Моряки на лайнере над ним посмеялись, тем дело и кончилось. Он же почти до утра продолжал поиски в одиночку, а потом усталый и злой пошел в каюту спать. Отец Джулии искал меня в самых темных и глухих закоулках корабля, не догадавшись

заглянуть туда, где было светло и шумно.

Нет, ЦРУ так быстро вышло на меня не из-за него. Они с самого начала знали, что я не погиб в виртале, потому что в мой костюм был вмонтирован радиомаяк. Но, черт возьми, я-то об этом не догадывался!

Я заполз под кровать и долго смотрел из-под нее то на бегающий по комнате пурпурный луч лазерного прицела, то на стоявший у противоположной стены стул, на котором лежал рюкзак с костюмом. Было понятно, что уйти можно только через виртуальность, но вот как добраться до него, чтобы меня не подстрелили? Я мог проползти под самым окном, находясь вне зоны досягаемости снайпера, но дальше путь пролегал вдоль стены. Вот здесь меня и прищучат, охнуть не успею…

И еще, как назло, я не помнил, закрыл дверь на ключ или нет. Наверняка, снайпер работал не один, а значит, гостей можно ждать и с другой стороны.

«Да сделай же что-нибудь!» – орал мой оптимизм.

«Поздно, – вздыхал пессимизм, – В аду тебе срочно готовится место в чане для убийц и предателей. Так что опусти лапки и заканчивай это все побыстрей».

«Нет, – уговаривал оптимизм, – наоборот, подними руки кверху и сдайся. Хоть в живых останешься».

А почему бы и нет? Конечно, меня запрут в таком месте, где даже Стрэнк покажется раем. Но лучше плохая жизнь, чем хорошая смерть.

Я оторвал от простыни кусок и, осторожно высунув руку из-под кровати, начал махать им, словно белым флагом. Но стекло опять звякнуло и, не выдержав появления второго отверстия, осколками осыпалось на пол. Появилась дырка и в моей тряпице. Как говорится, красноречивее ответов не бывает. Я не был нужен им даже в качестве завсегдатая тюремных камер. Что ж, спасибо за откровенность. По крайней мере, теперь я знал, на что рассчитывать.

И вот, когда я осознал это, то возмутился, а возмутившись, рассвирепел. Черт возьми, я не овца, которую можно спокойно вести на заклание, а она и не мекнет! Хватит бояться всего и вся. Я – человек и никто не имеет права обращаться со мной, как со скотом.

– Плевать! – заорал я во все горло. – Плевать мне на вас! – потом вылез из-под кровати и рванулся к стулу.

Пули свистели рядом, глухо входя в стены. Как я выхватил из рюкзака шлем и дал компу команду на выход в виртал, решив, что обойдусь там и без костюма, уже не помню.

Я стоял посреди коммуникационного туннеля и лихорадочно соображал, что делать дальше. Бросок по магистрали без модуля на неизвестно какое расстояние пугал. Любой звонок мог закинуть мое бренное тело куда угодно, даже на другой конец земного шарика. А это тебе не короткое путешествие по Лондону. Здесь бы меня расшибло в лепешку о фильтр-очиститель АТС. К тому же я боялся, что они смогут устроить мне какую-нибудь новую ловушку, поэтому дал компу указание на выход в ИНТЕРНЕТ.

«Не могу», – тут же отпечатал компьютер.

– Что?!

Я вновь и вновь перечитывал эту надпись и не мог поверить своим глазам. Неужели мои милые коллеги способны делать и такое? Но тогда… Тогда они выловят меня, где угодно.

– О господи! – я опять вспомнил рассказ Бруно о том, как погиб Стефансон, закапсулированый в виртуальной программе и затем стертый вместе с ней.

Выходило, что из огня я попал прямехонько в полымя. Обложили меня капитально, красиво, можно сказать, обложили.

– Выходим в реал! – приказал я, подумав, что там есть еще хоть какая-то возможность побороться за свою жизнь. Здесь, похоже, шансы у меня были нулевые.

«Невозможно,» – ответил короткой надписью комп.

– Ну а куда-то есть выход? – взвыл я.

«В местную сеть АФРИКАНЕТ».

– Давай туда!

И я очутился в зале выбора игровых программ.

– Сейчас можно выйти в реальность? – тут же спросил я.

«Исключено».

– А в ИНТЕРНЕТ?

«Нет», – эхом отозвался компьютер.

Я затравленно огляделся по сторонам. Зал был полупустым, лишь несколько кустарных матриц слонялись вдоль дверей, выбирая игры по душе.

Я вывел на стену меню выхода. Оставалась слабая надежда, что хоть таким образом мне удастся выбраться отсюда. Тщетно. И в эту секунду сзади раздался слабый хлопок, будто стреляли из винтовки с глушителем. Я оглянулся, втянув голову в плечи. Поблизости не было никого, но все равно что-то здесь было не так, что-то изменилось в одночасье, но что именно, понять я не мог.

Ага! Исчезли матрицы. Все до единой. Куда это они всем скопом подались?

Новый хлопок, и я остолбенел, увидев, что дверь, над которой

горела надпись: «Спидвей IV», пропала. А потом, словно мыльные пузыри, одна за другой стали исчезать с глухими хлопками двери входа в другие игровые программы.

– Черт! Черт! Черт! – ругался я, не в силах сдвинуться с места, потому что понимал, что мне пришел конец. Сейчас местная сеть свернется, и я вместе с ней. – Дурак, решил поиграть с ЦРУ в Тома и Джерри… Такое могло прийти в голову только полному кретину!

Постепенно треск начал затихать, и, когда я открыл глаза, оказалось, что в зале осталась только одна дверь. Она то схлопывалась, то опять возникала на своем месте, будто сопротивлялась неведомой силе, пытавшейся отправить ее в небытие. Такого в принципе не могло быть, даже если при создании этой программы был введен запрет на стирание. Уничтожали не игру, уничтожали всю сеть, а, значит, здесь попросту ничего не могло уцелеть! Даже зал выбора игровых программ начал медленно, а потом все быстрее и быстрее рассыпаться на куски.

– А, черт! – заорал я и бросился к оставшейся двери, в последний миг успев прочитать название игры: «Вторжение».

– Быстрей! Быстрей! – надрывался лейтенант, облаченный в бронескафандр. – Хаанские корабли в зоне! Да побыстрее, дьявол вас раздери! Ели через минуту вы не взлетите, то уже можете никуда не спешить. Недоделки, вы же станете частью ядерного гриба!

Я несся, сломя голову, по длинному мерцающему голубым светом коридору вместе с десятком перепуганных парней. Никто из них на меня не набрасывался, да и не походили эти топорно сработанные матрицы на рэйверов. А я уж было подумал, что цэрэушники загнали меня в эту игру преднамеренно.

Само начало игры не очень-то меня и вдохновляло. Впрочем, я все еще был жив, так какая разница, куда бежать? Наконец мы оказались в огромном ангаре, служившем посадочной площадкой для доброй сотни маленьких космических истребителей, ощерившихся жерлами пушек. И лейтенант, сукин сын, принялся выкриками, а то и пинками загонять нас в эти летающие гробы.

– А я не хочу туда лезть, – нагло заявил я этому придурку.

«Выхода из игры нет», – предупредил компьютер, принявший реплику на свой счет.

Тем временем, лейтенант, не говоря ни слова, расстегнул громадную кобуру на поясе и выволок на свет божий черт знает что за пакость. Впрочем, после сообщения компа мне совершенно расхотелось пререкаться, и я полез на приставную лесенку,

ведущую в крошечную кабинку космолета.

– Ну и правильно! – крикнул лейтенант. – От деструктора болевой шок такой, что волосы дыбом встают. А утром…

Что он там еще говорил, я так и не понял, потому что прозрачный фонарь кабины автоматически закрылся, как только я уселся в противоперегрузочное кресло.

Пульт управления истребителем состоял из нескольких кнопок, под тремя из них светились надписи: «Пуск и остановка двигателя», «Взлет», «Катапультирование». Под остальными, вообще, не было никаких надписей, только иконки, расшифровать которые могли разве что создатели этой игры.

Особенно впечатляли педали наподобие автомобильных, выступавшие из пола. Сцепления, правда, не доставало, а вот «газ» и «тормоз» наличествовали. Похоже, программисты вдоволь повеселились, создавая подобное «чудо космической техники». Даже руль они сделали круглый с «бибикалкой» посередке и с поперечной рукояткой, чтобы удобнее крутить его на поворотах.

Через прозрачный купол кабины я увидел, что почти все кораблики стартовали и, вырывавшись из открытой пасти ангара, затерялись на фоне черного, почти беззвездного неба.

«Ага, реактивные струи программисты прорисовать забыли, – подумал я. – А как же противника обнаружить? Этих, как их там… хаанов, что ли. Ну да ладно, разберемся,» – и одновременно нажал на кнопки включения двигателя и взлета.

Взлетел… Честное слово, взлетел! А я грешным делом думал, что корабль —полная туфта, антуража ради. Ладно, посмотрим, как он меня будет слушаться. Я аккуратно нажал ногой на педаль газа, и истребитель пополз вперед.

Лейтенанта забирался в соседнюю машину, и я, решив ему посигналить, шмякнул кулаком по «бибикалке», но вместо сирены заработали пушки.

– Вот это да… – затаив дыхание, пробормотал я.

Половина стены ангара исчезла, будто ее и не было, только громкий скрежет разнесся окрест, просочившись даже сквозь герметичный купол кабины.

Я видел, как лейтенант, повернувшись в мою сторону, машет кулаком. Потом он включил радиосвязь, и его голос прорвал наступившую тишину:

– Идиот! Ты что делаешь? – орал этот олух. – Хочешь разнести вдребезги базу?

– А чего ты так волнуешься? – усмехнувшись, спросил я. – Небось, фанат этой игры?

– Я системный оператор, кретин! Возись теперь, восстанавливай программу… Ничего, фирма проследит, с какого

«саркофага» ты вошел, жди счет на свой адрес!

«Ага! Размечтался».

Но вслух я ничего не сказал, а лишь вдавил педаль в пол до упора. Истребитель резво рванулся вперед, петляя, словно перепуганный заяц. Не так-то просто управлять космическим кораблем, крутя автомобильную баранку. Ничего, приноровлюсь, главное, что я пока еще жив, и цэрэушников по-прежнему не видно. Готовят ловушку впереди? Возможно, но непонятно, чего выжидают. Давно можно схлопнуть игру и меня вместе с ней. А может, дурацкая эта программа не свернулась, как остальные, независимо от желания моих бывших коллег? Почему? Даже я, со своими познаниями в области виртуальности, ответа на этот вопрос дать не мог.

Раньше все было понятно, раньше залез себе в «саркофаг», вышел в виртал да и гуляй, где душа пожелает. И даже если тебя невзначай там где-нибудь и грохнут, отделаешься болевым шоком, а то и вовсе синяком – так это ж мелочи! Теперь же все перепуталось в бедной моей голове.

Я ощущал себя мужем, неожиданно вернувшимся с работы и заставшим жену с любовником. Он так ей верил, так верил, а теперь стоит на пороге и, разведя руки в стороны, вопрошает:

– Что здесь происходит? Я вас спрашиваю, что здесь происходит?..

Между тем, мой истребитель давно уже выбрался из ангара и двигался сам по себе. Наверное, работал автопилот, неся меня к слабым всполохам впереди.

«Ага, – подумал я, – там, наверное, и идет бой. Но меня, признаться, туда абсолютно не тянет».

Я крутанул баранку и одновременно потянул рулевую колонку на себя. Это означало, что корабль должен пойти вправо и вверх. Ничего подобного, автопилот и не думал менять курс. А как его отключить, кто бы мне подсказал? Хотя… Можно выключить сам двигатель. Битва – вон где, пока меня донесет туда по инерции, может и воевать не с кем будет.

Я так и сделал. Отключил движок и, откинувшись на спинку не очень-то уж мягкого сидения, блаженно сомкнул веки. Спать по-прежнему хотелось неимоверно, я ведь практически и не отдыхал последние двое суток…

– Отлыниваешь, гад?!

А черт! Это вездесущий сопер-лейтенант подлетел на своем истребителе почти вплотную, и его дребезжащий голос разрывает мои перепонки:

– А под трибунал? А гальюны драить на тюремном транспорте? А из крысиного помета баланду жрать? Включай

движок и марш на позиции. Нечего в окопах отсиживаться!

С окопами он, конечно, переборщил, но, в общем-то, был прав. Коль залез в игру – следуй ее правилам, выкрутасничать будешь дома, а здесь война, здесь приказы, которые надо выполнять. Не нравится – тогда забудь о боевиках и стратегических играх. Иди в бордель и наслаждайся вседозволенностью.

Но разве мог понять этот ограниченный системный оператор, что здесь я не играю, а нахожусь ради спасения собственной шкуры? А тут еще комп упорно долбит одно и то же: «Выхода из игры нет…» Может быть, стоит пройти этот уровень, авось, дело и сдвинется с мертвой точки?

– Ну и черт с вами, – вздохнул я, включая двигатель. – Хотите войны – я ее вам дам!

И я рванулся в самую гущу боя. Я крутился там, как волчок, я вертелся, как чертово колесо, я вращался, как мельничные жернова, я кружился, как вальсирующая пара, и все бил, и бил кулаком по «бибикалке», расстреливая боезапас по дисколетам противника.

Потом в меня попали. Утлое суденышко вздрогнуло и затихло, обесточившись подчистую. Мне даже стало интересно, что придумали программисты при таком исходе дела. Наверняка, арена битвы сдвинется куда-то в сторону и тут же появится команда спасателей, которые отбуксируют меня на базу. Увы, побоище продолжалось в той же точке виртуального пространства, где находился мой кораблик. А потом в меня попали вторично…

Очнулся я в какой-то грязной дыре с трех сторон окруженной стенами, истекающими мутной жижей. С четвертой стороны стены не было, а шел длинный коридор с такими же нишами, в какой находился я сам. Чего только в этих нишах не было: и груды костей с человеческими черепами, венчавшими это «великолепие», и тлеющие трупы и даже печально взирающие на меня замороженные спрайты в форме космических сил Земли.

Да, создавая эту мрачную программу, программисты веселились вовсю. На гвозде, вбитом в стену, болтался встроенный в программу графический объект, подвешенный за шиворот форменной куртки. Стеклянными глазами он смотрел в пространство, а язык высунул почти до пупка. Говорят, у повешенных язык всегда вываливается наружу. Не знаю, не видел. Но не зря же они так четко прорисовали висельника.

Я пошевелил руками, затем ногами. Они не болели и не были связаны, как я предполагал. Это обнадеживало. Я мог попытаться

выбраться из тюрьмы, ибо предназначение коридора и ниш не оставляло сомнений в том, что я нахожусь в узилище. Правда, я совершенно не помнил, как сюда попал, но, в общем-то, какая разница? Надо было выбираться отсюда.

– Нет, не отсюда. Надо выметаться, вообще, из этой игры, – пробормотал я и в очередной раз обратился к компьютеру. – Есть выход в реальность?

«Нет».

– Черт! – взвыл я. – И что же мне делать?

Вопрос был чисто риторический, и я его задавал не компу, а, скорее, себе. Но компьютер ответил:

– Единственная возможность – пройти этот игровой уровень до конца.

– Думаешь? – скептически спросил я.

– Вероятность выхода – семьдесят два процента.

«Что ж, это не так уж и мало, – приободрился я. – Вот только где находится этот самый выход с уровня? Придется поискать.»

Я поднялся на ноги и тут же наткнулся на невидимую стену, ощутимо шендарахнувшую меня электрическим током. Вот почему ниши не имели решеток! Замечательно, просто замечательно. Еще раз осмотрел груды костей, разлагающиеся трупы, и меня передернуло. А что, если выбраться отсюда нельзя в принципе, что, если матрицы, оказавшиеся в узилище, просто выводили меню выхода на стену и, выбравшись из «саркофага», отправлялись пить кофеёк на кухню?

Я попытался проделать это и сам, но менюшка не появилась.

– Фирма поздравляет с прибытием к месту захоронения, – пробормотал я, но запаниковать по-настоящему не успел, так как увидел, что кто-то движется по коридору. Слава Богу, это были не мои бывшие коллеги. Я все еще находился в игре.

Ну и чудищами оказались эти самые хааны! Нет, положительно, создавая эту программу, ребятки мрачно веселились, либо же у них не все было в порядке с психикой.

По сравнению с этой тварью, даже «чужие» были красавцами. Сами прикиньте – из мешкообразного тела торчит множество трубок, при каждом движении выбрасывавших из себя струйки зеленоватой слизи, взгляд, как у медузы Горгоны. Только у той было человеческое лицо, здесь же им и не пахло. Наличествовало клыкастое рыло с десятком крошечных глазок, лишенных ресниц – их заменяли роговые пластины. Но больше всего впечатляло, что глаза этого чудища мигали вразнобой, и пластины, хлопая друг о друга, издавали неприятные щелчки, чем-то напоминающие звук кастаньет.

Я уже говорил, что описать что-то совершенно незнакомое, не

опираясь на привычные понятия, невозможно. Так и здесь: я не могу передать всей отвратности приблизившегося ко мне существа. Можно добавить, что передвигался хаан при помощи таких же трубок, только гораздо более толстых, а рук, как таковых, он не имел – вместо них у него были полые щупальца. Тип, подползший ко мне, сжимал ими какую-то отливающую металлом штуковину, назначение которой сомнений не вызывало.

«Представитель внеземного разума» долго пялился на меня, хлопая роговыми пластинами.

– Чего зенки вылупил? – спросил наконец я.

– Ты не такой как все, – ответил, не открывая рта, хаан.

«Телепат, гад,» – в рифму подумал я, быстро прикидывая, что он имел в виду.

В виртуальности что спрайт, что матрица, что я со своим шлемом на голове – ничем не отличаются друг от друга. Разве что мастерством прорисованности, но встречались мне матрицы и графические объекты, выглядевшие гораздо лучше, чем некоторые представители реального мира. И тут до меня дошло… Наверняка ЦРУ запустило этот поисковый файл-отладчик, установив критерии, по которым следует искать необходимый объект. В принципе, это не сложно, я слышал о таких программах и раньше. Влип…

– Ну, и что дальше? – спросил я. Надоело все это до рвоты. – Где там охотники на меня? Зови…

Хаан повернулся и пополз по коридору обратно. Я подождал пять минут, десять, полчаса… Никто не появился.

Странно это было, вообще-то. Но я, честно говоря, обрадовался. Мгновенный приступ ярости и безрассудства схлынул, как талая вода, и я опять до той же рвоты хотел жить. Я сел на череп, валявшийся посреди ниши и задумался:

«Не ладится что-то у цэрэушников. Похоже, игра эта не закрылась все же случайно, и они меня попросту потеряли. Что из этого следует? Остается шанс уцелеть. Нужно только выбираться из этой дурацкой программы. Итак, надо постараться пройти уровень. Судя по всему, „Вторжение“ – игра многоплановая. Сперва был космический симулятор, теперь вот уровень на прохождение, или, как еще говорят игроманы – „ходилка“. А в любой ходилке, как известно, должны быть лабиринты, монстры и разного рода тайники с оружием, боеприпасами, аптечками и ключами. Почему бы в этой нише не оказаться одному из них»?

И я занялся поисками. Я ходил вдоль стен и сантиметр за сантиметром простукивал их, пока не понял, что на это может уйти вся жизнь. Может быть, полагалось согласиться с хааном и ждать его дальнейшей реакции? Маловероятно. Если б

следующий ход зависел от моего ответа, хаан бы уже вернулся. Нет, по законам игры, именно в нише должно быть что-то такое, что выделяется из общей текстуры, так сказать, скрытый рычаг, открывающий выход.

Я еще раз оглядел свое узилище. Ничего примечательного, кроме черепа, на котором несколько минут назад я сидел. Я подошел к нему и попытался взять в руки. Ага, тот случай! Похоже, он был прикреплен к полу намертво.

«Уже теплее,» – подумал я, вспомнив детскую игру в прятки.

Я присел на корточки и принялся внимательно изучать череп. На вид – самый обычный, человеческий. Таких в соседних нишах полным полно. Зато у меня всего один, и к тому же он не отрывается от пола. Значит, это и есть ключ.

Для начала я потер костяной затылок черепа, как Алладин свою знаменитую лампу. Никаких изменений – не открылась потайная дверца, не посыпался с потолка дождь «изобилия» в виде снаряжения и, самое главное, не исчез силовой барьер. Попробовал покрутить череп вокруг оси. Ничего не получилось. И тогда я засунул палец в пустую глазницу.

Там что-то было внутри, я это чувствовал и давил на это что-то, царапал его ногтем – никакого эффекта. Тогда я вставил в другую глазницу второй палец.

Все-таки там оказалось две кнопки. Шуточки программистов. Сродни тюремным. Я нажал на обе кнопки одновременно и спокойно вышел из ниши.

Теперь следовало поискать оружие. Здесь обязательно должна быть пара-тройка тайников. Не может быть, чтобы не было…

Я подошел к висельнику (наиболее живописно выглядел именно он), и, сдерживая тошноту, принялся обыскивать покойничка.

Так и есть, в заднем кармане брюк обнаружился пистолет с полной обоймой.

«Вот и отлично, вот и замечательно, – подумал я. – Все едино, в начале уровня оружия помощнее не найдешь. Искать другие тайники сейчас бессмысленно. В глаза ничего больше не бросается, только драгоценное время потрачу на поиски».

На том и порешив, я направился к пластиковой двери, которой и заканчивался коридор, очень при этом надеясь, что она не заперта.

Зря надеялся. Дверь, словно вросла в стену, сколько я не пытался вышибить ее плечом. Пришлось стрелять из пистолета в какое-то утолщение, которое я принял за замок.

Дверь отворилась. За ней, направив на меня оружие, стоял

хаан. Я засадил пулю в его мерзкую голову и чуть не сблевал, когда фонтан зеленого гноя ударил мне в лицо.

Выберусь – подам жалобу на фирму, создавшую эту игру. Никто не имеет право так измываться над людьми. Даже в виртуальности…

Перешагнув через труп, я оказался в просторном помещении с огромным, на половину стены не то окном, не то экраном. На миг показалось даже, что кто-то наблюдает за мной из-за этого стекла, аж мороз пробежал по коже. Но нет, ничего там не было, кроме россыпи звезд на черном фоне. И я принялся разглядывать само помещение, заставленное кучей всевозможных приборов, назначение которых не понял бы и самый ушлый посетитель виртала.

– Так… И куда дальше? – пробормотал я, видя что из зала выходят по меньшей мере с десяток дверей.

Не люблю лабиринты, они заставляют чувствовать себя совершеннейшим кретином. При прохождении их не нужно иметь особого интеллекта, все дело в удаче, которая светит почему-то чаще всего дуракам.

Придется использовать «правило лабиринта», проще говоря, сворачивать при движении по коридорам только направо. Мне это слово нравится больше, хотя, что направо, что налево – никакой разницы нет.

И я двинулся через весь зал прямо к облюбованной двери. «Прямо» – оно ведь короче, чем право или лево. Вот только, почему-то на кратчайшем пути всегда больше трудностей. Любой юзер знает основной закон виртала: «ближе – это когда идешь в обход».

За дверью оказался склад: стеллажи под самый потолок, какие-то ящики, сосуды странной формы, контейнеры. И еще там было полно хаанов.

Ближайший из них повернул голову в мою сторону и тут же издал пронзительный свист. Я уложил его с первого выстрела и ретировался. Но что толку? Меня засекли, и теперь начнется настоящая охота.

Я рванулся к соседней двери и вдруг замер. Казалось, кто-то вогнал здоровенный клин в мою голову. А потом послышался мягкий вкрадчивый голос:

– Вернись. Ты нам нужен. Ты один из нас.

Знакомое дело – виртуальное зомбирование, такой способ привлечения вражеского игрока на свою сторону программисты придумали давным-давно еще в начале девяностых годов прошлого столетия, когда создавали веселую игрушку «UFO». Вот только очень уж требовательно прозвучал призыв…

Потенциальные соплеменники с пресимпатичненькими отростками-шлангами придвинулись ближе. Именно в этот момент в зал вломись люди, обмундированные отнюдь не в бронескафандры, типичные для этой игры. Разглядеть их как следует я не успел.

«Рэйверы!» – мелькнуло в голове.

Я покорно поднял руки и зажмурил глаза. Игра закончилась, пришло время суровой реальности. Господи, как я устал!

Почти сразу же загрохотали выстрелы. Однако, ударов пуль, разрывающих мою плоть, я не почувствовал и, поколебавшись мгновение, хлопнулся на пол. И тут на меня обрушился телепатический удар такой силы, что я попросту потерял сознание…

Когда я пришел наконец в себя, никого из хаанов в живых не осталось. Гипнотизировать меня больше было некому. Программа так устроена – нет живых пришельцев, нет и психологического воздействия на спрайта или играющего. Но я никогда не мог себе представить, что виртуальному гипнозу может быть подвергнут и человек, находящийся в ВР. Да еще гипнозу такой силы! Впрочем, тогда я еще много чего не мог себе представить…

Но времени задумываться над всем этим не было. Надо было решать совем другие проблемы. Я повнимательней пригляделся к лежавшему на полу графобу с простреленной головой и вздрогнул: на нем была экипировка рэйвера!

Но ведь в этой игре не может появиться личностная матрица экипированная не так, как предусматренно программой! Хотя, Бог его знает, может в ЦРУ научились ломать программы таким образом, что в виртуальный мир можно запустить хоть черта лысого? Вот только какой в этом смысл?

Сумасшедший дом, да и только…

Но убитый и в самом деле оказался рэйвером. Это я понял спустя тридцать секунд, когда убедился, что труп, за которым краем глаза я приглядывал, так и не испарился. Существует такое правило компьютерных игр: чтобы не засорять игровое пространство, отдавшие виртуальному богу души стираются специальными программками-очистителями. Так эстетичнее и убираются препятствия продвижению игрока.

Вот и сейчас – трупов хаанов в зале уже не было, программа убрала их, отправила на ремонт и восстановление. Зато люди на полу лежали. Трое. Ни один из них не шевелился. Только из-за поваленного стеллажа доносились какие-то невнятные звуки.

«Ну, будь, что будет», – решил я и громко заорал:

– Не стреляйте! Сдаюсь.

– Брось оружие! – тут же ответили мне. – Руки за голову и медленно поднимись.

А еще через мгновение я увидел двух рэйверов. Они осторожно подбирались ко мне, прячась за искусственными укрытиями. Ни Бруно, ни Смита среди них не было, зато сразу возникло ощущение, что эти парни – настоящие профессионалы. Черт! Откуда Стрэдфорд сумел откопать их да еще научить передвижению по вирталу за такое короткое время?

– Это он? – один из рэйверов задал вопрос своему напарнику по компьютерной связи, не сообразив, что я тоже могу его слышать.

– Кто же еще? Он самый, – ответил второй рэйвер и направил ствол автомата прямо мне в переносицу.

– Не стреляй! – раздался в наушниках голос первого спецназовца.

– А приказ полковника Блэкмора?

– К черту полковника! Ты видишь, куда нас забросили? Отсюда даже в реал выйти нельзя. Посмотри лучше, что с ребятами.

Второй рэйвер подчинился и, сторожко озираясь, быстро обследовал лежащих. Потом выпрямился и сообщил дрогнувшим голосом:

– Мертвы…

– Та-ак, – протянул первый. – Хорошенькое дело… Чует мое сердце, что нужно уносить ноги. Этот пойдет с нами.

– Но у нас же приказ!

– А кто об этом узнает? Доложить полковнику можно все, что угодно.

– Я не могу рисковать! Если они засекут его в реале, мы с тобой пойдем под трибунал.

– Сначала нужно отсюда выбраться! Мы влипли, неужели до тебя это еще не дошло? Парень знает виртал, может он понимает, что происходит?

– Ладно, – сказал я, и оба, вздрогнув, повернули головы в мою сторону, – хватит ругаться и спорить. Насколько я понял, вы решаете, не пристрелить ли меня прямо сейчас. А еще мне кажется, что вы не очень представляете, в какую переделку попали. Врать не буду: ответов на многие вопросы я не знаю. Однако, выбраться отсюда хочу не меньше вашего. Мне кажется, что вместе шансов у нас больше. Решайте. Надеюсь, у вас хватит храбрости оставить меня в живых…

– Ну, что, Фрэнк? – спросил рэйвер, бывший на моей стороне.

– Черт с тобой, – ответил Фрэнк, бывший судя по голосу, совершеннейшим пацаном. – Но учти, Стив, как бы нам не

оказаться в еще худшем положении, когда мы выберемся.

– Можно подумать, ты своей Молли никогда не вешал лапшу на уши? Не дрейфь, врать – не гранаты бросать.

И я облегченно вздохнул, радуясь, что моя смерть опять откладывается на неопределенное время.

Новые знакомцы служили в подразделении виртуального спецназа.

– Дожили, – хмыкнул я. – А дальше что?

– Не понял? – переспросил Стив.

– Это я так… Мысли вслух.

До меня наконец дошло, что виртуальностью занимались гораздо плотнее, чем я мог себе предположить. Если что-то известно ЦРУ, значит, об этом знают и в Пентагоне. Можно считать, что это закон. Но до каких глубин могли докопаться там, я даже представить себе не мог. Ведь на военное ведомство работали лучшие умы нации, да и не следовало забывать, что основная расходная статья бюджета выделяется на его нужды.

И тогда я понял, что все, с чем мне приходилось сталкиваться до сих пор, было лишь детским лепетом, что виртал – это не только курьеры и чисто теоретические исследования, что наш отдел в ЦРУ – всего-навсего официальная вывеска, за которой скрывались по-настоящему серьезные разработки военных.

Через год, может, два, нашу планету ждал холокост. И никто уже не в состоянии был что-то изменить. Военное преимущество всегда заканчивается войнами. Так мы устроены – зариться на чужое, коль есть силы его отобрать.

Интересные, вообще-то, у нас людей моральные принципы: когда человек грабит человека – это разбой, когда одно государство другое – война. Нет, конечно, есть и военные преступники, но в их число записывают, по обыкновению, лишь особо «отличившихся», типа фашистов или национал-экстремистов. Остальным же все прощается. Война без крови, сами понимаете, не бывает…

– Нет, нас готовили, конечно, для работы в виртуальности, но ведь никто не объяснил, что здесь можно столкнуться Бог знает с какой дрянью…

Это уже Фрэнк не выдержал.

– У вас что, первый рейд? – поинтересовался я.

– Естественно, – буркнул мальчишка. – И сразу такое…

– Хватит, – перебил напарника Стив. – Пора уходить отсюда.

– Подожди, – попросил его я. – Что здесь все-таки произошло?

– А то ты сам не видел! – вскинулся Фрэнк.

Пришлось признаться, что некоторое время я находился в отключке. Фрэнк пренебрежительно хмыкнул, но Стив сердито

кашлянул, и мальчишка заткнулся.

– Пальбу эти уроды начали, едва мы проникли в зал, – заговорил старший рэйвер. – В первые секунды я на них и внимания не обратил, мы же не играть сюда пришли. Но тут вскрикнул Митрески, а потом упал сержант… Нет, ты скажи мне, с каких это пор раны, полученные в виртале, стали смертельными? Ты о чем-нибудь подобном слышал?

– Ведутся такие исследования… – туманно изрек я.

– Исследования… – скрежетнул зубами Стив. – Сволочи яйцеголовые! Хоть бы одна падла предупредила…

– Хватит вам, – вмешался в разговор Фрэнк, испуганно крутивший головой. – Услышат еще. Куда пойдем?

– И действительно, – Стив посмотрел на меня. – Ждем твоих указаний.

«Где обычно в подобных играх бывают окончания уровней? – подумал я. – Находимся мы на вражеском космическом корабле. Меня взяли в плен, а значит, в конце уровня нужно убежать от пришельцев, то есть, или покинуть их корабль или захватить его. Ну, о захвате не может быть и речи, следовательно, надо искать ангар, где стоят космошлюпки».

– А что говорят ваши компы? – спросил я.

– Тылдычат, как заведенные, что выхода нет, – дернулся Фрэнк.

Странно, мой модернизированный шлем повысил шансы благополучного исхода нашей авантюры, аж, до восьмидесяти процентов…

– Так знаешь ты, как отсюда выбраться, или нет? – настороженно спросил Стив.

– Хорошо, – медленно начал я. – Надо до конца пройти этот уровень, и тогда появится шанс из выйти из игры. Но сначала придется разыскать дверь, которая выводит из этого зала…

– Ясно, – отреагировал рэйвер. – Начали!

За очередной дверью, которую я открыл, тянулся темный узенький проход. Я осторожно пошел по нему, судорожно сжимая в руке рукоятку пистолета. Внезапно над головой что-то хрустнуло, я рванулся вперед и услышал тяжелый удар сзади. Волна затхлого воздуха разбилась о мою спину, и тут же ярко вспыхнули светильники. Я стоял в малюсенькой комнатушке, на стене которой горела яркая надпись: «Поздравляем! Вы нашли секретный тайник. Можете воспользоваться хранящимся в нем гранатометом».

– М-мать твою! – выругался я, рассматривая обломки тяжеленной гранитной плиты, едва не придавившей меня.

Но представленная нам передышка уже закончилась. В зале глухо захлопали выстрелы, и я, подхватив гранатомет, помчался на их звук.

Оказалось, там шла настоящая война. Дюжина хаанов осаждала моих рэйверов, молча отбивавшихся от превосходящих сил противника.

Не раздумывая, я шарахнул по инопланетянам из гранатомета, разнеся половину из них в клочья. Остальные быстренько ретировались в один из коридоров.

Еще раз выругав яйцеголовых придурков-ученых и собственных начальников, протирающих штаны и задницы в кабинетах, Стив сообщил что за одним из стеллажей в том самом складе, куда я вперся в самом начале начинается широкая лестница. Видно, интуиция не подвела старого игрока.

– Идем, – предложил рэйвер.

Однако, в этот момент произошло неожиданное. Из-за поваленной колонны высунулось длинное щупальце, послышалось пронзительное шипение, и Фрэнка накрыло облако белесого морозного пара. На то, чтобы превратить затаившегося хаана в вонючую лужу, нам со Стивом хватило двух секунд, но помочь молодому рэйверу мы уже ничем не могли.

Стив испуганно посмотрел на меня, и спросил:

– Что с ним?

Если бы я знал наверняка! Это обладателю матрицы, как мудро заметил когда-то Бруно, в виртале ничто не угрожает. А человеку? У меня до сих пор не прошла оторопь от осознания того, что вымышленное оружие способно убить рэйвера, проникшего в виртуальную реальность. Тем не менее, я постарался успокоить Стива и сказал:

– Это не смертельно. Он оттает. Только не надо его трогать, иначе рассыплется на мелкие осколки.

– Чем это его?

– Фрезером, – пояснил я. – Иначе говоря, замораживателем. Любой биообъект превращается в ледяную статую. Неужели ты никогда не играл в старого доброго «Дюка Нюкема»?

Стив отрицательно покачал головой.

– Здорово было, – грустно улыбнулся я. – Пальнешь по свинопулеметчику из фрезера, а потом подбегаешь поближе, да как дашь ему ногой под зад – только осколки в разные стороны.

– Ты, я смотрю, старый боец, – покосился на меня рэйвер.

– В те годы виртуальность только зарождалась, а игрушек было полно. Обычных, разумеется, где воюешь не так, как мы сейчас с тобой, а сидишь себе в уютной комнате, пялишься на экран монитора, да катаешь мышку по коврику, покуда грязью не

забьется, а значит, и прицел начнет дергаться. Ну да ладно… Плохо то, что оставаться здесь мы не можем. Не дадут нам дождаться, пока Фрэнк придет в норму. Стоп! А как мог попасть в эту игру замораживатель?

– Представления не имею, – ответил Стив, грустно глядя на то, во что превратился его напарник. – Да и знать не хочу. Придется идти. Я, как и ты, хочу поскорей выбраться отсюда. Первый раз в такой передряге. Но за Фрэнком я все равно вернусь!

– Вместе вернемся, – пообещал я. – Послушай, а как ваша команда проникла в этот зал?

– Черт его знает. Нас сразу выбросило в какой-то коридор с трупом на гвоздике.

Ага. Значит, они, как и я, вышли на начало уровня. Это плохо, я надеялся получить хоть какую-то дополнительную информацию.

– Пошли, – предложил я, но Стив меня остановил.

– Подожди. У меня патроны на нуле.

И мы потратили еще пять виртуальных минут, собирая оружие и боеприпасы. Трупам они, сами понимаете, ни к чему. Фрезер я прихватил с собой. Только оружие хаанов мы не взяли, потому что так и не поняли, где у него спусковой крючок.

Лестница вывела нас в кольцевой коридор с шахтами лифта. Над каждой из них была надпись в виде странных ломаных иероглифов, и я еще раз помянул создателей этой программы недобрым словом. Обычно в играх на прохождение бывают стрелки, указатели или хоть какие-то подсказки. Здесь же не было ничего, и приходилось полагаться только на везение.

Мы направились к ближайшему лифту, зашли в просторную кабинку и принялись рассматривать множество кнопок с опять же непонятными значками, нарисованными рядом с каждой из них.

– Что подсказывает тебе интуиция? – спросил я у Стива.

– Жми на нижнюю, а там поглядим, – предложил рэйвер.

Я так и сделал, и мы долго опускались, считая секунды и направив на дверцу свое оружие. Мало ли что нас ждало там, внизу. А когда створки лифта раздвинулись, я понял, что допустил оплошность.

Никакой это был не лифт, на самом деле шахты оказались выводными каналами разработчиков игры. Обычно они прокладываются для того, чтобы программист мог быстро попасть в необходимую строку ассемблера, а не искал ее по нескольку минут, пялясь на экран монитора.

Но вся беда заключалась в том, что этот «лифт» работал только на выход. Конечно, где-то были и входные каналы, но до

них мы не могли добраться при всем желании, потому что сразу за дверцей начиналась великая пустота внепрограмья.

Что это за место, объяснить не так уж сложно, вот только осознать возможность подобного совсем нелегко. Реальность имеет свои пределы – это край нашей Вселенной, расстояние, на которое расширилось мироздание после «Большого взрыва». Виртуальность тоже имеет границы, свой пространственный объем, состоящий из множества компьютерных миров, созданных программистами. Но там, где эти миры кончаются, нет ничего – ни виртуальности, ни реальности.

Я сел на пол и тоскливо уставился в бесконечную черноту.

– Что случилось? – встревожено спросил Стив.

– Приехали, – вздохнул я и объяснил ему, во что мы вляпались.

– Неужели ничего нельзя сделать? – дрогнувшим голосом спросил рэйвер.

– Слить воду, – грустно пошутил я. – Хотя… Поинтересуемся у компов, может, уже есть выход в реал?

– Нет. Я только что спрашивал, – отозвался Стив – Но он говорит, что мы можем вернуться на начало уровня.

– Что! – я вскочил на ноги. – Как же я раньше об этом не подумал?!

Мы вновь были в тюремном отсеке. Я опять находился в своей нише, рэйвер же стоял посреди коридора рядом с целящимся в него хааном.

– Стив! – заорал я, – Берегись!

Но было поздно. Рэйвер схватился за огромную рану в животе и рухнул на пол. Я рванулся к черепу, нажал на потайные кнопки и тут же выстрелил из фрезера. Затем подбежал к Стиву, нагнулся над ним.

– Подожди, когда Фрэнк оттает, – прошептал он, глотая кровавую пену. – Хоть кого-то выведи отсюда…

– Хорошо-хорошо. Только ты ничего не говори. Береги силы. Я тебя вынесу, – растерянно бормотал я.

– Поздно, – вздохнул рэйвер и умер.

– А-а! – заорал я, бросившись к хаану, и разнес его прикладом фрезера на куски.

Будь она проклята, эта Виртуальность!

Я выскочил в зал, где совсем еще недавно Стив уговаривал своего напарника оставить меня в живых, и понял, что никогда уже не увижу Фрэнка. Только осколки льда на полу оплывали сукровицей…

– Ну, держитесь, твари! Я иду!

Сколько времени я воевал в переходах, коридорах и отсеках этого корабля, не знаю. Я уложил по меньшей мере сотню хаанов, с головы до пят был вымазан их зеленой слизью, вперемешку со своей кровью. Мне ощутимо зацепили плечо, но я, вроде берсеркера, не ощущал ни боли, ни усталости. С оружием в руках я бегал по вражескому кораблю, как сама смерть. Да, наверное, я и был ею в тот миг.

Какими-то неисповедимыми путями меня все-таки занесло в шлюпочный ангар. Несколько секунд я думал, что никуда не уйду, покуда не уничтожу всех уродов на этом корабле, но все же здравый смысл взял верх.

Я залез в одну из шлюпок и начал бить кулаком по всем кнопкам, покуда не нашел включающую двигатель.

А потом я расстрелял из пушки подъемный пандус и через образовавшуюся брешь вывел свое утлое суденышко в космос.

– Уровень пройден, – неизвестно откуда донесся до меня хриплый голос сопера.

И я, вторя ему, скомандовал компу:

– Выход!

Компьютер оказался прав. Я вышел из этой чертовой игры! Вот только неизвестно куда…

Я стоял посреди огромной мусорной свалки. Горы искореженного метала и пластика, лужи вонючей жижи, кучи каких-то обломков и останки гигантских конструкций окружали меня. И по всему этому пробегали искрящимися змейками, стекали со склонов, вылетали фонтанчиками из глубин цифры и символы. Порой они превращались во фрагменты каких-то тел или предметов, твердели, потом опять таяли, снова становясь цифрами и символами.

И еще я видел бродивших среди мусорных куч призраков. Чаще всего это были люди, но у многих не хватало рук или ног, а то и, вообще, головы. Были здесь и иные существа, странные и уродливые, совсем непохожие друг на друга. Они гонялись за людьми или за себе подобными, громко пищали, рычали и чавкали, пожирая добычу.

Существа эти чем-то напоминали мне тех, что я видел в туннеле под Атлантикой, и мне подумалось, что они сродни друг другу, эти монстры. Но я даже не удивился этому открытию, потому что члены и мысли мои сковал животный страх. Когда он приходит – нет места для размышлений. Я просто смотрел на этот ужасный мир и силился понять, куда меня занесло на этот раз?

Затем я оглянулся назад и увидел у самого горизонта огромную прозрачную стену, и что-то невообразимо гигантское,

шевелящееся за ней. И еще я чувствовал, что на меня кто-то смотрит, как тогда, в корабле хаанов.

Вздрогнув, я вновь повернулся спиной к стене. Передо мной стоял человек, со странным, все время меняющимся лицом.

– Помоги мне, – прошептал он, глядя на меня одним глазом, потому что другой в этот миг уплыл куда-то на затылок.

Я попятился, но человек не дал мне уйти, цепко ухватившись за обшлаг моего комбинезона.

– Изыди! – заверещал я, тщетно пытаясь отцепить его руку.

– Отыщи моего создателя, – хрипел призрак, – передай, чтобы он, пока не поздно, меня допрограммировал. Иначе, я сам его найду…

– Хорошо, хорошо, – пробормотал я. – Передам.

Хватка ослабла, и я, отскочив назад, громко скомандовал:

– Выход!

Уровень 5
Вторжение изнутри

Снова я был в Дакаре, и опять передо мной стояла проблема, где взять деньги. Три дня я прятался в порту на старом заброшенном буксире, питался протухшей рыбой, которую находил под паёлами рыбацких баркасов, зарос неимоверной щетиной, смывал соленый пот не менее соленой океанской водой и все думал и думал, как мне уехать из Африки в цивилизованный мир.

И еще у меня ужасно болело плечо. Как мог я его перебинтовывал, воруя по ночам простыни, которые негритянки вывешивали сушиться на веревках, натянутых между пальмами. Но все равно, рана кровоточила не переставая. Страшнее всего то, что в любой момент могла начаться гангрена…

За эти дни я многое передумал и пришел к решению, что, выбравшись из Дакара, первым делом отправлюсь в Нью-Йорк, где всеми правдами и неправдами добьюсь пересмотра дела. Меня волновал не только (и, как это не дико звучит, не столько) оправдательный приговор, сколько возможность выступить с заявлением перед широкой аудиторией. Я понимал, что о возможности проникновения человеческого тела в виртал молчать больше нельзя. И пусть массовый исход окончательно стал бредом: какой же дурак добровольно сунет голову в пасть голодного хищника? – но не могло это страшное оружие оставаться в руках кучки избранных, о нем должно было знать все человечество. Только тогда появлялся шанс сохранить в мире равновесие, без которого мы рано или поздно скатимся в хаос последней, почти мгновенной войны, когда через виртал хлынут войска, и миллиарды людей умрут, не успев даже понять, что случилось.

Дело оставалось за малым – достать деньги. Перебрав все возможные варианты, я осознал, что остается только одна возможность их раздобыть…

Ограбить банк.

Ночь. Тишина. Шаги гулко отдаются под сводами «Bank of Africa». Я крадусь по холлу, включив в шлеме прибор ночного видения и непрестанно крутя головой по сторонам. Где-то должны быть охранники, но я не знаю, где их «сторожка». И еще должны быть телекамеры. Но они не смогут зафиксировать мое лицо под забралом шлема.

И еще я знал, что ЦРУ теперь обязательно узнает о том, что я остался жив, и будет в шоке, не понимая, как мне удалось выбраться, а специально подготовленному отряду – нет. Но это меня уже не волновало. Я был на грани срыва. Меня трясла лихорадка, и плечо горело огнем, будто к нему прижимали раскаленный докрасна кусок железа.

Шатаясь, я брел вдоль банковских конторок, направляясь в противоположный конец зала к двери, за которой скрывалось хранилище. Я узнал это вчера, заскочив сюда на несколько минут, чтобы сделать рекогносцировку. Потом меня выгнали, невзирая на то, что я белый. Все правильно, сейчас я больше походил на оборванца…

Вот и дверь. Заперто. Так и должно быть. Я нырнул в виртал, сделал несколько шагов и вернулся в реальность. Уже за дверью.

Теперь передо мной был коридор, заканчивавшийся стальной решеткой с прутьями толщиной в человеческую руку. За решеткой угадывался сейф с круглой, как у канализационного люка крышкой. Я подошел к очередному препятствию и опять проделал фокус с прыжками туда и обратно.

На этот раз я оказался перед сейфом и разглядывал его механизм. Разумеется, при всем желании я не мог открыть эту тяжеленную дверцу. Я же не медвежатник! Но зато, я запасся хорошенькой «бомбочкой», вытащив ее на свет божий из стратегической игры «Красная угроза».

Включив часовой механизм, я засек время, опять прыгнул в виртуальную реальность, подождал немного и вышел обратно.

Вовсю орали сирены, оглашая своими воплями здание банка. Я достал из кармана целлофановый пакет и принялся набивать его американскими долларами, хранившимися в сейфе отдельно.

А потом, когда даже сквозь шум сирен уже слышен был топот ног, я ушел. Прыгнул в телефонную сеть, а оттуда, специально протопав по кабелю километра полтора, выбрался в зал выбора игровых программ. Там я присел в одно из кресел, стараясь отдышаться. В глазах крутились огненные шары, грудь тяжело вздымалась, пытаясь засосать в легкие побольше воздуха.

– Все-таки ты сделал это, – говорил я сам себе. – Йо-хо-хо! Правда, теперь на тебе висит еще одно преступление. Но как говорится, одним больше, одним меньше…

Преступник поневоле. И посмеялся бы, да слезы мешают.

Я развернул пакет и, не обращая внимания на редких бездельников, которые даже ночами бродят по виртуальным мирам, принялся пересчитывать деньги. Выходило, что я спер сорок шесть тысяч семьсот два бакса. Что ж, неплохо для начинающего грабителя банков. Совсем неплохо.

Лондон встретил меня промозглой погодой с сильным ветром и дождем. Я спустился по трапу самолета и направился к зданию аэровокзала. На мне был длинный темный плащ и шляпа, надвинутая до самых бровей. В руке я сжимал спортивную сумку, где покоились шлем и фрезер с последним зарядом. Деньги давно ожидали меня в одном неприметном, но надежном банке. Ах, да! Я еще потратил триста долларов, заплатив врачу за оказанные услуги. Плечо теперь почти не болело, хотя я старался нагружать его поменьше. Первая, так сказать, кровавая жертва вирталу.

Но все равно, настроение у меня было прекрасное. Я ведь прилетел к Сюзан!

Почему я не отправился в Нью-Йорк, как собирался это сделать раньше? Все просто – хотел немного передохнуть перед главным сражением своей жизни. Я ведь не заводная игрушка.

А где я мог отдохнуть лучше, нежели у милой и доброй Сюзи?..

Вот и таможенный пост. Улыбчивый молодой человек в форменной фуражке и накрахмаленном воротничке подождал, когда я поставлю сумку на конвейер, и заглянул в свой «телевизор».

– А это что? – спросил он, кивая на экран.

Я подошел ближе и уточнил:

– Что именно?

– Эта штуковина.

– А-а, – протянул я. – Это фрезер. Агрегат для быстрого замораживания.

– Можете показать?

– Пожалуйста.

Я достал фрезер и, оглядевшись по сторонам, увидел початую бутылку «пепси» за стеклом его конторки.

– Можно ваш напиток?

– Зачем?

– Вы же наверняка потребуете, чтобы я продемонстрировал работу прибора.

Молодой человек недоверчиво поглядел на меня, но достал бутылку.

Я установил фрезер на минимальную мощность и направил его на «пепси». Через секунду перед нами стояла запотевшая бутылка, исходящая дымком испарений.

– Вот здорово, – пробормотал таможенник. – Это опытный образец?

«Нет, это я опытный», – подумал я, но вслух произнес:

– Что вы! В любом магазине бытовых приборов продается.

– Да? – удивился таможенник, ставя печать на бланке. – Что-то я раньше не обращал внимания на такую вещицу. Как вы говорите, она называется?

– Фрезер, – ответил я без тени смущения, уже давно поняв, что таможенник – не юзер, и компьютерными играми не интересуется, иначе так просто он бы меня не отпустил.

Опять повезло. Что ж, в жизни случаются и светлые полосы…

Я взял такси, назвал нужный адрес и, мурлыча веселенькую песенку, принялся разглядывать суетность лондонских улиц. Впрочем, это занятие мне вскоре прискучило и я, откинувшись на спинку сидения, задумался.

«Почему во мне такая радость от предвкушения встречи с Сюзан? Сердце так и поет, и хочется кричать на таксиста, потому что он ведет свою колымагу, как черепаший наездник, разве что не спит за рулем. Но и подгонять я его не хочу… Что, если Сюзи давно забыла про меня, я ведь ни разу не позвонил ей с тех пор, как мы с Бруно выбрались из той передряги. Как это было давно и… совсем недавно.

Хотя, конечно, я не виноват. Не имел я права звонить, потому что для нее это могло быть опасно. Думаю, на английских АТС отслеживаются звонки из Лэнгли, должны, по крайней мере, отслеживаться. Но я мог позвонить из Вашингтона, был же там пару раз. Но не позвонил…»

Вот и знакомый дом, возле которого арестовали Бруно, арка, откуда я вел огонь по группе захвата, подъезд, где живет Сюзан. Сердце замерло, когда я, перепрыгивая через две ступеньки, поднялся на четвертый этаж и нажал на кнопку звонка…

Прошла минута, потом еще две. Я вновь надавил на кнопку. Бесполезно. В этот час она, наверняка, на работе.

А потом внизу скрипнула входная дверь и тут же тишину подъезда разорвал женский крик. Сломя голову, я бросился вниз и увидел Сюзи, бледную и испуганную. Она стояла, прижавшись к стене, и расширенными от ужаса глазами смотрела на что-то, скрытое от меня лестницей.

– Сюзан! – крикнул я, преодолевая последние ступеньки, но тут же уловил краем глаза какое-то движение…

Под лестницей, шипя и щелкая клювом, сидела та самая шипастая тварь с десятком кожаных крыльев, которая напала на меня в туннеле. Нет, понятно, что не та самая, но такая же.

Сказать, что я был потрясен – это ничего не сказать. Каким образом эта уродина попала в реальность? Не могла же она сама, без всякого оборудования путешествовать между мирами. Это нонсенс. Чудес на свете не бывает – в этом я был твердо убежден. Впрочем, размышлять было некогда.

Я выхватил из сумки фрезер и выстрелил. Потом повернулся к Сюзи и пробормотал:

– Ну-ну, девочка, успокойся. Теперь эта пакость никому не страшна.

Сюзан бросилась ко мне, обхватила руками, прижалась из всех сил.

– Ты… Ты, – шептали ее губы. – Вернулся! Я так ждала тебя…

– Ну, успокойся, милая, успокойся.

Я гладил ее волосы, а сам все думал о чудище, ледяной горкой застывшем у меня за спиной.

Неужели не только люди могут ходить в ВР, но и виртуальность способна просочиться в нашу жизнь? Нет, это бред, это невозможно просто физически. Значит, где-то есть открытый канал, который не контролируется? Стоп, что это я такое измыслил? Существует только два способа проникновения физических тел в виртал: с помощью шлема и «саркофага», оборудованного биоэнергетическим преобразователем. Или я не во всем осведомлен? А с чего это я решил, что знаю все? Как раз наоборот, я уже ни черта не знаю! Разве только то, что опять стал свидетелем чего-то невероятного, события, осмыслить которое до конца мне еще только предстоит…

Я обнял Сюзан свободной рукой, и мы начали подниматься по лестнице. Уже на третьем этаже я вспомнил, что забыл сделать нечто важное, попросил Сюзи подождать секундочку, сбежал вниз и каблуком разбил ужасную «статую».

Что б ей пусто было.

Когда я проснулся, уже смеркалось. Сюзан тихо посапывала рядом, устроив из моей руки подушку. Я осторожно высвободился и, обмотавшись простыней, прошлепал на кухню. Покурить. А заодно и подумать.

У меня не было никаких сомнений, что замороженная мною шипастая гадость была точной копией той, в туннеле. Да и на виртуальной «мусорной куче» я видел нечто подобное. Куда же выбрасывал меня компьютер оба раза? Может, это была вовсе не виртуальность? Но что тогда? Параллельный мир? Или нет, не так – виртуальный параллельный мир, созданный иной цивилизацией…

Я усмехнулся. Бред, конечно, полный. А ответ, хочешь – не хочешь, надо найти. Я подсознательно чувствовал, что от него зависит очень многое.

Вернувшись в комнату, я включил компьютер и забрался в сайт хакеров, чтобы найти там страничку новостей.

Так и есть – хакеры гудели об участившихся сбоях систем, о

какой-то пакости, пробивающейся иногда в программы даже защищенные секретными кодами. В общем, взволнованы они были не на шутку. Там же я отыскал адрес их чата или, проще говоря, «комнаты для болтовни», которая была подсоединена в Internet Relay Chat, и теперь мог беседовать практически со всем миром при помощи программы-клиента, имеющей прямой выход на целую цепочку серверов.

Но сперва у меня затребовали E-mail адрес, реальное имя, прозвище и адрес. Над прозвищем я долго ломал себе голову, потому что в Интернет-чате могут находится одновременно до ста тысяч человек, но при этом нельзя, чтобы кличка повторялась, иначе сообщения будут приходить не на мой компьютер. Да и не только в этом было дело. Кличка становилась моим лицом здесь, и именно по ней в первый момент будут судить обо мне диалоггеры, так как ничего другого о моей личности знать не будут.

Я сидел возле компьютера, с зависшими над клавиатурой пальцами, минуты три, пока наконец не отпечатал: «Растерявшийся».

Кажется, этим словом я передал свое состояние.

Что же касается реального имени и адреса, то я дал координаты Сюзан. Впрочем, эти сведения шли только в кампанию, обслуживающую сервер, через который я вышел в чат.

Через секунду я наконец получил выход на хакерский канал и быстро отбарабанил на клавиатуре:

– Привет.

Мне тут же ответили:

– Добро пожаловать, Растерявшийся. Проблемы?

– Масса.

– Новичок?

– В сети – да. Но не чайник.

– Понятно. Выкладывай.

– Сложно.

– А ты не психуй.

– Прочитал новости на вашем сайте. Те же проблемы.

– Интересно?

– Видел в виртале что-то необычное. Не могу понять.

– Интересно.

– Это вроде мусорной свалки. Горы требухи, метаморфозы, странные твари и призраки в человеческой оболочке.

– Мало информации.

– Один из призраков пристал ко мне, чтобы я передал сообщение его создателю.

– О чем сообщение?

– Чтобы его допрограммировали.

– Интересно. Дай подумать.

– Эй, растерявшийся, – влез в паузу еще один диалоггер, – от одного малого лет десять назад я слышал, что он набрел в виртале на что-то подобное. Теперь это легенда, так как с таким никто больше не сталкивался, но если ты говоришь, то чем черт не шутит…

– Но какие-то идеи по этому поводу у вас были?

– Они и сейчас есть.

– И?

– Это что-то вроде байки, – появился третий участник чата, – якобы, где-то в виртуальности существует место, куда ИНТЕРНЕТ и другие сети автоматичеки скидывают весь свой мусор: раскатанные вирусы, обломки программ или файлов, устаревшие версии продуктов и игрушек, временные и кэшируемые файлы и прочую шелуху. То есть, это своего рода огромная сетевая «корзина», с единственной разницей, что ее никто и никогда не очищает. А мусора, сам понимаешь, год от года добавляется все больше.

– Интересная версия, – отпечатал я на клавиатуре, – А что из себя тогда представляют те монстры, которых я видел в виртале?

– Похоже, это и есть вирусы.

– Сегодня я столкнулся с таким монстром в реале.

– Что!

– Что?

– Что?!

– *Что…*

– Что? Да ты с ума сошел!

– Эй, без оскорблений, а то забаню доступ на канал, не достучишься.

– Молчу, «ОП», молчу, наш великий маг-оператор!

– Слушай, парень, а как ты попал на свалку?

– Не знаю, – соврал я, потому что не мог им все объяснить, пока не мог, просто не был готов к этому. – Одно могу сказать: с подобными тварями я сталкивался уже трижды.

– И не только ты. Я совсем недавно видел заметку в одной электронной газете. Сейчас поищу. Ага, вот она. Печатаю дословно:

«США. Штат Огайо. Двое фермеров утверждают, что на дороге, ведущей из форта „Виктория“ нашли останки какого-то животного, явно внеземного происхождения. По их описаниям, тварь имела множество полых щупалец, длинные клыки и около десятка глаз…»

«Это не животное, – с тоской подумал я, – это совсем не

животное. Но что же получается? Имеется обратная связь с вирталом? Нет, не могу в это поверить. Это же бред… Хотя, – у меня даже сердце замерло от нахлынувшей догадки, – Причем здесь обратная связь. Это эксперименты. Военные вытягивают из виртуальности все, что под руку попадется, и исследуют на предмет целесообразности применения в реальных условиях. Но случаются накладки, и какой-нибудь из этих тварей удается вырваться на свободу».

Я даже повеселел от этих мыслей и, глянув на экран, увидел быстро набираемую кем-то фразу:

– Киска, хорош газетные «утки» цитировать. Лучше послушаем, что Растерявшийся говорит. Меня больше интересует, где он в третий раз видел этих монстров.

«А вот этого, братцы, я вам не скажу,» – подумал я и дал команду на выход из чата.

Представляю, какой шквал негодования я там вызвал! Как бы меня не «кикнули» из этой компании вообще, закрыв доступ на канал. Хотя, вряд ли. Они будут днями и ночами дежурить на чате, в надежде, что я снова объявлюсь. Может быть, когда-нибудь так и сделаю. Но не в ближайшие дни. Ибо, прежде чем лезть в бой, мне нужно как-то обустроить Сюзан. Да и отдохнуть…

Я и не услышал, как сзади подкралась Сюзи, закрыла ладошками глаза, а затем тоненько и протяжно муркнула в ухо, словно шаловливый котенок.

Почему порой так случается – только подумаешь о человеке, а он уже перед тобой? Телепатия или телекинез? Или, как говорят в России: «легки дураки на помине». Впрочем, Сюзи я в эту категорию не зачислял.

– Выспалась? – спросил я.

– Угу.

– Выпить хочешь?

– Угу.

– А перекусить?

– Угу.

– Ну как тут совушку мою не уважить? Собирайся – в ресторан пойдем.

– Ура!

Мы сидели в китайском ресторанчике и орудовали палочками. Сюзи делала это так неуклюже, что я ухахатывался.

Она тоже смеялась, весело и беззаботно, а я никак не мог придумать, как ей по-настоящему угодить. Потом вдруг взял и выпалил:

– А не прокатиться ли нам в Париж, погулять там пару

деньков, развеяться?

В ее глазах застыли испуг и радость. Испуг – от того, что она не могла понять, разыгрываю я ее или нет. Но увидев серьезное мое лицо, Сюзи просияла:

– Господи! Как я хочу во Францию. Ты даже себе не представляешь, как мечтала я об этом все эти годы.

– Ну так мы выполним ваши заветные желания, – выпятив грудь, сказал я. – Мы ведь – великий маг и чародей Эндрю ибн Али Хопкинс…

А потом мы не спеша шли по ночным улицам Лондона, и Сюзи рассказывала мне о Франции, той Франции, которую она знала по детским своим воспоминаниям. И теперь я тоже мечтал попасть туда, где на холме Монматр ослепительно сверкает под лучами солнца белоснежная церковь Сакре-Кер, и в тени каштанов продают свои шедевры художники, где зеленым островом в асфальтовом море Парижа застыло Марсово поле, где устремилось ввысь своими башенками древнее здание Консьержери, где Собор Парижской Богоматери поражает прохожих готической холодностью, где… где… где…

Я уже любил этот город, хотя ни разу не бывал в нем, и у меня даже мелькнула шальная мысль, а не переехать ли нам с Сюзан жить в Париж? Я долго обдумывал эту идею, и когда мы вошли в подъезд, изложил ее Сюзи.

– Хорошо-хорошо, – как-то нервно ответила она, но я решил, что голос у нее срывается от счастья.

А потом мы зашли в квартиру, и я увидел сидящего в кресле Бена Берримора.

Я не сразу узнал шефа британской контрразведки, и лишь, когда за моей спиной возникли два здоровяка с топорщившимися из-под пиджаков кобурами, понял, почему лицо этого усатого толстяка показалось мне знакомым.

Дергаться я не стал, справедливо полагая, что смысла в этом нет. Уложат, как тряпичную куклу на пол да еще наручники нацепят. Успею их еще поносить, куда спешить? Я лишь покосился на Сюзан, присевшую на край тумбочки для телефона и потупившую взгляд. Эх, знать бы, где упадешь, тюфяков натаскал бы!

– Проходите, – сказал Берримор. – Присаживайтесь. Поговорим, обсудим дела ваши, а может быть, и наши. Да не стесняйтесь вы так, словно стрептизерша, в первый раз вышедшая на подиум.

– Хорошо, не буду, – согласился я, усаживаясь на стул.

– Сюзи, сварила б ты нам кофейку, что ли, – попросил Берримор.

– Перебьетесь, – зло ответила Сюзан.

– Ай-я-яй, – хихикнул Берримор. – Молодая леди злится… Нельзя обижаться на сослуживцев.

– В гробу я видела таких коллег, – пробурчала Сюзи достаточно громко, чтобы мы ее услышали.

Я повернулся к ней и сказал:

– Слушай! Влезла в дерьмо, так не старайся казаться чистенькой.

– Дурак, – прошептала Сюзан, размазывая тушь по щекам. – Ты уехал, а они через неделю вычислили, что это я тебя прятала. Знаешь, как было страшно…

Я покосился на Берримора.

– Запугали, значит, девчонку? Рыцари!

Шеф МИ-5 молча развел руками, дескать, такая у нас работа…

– Ладно, черт с вами. Что от меня-то нужно? – спросил я.

– А как вы думаете?

– Хотите перевербовать? Зря стараетесь. Я уже не служу в ЦРУ.

– Это мы знаем, как и то, что вас ищут по всему миру.

– И что меня хотят убить, тоже знаете?

– Хотели, дорогой мой, хотели.

– Не понял?

– Теперь ваши шефы просто жаждут увидеть вас воочию и побеседовать. Вроде того, как мы с вами это делаем сейчас.

Я с удивлением посмотрел на контрразведчика:

– И что же так кардинально изменило планы ЦРУ?

– А вот это мы и хотим от вас услышать.

– Увы, – я развел руками. – Вы мне сообщили великолепную новость, если, конечно, вас не дезинформировали, но поверьте, я, так же как и вы, хотел бы знать, что произошло за последние двое суток, и что смогло отменить решение о моей ликвидации?

– Хоть какие-то версии?

– Нет.

– Жаль, – сказал Берримор. – Тогда собирайтесь. Поедем в контору.

– Но зачем я вам?

– Как, зачем? – удивился моей наивности Берримор. – Нам ведь все интересно знать, может быть, что-нибудь о свой жизни и поведаете.

– Сомневаюсь, – буркнул я. – Мне-то с этого какой навар?

– Кто знает? – туманно отозвался Берримор. – О шлеме своем тоже ничего не хотите рассказать?

– Уже сунули туда нос? – сокрушенно поинтересовался я. – А

если бы там была, к примеру, бомба?

– Была, – столь же сокрушенно вздохнул контрразведчик. – Ее-то мы отключили…

– И вся начинка выгорела, – закончил я за него. – Ай-яй-яй! Ну ничего, хороший шлем, вместо мотоциклетного можно использовать.

Берримор долго смотрел на меня, потом расстегнул портфель и достал из него фрезер.

– Что это? – поинтересовался он.

Я пожал плечами.

– Игрушка. Купил где-то по случаю, у продавца сдачи не было.

– И как же она действовала? – полюбопытствовал контрразведчик.

– Никак, – пояснил я. – Игрушки, вообще-то предназначены для развлечений.

– Трудный вы, Хопкинс, человек, – подвел итог разговору Берримор. – И развлекаться любите. То с мечом, то с лазером, то с этой штуковиной. Ладно, поехали.

Передо мной сидел какой-то юнец и сверлил меня взглядом.

– Спать! – причитал он. – Спать!

«Вот глупые, – подумал я, – дали бы мне коечку хорошую, да вырубили свет, и не понадобилось бы никаких гипнотизеров».

– Спать! – нудно твердил паренек, будто других слов и не знал.

Берримор сидел в полумраке за спиной гипнотизера и, закинув ногу на ногу, чадил сигарой. Мерзавец он, однако, я ведь тоже курить хочу. До изнеможения.

– Спать!

Да отвяжись ты, молокосос! Меня сам великий Дэвид Коперфильд загипнотизировать не смог. Правда, в зале нас было человек пятьсот. Ну а какая, собственно, разница?

– Спать!

А может, действительно поспать. Пусть в мозгах моих покопаются. Не жалко. Там ведь и секретов больших нет. Для разведчиков, разумеется. У них ведь, наверняка, свой виртал есть, и с проникновением живых объектов туда дела обстоят, не хуже нашего.

Я сладко зевнул и приметил, как радостно заерзал в кресле Берримор. А вот дудки тебе, болт железный с кетчупом.

И только я начал сопротивляться этому монотонному воплю: «Спать», как почувствовал что веки мои превратились в два магнита с разноименными полюсами.

Через минуту я уже дрых, как беззаботный ребенок. И снилось мне, будто я скачу по вирталу на огненном жеребце, а за мной следует пешим ходом могучее войско, состоящее из двух сотен гоблинов, дюжины стальных големов, шестидесяти одного воина-гнома и десятка циклопов. И еще высоко-высоко в облаках парят мои восемь черных драконов – самых сильных существ в «Героях XXXII».

Мы идем осаждать крепость, охраняемую зеленокожим и красноглазым магом Галоном. Мне позарез нужна эта крепость, без нее на северных островах не закрепиться.

Настроение отличное. Я и сам теперь стал магом, у меня уровень знаний – 10, сила магии – 12, умение атаки – 8 и защиты – 7. И еще у меня в заплечном мешке куча артефактов, за обладание которыми пришлось биться с целыми ордами сторожевых монстров.

Мой родной город далеко, но я успел вырыть вокруг него ров, установить сторожевые башни, а, главное, создать все пять гильдий магов. Они меня и научили целой куче боевых и информационных заклятий, самое сильное из которых – «дубляж». Хм, почти, как у Маргарет… Какой Маргарет? О чем это я? Небось, злые колдуны хотят лишить меня разума при помощи своих чар. Но я мудрец-эксперт, мою защиту колдовскими штучками так просто не пробьешь.

Вот и лес. Смешанный, но преимущественно лиственный. Дубы, акации, клены. Посреди утоптанной копытами лошадей просеки стоит сундук.

«Ага! – радуюсь я, – значит, здесь мои враги еще не побывали».

Открываю сундук. Внутри – 2000 золотых и звездочка мастерства, дающая мне 1500 очков. Надо выбирать или то, или это. Таковы правила игры. Я, конечно же, протягиваю руку за звездочкой, прекрасно зная, что в придачу к ней дается какое-нибудь из умений, которое может существенно облегчить мне жизнь.

Так и есть. Получив базовый «глаз орла», возношу хвалы Великому Архимагу. Теперь я могу, победив врага, выучить одно из его заклинаний первого или второго уровня.

– Пригодится, – хмыкаю я, забираясь обратно в седло, и отдаю команду своей армии: – Вперед, мои преданные соратники! Замок коварного Галона уже близок, сотрем его каменные стены в порошок. А после славной победы – будет славный пир!

– Ура! – рявкнули сотни глоток. – Слава великому сэру Хопкинсу!

И войско тронулось с места: заскрипели телеги, задрожала

земля под ногами стальных големов, напряглись вены на лбах гоблинов, волокущих за собою гигантскую катапульту.

– Хопкинс, что вы видели в виртале?

Оглядываюсь назад, не понимая, кто задал мне этот вопрос. За крупом моей лошади топают циклопы, хмурые и безучастные ко всему. Это не они, это Галон пытается влезть в мои мысли. Но он не знает, насколько я теперь силен!

Послав ответный мыслеимпульс, я приказываю магу повеситься на первом же суку. Если я смогу осилить его защитную магию, то крепость будет защищать лишь капитан гвардейцев. А сила магии у него – 1 и знаний не больше. Ну пошлет он на меня разок шаровую молнию да на один из отрядов нагонит вялости, а дальше уж придется ему рубиться по-настоящему, без всяких колдовских штучек-дрючек.

Я же могу выждать, покуда катапульта разрушит стены, отправив при этом добрую половину войска Галона на тот свет при помощи боевых заклинаний. Своих ратоборцев надо щадить – за них плачены большие деньги. Ведь добровольно в армию идут единицы, да и то мелочь всякая, вроде хоббитов да эльфов.

Лесок невелик, уже кончается, и сквозь просветы деревьев виден замок, застывший на вершине пологого холма. И еще клубится пыль на дороге – вражеское войско летит нам навстречу.

Проклятый Галон решил уберечь свой замок от разрушения и вышел в поле сразиться. Жаль, что он не повесился. Видать, тоже успел силу магии поднакопить. Ну, ничего, к лютой сече я всегда готов. Не зря столько миль оттопал, за тем и войско сюда вел.

Но что это? Великий Архимаг! Войска у Галона состоят лишь из отборных монстров, самых дорогих и самых сильных. Я вижу среди них мечущих молнии черных титанов, у которых сила атаки и сила обороны – 15 очков; паладинов, нагоняющих страх своими длинными и острыми мечами; сверкающих огненными перьями фениксов, быстрых и мощных в бою, одноглазых циклопов, прожигающих врагов насквозь своими глазами… У Галона их гораздо больше, чем у меня! Но хуже всего, что этот проклятый маг имеет невиданную силу – целых тридцать черных драконов, готовых повиноваться малейшему движению своего владыки…

И армия моя занервничала, а значит тут же упало количество очков удачи. А если в войске слабая мораль, то какое оно к черту войско – в руках нет силы даже меч поднять.

Но я и сам вижу, что мне с Галоном не совладать. У меня всего три выхода: биться, пока голову не сложу, сдаться в плен, тогда при мне останутся все артефакты, очки магии и мои верные бойцы, зато придется платить огромную контрибуцию, и третий

вариант – бежать с поля боя. Тут я останусь при своих деньгах, но армии лишусь подчистую. А ведь я столько средств в нее вгрохал…

Нет, я не сдамся! Никогда еще великие рыцари Хопкинсы не бежали с поля брани. Вперед мои верные войска, пусть ваша кровь прославит вас в веках во имя Великого Архимага NEW WORLD COMPUTINGa.

– Очнитесь, Хопкинс!

Кто это опять со мной говорит? Не пойму. Если выживу, обращусь к лекарю, пусть пороется в моих мозгах. Иначе не устоять мне против заклинаний проклятия…

Вижу, взмыли вверх галоновы драконы. Они летят в самую гущу моих войск и одним ударом сжигают всех гоблинов. Будь они прокляты, эти крылатые бестии!

Бросаю в бой последние свежие силы, зная, что обрекаю их на верную гибель. Но ничего, мое дело не пропадет зря. Я все-таки ослаблю мощь Галона, и рано или поздно найдется смельчак, который бросит ему вызов. И может быть, тогда ненавистный враг будет, наконец, повержен?

Воины-гномы бьют по фениксам, уничтожают пять птиц и гибнут все до единого. Но смерть их напрасна. У Галона есть заклятие «оживления», и фениксы восстают из пепла.

От моей, когда-то могучей армии, остается всего три дракона. Нужно нанести последний удар – удар мести! Но увы, драконы в панике, у них даже нет сил, чтобы взлететь. Зато титаны бьют огненными молниями во всю свою мощь.

Вот и все, Галон ухмыляясь скачет ко мне, снимая на ходу металлическую перчатку. Я, не опуская глаз, смотрю на него в ожидании удара клинком.

Но нет, эта мерзкая тварь желает меня обесчестить! Он дает мне пощечину. И еще раз, и еще. Из глаз текут слезы, и я непроизвольно зажмуриваюсь.

– Да придите же, наконец, в себя, Хопкинс!

Я открыл глаза, и увидел склонившегося надо мной Берримора. Он со всей силы мутузил меня ладонью по лицу, продолжая неистово орать:

– Очнетесь вы или нет?!

– Уже… – застонал я. – И прекратите меня избивать. Я ведь могу ответить.

Берримор попятился назад и рухнул на стул, где еще недавно сидел гипнотизер.

– Фу, – выдохнул он, вытаскивая из кармана носовой платок, и вытирая им пот со лба. – Ну и устроили вы нам концерт…

– Я?

– А то кто же? Вы что, обладаете гипнозом?

– Не замечал этого.

– Представляете, посреди сеанса Симпсон встает и идет в туалет. Нет его три минуты, нет пять. Вы дрыхните, а я начинаю нервничать. Посылаю охранника, тот тоже куда-то пропадает. Потом слышу, какая-то возня в коридоре. Выглядываю, а там санитары укладывают Симпсона на носилки. Оказывается, парень ни с того, ни с сего решил повеситься.

Глаза мои, конечно, полезли на лоб. А губы прошептали:

– Не может быть!

– Вы лучше у Симпсона спросите, может или не может…

– А где он?

– В реанимации, где же еще?

«Так-так-так, – подумал я. – Это что же получается? Выходит мой мыслеимпульс все же достиг цели? И вместо того, чтобы вздернулся на суку нарисованный маг Галон, руки на себя решил наложить гипнотизер… Нет, бред какой-то необъяснимый. Никогда не обладал я способностями к гипнозу, откуда же они взялись? А ведь поперся Симпсон в туалет на подтяжках своих вешаться. Отчего бы ему так приспичило?»

– Может, все-таки скажете, о чем ЦРУ хочет с вами поговорить? – донесся до меня голос Берримора.

Я пожал плечами.

– Повторяю: не имею не малейшего понятия.

– Ну, ладно, – сказал шеф МИ-5. – Черт с вами. Но учтите, еще раз появитесь в Англии, головы вам не сносить. Эй, дежурный, приведи сюда парня из ЦРУ.

Я повернулся к дверям, ожидая кого угодно, но увидел Уильяма Мактерри, о котором, признаться, за всей этой суетой забыл вовсе.

– Ну вот, – входя в кабинет, сказал он. – Скоро меня окончательно припишут к твоей особе, чтобы я время от времени доставлял твои бренные останки в Лэнгли. Признаться, ты первый, кого мне дважды пришлось вытаскивать из довольно дерьмовых местечек.

Берримор фыркнул, но промолчал.

Я улыбаясь, поднялся из кресла, и протянул Вилли руку. Мы обменялись крепким рукопожатием, и Мактерри, покосился на насупившегося Берримора.

– Теперь мы можем покинуть ваше заведение?

Почти незаметный кивок головы, и мы выметаемся из комнаты, а затем и из самого здания британской контрразведки, садимся в машину, и Мактерри приказывает шоферу ехать в

аэропорт.

Признаться, я был чертовки рад снова встретить этого добродушного коротышку, непонятно как оказавшегося сотрудником ЦРУ. Ему больше подошло бы сидеть в какой-нибудь солидной конторе и перекладывать с места на место толстенные бухгалтерские счета.

– Чего ради Стрэдфорд сменил гнев на милость? – не выдержав, спросил я.

– Узнаешь все на месте, – ответил Мактерри, протягивая мне свернутую в трубочку газету.

Это оказался позавчерашний выпуск «Вашингтон-пост», и на первой же полосе я увидел фотографию, которая заставила меня вздрогнуть.

Пожилая женщина отбивалась зонтиком от какой-то кошмарной твари. Объяснять, что это за тварь, нужды не было. Я на них предостаточно насмотрелся в виртале.

– Та-ак, – протянул я, – три случая – это уже закономерность.

– Если бы три, – вздохнул Уильям. – Гораздо больше.

– И в конторе не могут понять, что происходит?

– Точно. А тут еще ты влез в хакерский чат со своей историей.

– И среди хакеров есть агенты ЦРУ? – ошалело уставился я на Мактерри.

– Где их только нет…

– Но как они поняли, что в чат зашел именно я?

– Вот этого я не знаю.

«Впрочем, это как раз просто, – подумал я. – Разыскали кампанию, обслуживающую сервер, через который я вышел в чат. Разыскали, еще не зная, что эта ниточка приведет прямо ко мне. А потом, узнав адрес, где находится компьютер Сюзан, обнаружили, что координаты эти идентичны тем, которые мы с Бруно отметили в своем отчете два месяца тому назад. Правда, там мы указали лишь улицу и номер дома, где арестовали Филетти, а я отстреливался от группы захвата, но этого оказалось достаточно.»

Да, в ЦРУ не зря едят свой хлеб. А впрочем, чему удивляться? В конторе стоит четыре десятка компьютеров, которые имеют базу данных с узкоспециализированной направленностью. В одном хранится список всех лиц, с которыми хоть когда-то приходилось контактировать оперативникам ЦРУ, в другом – где, когда и при каких обстоятельствах использовалось то или иное оружие, в третьем адреса, ну и так далее.

Получен адрес, тут же его проверяют, выявляя схожесть с уже имеющимися. Вот, пожалуй, и весь ответ, зря я только Вилли теребил.

Едва я явился в Лэнгли, меня тут же вызвали к Стрэдфорду. В кабинете он был не один. В углу сидел подтянутый, с легкой сединой в густой шевелюре полковник воздушно-десантных сил США.

Шеф хмуро смотрел на меня, сидя в своем любимом кресле. Я же стоял посреди кабинета и с неменьшей неприязнью испепелял его взглядом.

– Значит, так, – заговорил Стрэдфорд. – У меня на вас теперь зуб. Такой большой, что вам и не снилось.

Он показал размер пресловутого «зуба», раздвинув ладони. Увиденное впечатляло. Таких клыков не было и у знаменитых саблезубых тигров. А шеф продолжал свой монолог:

– Если бы не чрезвычайные обстоятельства, не знаю – встретились бы мы с вами когда-нибудь или нет.

«Встретились, – зло подумал я. – На том свете бы тебя разыскал и зубами глотку перегрыз».

– Но о наших делах потом, – неожиданно сменил пластинку Стрэдфорд. – Сейчас с вами хочет побеседовать полковник Блэкмор.

«Знакомое имя, – подумал я. – Ах да! Это же тот самый тип, который приказал бедняге Стиву и его друзьям пустить меня в расход. Вот, сволочь!»

Я покосился на полковника и заметил, что лицо его как-то странно исказилось. С чего бы это? Схлопотал по шее за то, что его подчиненные не выполнили приказ? Поделом. У, рожа! Признаться, мне показалось, что Блэкмор ненавидит мою скромную персону всеми фибрами души – таким откровенным взглядом он смерил меня с головы до ног.

– Это и есть Хопкинс? – уточнил полковник, обращаясь к с таким видом, будто меня в кабинете не было или же речь шла о неодушевленном предмете, который сам не мог подтвердить, что именно он и есть тот самый, глубоко презираемый Эндрю Хопкинс.

– Он, – подтвердил шеф, так же не обращая на меня внимания.

И я решил вести себя адекватно.

– Что вы сказали, сэр? – спросил я у Стрэдфорда.

– С вами хочет побеседовать полковник Блэкмор, – терпеливо повторил шеф.

– А где он? – удивленно крутя головой, спросил я.

– Перед вами, – хмыкнул Стрэдфорд.

– Вы имеете в виду этого лейтенантика, нацепившего полковничьи погоны?

– Вы забываетесь! – рявкнул полковник.

– А вы? – ответил я, пристально глядя ему в глаза.

– Ладно, – сбавил он обороты. – Хватит паясничать. Меня интересует, что произошло с командой «Летучих мышей» в виртале?

– Летучих мышей? Это таких маленьких, сереньких, с кожаными крылышками?

– Прекратите, Хопкинс, – устало сказал полковник. – Неужели вы не понимаете, что мне очень важно узнать как погибли мои люди? – и немного помолчав добавил: – Хотя бы для того, чтобы это не повторилось…

– Ладно, – неожиданно мне надоело валять дурака. – Как вам угодно, сэр. Ваших спецназовцев перебили хаанские воины.

– Кто? – не понял полковник.

– Нарисованные монстры из «Вторжения», – пояснил я.

– Что такое «Вторжение»?

– А вы что, не знали, куда посылаете своих людей?

Полковник опять смерил меня взглядом, и я уже решил, что на этот вопрос он отвечать не подумает, но ошибся.

– У нас были ваши виртуальные координаты. Отряд забросили в нужный квадрат.

– Вы находились тогда в игре?! – дрогнувшим голосом спросил. – Но каким образом? Мы же полностью свернули локальную сеть, стерли, все, что в ней находилось. Я думал, вам удалось улизнуть через виртуальную проекцию кабеля…

– Не угадали! – перебил его я.

– Но это же невозможно! – Стрэдфорд вскочил с кресла и начал нервно ходить по кабинету, о чем-то размышляя вслух.

– Нет, невозможно, – бормотал он. – После стирания, мы отключили серверы, обслуживающие сеть. Значит, все игры должны были попросту исчезнуть.

– Но только не эта, – тихо сказал я, потому что мне и самому стало как-то неуютно.

– Нет, вы скажите, – Стрэдфорд посмотрел на меня испуганными глазами, – как может существовать игра, если отключены механизмы, создающие само виртуальное пространство?

– Есть много, друг Горацио, на свете… – пожал я плечами.

– Можно, я тоже задам наконец вопрос? – терпеливо спросил полковник.

– А? Да-да, – рассеяно ответил шеф, продолжая метаться по кабинету.

– Как выглядели эти самые хааны?

Я поежился.

– На редкость мерзкие твари. Наверняка, программисты, создававшие эту игру, были людьми мрачными, хотя и не лишенными столь же мрачного юмора.

– Меня не интересуют программисты, – отрезал Блэкмор.

– Жаль, – вздохнул я. – Вдвоем мы начистили бы им физиономии с большей эффективностью. Ну ладно, хааны – это существа, которым и руки, и ноги, и все на свете заменяют белые полые трубки, плюющиеся зеленой слизью. Совсем недавно такую тварь нашли в штате Огайо, о чем вы, наверняка, осведомлены. Это ведь ваша заслуга? – поскольку полковник ничего не сказал, я повернулся к Стрэдфорду. – Или наша?

– Вы с ума сошли! – завопил шеф, яростно глядя на меня. – Как нарисованные существа могут убить человека? Как виртуальное создание может попасть в реальный мир? Вас, любезный, надо лечить. Да-да! В сумасшедший дом, в кампанию таких же ненормальных!

Полковник же снова внимательно посмотрел на меня.

– Вы в уверены в том, о чем рассказали?

– Как и в том, что я сейчас нахожусь в штаб-квартире ЦРУ, – устало ответил я, понимая, что опять ошибся в своих предположениях.

Наконец Блэкмор ушел, а шеф немного успокоился и продолжил разборку со мной.

– О работе в нашем отделе теперь не может быть и речи, – заявил он. – Но мне поручено составить специальную группу из людей, хорошо ориентирующихся в виртуальности. Только не возомните о себе, что вы Бог виртала. Просто вы – единственный человек, который знает, как можно выйти на Зону Сброса или, как вы назвали это место, мусорную свалку.

– Зачем она вам? – не выдержал я.

– Не ваше дело! – Стрэдфорд сердито воззрился на меня. – На эту цель мы обязаны выйти. Любым способом.

Я даже встрепенулся. Ага! Прижали тебе хвост, причем, хорошо прижали. Это замечательно, это просто прекрасно, это значит, что я могу выдвинуть и некоторые встречные условия. И я сказал:

– Ну что ж. Я согласен на ваше предложение. Но после выполнения задания, вы меня полностью реабилитируете и отпустите на все четыре стороны.

Шеф скривился, будто проглотил килограмм лимонов, но все же, скрипнув зубами, ответил:

– Мы это предусмотрели. Документы на ваше освобождение готовы. Но вы их получите, только после того, как будет

ликвидирована проблема.

– По рукам, – ухмыльнулся я. – Когда приступим?

– Группа уже готова. Завтра отправляетесь в Дакар.

– Почему туда? – мой голос дрогнул. Очень уж не хотелось мне снова встречаться с хаанами. Это ж чистое самоубийство!

– У вас есть другие предложения?

– Да. Я ведь действительно не знаю, как попал на свалку. Подозреваю, что это чистая случайность. Но странных существ я видел и в другом месте…

– Где? – заинтересовался Стрэдфорд.

Я пояснил. Шеф пожевал губами, что-то прикинул.

– Хорошо, – согласился он наконец. – Для начала отработаем этот вариант. Считайте, что карт-бланш в ваших руках. Но учтите, эти неограниченные полномочия распространяются только на ваши розыскные действия и не больше.

Я кивнул и спросил:

– А кто входит в состав группы?

– Филетти, Смит и мисс Тренси.

– Она теперь курьер? – удивился я.

– Нет, но виртуальность знает по меньшей мере не хуже вас, – подпустил шпильку Стрэдфорд.

– А спецназа не будет? – не остался в долгу я.

– Не смешно, – шеф растянул губы в злой гримасе. – Впрочем, можете хоть сейчас отправляться в свой родной Стрэнк.

– Ладно, не стоит горячиться, – вздохнул я. – Приз стоит того, чтобы попотеть. Теперь вы, наверное, рады, что не стерли меня вместе с локальной сетью АФРИКАНЕТа…

За дверью ждал Бруно, радостно бросившийся мне на шею.

– Жив, чертяка! А я тут с ума сходил, когда за тобой устроили охоту с борзыми. Ну ничего, виртуального курьера голыми руками не возьмешь!

Я тоже был рад встрече с ним. Правда, тут же мелькнула мысль о Маргарет Тревор, свидание с которой мне еще только предстояло. Ну да Бог с ней, с этой роковой для меня женщиной, из-за которой я страдаю уже почти год. Пусть ей хорошенько икнется, а я лучше пойду с Бруно в нашу комнатенку и выпью пива, которое этот стервец, наверняка, припас для такого случая.

Вертолет, разрывая винтами воздух, шел над пляжем. Мы летели к тому месту, где в океан уходит трансатлантический телефонный кабель. Мы – это команда, которую создал Стрэдфорд плюс один из братьев-близнецов Обермайеров, напросившийся с нами в виртал. Оказывается, этот теоретик ни

разу там не был, потому что «мама не разрешала». Смех и грех!

– Думаете, приятно заниматься виртуальностью, ни понюхав ее, да пальчиками как следует не пощупав, словно женщину за соски? – орал Абрахам, заглушая вой винтов. – А тут еще подтверждается моя старая гипотеза, что виртуальность может жить сама по себе. Вот и хочу своими глазами посмотреть – прав я был или заблуждался.

– Увидите, – крикнул я, – если, конечно, повезет.

– Ага, как же, – хмыкнул Смит. – Вторую неделю мотаемся взад-вперед и все без толку.

Что я ему мог сказать? Точку, откуда я попал на корабль определить не удалось. «Где-то у берегов Африки» – координаты более, чем туманные. По какому кабелю я уходил из Лэнгли, тоже неизвестно. Ребята Стрэдфорда с ног сбились, но вычислить его не смогли. Вот и приходится действовать методом тыка. Пока без каких-либо результатов. Но и оставлять реплику Смита без внимания тоже нельзя: я, как-никак, формально руковожу поисками. Поэтому создаю на физиономии выражение уверенности и кричу:

– Сегодня нормально нырнем! Куда следует. У меня предчувствие.

– Мы вас за язык не тянули! – орет Обермайер.

И все хохочут. Кроме Кэрол-Маргарет разумеется. Она мрачна, как и в остальные дни, что мы работаем вместе. Простить, видимо, не может, что я раскрыл ее инкогнито. А мне плевать. У меня из-за нее гораздо больше неприятностей. И еще – я никак не могу определиться, как ее называть. Кто она на самом деле? Приходится изворачиваться, находить какие-то безличностные формы. Наверное, со стороны это выглядит невероятно глупо…

А за стеклом – океан, синий и бескрайний. По нему стрелой летит к горизонту солнечная дорожка, чтобы ударившись об Африканский берег, рассыпаться тучей звездных осколков в пене прибоя. Нет, какие бы миры не создавали программисты, не сравнить их с реальной матушкой-Землей! Разве в виртуальности сирень по-настоящему пахнет сиренью? Бледное подобие и только. Только те, у кого отвердело сердце и жизнь кажется в тягость, могут уйти в виртуальную реальность навсегда…

– Мы на месте, – повернувшись к нам, кричит пилот. – Снижаюсь до предельно допустимой отметки.

Я киваю и натягиваю на голову шлем. Все делают то же самое.

Сегодня мы прыгнем воду и, взявшись за руки, нырнем как можно глубже, чтобы достичь условий, максимально

приближенных к тем, что были тогда, когда я попал в тот странный туннель.

Это опасно, я знаю. Но другого выхода нет. И дело даже не в постоянном брюзжании Стрэдфорда. За последнюю неделю зафиксировано тридцать два нападения виртуальных монстров на людей. Хаанов, правда, не появлялись, и я уже сомневался, что в Огайо нашли останки именно этого урода. Виртуальных страшилищ мы называем теперь «вирусами». Они ведь и на самом деле оказались компьютерными вирусами, только одушевившимися и принявшими донельзя отвратительную форму – виртал придал им облик, соответствующий содержанию… Каким образом? Для этого мы и разыскиваем этот чертов туннель. Стрэдфорд уверен, что там найдется ответ на многие вопросы.

Вертолет быстро снижается. Вот он уже завис над водой, взбивая под собой пену, словно миксер. Я гляжу в образовавшуюся воронку и жду приказа.

– Можно! – кричит наконец пилот, и мы один за другим прыгаем в воду.

Хорошо, что сейчас лето. Впрочем, в этих местах вода и зимой теплая и ласковая, как женские руки.

Я проводил глазами уходящий в сторону вертолет и поплыл к Бруно. Остальные тоже гребут к нему. О слаженности действий мы договорились заранее. Наконец, все взялись за руки, включили синхронизацию компов, выставили таймеры на десятисекундное ожидание, и я громко скомандовал:

– Глубокий вдох! Ногами больше не болтать. Погружаемся!

Мы резко подняли руки вверх и начали медленно уходить в глубину. Интересно, видит ли вертолетчик наше «синхронное плавание»? Небось глаза у бедолаги на лоб полезли.

Вот и «переход». Наверное, в миллионный раз чувствую, как выворачиваются внутри кишки. Хлоп – и мы уже в виртале.

Осматриваемся. Обычный кабель – никаких монстров.

– Опять пустышка, – зло фыркает Маргарет-Кэрол, но я ее недовольство игнорирую.

– Попробуем еще раз?

Никто не против, только мисс Тренси-Тревор молчит, как всегда. Плохо, конечно, что нет слаженности в команде. Но выбирать не приходится.

Выныриваем возле самого дна. Но здесь до поверхности недалеко. Вот и воздух. С жадностью наполняем легкие и готовимся к следующему прыжку в виртал…

Мы прыгали туда и обратно раз десять. Безрезультатно. Что ж, придется пробовать другой способ проникновения в таинственный туннель. Скорее всего, мы с Бруно отправимся в

телефонный кабель через виртуальность и где-то на середине пути «выпрыгнем» в океанскую глубину.

Только получится ли что-нибудь из этой затеи? В этом я абсолютно не уверен. А что делать? Идти в таинственную Зону Сброса через корабль хаанов? Благодарю покорно!

Впрочем, тот день запомнился мне отнюдь не бесполезными вылазками в виртал…

Обермайер, как я и думал, скис после второго погружения. Хорошо еще, что вертолет, сбрасывавший надувной плот, на котором мы отдыхали между погружениями, оказался неподалеку. По лестнице теоретик-виртуальщик подняться не смог, и мы потратили немало сил и времени, одевая на него спасательную сбрую. Наконец Обермайер, сопровождаемый нелестными выражениями и с воды и с воздуха, повис под брюхом вертолета на манер сосиски, привязанной на веревочке, а потом пилоту удалось затянуть его в чрево летательного аппарата. Мы же перешли к погружению парами. Все предыдущие дни я работал с Бруно, но на сей раз Кэрол-Маргарет обнаружила какую-то неисправность в снаряжении, Смит был уже в воде, и Филетти пришлось последовать за ним без промедления. Я остался вдвоем с женщиной, принесшей мне столько бед.

Несколько секунд в воздухе висела напряженная тишина. Наконец мисс Тревор-Тренси брезгливо оттолкнула кусок загустевшей нефти, прибитый волнами к плоту, и негромко произнесла:

– Изумительное свойство загадить все, до чего можно дотянуться…

Эта реплика вполне могла относиться к человечеству в целом (тем более, что неподалеку по воде расплывалось большое радужное пятно), но я принял ее на свой счет.

– Вы мне исковеркали жизнь и при этом меня же ненавидите. Не находите, что это выглядит несколько нелогично?

– Что? – ее глаза встретились с моими. – А… Странный вы человек, Хопкинс, – она смотрела на меня с каким-то недоумением. – Впрочем, не буду скрывать, было время, когда я испытывала к вам сильнейшую, скажем так, неприязнь. Помнится, однажды даже ее высказала… А потом поняла, что это попросту глупо. Ведь, в сущности, кто вы такой? Обычный представитель homo sapiens, причем, далеко не самый плохой. Трепыхаетесь, пытаетесь бороться. Пусть даже с ветряными мельницами… Нет, ненавидеть нужно не вас.

– Кого же?

Она отвела взгляд, наполовину отвернулась, я увидел ее лицо в профиль и в который раз невольно подумал, насколько же

совершенной может быть красота… А потом зазвучали слова, задевшие меня и обидевшие. Слишком прозрачен был намек:

История достойная Рабле:
бросались крысы в водяную муть.
И столько было их на корабле,
что он внезапно перестал тонуть.
Вокруг меня мильён крысиных морд,
и в зеркале такой же мизерабль…
Вот хлынем мы однажды через борт —
тогда, глядишь, и выплывет корабль.[1]

– Замечательно! – саркастически хмыкнул я. – Вот только кому нужен корабль без экипажа, абсолютно пустой?

– А с каких пор крысы зачисляются в экипаж?

– Значит, по вашему, люди ничем не лучше крыс? Мы всего лишь паразиты, а цивилизацию нашу создал неизвестно кто. Может быть, зеленые человечки, а то и вовсе – мыслящие машины. Именно поэтому, происходящее в последнее время вы считаете совершенно нормальным? – возмутился я.

Женщина пожала плечами.

– Не знаю. Мне это абсолютно безразлично. Какая разница, каков будет конец, если человечеству его уже не избежать?

– Даже так? – зло спросил я.

– Знаете, Эндрю, – голос ее был тих и печален, – мне очень часто приходит на ум легенда о том, что скорпион, оказавшийся перед лицом неминуемой гибели, убивает себя ударом собственного жала.

«Дались им эти скорпионы! – раздраженно подумал я. – Бруно придумал компьютерного, Маргарет-Кэрол поминает реальных…»

А женщина продолжала говорить:

– Легкая смерть… А человечество наносит себе ядовитые удары Бог знает сколько лет и поколений. Итог предопределен, вопрос в одном, когда все кончится: сегодня или чуть позже…

– И если очередной удар нам нанесут порождения виртала, вас это нисколько не расстроит? Тем более, что вы к этому тоже приложили руку!

– Господи! – она искренне рассмеялась. – Неужели вы думаете, что именно безобидная проделка Маргарет подтолкнула человечество к последней черте? Да оглянитесь же вокруг! Наша цивилизация насквозь прогнила. Мы хапаем все, что природа создавала в течение миллионов лет, а что производим в замен? Одни отбросы…

– Зачастую довольно роскошные, – пробурчал я.

Она пристально посмотрела на меня:

– Что ж… В этом вы правы. И я не могу считать себя абсолютно безгрешной. Что делать, Маргарет, создавая нас, избавилась от некоторых черт характера, которые ей мешали. Лоре достался азарт, мне – сибаритство…

– Что же мисс Тревор оставила себе? – не удержался я.

– Талант. Работоспособность. Умение находить выход из безвыходных, казалось бы, ситуаций. Не так уж и мало.

– Но если человечество обречено, какой смысл гениальной Маргарет барахтаться? – съехидничал я. – Да и стоит ли беспокоиться о кучке крыс и производителей отбросов?

– Стоит, Хопкинс. Стоит. Вы это и сами понимаете, не можете только четко сформулировать. Мечетесь между абстрактной заботой обо всем человечестве и любовью к себе несчастному, пытаетесь сохранить свободу, которой у вас никогда не было…

Несколько пузырей вырвались из воды рядом с плотом. Возвращались Смит и Бруно.

– Вот и все, – женщина насмешливо посмотрела на меня. – Даже нормально поговорить нам не удается. Хотя… Почему-то я уверена: завтра вы попытаетесь отыграться.

Но на следующий день мы не встретились, да и в виртал я так и не попал. И через неделю тоже. Появились дела более важные и серьезные, чем поиск «мусорной корзины» глобальной компьютерной сети…

Утром меня вызвал шеф. В кабинете у него опять был полковник Блэкмор. Судя по раскрасневшимся физиономиям «высоких договаривающихся сторон», разговор состоялся далеко не мирный. Интересно, что они не поделили? Увы, при моем появлении выяснение отношений закончилось.

Полковник сердито кашлянул, покосился на меня и произнес:

– Значит, договорились. Я возьму у вас этого парня на несколько дней.

– Что? – переспросил шеф, похоже, еще не отошедший от спора.

– Этот парень нужен мне на базе. Через пару дней я его верну.

Стрэдфорд скривился, потом кивнул, но, не удержавшись, все же сказал:

– Часового не забудьте к нему приставить. А то он шустрый. Потом гоняйся за ним опять по всему миру…

– Что вы, шеф! – сотворив ангельское выражение лица, проблеял я. – Как можно? Я же прекрасно помню о подписанном освобождении, которое лежит в вашем столе…

Джип трясло на каменистой дороге, словно это была не лучшая модель «лендровера», а древняя безрессорная телега с деревянными колесами. Иногда мне казалось, что ребра вот-вот влезут в живот, да там и останутся, медленно перевариваясь в желудочном соке.

– Вы что, бетонку не могли здесь проложить? – спросил я у полковника, когда тряхнуло особенно сильно.

Он посмотрел на меня как на круглого идиота. Понятное дело – секретная база Пентагона с подъездной бетонной трассой через всю пустыню! Бред, конечно, полный. Да и общества по охране природы разорались бы наверняка, когда б так испохабили Долину смерти. И без того Пентагону с трудом удалось добиться пересмотра статуса. Лет восемь назад это место еще считалось заповедником…

– А почему не вертолетом? – не сдавался я.

– Там нет места для посадки.

– Так сделали бы.

Опять тот же долгий, полный презрения взгляд.

Ну и черт с тобой!

Я уставился в окно, разглядывая унылые желтые скалы, опаленные солнцем россыпи камней и жалкие кустики, лишенные какой-либо листвы. В тени, которой здесь нет, плюс тридцать шесть по Цельсию, на нас же вовсю изрыгал охлажденный воздух автомобильный кондиционер. Но все равно, в кабине было едва ли градусов на десять меньше, чем за бортом, и мы потели во всю, тем более, что одет я был в грубую камуфляжную форму цвета хаки и высокие десантные ботинки, которые, наверное, уже до краев наполнились влагой.

Бр-р-р! Самому противно.

Сперва мы прилетели на военном транспортнике из Вашингтона в Лас-Вегас, потом нас доставили на вертолете в небольшой городок, расположенный на краю пустыни. Я так и не запомнил, как он назывался. То ли Битти, то ли Батти. Впрочем, какая разница?

Мы тут же пересели в джип и отправились в забытую богом местность, которую во всем мире знают как Долина смерти. Кажется, и я теперь понял, почему ее так называют – без кондиционера тут и часу не протянешь. Готов побиться об заклад.

Хорошо, что спорить со мной было некому. Я бы проиграл. Это стало ясно, когда впереди показались перекрывавший дорогу шлагбаум, сторожевая будочка без малейших признаков кондишин, и изнывающий в ее хилой тени, но вполне живой солдатик.

Он подбежал к джипу и отдал полковнику честь.

– Рядовой Ленокс, сэр. Проезд на базу запрещен.

– Что?! – взревел Блэкмор. – Я командир этой базы! Вы что, рядовой, меня не узнаете?

– Узнаю, сэр. Но мне отдан приказ…

– Кем?!

– Генералом Шваркопфом.

Я заметил, как побледнел полковник, как дрогнул его волевой подбородок. Он уже не орал, только тихо спросил у солдата:

– Что случилось, сынок?

– Я не знаю, сэр. Похоже, там идет бой.

Лишь теперь мне стало ясно, что за странные щелкающие звуки доносятся до нас уже добрую четверть часа. Я-то думал, что это тарахтит машина, подбрасываемая на ухабах…

– Проклятье! – дернулся полковник. – Почему мне ничего не сообщили?!

– С вами пытались связаться по каналу экстренной связи. Но нам сказали, что вы уже в пути.

– Почему не связались по рации с машиной?

– Я не знаю, сэр. Но мне запретили пропускать в зону кого бы то ни было.

– Что ты заладил, сынок? Я все понимаю, но ты ведь пропустишь своего командира?

– Никак нет, сэр.

Что-то здесь не клеилось. Но вот что – этого я никак не мог понять. Полковник же был настолько ошарашен, что, по всей видимости, не мог адекватно оценить ситуацию. Он выскочил из машины и принялся опять орать на солдата, я же тихо спросил у водителя:

– У тебя есть оружие?

Тот удивленно оглянулся, вытащил пистолет и… направил его на меня.

Я зажмурил глаза, вспоминая, чем мог так насолить Господу Богу, раз он любыми способами пытается отправить меня к своему воспитанничку в преисподнюю? Хотя, я еще раздумываю? Я не верил в тебя, Господи! Вот ты и решил поквитаться за неуважение к твоей небесной персоне…

Голос Блэкмора стих. Я осторожно открыл один глаз, затем второй и увидел сквозь лобовое стекло полковника, поднявшего руки вверх. Рядовой Ленокс втолкнул его в машину и сам забрался на заднее сидение.

Джип тронулся с места, и я облегченно вздохнул. Наша казнь откладывалась, и мне даже стало интересно, что тут произошло: военный переворот или полковник чем-то не угодил своему

начальству и его решили отстранить от дел?

Но оказалось, что я даже представить себе не мог, как далек был от истины…

Надрывно ревя мотором, автомобиль перевалил через холм, и передо мной открылась панорама базы. И все бы, пожалуй, соответствовало общепринятому представлению о секретных военных объектах, если б метрах в десяти над землей не висело… дискообразное НЛО.

В общем-то, оно было не очень и дискообразное, во всяком случае, совсем не походило на НЛО, которое мы привыкли видеть на картинках и любительских снимках. Формой эта штука напоминала морского ската – полукруглая носовая часть с квадратными прорезями, над которыми, словно брови, висели бронированные щитки, и треугольный вытянутый хвост. А еще из нее торчали массивные стволы пушек, направленные в небо…

То, что дисколет не был делом рук человеческих, я понял сразу. Слишком больших размеров он был да и висел в воздухе просто так, не выбрасывая никаких реактивных струй. Насколько я знаю, наши ученые еще не додумались до приборов, создающих антигравитацию.

Почему-то, при виде этой громадины, мне показалось, что нечто подобное я уже встречал. Причем, не так давно, но вот где – вспомнить не мог, и это злило больше всего.

Краем глаза я увидел отвисшую челюсть Блэкмора, и понял, что подобное зрелище и для него в диковинку. Выходило, что пока он катался за мной в Лэнгли, здесь что-то произошло, причем, что-то из ряда вон выходящее – какой там переворот или отстранение от должности!

Злился я и на полковника, который так и не рассказал, для чего тащил меня в эту пустыню через полконтинента. Иначе, кто знает, может и появились бы у меня хоть какие-то идеи, касательно происходящего. Но увы, оставалось лишь, разинув рот, наблюдать за приближающейся тушей звездного корабля.

«Блэкмор вез меня, чтобы показать нечто такое, что я уже видел в виртале. – принялся размышлять я. – Все правильно, это и есть та пентагоновская база, где военными изучается виртуальная реальность. Именно отсюда забросили в ВР „летучих мышей“, из-за гибели которых полковник и отправился в Лэнгли на первую встречу со мной…»

Я попытался вспомнить наш разговор в кабинете Стрэдфорда. Шеф тогда ходил по комнате сам не свой, причитая, что игра не могла существовать при выключенном сервере, полковника же интересовало, как выглядели твари, уничтожившие его людей.

Господи! Уж не затем ли он вез меня сюда, чтобы показать хаана? Живого или мертвого.

Я еще раз более внимательно посмотрел на дисколет и понял, что не ошибся. Именно такой я видел тогда в игре, только пандус у него был разворочен. Значит…

И тут я заметил самих хаанов. Они были вооружены и позли к какому-то приземистому одноэтажному зданию, стоявшему в стороне от остальных. Тут же послышалась звуки стрельбы, и хааны залегли, открыв ответный огонь.

Мысли метались в моей голове, как пичуги, попавшие в сети птицелова, и я пытался ухватить их верткие тельца, открывая для себя все новые, все более пугающие факты.

Похоже, единичными случаями все это уже называть нельзя. Произошел настоящий прорыв виртуальности в реальность. Монстры «мусорной корзины» и хааны – это только начало. Дальше в реал попрет все, что мы создали ради развлечения бездельников и любителей острых ощущений в домашних условиях. Большинству из нас свойственна патологическая тяга – включить компьютер и затеять кровавую пальбу. Никакой реальной опасности, зато можно выпустить пар, снять, как сейчас говорят, стрессовое состояние. Ведь это так удобно – клац на кнопку, и ты уже супермен, ты уже можешь выместить зло на несуществующих врагах, мысленно представляя реальных недругов, тех, кто портит тебе кровь на работе или дома, или еще где. Компьютерные игры – это своего рода «куклы для битья», которых еще в прошлом веке придумали японцы. Но разве мог кто-то даже на миг допустить, что и куклы могут дать сдачи?

Я вспомнил вопрос, который задала мне Кэрол, когда Смит с Филетти уже подплывали к плоту.

– Скажите, Эндрю, – спросила она, – вы можете назвать мне хоть один виртульный мир, в котором вам хотелось бы жить? Не убивать время, не оттягиваться, а именно жить.

Я не успел ей ответить, да и вопрос показался нелепым, не имеющим отношения к нашему разговору, но вечером того же дня я о нем вспомнил. Долго думал и… не нашел ответа.

Господи, какого страшного джина мы выпустили из бутылки! Ведь человечество давно уже осознало, что каждое новое техническое открытие, прежде всего, оборачивается во вред ему самому. Но мы ненасытны. Нам мало виртуальных ощущений. Мы захотели забраться в виртал сами со своим несовершенным телом и гнилыми помыслами. А для чего? Что мы там забыли, в мире, который сами же и создали себе на потеху? Кто может ответить на этот вопрос?

Разумеется, открытие перехода материальных тел в

виртуальность сравнимо с чудом или волшебством. Но ведь волшебники не всегда бывают добрыми, а их дела – благостными. Страшнее же всего то, что мир еще не догадывается о грозящей ему катастрофе. Он, как доктор Фауст, пока не подозревает о существовании Мефистофеля, уже вышедшего на поиски душ человеческих…

А пальба на базе все не затихала. Полковник ерзал на сидении, видимо переживая за своих людей, пытавшихся еще сопротивляться.

– А вы то что?! Предатели! Они вас перекупили! – орал он то на водителя, то на Ленокса.

Те молчали, будто не слыша его яростных воплей, и потому я ответил за них:

– Не нервничайте, полковник. Это зомбирование. Хааны могут подчинять людей своей воле при помощи телепатии.

– Откуда вы знаете? – удивленно посмотрел он на меня.

– Вы забыли? Я уже встречался с этими тварями в виртуально…

– Молчать! – рявкнул Ленокс и ударил меня кулаком в лицо.

Из носа хлынула кровь, и я резко запрокинул голову, пытаясь унять кровотечение.

– Три дня назад часовой подстрелил одно из этих чудищ. Мы никак не могли понять, откуда оно взялось на территории базы, – скороговоркой произнес полковник и тут же получил от Ленокса свою «порцию».

Правда, удар Блэкмор выдержал профессионально, без красной юшки, которой я все еще умывался. И тем не менее, он так и не решился продолжить свой рассказ.

Да и в принципе, что он мог еще добавить? Что передал сообщение в штаб, и ему ответили, чтобы он ждал комиссию. Но по каким-то причинам приезд ее отложили, и тогда Блэкмор помчался в Лэнгли, за парнем, который уже встречался с хаанами. Впрочем, все могло быть и по-иному – не суть важно. Ясно одно – пока еще никто не ударил в набат, не встревожился по-настоящему. Иначе военные давно уже оцепили бы весь квадрат.

А вообще, чего я гадаю? Может, комиссия и работала, но ее вместе с гарнизоном накрыли хааны? Нет, и впрямь я кретин, нашел о чем думать в такую минуту! Сейчас надо соображать, как выпутаться из этой истории, а не ломать голову над вопросами, которые вполне могут оставаться без ответов. И ничего при этом не произойдет. Ну, будет у меня информации чуть больше, нежели раньше, а что в ней проку? Действовать надо, а не думать.

Мы с полковником сидели на заднем сидении, Ленокс – рядом с водителем, но повернувшись так, чтобы видеть нас обоих.

Однако при всем желании, он не мог наблюдать за моими руками. И это была оплошность. Не его, конечно, а хаанов, которые его контролировали. Впрочем, я не знал, как использовать эту ошибку. Начать возню и получить пулю в лоб мне совершенно не хотелось. Так что оставалось ждать подходящего момента, если конечно он представится…

И вновь накатили мысли…

«Нет, даже в страшном сне не могло привидиться, что рисованные невсамделишные персонажи компьютерной игры, вдруг оживут и станут вполне реальными и осязаемыми. Интересно, наделены они зачатками разума или действуют согласно алгоритма, созданного программистами? Скорее всего, последнее. Разум – вещь уникальная и достаточно сложная, чтобы появиться у одухотворившихся графобов. Но легче ли нам будет от этого? Ведь они были созданы ради одной цели – убивать. Причем, убивать не кого-нибудь, а нас, людей».

Но тут же вскинулся я-оптимист.

«Не говори ерунды. Одно дело бороться с разумными бестиями, другое – с животными. Да-да, именно животными. Ведь поведение, согласно выработанной, неизменяемой программе – это тот же самый инстинкт!»

«Ага, – встал на дыбы пессимист, – это где ты видел животных, летающих на боевых космических кораблях?!»

«В любом случае человек умнее и хитрее, – стоял на своем оптимист. – Можно найти программистов, создавших „Вторжение“ и узнать алгоритмы, по которым действуют хааны. А знать, как мыслит враг, как он поведет себя в той или иной ситуации – это равносильно победе».

«А про телепатию ты забыл? – не сдавался пессимист. – Они натравят нас друг на друга, и, чтобы подчинить себе наш мир им самим даже воевать не придется».

«Вот это, действительно проблема!» – согласился оптимист.

«Значит, я все-таки прижал тебя к стенке?»

«Ну уж нет! Есть и другие способы справиться с этой дрянью. Уверен, что они абсолютно не будут знать, как действовать, если и мы будем вести себя неадекватно».

Черт! А ведь, похоже, это и впрямь выход…

– Остановите машину! – громко приказал я.

Ленокс удивленно уставился на меня.

– Вы поступаете в мое распоряжение.

Но по-прежнему на меня было направлено дуло пистолета, а водитель выжимал педаль акселератора, не собираясь притормаживать.

«Неужели не прошло?» – с тоской подумал я, не собираясь все

же сдаваться.

– Я верховный хаан. Именно я руковожу операцией!

– Нам не отменяли предыдущего распоряжения, – без всяких эмоций ответил Ленокс.

Черт, почему я не гипнотизер?! Хотя… Я вспомнил, как сопливый помощник Бена Берримора побежал вешаться в туалет, и, зажмурив глаза, попытался внушить Леноксу приказ отдать мне оружие.

И тут же накатила знакомая душная волна…

– Ты один из нас, – зазвучало в мозгу, но давление было гораздо слабее, чем там, на корабле хаанов. Похоже, увлеченные боем твари выходили на меня опосредованно, через зомбированных солдат.

Черта с два! Я человек! И рядом со мной находятся люди. Мы не марионетки. И не вам управлять людьми, гнусные твари!

Казалось, моя голова расколется от боли, но в этот момент полковник, который, похоже, гипнотического влияния хаанов не ощущал, начал действовать.

Покуда Ленокс продолжал пялиться на меня, Блэкмор резко выкинул руку и выхватил у него пистолет. Мгновением спустя оба солдата, оглушенные мощными ударами полковника, оказались в отключке.

– За руль! Быстро! – рявкнул Блэкмор, открывая дверцы и выкидывая на дорогу тела водителя и Ленокса.

Машина, потерявшая управление, достаточно быстро катилась под уклон. Я поспешно перелез через спинку сидения и надавил на тормоз.

– Не останавливаться! – заорал Блэкмор. – Вперед!

– Может, пока на нас не обратили внимания, попытаемся выбраться отсюда? – пролепетал я.

– Там мои люди! – прорычал полковник. – Хочешь – выметайся из машины или гони прямо к зданию, которое осаждают эти твари.

– Но нас же расстреляют в упор!

– А так нас прикончат в спину.

Может, он и прав? Неожиданность – мать атаки.

Я вдавил педаль акселератора до упора и погнал джип к зданию, которое пытались осадить хааны.

Тем временем полковник вышиб каблуком сапога лобовое стекло и выщелкнул обойму, проверяя, есть ли в пистолете патроны.

«Ну почему мне так везет?! – беззвучно ныл я. – Едва из одной истории выпутаешься, только оглядишься по сторонам, ба! а ты, оказывается, уже давно в другую влип! Или свойство у меня

такое – как магнит, неприятности к себе притягивать? Так мне это ни к чему. Совершенно ни к чему».

Хааны уже заметили мчащийся джип, и открыли беспорядочную пальбу. Полковник тоже начал стрелять, причем, достаточно метко. И все равно мы бы не проскочили, не заметь нас обороняющиеся, которые открыли шквальный огонь и заставили хаанов залечь.

Я притормозил возле самого входа и, выскочив из машины, шлепнулся на землю, слыша, как за железной дверью ворочается что-то тяжелое. Похоже, оставшиеся в живых защитники базы забаррикадировались и теперь убирали завалы, чтобы мы с полковником могли попасть внутрь.

– Побыстрее! – взмолился я, понимая, что в любой момент пришельцы могут разнести в клочья и машину, и меня вместе с ней.

Но парней не надо было подстегивать. Они сами были рады, что появилось нежданное подкрепление, да еще в лице самого командира базы. Во все времена ничто так не поднимало боевой дух солдат, как появление впереди войска командира на лихом коне да еще и с шашкой наголо.

Наконец, дверь приоткрылась, и мы заскочили внутрь. Здесь было очень жарко, воняло пороховой гарью и под ногами звенели гильзы. Несколько человек в изодранной в клочья униформе, чумазых и потных обступили нас. Кто-то улыбался, кто-то, наоборот, хмуро смотрел на полковника. А сзади них грудой были свалены столы и стулья, огромные чаны и кастрюли, пустые консервные банки и какое-то дырчатое железо.

– Это все? – обводя глазами своих людей, спросил Блэкмор.

– Еще двое на кухне, сэр, – ответил сухощавый, обросший рыжей щетиной верзила в форме лейтенанта.

– Плохо, – сказал Блэкмор, – очень плохо. Со штабом связались?

– Так точно сэр. Они выслали вертолеты, но, кажется, их перехватили эти, – лейтенант кивнул в сторону летающей тарелки.

– Вы сообщили о провалившейся акции штабу?

– Нет, к тому времени, рация уже не работала, а видеокомпов, сами знаете…

– Ладно, – выдохнул полковник, оборвав офицера на полуслове. – Все по местам.

Нам сунули в руки по автомату, и солдаты поспешили занять позиции возле окон, скалящихся зубами осколков. Я тоже подошел к одному из проемов, осторожно выглянул наружу.

Было тихо, даже хаанов не видно в этом нагромождении

раскаленных белых камней. Лишь по небу не спеша проплывали облака, да дисколет висел на прежнем месте.

«Интересно, – подумал я, – почему они пошли на штурм? Не проще ли было разнести в пыль этот домишко, пальнув в него из пушки. Или, в самом деле, они действуют согласно алгоритму, и корабль может вести огонь только по летающим объектам? Нет, опять это всего лишь догадки. На самом деле может быть все что угодно. Например, хааны экономят заряды или же считают, что легко справятся с горсткой защитников, не прибегая к „тяжелой артиллерии“.»

Я оглянулся, и увидел неподалеку лейтенанта, что-то с жаром рассказывающего Блэкмору. Пришлось напрячься, чтобы услышать его слова.

Оказалось, он рассказывал, как позапрошлой ночью часовые подняли тревогу, как из ВР-ангара поперла эта нечисть, вооруженная до зубов, как в течении двадцати минут был почти полностью перебит личный состав базы, и как лейтенанту с остатками его роты удалось пробиться сюда, в офицерскую столовую. А вчера, разворотив ангар, из ниоткуда возникла летающая машина. Солдаты были в панике, не понимая, откуда взялись эти странные существа, и лейтенанту с трудом удалось восстановить дисциплину. Потом они ждали подкрепления, но оно так и не пришло. И вот, уже два дня они отбивают атаки пришельцев, теряя людей и не веря, что хоть кому-то удастся уцелеть.

Я в это тоже не верил, и еще не понимал, почему хааны до сих пор не зомбировали эту горстку людей, подчинив их своей воле?

Подойдя к лейтенанту поближе и выждав, когда пауза в его рассказе будет достаточно длинной, я задал ему этот вопрос. Офицер сперва непонимающе смотрел на меня, а потом пробормотал:

– Вообще-то, было что то подобное… У рядового Уиллиса сдали нервы, и он, выпрыгнув из окна, попытался убежать в пустыню, но тут же напоролся на этих тварей. И что, вы думаете, произошло? Он развернулся и начал стрелять в нас. Мы даже обалдели сперва, но убить своего же не решились.

Полковник пристально посмотрел на меня и спросил:

– Эти сведения могут хоть чем-то нам помочь?

– Не знаю, – честно сознался я, – но мне кажется, что хааны обладают не очень-то сильной телепатией, точнее, действует она на небольшие расстояния.

– А как же Ленокс и Харт?

– Я сказал о расстоянии, а не о продолжительности действия.

Водителя за вами прислали с базы? Я правильно понимаю?

– Да. Из Лас-Вегаса я телефонировал сюда, чтобы выслали машину.

– Вот нам и прислали зомби. Они заранее знали…

Я осекся. Черт, как хааны могли спланировать эту операцию, не обладая хотя бы зачатками разума?! Неужели это все-таки возможно?.. Еще один пока неразрешимый вопрос. Как их много, этих вопросов и как мало ответов!..

– Вы что-то хотели сказать? – спросил Блэкмор.

– Нет, ничего, – пробормотал я и отошел обратно к окну.

За ним ничего не изменилось. По-прежнему ползли по белому раскаленному небу рваные клочья облаков, и земля, истерзанная солнцем, была такой же бугристой, застывшей и мертвой. Хаанов нигде не было видно. Они то ли спрятались за камнями, то ли отошли к летающему блюдцу.

Я отвернулся от окна и обратился к полковнику:

– Послушайте, Блэкмор, мы здесь либо превратимся в иссушенные мумии, либо какой-нибудь бестии рано или поздно удастся подобраться к зданию достаточно близко и накрыть нас телепатемой.

– И что же вы предлагаете? – исподлобья посмотрел на меня полковник.

– Надо попытаться пробиться.

– А дальше что? Вы сможете пройти сорок миль по пустыне до ближайшего городка.

– А если попробовать ночью?

– Ночью здесь тьма такая, что собственного носа не видать, – сказал лейтенант. – Свернуть голову в этих камнях проще простого.

– Нет, все правильно, Сэм, – покачал головой Блэкмор. – Этот парень мыслит верно. Отсиживаться бессмысленно. Я не уверен, что кто-то сможет сюда пробиться извне, так что будем рассчитывать только на свои силы. Кто у нас на кухне?

– Маклейн и Смилич. Там одно окно, так что двух человек вполне хватает.

– Здесь тоже оставьте двоих, а остальные – за мной, – приказал полковник.

Он резко повернулся и пошел к двери, которая, как я понял, вела на кухню. Лейтенант удивленно посмотрел командиру в спину, но отдал короткую команду и последовал за Блэкмором. Я тоже решил не отставать.

В кухне оказался еще больший бедлам, чем в самой столовой. Зачем было переворачивать тяжеленные кухонные плиты вместе со всей утварью, я так и не понял. Но передвигаться здесь надо

было предельно осторожно, чтобы не сломать себе ногу или не напороться на какой-нибудь тесак.

Поэтому я лишь мельком глянул на две чумазые физиономии, радостно скалящие зубы при виде бодро шагавшего к ним полковника, да на труп с развороченной грудью, лежавший в луже крови возле стены, и теперь смотрел только под ноги. Впрочем, это не помешало мне увидеть гримасу на лице Блэкмора, согнувшегося над убитым.

– Кто это? – спросил он.

– Сержант Кэтч, – ответил лейтенант.

– Так чего вы его отсюда не уберете?

– Он погиб час назад. Дожидаемся ночи.

Полковник выпрямился, повернул лицо к стоявшим возле окна солдатам.

– Маклейн.

– Да, сэр.

– Пойдешь в столовую, а Смилич останется здесь. Постарайтесь удержать периметр до нашего возвращения.

Несколько пар глаз удивленно уставились на Блэкмора, но вопрос задал лейтенант:

– Простите, сэр. Разве мы куда-то уходим?

– Да. И прямо сейчас.

Он повернулся к солдатам, толпившимся у входа.

– В полу должен быть люк. Надо его найти. И чем быстрее мы это сделаем, тем лучше.

– Кажется, я на нем стою, – сообщил я, все еще продолжая пялиться себе под ноги.

– Ага! Это он, – радостно подтвердил полковник. – Тяните ручку на себя.

Я сошел с крышки люка и, ухватившись за ручку, отодвинул заслонку в сторону. В нос ударил запах мокрого бетона, аммиака и человеческих испражнений. От такой адской смеси меня даже передернуло.

– Это что, канализация? – спросил я.

– Нет, федеральное шоссе номер три, – хмыкнул Блэкмор, и солдаты за моей спиной недружно загоготали.

Не обращая внимания на их смех, я заглянул в отверстый зев люка и увидел металлические скобы, уходящие глубоко под землю. И еще я увидел там свет, который натужно выдавливали из себя пыльные, покрытые паутиной светильники с металлическими защитными сетками.

Почему-то мне совершенно не хотелось лезть в это смрадное нутро Долины смерти. Но полковник уже подталкивал меня в спину.

Под ногами хлюпала вонючая, зеленовато-мутная жижа. Полковник утверждал, что раньше здесь было практически сухо, впрочем, сам он не спускался в подземные коммуникации месяца два. За такой короткий промежуток времени здесь никак не могло накопиться столько мерзкой, булькающей тухлыми сероводородными пузырями, пакости, разве что забились канализационные отстойники. Но опять же, по словам полковника, забиться они не могли, потому что имели в глубину больше ста метров, да и диаметр их был порядка двадцати.

Как бы там ни было, мы медленно продвигались вперед, то и дело оскальзываясь на полукруглом полу и с трудом преодолевая сопротивление доходившей нам почти до пояса жижи. Через каждые десять метров с потолка мутно пялились блеклые, словно гнилушки, лампочки. Их света хватало лишь на то, чтобы выхватить из густой, плотной, почти осязаемой тьмы кусочек потолка да выделить желтым обручем зеленое, стоячее, сытно отрыгивающее пузырями болото.

Столько так шли – не знаю. Наверное, вечность. Несколько раз наш туннель пересекали другие, такие же бетонные, со стенами, покрытыми плесенью, все так же наполненные блеклым, гнилым светом и отвратительной жидкостью, из-за которой желудок выворачивало наизнанку.

Но мы шли не сворачивая. Так и должно быть – к конечной цели всегда ведет лишь одна прямая дорога. Черт бы ее побрал!

Вокруг были слышны только бульканье и ругань солдат. Кое-кто уже успел окунуться в жижу с головой и теперь проклинал все на свете, кроме полковника, разумеется. Я же поносил и его, правда, молча.

А потом мне показалось, будто Блэкмор предостерегающе поднял руку, и я едва не налетел на лейтенанта, мгновенно вросшего в пол. Непроизвольно сделав шаг назад, я оступился и ушел с головой в жижу.

Яркий свет пробился даже сквозь зеленую муть, даже сквозь закрытые веки. А потом он угас, но не совсем. И лишь когда я, с трудом нащупав дно, встал и продрал глаза, то понял, что это был за свет…

Еще горели, еще дымились обгоревшие туловища людей, еще высились они над гнилым этим потоком, медленно осыпаясь хлопьями пепла.

Я дико заорал и, развернувшись, рванулся назад, даже не пытаясь понять, откуда пришла эта невероятная и страшная смерть.

Не помня себя я то бежал, высоко задирая ноги, то пытался

плыть, выкладывая все силы, рвя жилы и ежесекундно всхлипывая. Мне было страшно, как никогда еще не бывало страшно за всю мою не такую уж и короткую жизнь.

Но самое удивительное – я опять остался в живых, и это уже нельзя было назвать просто чудом. Не могло мне так везти, потому что никому не может так везти, потому что ни одному человеку на свете не дано заглядывать столько раз в глаза смерти и плевать в эти самые, все знающие и терпеливые вежды. Смерть многое может снести, но только не презрение.

Я же брел по этой жизни среди трупов и развалин, теша себя мыслью, что и на этот раз костлявая проводит меня взглядом и вздохнет, сверяясь со своим реестром, в котором я, поди, уже на первой странице. Впрочем, я не брел, я бежал, сломя голову. Бежал от погибели своей и ей навстречу.

Я резко остановился. А действительно, куда я бегу? Обратно по туннелю, наверх, в столовую? Даже если те четверо еще живы, то все равно они долго не продержатся. Значит, туда нельзя. А куда можно? В этих подземельях можно бродить до скончания века, а можно и миг, если напорешься на всепоглощающее пламя.

– Ну и черт с вами! – заорал я. – Мне надоело бояться. Я сейчас просто уйду! Уйду домой, и вы оставите меня в покое, вы все, и люди, и нелюди. Ибо я не ваш, я сам по себе, я хочу всего лишь обладать самим собой.

Но я знал, что меня не отпустят, чувствовал: еще мгновение – и произойдет что-то такое, что не даст мне уйти, заставит продолжать этот бесконечный бег по кругу…

И точно – где-то неподалеку послышался громкий всплеск, будто кто-то с силой шлепнул по воде тяжеленной палкой. Чтобы попугать, чтобы получить удовольствие от того, что моя смелость испарится, как тухлый болотный туман.

Я и впрямь испугался. Я опять затравленно посмотрел по сторонам, все еще не видя опасности, не зная, откуда она может подкрасться, тихонько, на цыпочках, а потом громко заорать прямо в ухо:

– Бойся! Я пришла!

Трясущимися пальцами я сдвинул предохранитель и, не целясь, выпустил очередь в бетонную глотку трубы, затихшую после всплеска, словно она поперхнулась чужим, незнакомым звуком. Жижа взбилась фонтанчиками, вспенилась, пуская круги по поверхности и пузыри из глубин. Я задрал ствол чуточку выше и, злобно ругаясь, вновь нажал на курок. На этот раз пули громыхнули по бетону, завизжали, рикошетя, и раскидывая по сторонам искры и пригоршни громкого эха. Меня оглушило, и я разозлился еще больше. Теперь даже если где-то кто-то и решит

вновь поплескаться, вдохновляя меня на новые безумства, я его все равно не смогу услышать.

Прижавшись спиной к стене, я попытался разглядеть хоть какое-то движение. И мне это удалось. Не сразу, когда глаза уже вылезали из орбит, истекая слезами – лишь тогда мне померещился какой-то мерцающий, прозрачный силуэт.

Я направил на этот силуэт автомат и нажал на курок.

Дикий вопль разорвал барабанные перепонки, и я опять оглох. Наверное, навсегда.

А потом из призрака фонтаном ударила кровь, хотя и кровью-то эту салатную, светящуюся жидкость трудно было назвать. Но я знал, что это такое, потому что в игровых программах кровь у монстров почему-то зеленого цвета.

И в этот миг «призрак» стал обрастать плотью. Жуткое это было зрелище, леденящее. Вот проступили на фоне трубы длинные, блестящие серебристой тканью ноги и часть туловища, затем проявилась рука и ладонь другой с когтистыми, многосуставчатыми пальцами. Когда же материализовалась голова с лысым черепом, маленькими глазками и пастью, по краям которой торчали два острых клыка, похожие на клешни краба, я понял, что за страшного противника уготовила мне судьба на этот раз.

Еще сопливым юнцом я бегал в кинотеатр на Бродвее, чтобы посмотреть фильм о том, как доблестный наш спецназ сражается в джунглях с пришельцем из космоса. Дикая, конечно, была история. Эта инопланетная тварь разделалась с крутыми вояками, будто те были не из элитарного подразделения, а какими-то молокососами-новобранцами. Правда, последний из них, кажется, командир отряда, которого играл, если память мне не изменяет, Арнольд Шварценеггер, все же отправил пришельца на тот свет. Но каких трудов ему это стоило…

Короче говоря, передо мной была эта самая пакость, только не киношная, а компьютерная, прорисованная с помощью 6D-графики. И я даже знал из какого гейма она была. Еще в 2000 году была сделана игра «Чужой против хищника», потом она несколько раз модернизировалась, а пару лет назад вышла последняя ее версия, сделанная под виртал. Так что сомнений по поводу бестии, стоявшей передо мной, у меня не было. Но и легче от этого тоже не стало.

Эти мысли пронеслись в моей голове за доли секунды. В следующий момент я увидел, как оружие на плече хищника разворачивается в мою сторону. Три тонких желтых лучика, расположенные треугольником, уперлись мне в грудь. И я, не задумываясь, прыгнул вперед рыбкой.

Вновь я с головой ушел в вонючую жижу, почувствовал, как она набивается в нос, старается просочиться сквозь веки. Я отпустил автомат, зная, что он, закрепленный ремешком на моей шее, никуда не денется, и принялся усиленно грести.

Но болото изо всех сил сопротивлялось, хватая меня за руки, стараясь загустеть, превратиться в твердую непробиваемую массу. Несколько раз я больно цеплял рукой о бетонную стену, отталкивался от нее и вновь греб и греб. Потом воздуха в легких не осталось совсем.

И тогда я вынырнул, вдохнул полной грудью, дико озираясь по сторонам. Нет, хищника я не увидел. Были лишь зеленые кляксы крови, уходившие вдаль светящейся цепочкой. Мой враг ретировался. И это правильно, это очень разумно с его стороны!

Слезы радости стекали по моим щекам, перемешиваясь с зеленой слизью. Я ведь совсем забыл, что эти охотники за черепами никогда не вступают в поединок, если не могут включить свою маскировку и превратиться в невидимок. Своей шкурой они дорожат, а вот чужими…

Впрочем, я был только рад, что противник сбежал. Значит, у меня в запасе есть время, чтобы попытаться найти хоть какой-то выход из ахового этого положения.

Я побежал в противоположную сторону, и в мыслях не имея намерения преследовать безжалостную тварь. К тому же мне не давала покоя мысль об игре, откуда сюда пожаловал хищник. Если я не ошибался, то где-то по подземелью могли бродить и «чужие», которые во сто крат страшнее всех этих хаанов, «хищников» и прочей нечисти.

Господи, до чего только не додумаются люди с их буйной, прямо-таки параноидальной фантазией! Знали бы только они, что бредовые идейки могут воплощаться в жизнь. Но разве мог кто-то предположить, что даже мыслить следует осторожненько, с оглядкой, помня всегда, что у любой палки есть второй конец?..

Выбежав на развилку, я остановился. Надо было сворачивать, но куда? Я чувствовал себя путником, остановившимся возле камня и читающим надпись: «Пойдешь направо – зуб выбьют, налево – глаз выколют». Впрочем, здесь ни зубом, ни глазом не отделаешься. Ставка здесь повыше. Ставка сейчас – моя жизнь.

Я рванулся в правый рукав, потому что он показался более освещенным. Может быть, в конце туннеля есть выход? Лучше оказаться снаружи, пусть даже попав под обстрел, чем бродить здесь, в полутьме, ожидая, что в любой момент на мою голову может свалиться очередная тварь, только и мечтающая отправить меня на тот свет.

Через несколько шагов я ощутил, что туннель имеет пусть

небольшой, а все же уклон, причем уклон вверх. И это меня обрадовало, так как жижа постепенно стала отступать. Сперва до колен, потом до щиколоток, а потом я и вовсе выбрался на сухое место, сел прямо под светильником, проверил, есть ли еще в магазине патроны, и оперся спиной о стену.

Ноги сильно болели, да и все тело словно пропустили через мясорубку. Нелегко бродить несколько часов кряду, находясь по пояс в вязкой, словно кисель, массе. Да еще при этом и бегать, и стрелять, и нырять в нее с головой…

И еще невыносимо хотелось есть. Последний раз мы перекусили с полковником (мир его праху!) еще в Лас-Вегасе. Это, пожалуй, часов четырнадцать назад. Впрочем, голод можно было бы стерпеть, а вот столько времени без воды…

Я облизал пересохшие губы и тут же сплюнул. Зеленая дрянь успела засохнуть, но от этого не стала менее противной. Надо выбираться отсюда. Даже если меня в этом подземелье и не убьют, то все равно я загнусь от голода и жажды.

Я встал и, с трудом передвигая ноги, двинулся дальше. А что делать? Я знал, что мне не выбраться, что рано или поздно кто-нибудь все равно свернет мне шею или изрешетит пулями. И все равно я шел вперед, надеясь на что-то, мечтая о чуде, веруя в него, как верует приговоренный, идущий к сколоченному из необструганных досок помосту, где поигрывает секирой безучастный ко всему палач…

И тут я увидел еще одну развилку.

– Да тут целый лабиринт! – пробормотал я, а потом, зло плюнув на пол, выругался.

Блуждать совершенно не хотелось, потому я решил идти только прямо и минут через десять наткнулся на сплошную стену. Замечательно! Все как в настоящем лабиринте. Неужели мои мысли умеют материализоваться, словно кто-то всесильный наблюдает за мной со стороны и делает реальностью все, что приходит мне на ум?

Я даже остановился, пытаясь осознать эту мысль.

«А ведь это не так уж и далеко от истины, хотя идея, конечно, из разряда абсурдных. Но если вспомнить, что все, чего я опасался, чего пытался избежать, сбылось, то начнешь верить в марионеточность своего существования. Нет. Хватит! Это чушь собачья и не более. Никто не дергает меня за веревочки, просто человеком управляют обстоятельства. Что поделаешь, если эти самые обстоятельства для меня неблагоприятны?»

Я двинулся в обратный путь и вновь вышел к развилке.

«А что, – мелькнуло в голове, – сейчас и проверим гипотезу».

Не сворачивая, я вновь вошел в тот же туннель, откуда

пришел, решив:

«Дойду до жижи, а потом вернусь. Если, конечно, не напорюсь на „хищника“.»

Но даже страх перед ним не мог победить стремление подтвердить или отвергнуть эту безумную идею. Каково же было мое состояние, когда, пройдя метров сто, я вдруг увидел перед собой стену?!

Медленно, словно сомнамбула, я подошел к ней, ощупал рукой – ничего примечательного, обыкновенный бетон: смесь воды, цемента, песка и мелкого гравия. Но вот эта самая обыкновенность и напугала меня больше всего. Ноги подогнулись сами по себе, и я осел на пол, словно тряпичная кукла.

«Вот и все. Вот и все, что я хотел доказать самому себе. Кто-то невидимый и могучий управляет мной. Настолько могучий, что и представить себе невозможно. Такое под силу разве что Богу. Или дьяволу. Но я же в них не верю! Выходит, зря не верю? Теперь придется поверить, а иначе куда деваться?.. Почему раньше я не признавал их существование? Потому что они сами ничем не подкрепляли эту истину. Но теперь… Теперь совсем другое дело. Разве мало мне теперь доказательств?»

Я встал на колени, сложив руки перед собой, и воскликнул:

– Господи! Помоги мне! Я не верю, что это ты. Я не верю, что ты можешь опуститься со своих вершин до делишек наших мелких и не праведных. Что мы тебе, создавшему целую Вселенную? Букашки, грязь дорожная, земля… Но зачем ты нас создал, отдав на откуп дьяволу? Чем мы перед тобой провинились? Вот именно! Ничем. Все наши мелкие грешки – одно баловство по сравнению с Армагеддоном, который ты нам готовишь. Так помоги мне, Господи. Спаси меня и сохрани от козней сатанинских. А я тебе послужу, как прежде не служил никто, не пожалею ни живота своего, ни головы.

Я вопил это, причитая и роняя скупую слезу, и смотрел на стену, надеясь, что буду услышан, буду понят, буду спасен, и она исчезнет.

Как я верил в тот миг в чудо, и оно свершилось! Я увидел знак! Нет, стена не исчезла, просто она вдруг стала наливаться малиновым цветом. Не вся, только часть – большой круг прямо в центре.

– Господи, спасибо тебе! – уже не кричал, а выл я в экстазе.

А стена все больше краснела и краснела, пока не лопнула, разбрасывая вокруг мелкие осколки. Мне посекло лицо, но я даже не заметил этого. Я ждал Явления, которое со времен сотворения мира довелось лицезреть лишь жалкой кучке людей.

Вот уже камень поплыл, опаленный невиданным жаром. А

потом, сквозь дыру в туннель ворвался яркий, горячий поток. Если бы я не стоял на коленях, он бы в одно мгновение испепелил меня. Но Бог знает, что делает, зачем ему уничтожать своего раба?

А потом поток иссяк, и в тот же миг страшные удары сотрясли стену. Я поднялся и заглянул в отверстие, прожженное огненным лучом. За стеной, размашисто орудуя кувалдой, трудился «хищник».

«Вот тебе и бог…» – печально подумал я и, развернувшись, помчался прочь.

С тех пор, как я едва не приобщился к истинной вере, прошло восемь часов.

Я бродил по коридорам, словно слепой щенок, тыкался в стены, поворачивал назад, падал в изнеможении и вновь поднимался на ноги. И вдруг на меня дохнуло свежим воздухом. Шатаясь, я побрел вперед, не имея сил радоваться, что нашел выход. А еще я боялся, что перед самым носом, сейчас, сию минуту дверь закроется. Не дверь, конечно, – стена. Но какая разница?

За это время я успел многое передумать. Мысли о сверхъестественном при появлении «хищника» куда-то испарились. Я долго искал правдоподобное объяснение, покуда не пришел к заключению, что, по всей видимости, эти туннели так устроены, что где-то существует пульт, с которого можно перекрывать коридоры при помощи бетонных заслонок. Делалось это, скорее всего, для того, чтобы посторонние не могли проникнуть на территорию базы через подземные коммуникации. Только для чего было создавать циклопический лабиринт? Этого я не знал. Не могла же, в самом деле, крошечная база с десятком приземистых одноэтажных строений и двумя ангарами иметь такую разветвленную канализационную сеть. Или могла? Что если здания на поверхности только видимая часть айсберга, а основное находится под землей?..

Но ведь тогда на базе должны работать сотни людей. Военные только охраняют объект, а где яйцеголовые? Именно здесь, насколько я понимал, и находился пентагоновский полигон по проникновению в виртал. Где же ученые, техники, медперсонал, уборщики, наконец? Неужели все мертвы, и в живых осталась только та горсточка солдат, которых мы с полковником нашли в офицерской столовой?

Верить в это почему-то не хотелось. Ведь я мог и ошибаться, и не было здесь никаких подземных уровней, а был лишь выход в виртуальную реальность для специального отряда быстрого

реагирования. Да и зачем тащить сюда, в пустыню, кучу людей, обустраивать их в этом пекле, тратиться на строительство шахт, жилых помещений, лабораторий, вбивать бешеные деньги на систему кондиционирования воздуха, на транспорт и еще на тысячу разных мелочей? Конечно, это глупо.

Но зачем же построен этот бесконечный лабиринт? Ответа на этот вопрос я так и не нашел…

Вот и конец туннеля. Впереди светят звезды, и до них осталось пройти несколько шагов. Но они самые трудные, потому что сил уже нет, и пропадает желание выбраться на свободу, найти выход из мышеловки, желание, державшее меня на ногах все это время… Я остановился. Дальше дороги не было. Обрыв. Насколько глубокий, я не знал. Было слишком темно, чтобы разглядеть землю. Ну и черт с ней. Сейчас я лягу и засну. Ничто другое меня не интересует. Кроме, конечно, воды. Но сон тем и хорош, что не ощущаешь ни голода, ни жажды.

Проснулся я от странного шума, будто где-то рядом стрекотала цикада. Причем, довольно громко стрекотала, раз смогла разбудить меня.

Я открыл глаза и увидел свет. Было утро. Из-за горного кряжа выползало солнце, большущее и белое. Даже утром оно было жарким и злым. В пустыне солнце бывает только злым…

Нет, звук шел не снаружи. Я повернулся и принялся таращиться в непроглядную мглу туннеля. Ни черта не было видно. Однако звук приближался, становился громче и отчетливей.

Я вскочил на ноги, нащупал рукой автомат, снял с предохранителя. Тугой волной накатил липкий, леденящий шкуру страх. Кто бы там не двигался в мою сторону, но это была не цикада. Или же цикада величиной с корову, настолько громким был звук.

– Эй… эй! – сперва тихо, а потом чуть громче крикнул я. – Кто там?

Стрекот на мгновение прекратился, но через полсекунды вновь возник, только гораздо громче. А потом из темноты, чертиком из табакерки выпрыгнула какая-то страшная тварь, истекающая слизью, с длинным, ребристым хвостом и огромной пастью, из которой медленно, роняя обильную влагу, выдвигалась, словно на шарнирах, громадная острозубая челюсть.

«Чужой»! – обомлел я, отступая на шаг, затем еще на один и еще. А чудовище затрещало пуще прежнего и присело на задних лапах, упершись хвостом в бетонный пол. Я понял, что сейчас оно прыгнет и одним движением разорвет меня на куски, но ошибся.

Еще шаг назад, и я, почувствовав, что нога так и не нашла опоры, полетел вниз. И тогда я закричал, ибо, перекувыркнувшись в воздухе, увидел что лететь мне до земли добрых тридцать метров. И еще я зажмурился, потому что страшно было видеть, как стремительно надвигается твердая, усеянная мелкими камнями вперемешку с песком, поверхность.

Вот и все…

Проснулся я от странного шума, будто где-то рядом стрекотала цикада. Причем, довольно громко стрекотала, раз смогла разбудить меня.

Я открыл глаза и увидел свет. Было утро. Из-за горного кряжа выползало солнце, большущее и белое. Даже утром оно было жарким и злым. В пустыне солнце бывает только злым…

Нет, звук шел не снаружи. Я повернулся и принялся таращиться в непроглядную мглу туннеля. Ни черта не видно. Однако звук приближался, становился все громче и отчетливей.

«Господи, – пробормотал я. – Неужели и сны могут превращаться в явь»?

Я вскочил на ноги, нащупал рукой автомат, снял с предохранителя. Опять тугой, липкой волной накатил страх.

– Все это было, было! – пробормотал я. – И чем кончилось?!

Я упер приклад автомата в бедро и дал длинную очередь в темноту. Громкий визг и тишина. Ни стрекотания, ни звука шагов.

«Оно затаилось, оно готовится в яростном прыжке дотянуться до меня. Не мог же я в самом деле одной очередью уложить „чужого“.»

Затаив дыхание, я ждал, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в темном чреве туннеля.

Но капали мгновения, шли минуты, наполняя живительной силой реку времени, и ничего не менялось. По прежнему в воздухе висела тишина, душная и тревожная. Только гулко стучало сердце, пытаясь выпрыгнуть из грудной клетки на волю, чтобы убраться подальше от этого страха, заставляющего работать на пределе, перегоняя затвердевшую от ужаса кровь.

Я осторожно оглянулся назад. Так и есть – сзади пропасть, достаточно глубокая, чтобы расшибиться насмерть. Неужели вещие сны все-таки бывают? Раньше я как-то с ними не сталкивался. Впрочем, много с чем я раньше не сталкивался…

Подождав еще минут пять, я не выдержал и двинулся вперед, в полумрак, останавливаясь чуть ли не ежесекундно, чтобы прислушаться, чтобы доказать самому себе, что мой страх беспочвенен, что не слышно никакого стрекотания или вздоха,

что мне повезло, и я убил эту тварь с одного выстрела.

А потом я увидел «чужого». Он стоял и, не мигая, следил за каждым моим движением. Я даже не успел нажать на курок…

Проснулся я от странного шума, будто где-то рядом стрекотала цикада. Я открыл глаза и увидел свет. Было утро. Однако звук шел не снаружи, как мне сперва показалось. Я повернулся спиной к солнцу и принялся таращиться в непроглядную мглу туннеля.

«Странные здесь сны, – думал я. – Во сне я видел сон, что видел сон. Но тогда почему наяву все повторяется снова? Или это тоже сон? Нет, все слишком отчетливо и слишком страшно, чтобы ощущать такое во сне. Но тогда почему я просыпаюсь в третий раз и слышу то же самое стрекотание»?

– К черту! – рассвирепев, зарычал я. – Сейчас у меня остался только один вопрос: как выжить и уничтожить дрянь, которая с неумолимостью часового механизма в который раз идет меня убить.

Я нажал на курок. Только на этот раз выпустил всю обойму, до последнего патрона. Потом, когда стрекотание затихло, приблизился к самому краю трубы и, держась за стену, осторожно высунул голову наружу.

Оказалось, что труба выпирала из скального монолита на несколько метров, словно дуло пушки. Отлично! Я посмотрел вверх. С потолка свисала ржавая арматурина, загнутая крючком. Я прыгнул вверх, стараясь дотянуться до нее… Не достал, чуть-чуть, самую малость, каких-то десять сантиметров.

«Нет, должен же быть какой-то выход, – подумал я. – Безвыходных положений не бывает».

Я поднял автомат и, рассчитав на глаз траекторию полета, подбросил его вверх.

Повезло сразу – ремень зацепился за крюк и, автомат, немного покачавшись на нем, словно маятник, замер. Я подпрыгнул, одной рукой ухватился за ствол, другой – за приклад, и начал раскачиваться. Вверх – вниз, все сильнее и сильнее, а когда почувствовал, что ремень вот-вот слетит с крюка, отпустил руки.

Перевернувшись в воздухе, в самый последний момент, кончиками пальцев, я успел ухватиться за верхнюю кромку трубы и, пока еще были силы, быстро подтянулся на руках и выполз на наружную стену туннеля.

Только теперь силы покинули меня. Я лежал на раскаленном камне, обливаясь потом и со свистом втягивая в легкие воздух. И еще я понимал, что избавившись от одной проблемы, приобрел

новую: с короткого отрезка трубы, нависающего над пропастью, не было выхода. Скала, из которой труба выпирала, была совершенно отвесной. А как лазать по отвесным скалам, я не имею понятия.

Солнце обустроилось в зените и не собиралось покидать насиженного места. Сказать, что мне было жарко – ничего не сказать. Голова гудела, словно по ней заехали здоровенным бревном, перед глазами плыли желтые замысловатые фигуры, и язык прилип к небу, так что никакая сила уже никогда не смогла бы его отлепить.

Я балансировал на грани сознания и беспамятства, понимая, что если случится обморок, то я уже не очнусь – так и умру, иссушенный этим неистовым солнцем.

Мысли путались, разбегаясь, как тараканы застигнутые врасплох, когда ночью включаешь свет на кухне, а они этого не ждут, они вовсю пируют крошками оброненного тобою хлеба. Хлеба… Нет, я не ощущал голода, я вообще ничего не хотел, кроме того, чтобы эта пытка поскорее закончилась. Пусть даже летальным исходом. Что может принести человеку облегчение, как не смерть?..

Что-то громыхнуло, да так, что задрожал воздух, завибрировала труба, на которой я лежал. Неужели гром? Я запрокинул голову и посмотрел в белесое, без единого облачка небо. Нет, оно не смилостивилось надо мной. Над Долиной смерти дождей не бывает. Или все же бывают?

Снова громыхнуло, и еще, и еще… Множество раз, сливаясь в протяжный и мощный гул. А затем послышалось трескучее стаккато пулеметных очередей.

«Так ведь это же стрельба! – дошло до меня. – Значит, идет бой, значит, где-то есть люди, и они помогут мне, обязательно помогут…»

Я начал медленно разворачиваться на животе на сто восемьдесят градусов, ежесекундно рискуя соскользнуть с выпуклого бетонного хребта туда, вниз, в бездну, которая давно уже поджидала меня, скаля острые клыки-камни и облизываясь шершавым песчаным языком.

Но все же мне удалось развернуться, и я пополз к краю трубы, тратя последние силы, которые могли бы дать мне лишних полчаса жизни, нелепой и бессмысленной. Впрочем, не жизни даже, а агонии, когда мозг теряет контроль над умирающей плотью, когда ничего уже не чувствуешь, а только краешком подсознания понимаешь, что жив, что тебя еще не поглотила великая и ненасытная вечность. Так не лучше ли было потратить

эти силы на то, чтобы в последний раз увидеть людей, порадоваться тому, как они бьют пришельцев, которых мы сами привели в свой дом?

Я подполз к краю трубы и посмотрел вниз.

Да, внизу шел настоящий бой. Лязгая гусеницами ползли танки, замирая на миг, выпускали из длинных пушек струи огня и сизого дыма вместе с громкими, тугими хлопками выстрелов. Натужно ревели моторы, грохотали стационарные крупнокалиберные пулеметы, хрустели, лопаясь от тяжести железных машин камни. И от этой какофонии звуков воздух вздрагивал, как живое существо, трясся, пугливо метался со стороны в сторону.

А потом я увидел тех, кого поливали огнем наши доблестные танковые войска. Это были хааны. Они уже успели отстроить оборонительный рубеж, состоящий из множества металлических площадок, на которых были установлены турели со странного вида орудиями, более походившими на раковины улиток. Но эти «улитки» плевались огненными шарами, яркими, рассыпающими во все стороны голубые искры.

Я зачарованно наблюдал за ходом сражения, словно Карл XII, застывший на холме с подзорной трубой. И чем больше я смотрел, тем меньше мне нравилось происходившее внизу.

Вот загорелся один из танков, и сразу же горячим, гудящим пламенем полыхнул второй. Из открытых люков, прячась за броню, отползая под прикрытие камней, посыпались черные фигурки. Чуть в стороне черным смоляным столбом задымил третий танк. Потом еще у одного на полном ходу слетела гусеница. Танк юлой закрутился вокруг своей оси, шрапнелью разбрасывая во все стороны каменное крошево. Затем центробежное движение стало замедляться, и танк замер, чтобы через мгновение разлететься в яростном взрыве на куски.

Долина быстро заполнялась черным смрадным дымом, и все труднее было разглядеть через эту пелену, что происходит внизу.

Но все же, сквозь разрывы я увидел, как танковая армада сперва остановилась, а потом начала медленно пятиться.

«Неужели сюда послали необстрелянных новичков? – с ужасом подумал я. – Это же настоящее преступление! Или в Пентагоне не понимают насколько все серьезно?»

И тут мощная струя воздуха прижала меня к трубе, а через секунду, гремя лопастями, над головой пронеслось вертолетное звено с ходу пуская по огневым точкам противника ракеты «воздух-земля». Дым, разгоняемый винтами, начал быстро рассеиваться, и я увидел, как танки вновь замерли, а затем, заурчав моторами, все же поползли вперед.

Несколько огневых точек хаанов превратились в груды дымящегося железа, но остальные продолжали отстреливаться. Только теперь их мишенью стали летающие машины.

Тут же завалился на бок один из вертолетов, а потом полыхнул и, кувыркаясь, полетел вниз, чтобы через мгновение озарить окрестности протуберанцем взрыва. Но танки уже всерьез занялись улиткообразными орудиями хаанов. Впрочем, если бы тех было столько же, сколько бронированных машин, победа оказалась бы не на нашей стороне. А так, потеряв еще четыре танка и вертолет, наземно-воздушные войска прорвали оборону противника. Нам это удалось! Не мне лично, разумеется, но разве я не человек?

Честно говоря, наблюдая этот бой, я забыл и о жажде, и о солнце, обжигавшем тело. Зрелище завораживало, будоражило, радовало, вливало силы в ослабевшие члены, возвращало к жизни.

А танковая армада перла сплошным потоком дальше, и я, наблюдая за нею, утешал себя мыслью, что сегодня же вторжение изнутри будет пресечено на корню, и человечество вернется к своим проблемам, которых и без виртала у него предостаточно…

Когда последние танки скрылись за поворотом, я пятясь, отполз от края и закрыл глаза, прислушиваясь к тому, как там, вдалеке, вновь загрохотали артиллерийские залпы.

Только бы мы победили, только бы заткнули эту страшную брешь между реальностями! А дальше, будьте покойны, всякое проникновение материальных тел в виртал будет запрещено под страхом смерти. Второй такой ошибки человечество себе не позволит.

Канонада быстро стихла, и я, разлепив веки, увидел, как через гряду перевалил вертолет и, почти припав к земле, быстро приближается. Он пролетел почти рядом со мной. Я увидел перекошенное, испуганное и в тоже время удивленное лицо пилота…

Вертолет резко развернулся, и, сделав короткую петлю, завис надо мной. Вниз полетела веревочная лестница. Я ухватился за нее, поднялся на ноги и начал медленно взбираться к железному брюху машины. Пилот не стал дожидаться, покуда я залезу в кабину, и повел вертолет отвесно вверх.

Меня крутило и переворачивало в воздухе, но я цепко держался за перекладины, радуясь холодному ветру, бьющему в лицо, радуясь тому, что я все-таки выбрался из этой передряги целым и невредимым.

Но через секунду улыбка сошла с моего лица. Я увидел паривший над горами дисколет и понял, что первую битву с

вирталом мы так и не выиграли…

Уровень 6
Утраченная реальность

В коридоре было полно народу. Военные шастали туда-сюда, гражданские жались к стеночке, возле окна торчал полицейский, наблюдавший за порядком.

Передо мной еще было шесть человек. Я отстоял в очереди добрых четыре часа и уже проклинал себя за то, что пришел в Департамент по эмиграции, зная заранее, что все это бессмысленно, что бежать все равно некуда, что мне, как и другим, уже ничем нельзя помочь.

И все же, где-то глубоко в сознании теплилась надежда, что все-таки удастся получить пропуск на острова, куда война хотя и докатится, но произойдет это не скоро, а значит, еще год-два будет отпущено на жизнь, пусть скотскую, но все же жизнь…

Всей военной мощи Земли хватило ровно на три месяца. Виртал прорвался в реальность не только в Долине смерти. Оказалось, что чуть ли не в каждой стране велись исследования по проникновению в виртуальную реальность. Шила в мешке не утаишь, на то и существуют шпионы, чтобы вынюхивать чужие секреты.

В общем, прорвало сразу и везде, как ржавую трубу. Из ВР, сметая все на своем пути, поперла всякая нечисть. В первую же неделю были захвачены Чикаго, Лос-Анджелес, Лас-Вегас, Ванкувер, Мехико, Буэнос-Айрес, Берлин, Токио, Москва – короче говоря, почти все крупные города мира и тысячи мелких.

Две эскадрильи ВВС совместно с остатками шестого флота пока еще удерживали Нью-Йорк, но силы с каждым днем таяли, ибо верфи были разгромлены, и со стапелей так и не успели сойти четыре новехоньких крейсера, которые спешно начали строить чуть ли не всей страной три месяца назад. А впрочем, могли бы они помочь хоть как-то? Разве что задержать агонию города на день-два…

Все TV и радиокоммуникации были выведены из строя, лишь телефонная связь в какой-то мере еще действовала, а вместе с ней и ИНТЕРНЕТ. Оттуда я и черпал последние новости, хотя каналов связи с каждым днем становилось все меньше и меньше. Вчера отрезало южноамериканскую линию и Канаду.

Никогда не думал, что мы окажемся такими беспомощными. Программа СОИ так и не дала каких бы то ни было ощутимых результатов. Атомная бомбардировка виртуальных полигонов, полностью контролируемых пришельцами, тоже ничего не

принесла. Ракеты с ядерными боеголовками взорвались в воздухе, так и не долетев до цели. Что же касается обычного вооружения, то оно было бессильно противостоять фантастическому оружию виртала.

А тут еще оказалось, что ВР заблокирована, причем доступ в виртуальную реальность был закрыт изнутри! Каким образом – я не знал. Это было выше моего понимания.

Вообще, Президент и Правительство долгое время вели себя, как стадо баранов. Отдавались противоречивые, порой нелепые распоряжения. На подавление виртуального прорыва было послано чуть ли не вдвое меньше войск, чем в конце прошлого столетия участвовало в войне в Персидском заливе. Опомнились властьпридержащие только после того, как едва ли не за час было захвачено большинство городов западного побережья. Вот тогда наши лидеры заметались, тогда они бросили на виртуальных пришельцев все силы, тогда объявили всеобщую мобилизацию, да что толку, если время было упущено безвозвратно.

Новобранцы разбежались, потому что дураков, готовых идти в бой с голыми руками, не нашлось. Оружия не хватало и на регулярную армию, ибо хааны первым делом нанесли удары по стратегически важным объектам, в том числе и по арсеналам.

И вот теперь мы имели то, что имели. Добрая треть населения Америки скорее всего погибла, экономика страны была в полном упадке. Подобия законности и порядка кое-где еще сохранялись, но в основном, чуть ли не повсеместно царили анархия и безумие. Человечество агонизировало, священники вопили об Армагеддоне, мародеры грабили и убивали, военные дезертировали, люди бежали куда глаза глядят, надеясь укрыться от пришельцев. Лишь единицы пытались еще что-то сделать, хоть как-то сопротивляться. К их числу я не относился…

Тогда, три месяца назад, чудом оставшись в живых, я попал на базу в Стент-Хопсе. Бедлам там царил полнейший, затеряться труда не составило, и я подался в Нью-Йорк. Нет, поначалу-то я дергался, пытался что-то объяснить, посоветовать, но никто не обращал на меня внимания. Военные, вырвавшиеся из мясорубки, устроенной хаанами, пребывали в состоянии растерянности, а вновь прибывшие «герои-теоретики» были уверены, что легко справятся с врагом и без советов случайно уцелевшего «дилетанта».

Возвращаться в Лэнгли не имело смысла. Все летело в тартарары, и я понимал, что вновь оказавшись в ЦРУ, не протяну и дня. Было ясно, что если я снова попаду в виртал, то обратно уже не вернусь никогда. Да и не хотел я снова в виртуальность. Я

устал, у меня больше не было сил убегать, сражаться, прятаться, нырять в зловонную жижу и постоянно быть под прицелом. А то, что ЦРУ не станет меня искать, сомнений не вызывало. Не до того им теперь.

Я снял небольшую меблированную квартирку на Медисон-авеню, неподалеку от того места, где жил раньше. Увы, мою старую квартиру, давно уже заняли другие жильцы, а имущество стало достоянием государства. Пусть оно им подавится! Деньги, которые мне выплатило ЦРУ за время нашего недолгого сотрудничества, я снял со счета и теперь существовал на них. Счет в лондонском банке, на котором лежали средства, нажитые неправедным путем в Дакаре, приказал долго жить. Вместе с банком. Впрочем, деньги стремительно обесценивались, как и сама жизнь. Лучшим товаром стали продукты питания и оружие. Увы, ни того, ни другого у меня не было, так что, при всем желании, нажиться на чужом несчастье я не мог.

Словом, я перебивался с хлеба на воду, часами валялся на диване и, стараясь не думать о будущем, прислушивался к незатихающей канонаде. И еще – торчал каждый день у монитора старенькой «четверки», которую купил за десять баксов на блошином рынке. Такие барахолки разрастались с несусветной скоростью, грозя заполонить весь город. То, что раньше выбрасывалось на помойку, теперь поступало в продажу, вновь приобретая высокое звание «товара». Наверное, для социологов изменения, происходящие в обществе, представляли интерес, мне же на них было наплевать. Да и что я мог сделать? Оставалось тыкаться по ИНТЕРНЕТу, выискивая новости со всего света.

Но когда соседний квартал сгорел дотла, я встал с дивана и пошел в Департамент по эмиграции.

И вот уже пятый час я стоял в очереди, которая тянулась чуть ли не от горизонта, и слушал сплетни об островах в Карибском море, куда, если очень повезет, можно все-таки попасть. Кто-то даже нашептывал кому-то на ухо, что на тех островах есть целый подземный город, который построили на случай атомной войны еще при администрации Рейгана.

Верилось в это с трудом, но что делать дальше, я не знал. Не сгорать же вместе с Нью-Йорком?..

Из кабинета выходит женщина. В ее глазах слезы. С ней двое детей. Лица у них растерянные, испуганные, совсем не детские. Я провожаю их долгим взглядом, но меня уже толкают, интересуются, намерен ли я здесь торчать до скончания века, или все же войду в кабинет?

Комната, в которой я оказался, оставляла ощущение серости.

Даже новехонький полированный сейф, казалось, потерял блеск, превратился в тусклый неприметный ящик. Обстановка минимальная: кроме сейфа, стол и два стула. Интересно, где остальная мебель? Вывезли или успели спереть? На всякий случай…

За столом, придерживая рукой бланк с черной каймой, сидел маленький человечек, с ровным пробором в жирных, редких волосах, длинным, крючковатым носом и роговых очках на пол-лица. Голова человечка была склонена набок, и он что-то старательно выводил на этом самом траурно выглядевшем бланке. Внимания на меня он не обращал никакого, и я остановился посреди комнаты, размышляя о том, что вот от такого серого и невзрачного типа зависят человеческие судьбы и моя в том числе.

Наконец, чиновник оторвался от бланка и посмотрел на меня поверх очков.

– Ваше имя? – спросил он.

Я ответил.

– Специальность?

– Консультант по виртуальности.

Человечек как-то странно посмотрел на меня. Злобно? Недоверчиво? Я так и не понял сути гримасы, которую он сотворил на своей физиономии.

– Где работали раньше?

– В Департаменте полиции и «Компьютер-технолоджис», потом в ЦРУ.

Снова та же непонятная гримаса.

– Документы имеются?

Я предъявил.

– Хорошо вы нам…

Но тут громыхнуло так сильно, что задребезжали стекла. Человечек вздрогнул, побледнел, оглянулся на окна, крест-накрест заклеенные скотчем, а потом скороговоркой произнес:

– Отплытие в шесть вечера. Прибудете на пристань возле церкви Святой Троицы.

– У меня дети, – неожиданно для себя сказал я.

– Сколько?

– Двое. И жена.

– Нет. Простите, но придется без жены. Только специалисты и дети. Дети – будущее, но возиться с младенцми времени не будет. Поэтому жены не нужны. Вы уходите под землю на долгие годы, может быть, больше никогда не увидите солнечного света. На вас особая миссия – подготовить Возрождение.

Я промолчал. Чиновник вручил мне три бумажки. Ни

фамилий, ни имен на них не было, только короткое: «Допуск».

Он опять странно посмотрел на меня, и я, наконец понял что за выражение, было на его лице. Чиновник завидовал мне! Эта была зависть обреченного человека, который своими руками выдавал другим право на жизнь.

«Неужели и у богов такие лица?» – с тоской подумал я, запихивая бланки в карман куртки.

Я вышел в коридор, быстро спустился по ступенькам, выбежал на улицу и пошел вдоль очереди, внимательно вглядываясь в лица. Я не ошибся, женщина с детьми снова стояла в конце человеческого хвоста. Видимо, у нее теплилась надежда, что в следующий раз клерк ее не узнает, ведь ежедневно мимо него проходят тысячи людей.

Подойдя к женщине, я молча протянул ей бланки допуска. Женщина испуганно посмотрела на меня, на документы… Ее рука нерешительно дрогнула, потом нервным движением выхватила бланки, и женщина потащила детей прочь, со страхом оглядываясь на меня через плечо.

«Ну и пусть, – мелькнуло в голове. – Обойдусь и без слов благодарности».

Я повернулся и побрел обратно домой.

Черт с ними, с островами, мне под землю совершенно не хочется. Я ведь не крыса, чтобы жить под землей. «Бросались крысы в водяную муть…»

Но я понимал, что это только слова, что я себя успокаиваю, потому что минуту назад отдал другим последнюю, пусть призрачную, но надежду…

Взвыли сирены, оглашая окрестности дикими воплями. Редкие прохожие засуетились, заоглядывались по сторонам, потом разом сорвались на бег, устремились к массивному серому зданию с надписью: «Бомбоубежище» и стрелкой, указывающей куда-то вниз.

«Какое к черту „бомбоубежище“, – подумал я. – Хааны бомб не используют, у них лучевое оружие, да те странные, похожие на шаровые молнии сгустки плазмы».

Но ноги уже несли меня к убежищу, потому что оставаться на открытом месте во время налета тоже не хотелось.

Где-то загрохотали зенитные установки, стремительной птицей пронеслась по бетонке тень самолета, затем еще одна…

Я сбежал по лестнице и оказался в огромном подвале, где стояли, сидели, лежали тысячи людей. Когда они успели набиться сюда? А может быть, эти люди просто живут здесь, в сырости и полумраке, который не в силах разогнать тусклый свет десятка лампочек?

Вообще-то, было удивительно, что на город до сих пор подавался свет с приливной энергостанции. Правда, кое-кто утверждал, что пришельцы стараются не трогать токоподающие объекты, чтобы подпитываться техникой и живой силой из виртала.

Удивительно, но военные этого не понимали! Если бы мы сразу обесточили все системы, то крупномасштабного вторжения произойти не могло. Но кому под силу погрузить во мрак весь мир, пусть даже ненадолго? Это можно было сделать, будь наша цивилизация одним целым, окажись мы действительно Человечеством, а не кучкой рвущих на себя одеяло людишек…

Сзади напирали спасающиеся от обстрела, и мне пришлось протискиваться сквозь толпу в поисках относительно свободного места.

Кто-то с силой подергал меня за рукав. Я оглянулся и увидел заросшее щетиной, незнакомое лицо.

– Хочешь БЭП? Возьму недорого, – шепот был едва слышен.

Я брезгливо отстранился и, поморщившись, спросил:

– Какой еще БЭП?

– Биоэнергетический преобразователь! – удивленно ответил тип, глядя на меня так, словно я с Луны свалился.

– Что? – снова не понял я.

– Вот чайник! Компьютерный блок преобразования, – явно махнув на меня рукой, ответил он, поворачиваясь, чтобы уйти.

– Покажи! – я ухватил незнакомца за обшлаг длинного суконного пальто.

– А чего смотреть? – ощерился он, показывая гнилые зубы.

– Должен я увидеть товар или нет?

Тип нехотя сунул руку во внутренний карман и вытащил из него плату. Точно такую же, как та, которую я когда-то, тысячу лет назад, извлек из «саркофага» Маргарет Тревор…

– Ну что, берешь? – нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, спросил продавец.

Он еще что-то бормотал, но я уже не слушал. Плата Маргарет у мелкого спекулянта! Впрочем, почему именно Маргарет? Утечка могла произойти где угодно, да и умельцев, готовых на все, лишь бы сорвать свой куш, среди людей во все времена хватало. Было ясно одно: зараза расползлась по миру. Теперь даже объединение человечества в единое государство не остановит лавину, сорвавшуюся на нас.

– Так покупаешь? – не отвязывался от меня настырный тип.

– А зачем она мне? – оставаясь во власти своих мыслей, пробормотал я. – Все равно виртал заблокирован.

– Брехня, – сплюнув на пол, сказал тип. – Есть полно лазеек,

через которые можно пробиться, а за отдельную плату могу подкинуть интернетовский адресок, где продаются билетики в «Мир Тысячи Солнц».

– Куда? – удивленно переспросил я.

Теперь пришло время удивляться ему. Действительно, откуда мог взяться человек, настолько незнакомый с действительностью? С той действительностью, которой жили все окружающие. Поколебавшись мгновение, спекулянт сказал:

– Я пошутил, братец. Это просто звуковая плата. «Саунд бластер-2010.»

– Слышишь, – процедил я сквозь зубы, – не парь мне мозги. Я даже не юзер, я профи, и сталкивался с этой платкой, когда ты о подобном даже не слыхивал, – и, ощущая неистребимое желание съездить ему по физиономии, добавил: – Проваливай!

Но тип меня уже не слушал. Он рванулся сквозь толпу, расталкивая недовольно ворчащих людей. Догонять его я не стал.

Налет завершился через сорок минут. Войскам ПВО опять удалось отбиться, но какой ценой!

Я выбрался из подвала и с ужасом смотрел на пылающий город. Горело много, смрадно чадя дымом, разбрасывая тучи искр. Какой-то солдат, пробегая мимо, крикнул, что пришельцам, наконец, удалось завалить Эмпайр-стейт-билдинг, и что рухнувшая башня подмяла под себя по меньшей мере дюжину зданий.

Плохо, что и среди солдат встречаются паникеры. Еще хуже, что он, похоже, не врал.

Я шел по пустынному тротуару, постоянно спотыкался и проклинал все на свете, обходя горы битого кирпича и редкие машины, опрокинутые или выгоревшие дотла.

Вообще-то, легковушек в городе, практически, не осталось. После первого налета на Нью-Йорк жители рванули прочь из бетонных джунглей. Многокилометровые пробки рассасывались пять дней, но повезло далеко не всем. Однажды я попал на такую «пробку». Сгоревшие автомобили стояли друг за другом в тесной лощине улицы, и ветер гонял от дома к дому жирный серый пепел. Люди сгорели мгновенно. Только что ругались, томились в ожидании, испуганно поглядывали на небо, а потом – вспышка и больше ничего. Сотни жизней сгоревших в едином факеле…

Закрапал мелкий дождик, черный, вперемежку с пеплом. Никогда не думал, что этот бесконечно падающий с неба пепел будет мне так досаждать. Впрочем, что меня нынче не раздражало?

Позади послышался какой-то странный, шкрябающий и

дробный звук. Я оглянулся. Следом бежала огромная псина с впалыми боками. Этих породистых и злых собак в последнее время появилось много. Хозяева, уезжая, бросали своих любимцев. Встретившись со мной взглядом, пес вздрогнул, неуверенно вильнул хвостом и шмыгнул в пролом подъезда.

Я повернул за угол и едва не столкнулся с грязной, одетой в какое-то ярко-красное тряпье нищенкой, старательно перекладывающей пустые бутылки в детскую коляску с погнутыми, искореженными колесиками. Зачем ей бутылки, я не знал. У каждого свое помешательство.

Например, мой сосед, живущий этажом ниже, каждый день отправлялся на работу в свой офис, который хааны разнесли в пыль еще полтора месяца назад. Он шел через полгорода постоять над развалинами, а вернувшись домой, заходил ко мне, чтобы в очередной раз с печалью в голосе сообщить, что потерял работу и нового места ему не найти, потому что он слишком стар, чтобы его взяли на новое место, и теперь ему одна дорога – в дом престарелых. Выговорившись, он уходил, чтобы на следующий день прийти снова…

Старуха испуганно вздрогнула, лицо ее перекосилось и она злобно закричала:

– Не тронь! Они мои!

Я попятился, удивленный ее натиском, но нищенка наступала, тесня меня своей коляской.

– Мне ничего не надо, – я попытался успокоить ее, но мой голос еще больше взбудоражил больной рассудок старухи.

Она выхватила из складок своей хламиды что-то черное, отливающее металлическим блеском, и мне в глаза ударила струя газа…

Волна боли отбросила назад, согнула пополам, ослепила, погнала из глаз, носа, рта жидкость. Я обливался слезами, соплями, слюной, чихал и орал от боли. Кто-то навалился на меня сзади, бросил на землю, принялся избивать ногами. А потом сильный удар по голове погрузил меня в омут беспамятства.

Я открыл глаза и увидел, что с неба падают крупные хлопья белого пепла. Он был холодным, этот пепел, а, коснувшись лица, превращался в капельки воды и стекал вниз.

«Снег! – догадался я. – Первый снег. Вот почему мне так холодно».

Я медленно сел, чувствуя как боль отдается во всем теле, и увидел, что совершенно раздет.

В неверном свете сумерек высились передо мной развалины какого-то дома. Висели на обрывках арматурин бетонные блоки,

мутно отсвечивали осколки стекла, груды битого кирпича вперемешку с обломками мебели, искореженными листами жести и пластика, гипсовой лепниной потолочных украшений окружали меня. Я огляделся и увидел темные, мрачные, совершенно незнакомые мне здания.

Вспомнилась сумасшедшая старуха с газовым баллончиком, сильные удары ногами, обутыми в тяжелые ботинки. Но что было дальше?

Почему на меня напали, сколько я был без сознания, далеко ли нахожусь от своего дома? – эти вопросы роились под черепной коробкой, словно мухи под потолком общественного туалета, но ни на один из них я не мог дать ответа.

Стараясь не наступать босыми ногами на стекло, я доплелся до ближайшего здания, и принялся заглядывать в окна, надеясь разглядеть хоть слабый отблеск света.

«Не может быть, чтобы меня утащили далеко от Парк-авеню, – пытался успокоиться я. – Да и кому нужен человек без цента в кармане, и даже отдавший пропуск на острова?».

Так вот в чем дело! Видимо кто-то шел за мной от самого эмиграционного Департамента, кто-то, не заметивший, что я отдал бланки женщине, которая, небось, уже и забыла о моем существовании. Могли ограбить меня и озверевшие молодчики, выпущенные из тюрьмы во время тотальной мобилизации, да так и не водворенные на прежнее место, потому что теперь не до них.

Но зачем налетчикам понадобилась моя одежда? Заходи в любой дом – там множество брошенных квартир с кучей барахла, которое прежние хозяева, покидая город, не взяли с собой. Просто у них не было возможности забрать все. Мы же, черт побери, так привыкаем к вещам, к комфорту и роскоши и, словно пчелы, тащим и тащим в свои ульи вещицу за вещицей, будто у нас впереди десять жизней, чтобы сносить, потребить, переварить, использовать все добытое…

Я обогнул очередной из черных домов и увидел огрызок бетонного пальца, упирающийся в небо. По растрескавшемуся фасаду узнал останки Крайслер-билдинга. Значит, досталось сегодня и ему…

Зато я наконец-то знал, где нахожусь и что до дома мне, можно сказать, рукой подать – всего несколько кварталов.

Дрожа от холода, я брел дальше теперь уже в кромешной тьме. За эти месяцы мы научились светомаскировке. Мы многому теперь научились. И жить одним днем, и ненавидеть всеми фибрами души, и любить под грохот канонады. Мы научились стоять в очередях и довольствоваться малым. И еще мы научились хоронить людей, сбрасывая трупы, словно деревянные чурки, в

общие для всех: женщин и детей, богатых и нищих – ямы, глубокие, но недостаточно, чтобы там поместились все. Мы научились разгребать завалы и бороться с пожарами.

Когда пылали дома – сбегались все, кто жил окрест, тушили огонь подручными средствами, не дожидаясь, покуда приедут пожарные, потому что тем доставалось больше всех: работали они на пределе, и даже сверх того. И еще доставалось полиции. Ночами часто слышались выстрелы, крики, свистки, а утром на площадях появлялись новенькие виселицы, где болталась, высунув языки, мразь, которая не могла уняться даже когда мир катится в тартарары…

Домой я вернулся к полуночи. Приходилось прятаться и от полицейских патрулей, и от каких-то темных личностей, крадущихся вдоль темных стен. И еще я обходил стороной развалины, почему-то считая, что именно там обитают все отбросы общества. Такой уж стереотип выработался у нас за тысячи лет существования цивилизации. Но как бы то ни было, я добрался до дома, ввалился в свою квартиру и в изнеможении упал на кровать, закутавшись в теплое пуховое одеяло.

Так я лежал час, не меньше, без сна и без мыслей. Потом встал, оделся и отправился на кухню. Там заварил остатки кофе, вскрыл банку консервированного тунца и проглотил то и другое. С сожалением покосившись на вторую и последнюю банку с рыбой, я оставил ее на утро, как и последнюю плитку шоколада, и, вернувшись в комнату, включил компьютер.

С минуту я сидел перед экраном, бездумно наблюдая, как загружается 2010-й Windows, а потом вошел в Internet-news.

Тут же на экран вылетела надпись: «Парижа больше нет» с припиской другим шрифтом: «И Сиднея тоже». Я вздохнул, с удивлением поймав себя на мысли, что за последние недели привык к таким вот коротким, словно росчерк молнии на черном грозовом небе, сообщениям, за которыми стояли миллионы имен и лиц, скрывались надежды и устремления, коим не суждено уже воплотиться в жизнь.

Я вошел в меню «Вид» и отметил значком «только не прочтенные сообщения», а потом долго бегал глазами по строкам, леденея от ужаса.

…В России пошли на обесточивание всей энергосистемы, результат – взорвались три атомных электростанции и радиоактивное облако несет на Ближний Восток.

…В Африке – полный бедлам. Сведений, практически, нет. Известно только, что самые мощные на этом континенте египетские ВВС полностью уничтожены.

…В Китае за последние три месяца население сократилось предположительно на полмиллиарда человек. Уцелевшие города стремительно пустеют, люди убегают в сельскую местность, в горы в труднодоступные пустынные районы. Там, где скопление людей – там смерть.

…Европейское сообщество пало. Держались только Мадрид, Лондон, Вена да несколько городов поменьше.

«Лондон, – подумал я, – как там Сюзи, жива или нет»?

Я не сердился на Сюзан. Разве можно было винить одинокую и испуганную девчонку за то, что она из-за меня оказалась втянута в совсем не детские игры?

Нестерпимо захотелось поговорить с кем-нибудь. Не с Сюзи, что я мог ей сказать? Просто тишина пустой квартиры давила, нервное напряжение последнего времени требовало разрядки.

Минут десять я просидел с занесенными над клавиатурой пальцами, а потом вышел на хакерский чат и отстучал пальцами по клавишам:

– Тук! Тук! Тук! Можно?

– Кто это? – ожил ответным сообщением монитор.

– Это я, Растерявшийся.

– Все мы сейчас растеря… – буква за буквой начало было печататься предложение, и вдруг рука печатавшего замерла, но лишь на мгновение, а потом с бешеной скоростью посыпались слова. – Это ты, черт бы тебя побрал? Сколько мы ждали, что ты опять с нами свяжешься! Ты же сбежал, оставив кучу вопросов и ни одного ответа.

– Ты не прав, оператор. Я сказал все, что знал на тот момент.

– Но ты не сказал, где искать вход на свалку.

– Я и сейчас не знаю, где он. Случайно влетел туда, выходя из игры.

– Не врешь?

– А какой смысл?

– Черт! Три тысячи раз черт, черт, черт!

– Ты сам откуда? – отбарабанил я на клавиатуре.

– А что?

– Как там у вас?

– Хреново. Как и везде.

– Неужели мы не сможем остановить их?

– Разве ты не понял? Мы уже проиграли.

– Но тогда зачем тебе до сих пор эта свалка?

– Понимаешь, эти твари никак не могут быть разумными. Это же всего-навсего одушевленные графобы. А графобы, даже обретшие плоть, не могут мыслить не выходя за рамки модулятора случайных чисел.

– Я тоже думал об этом. Но вся беда в том, что они-то действуют, как разумные существа.

– Вот именно. Знаешь, что вчера у нас случилось? В небе появились какие-то древние самолеты, и с них посыпались нацисты. Да-да, настоящие нацисты времен Второй мировой. Видать, из какой-то игрушки выползли. Сейчас маршируют по городу с факелами, горланят военные марши. И пришельцы их не трогают – вот в чем вся соль! Они знают, что это свои, хотя этих наци от обычных людей не отличишь.

– И что это значит? – уже почти догадавшись, каков будет ответ, спросил я.

– То, что в виртале существует нечто, которое управляет всем этим.

– Ты хочешь сказать, что виртуальность породила некую субстанцию, способную мыслить?

– Да! И находится этот квазимозг где-то на свалке. Ты, может быть даже видел его, но не понял, что это такое.

Я задумался. А ведь и впрямь было там что-то такое, огромное и ворошащееся за прозрачной стеной.

– Ты прав, – отпечатал я. – Что-то там есть.

– Как оно выглядит?!!

– Я не знаю. Что-то большое, просто огромное.

– Боже мой, как же ты все-таки туда попал? Многие из нас потом не вылезали из виртала, но так ничего и не нашли. Теперь почти никого из них нет. В чат редко кто сейчас заходит. Да, чуть не забыл, тут тебе оставил сообщение какой-то Дэвид Нортон? Просил, если ты вдруг объявишься, перезвонить ему по видеокомпу.

– Кто? – поначалу не понял я, а потом перед глазами возникла физиономия хиппи из Лэнгли, с пучком волос, стянутых на затылке резинкой. – Ах, да… Давай номер.

Он сбросил шестизначное число на мой «винт», а потом на дисплее долго не появлялось никаких сообщений. И тогда я набрал:

– Слушай, ты думаешь, можно еще что-то исправить, если удастся туда попасть?

– Не знаю. Но попробовать мы обязаны.

– Хорошо, – ответил я, – Постараюсь больше не теряться. Конец связи.

– Удачи тебе…

Удача, это хорошо. Она нам всем нужна. Но зачем я, интересно, понадобился Нортону? И почему меня разыскивает он, а не спецагенты или Стрэдфорд, что было бы логичнее?

Додумать я не успел, потому что на экране монитора вновь

появились буквы:

– Здравствуйте, Хопкинс.

Я озадаченно покрутил головой, поколебался и отстучал:

– Кто это?

– Кэрол Тренси.

Вот уж кого не ожидал! Я растерялся по-настоящему, так, что не сразу сообразил, что собеседник ждет ответа.

– Вы на связи? – появилось на экране.

– Да, – заставил себя отозваться я.

– Послушайте, Эндрю, неужели вы всерьез верите в то, что в Зоне Сброса может образоваться какое-то подобие центра, координирующего действия виртала? Поверьте мне, это откровенная чушь. Проще допустить, что там формируется Правительство нового правопорядка –).

– Это не смешно! – сердито отстучал я.

– Согласна, – отозвалась невидимая собеседница. – Хотя политика всегда появляется там, где концентрируется человеческая боль. Правда, к нашему случаю это не имеет отношения.

– А что же, по-вашему, происходит в этой треклятой зоне?

– Ничего. Свалка, как вы ее называете, это всего лишь граница между мирами, граница, которую обитатели Зоны не в состоянии пересечь.

– О каких мирах вы говорите? Реальном и виртале?

– Нет, Эндрю. Таких миров в чистом виде больше нет.

– То есть, по вашему мнению, наш мир, мир человечества прекращает свое существование?

– Не так. Он изменяется, но только по вине и желанию самих людей, ведь виртал – порождение человеческой цивилизации.

– Я не верю вам! Нужно сделать все, чтобы сохранить человечество и его достижения.

– Какие, например?

Мне показалось, что этот вопрос полон ехидства и я ответил не задумываясь:

– Все без исключения! Прежде всего, свободу выбора.

– Господь с вами, Эндрю, – появилось на экране, – Посмотрите на себя. Разве у вас была когда-нибудь свобода? В лучшем случае, от сих до сих. Люди упорно цепляются за свою иллюзорную независимость, но не дай Бог, случится что-то серьезное, и куда все пропадает? Способны к борьбе единицы, абсолютное же большинство, поворчав, принимает все изменения, от кого бы они не исходили: власти, более сильных соседей, хозяев, начальничков…

– Что из этого? Нужно просто любить человечество!

– Со всеми его ошибками и недостатками?

– Да! Кто-то сказал, что недостатки, суть продолжение достоинств. Не стоит об этом забывать. И если какая-то черта свойственна человеку, ее необходимо сохранить!

– Мне жаль вас, Хопкинс…

– Не стоит. Я понял главное: на этот раз отсидеться не удастся никому. И я не буду отсиживаться. Я разберусь с тем, что происходит на свалке. Да и не я один. И остановить нас не удастся! Считайте, что Эндрю Хопкинс вновь вышел на тропу войны.

– Мне жаль вас…

Разговор прервался. А я уже не мог успокоиться. Черт! Как легко все у нее получается… И как же нужно презирать и ненавидеть человечество, чтобы спокойно наблюдать за его гибелью?.. Жаль только, что так и не понял, какие миры она имела в виду. Поторопился, поддался эмоциям. Ну, ничего, узнаю при встрече…

И я набрал номер видеокомпа Дэвида Нортона.

Экран долго мерцал голубым светом, не выдавая никакого изображения. Я включил повторный набор номера – опять ничего. И только после четвертой попытки на экране появилось усталое, осунувшееся лицо Дэвида.

– Хопкинс?! – оживился он. – Жив-таки. А мы уж думали, что тебя…. Ты ведь попал с этим полковником в самое пекло.

– И не говори, – согласился я. – Опять повезло, – потом, криво улыбнувшись, добавил: – Но если вы решили, что я отправился погостить на тот свет, какого черта ты дал в хакерский чат свой телефон?

Нортон тоже улыбнулся, с хитрецой, но все же открытой улыбкой.

– Ты ж везунчик. Стрэдфорд нам все уши прожужжал, как ты укрылся в игре, которая даже при выключенном сервере не свернулась.

– А ты знаешь, что это была за игра? – спросил я.

– Нет.

– «Вторжение».

– Ну и что? – пожал плечами Нортон.

– Я ведь докладывал шефу. Эти твари с полыми щупальцами оттуда.

– Ты имеешь ввиду горгон?

– Вообще-то, в игре они назывались хаанами.

Дэвид крякнул, а потом решительно сказал:

– Слушай, ты мне нужен.

– Зачем? – осторожно поинтересовался я.

– Возникла одна идея. Если выгорит – мы получим над всей этой нечистью военное преимущество.

– Думаешь, это возможно?

– Ну вот! – заорал Нортон, наливаясь кровью. – Почему я должен всех упрашивать, убеждать? Запомни: запас прочности у человечества гораздо выше, чем мы можем себе представить. Если понадобится, пойдут воевать, и подростки, и домохозяйки. Пойдут, чтобы защитить свой дом, детей, семью.

– Ага, что-то подобное я уже слышал. Домохозяйки управляющие государством…

– Классиков коммунизма почитываешь? – хмыкнул Дэвид. – Ладно, сейчас не до философских дискуссий. Просто не путай божий храм с хот-догом. Пойми: мы не имеем права опускать руки. Пока еще есть относительное равновесие сил, мы…

– Равновесие? – ошалело уставился я на него. – Ты, наверное, спятил, Нортон! Или не смотришь новости?

– Смотрю, – буркнул он, – но кому верить? Тут полно военных, сам Президент, сенаторы. Позавчера прилетели главы сразу нескольких государств. Все твердят о скорой победе, стоит, мол, еще чуть-чуть поднажать, чуть-чуть напрячься – и враг будет разбит.

– Подожди, – сказал я. – Ты уверен, что они говорят правду?

– Откуда я знаю? – Дэвид в упор посмотрел на меня.

– А интернетовским сообщениям верить можно? Что, если они – дезинформация, запускаемая в сеть вирталом?

– Ты свихнулся? – зло спросил Нортон. – Виртал есть виртал, он не человек, чтобы дезу гнать.

«Ну и лексикон, – подумал я. – Неужели он и в самом деле был когда-то хиппи? Сколько ж ему тогда лет»?

Впрочем, ответ на этот вопрос можно было получить и потом. Были проблемы более животрепещущие. Я рассказал Дэвиду о том, что видел на сетевой свалке, и что по поводу нее думают в хакерском чате.

– Нет, – задумчиво проговорил Нортон, – не может этого быть. Виртуальность – это множество программ, хоть и связанных одним стержнем, но между собой не пересекающихся. Чтобы возникнуть разуму, нужно очень многое. Ты знаешь, сколько бились компьютерщики, пытаясь создать искусственный интеллект? И ни фига у них не получилось. А тут он вдруг возникает спонтанно, практически на пустом месте… Это исключено.

– Значит, эти хааны, то бишь горгоны, неразумны?

– Разумеется, нет. Они действуют в соответствии с простейшей программой. Увидел человека – стреляй, увидел,

предмет по параметрам схожий с заданным – стреляй. Это живые куклы. Только вся беда, что эти куклы невесть как приобрели способность убивать по-настоящему.

Мысли Нортона о неразумности пришельцев совпадали с моими, что радовало, но до конца все равно не успокаивало…

– Ладно, – кивнул я. – Так зачем моя скромная персона понадобилась заведующему лабораторией виртуальных преобразований?

– Я теперь начальник отдела, – объявил после едва заметной паузы Дэвид.

– А Стрэдфорд?

– Его куда-то перевели, – скороговоркой пробормотал Нортон. – Подозреваю, что понадобился козел отпущения, вот и вспомнили о том, кто открыл механизм перехода материальных тел в виртуальность.

– Да, официально старик был первым, – согласился я. – Хотя на кастрюле с этим открытием давно уже подпрыгивала крышка. А что у тебя за идея?

– Видишь ли, кое-кому пришло в голову вытаскивать из виртала боевые машины для борьбы с пришельцами. Космические корабли. Мощные, с лазерными установками, с роботами-трансформерами!

«А что, может быть, это выход, – подумал я, – Бить этих тварей их же оружием. Но…»

– Но виртуальность же заблокирована.

– Глупости, – возразил Нортон. – Просто идет перегруз каналов. Они же перекачивают тысячи битов информации.

– Значит, вы продолжаете ходить в виртал?

– Да. Но сперва пробиваем каналы импульсным напряжением. Очистка происходит практически полная.

– Послушай Дэвид, а не проще отключить серверы? – прямо спросил я.

– Все до единого вырубить не получится. Некоторые уже под их контролем. Эх, если бы наши правители были чуточку решительнее, можно было многого избежать…

– А как там у вас? Неужели тихо?

– Какое там! Налеты чуть ли не каждый день. Только здесь войск стянуто видимо-невидимо. Пока все их атаки отбиваем.

Мы помолчали. Потом я спросил:

– А что конкретно нужно от меня?

– Слишком мало спецов, а техники из виртала требуется вытаскивать много, – пожаловался Нортон и сообщил, как о решенном: – Я высылаю за тобой Филетти.

Возражать я не стал, только спросил:

– Через виртал?

– А как еще можно к тебе пробиться?

– Никак.

– Вот и я о том же. Ладно, жди. Собери пока вещи. Самое необходимое. Остальное найдешь здесь.

– А мой номер видеокомпа?

– За кого ты меня принимаешь? – ухмыльнулся Дэвид.

Я запарковал по привычке компьютер и выдернул вилку из сети. Затем, оглядев комнату, понял, что и брать с собой, в общем-то, нечего. Прошел в душевую, забросил в сумку бритвенный прибор, расческу, зубную щетку, достал из шкафчика изрядно помятое цэрэушное удостоверение и отправился на кухню.

Серое от дыма пожарищ солнце выползало из-за океана, волоча за собой новый день. Еще один день тревог, надежд и лишений.

Я вздохнул, открыл банку и слопал тунца, решив, что будет полезнее, если он окажется в моем желудке, нежели на дне сумки. После этого спустился к портье, отдал ему ключ от квартиры и заплатил за проживание на полгода вперед.

Старик долго смотрел на деньги слезящимися глазами, а потом спросил:

– Вы думаете, через полгода от Нью-Йорка еще что-то останется?

– Надежда умирает вместе с нами, – как можно бодрее улыбнулся я. – Присмотрите за квартирой. Даст Бог, еще вернусь.

– Не волнуйтесь, – кивнул портье. – Присмотрю. А вы куда? Неужели в армию?

– Можно сказать и так.

– Это хорошо, – вздохнул старик. – На то мы и созданы, чтобы воевать. Будь я лет на двадцать моложе…

– Будьте здоровы, – сказал я и, повернувшись, направился к лестнице, зная, что старик печально смотрит мне вслед.

Бруно в полном снаряжении виртуального курьера уже вольготно развалился в кресле и сиял своей неизменной улыбкой.

– Привет, старина! – радостно заорал он и сжал меня в объятиях.

– Задушишь! – хлопая итальянца по спине, сказал я.

– Ну что, готов потрудиться на благо человечества? – спросил Филетти, вытягивая из армейского ранца ВР-костюм.

– Странный ты человек, – сказал я. – Веселишься, когда, в общем-то, не до веселья.

Бруно перестал улыбаться и серьезно посмотрел на меня.

– Во-первых, я радуюсь встрече с тобой, а во-вторых, что, по-твоему, нужно делать? Ходить, понурив голову, и вопить на каждом углу, что все пропало, что всем нам теперь полный… сам понимаешь что. Нет, дружище, я буду драться до конца и даже перед смертью улыбнусь, потому как знаю, что прожил свою жизнь не так уж и плохо.

– Убедил, – вздохнул я и принялся одевать костюм. – Лучше расскажи, как дела?

– Поспал, пожрал и вкалывать, поспал… ну, и так далее. Бездельничать некогда да и не хочется.

– А как остальные?

– Нормально. Работают. Даже теоретиков погнали в виртал.

Я представил, как, отдуваясь и выражаясь совсем неграмматически, на себя напяливает костюм мокрый от пота Кристофер Шин, и мне стало весело. А потом я спросил о Кэрол.

– Три месяца назад ее забрали в четвертый отдел, – сухо сообщил Бруно.

– Куда?

– В контрразведку. Представляешь, она оказалась шпионкой. Сама в этом призналась.

– В чем?

– Она была виртуальным клоном. Ожившим графобом. Вот так. А ты-то решил, что Кэрол – бывшая страшилка, из-за которой тебя судили… Клон! Такое никому и в голову не могло придти!

– И что с ней случилось? – напряженно спросил я.

Итальянец пожал плечами.

– Хотели устроить показательный процесс. Как же – арестован агент виртала! Потом что-то не заладилось. Наверное, судейским стало не до ярких шоу. Знаю одно: Кэрол быстренько осудили и отправили на электрический стул.

В горле у меня пересохло. Я даже выронил шлем, который собрался уже было одеть на голову.

– Когда… – я прокашлялся. – Когда это произошло?

– В прошлом месяце. А что?

Я недоуменно посмотрел на Бруно.

– Сегодня Кэрол связывалась со мной по инету.

– Не может быть, – Филетти отрицательно покачал головой. – Информация у меня стопроцентно достоверная. Кто-то тебя разыграл.

Отвечать ему я не стал. Господи, ну почему все так страшно? Еще один грех на мою душу… Я уже не вспоминал о том, что Кэрол не была, по сути, человеком – передо мной стояли ее глаза, в ушах звучал печальный голос… Я и никто другой раскрыл ее

тайну Стрэдфорду, в нужный для него момент старик использовал информацию, а потом машина заработала… «История, достойная Рабле…»

Значит, я опять ошибся, и Кэрол действительно была дублем мисс Тревор. Дублем, готовым на все, лишь бы не принести вред своему создателю. Кэрол понимала, что, рассказав все секретным службам, она поставит под угрозу существование и остальных клонов, и, прежде всего, самой Маргарет.

И тут меня взяли сомнения. Я ведь не знаю, чем была для нее мисс Тревор? Ну, создала она Кэрол по образу своему и подобию, взяв на себя функции Господа Бога. Но разве собственная шкура не дороже всех создателей? Нет, все могло быть гораздо прозаичнее, и Кэрол просто не рассчитала последствия ареста. Может быть, она даже попыталась что-то рассказать, да к тому времени контрразведке уже было не до нее. И мисс Тренси убрали, чтобы не мешала, не путалась под ногами. У ЦРУ стало на одну проблему меньше, вот и все. Вот только думать, что дело обстояло именно так, почему-то неприятно…

Связывалась со мной конечно Маргарет. Или очередной ее клон? Какая разница… Почему-то им очень важно, чтобы я оставил в покое Зону Сброса. Вот только, сегодня я все равно не узнаю правды, можно лишь строить догадки, но все равно не приблизиться к ответу ни на шаг…

Я поднял шлем, повертел в руках.

– Ну что, поехали?

И в этот миг в прихожей ожил звонок, заставив нас вздрогнуть.

– Кто это? – спросил Бруно.

Я пожал плечами и отправился открывать дверь.

На пороге стоял… Хэлтроп!

– Ха! – вскричал он. – Значит, Стоуни не ошибся. Ну, как ты, чертяка!

Я тоже был рад старине Хэлтропу. Вернувшись в Нью-Йорк, я даже некоторое время искал его. Но в том бардаке, что творился в начале нашествия, никто так и не смог вразумительно обьясить мне, где находится лейтенант.

– Проходи, рассказывай, как у тебя дела? – сказал я, заводя его в комнату.

– Ты не один? – спросил Хэлтроп.

– Это Бруно Филетти, мой коллега.

– По Стрэнку? – подмигнул лейтенант.

– Коп ты неисправимый, – расхохотался я. – Нет, Бруно не мой сокамерник. В последнее время я работал в ЦРУ.

– И каким же ветром тебя туда занесло? – удивился Хэлтроп.

– Попутным, – ответил я. – Хотя, не буду врать, довольно свежим. Не томи, рассказывай как ты.

– А что я? – пожал плечами Хэлтроп. – Сам знаешь, сколько сейчас работы.

– Да, – вздохнул я. – Откуда вся эта мразь выползла? И ведь начхать им на то, что идет война, что ежедневно гибнут сотни тысяч людей. Почему так, лейтенант? Я не понимаю, почему люди могут быть хуже скотов?

– Они всегда были скотами, ими и сдохнут, – нахмурился Хэлтроп. – Не хочется даже говорить об этом. Прости, но времени в обрез. Я ведь заскочил на минуту, хотел проверить, что за Хопкинс зарегистрировался по этому адресу.

– Тот, – улыбнулся я, – тот самый.

– Вот и замечательно. В следующий раз наговоримся. Когда тебя можно будет застать?

– Увы, – я с грустью посмотрел на лейтенанта. – Наверное, не скоро. Мы сейчас же отправляемся в Лэнгли.

Хэлтроп понимающе посмотрел на меня и протянул руку.

– Прощаться все же не будем. Может, еще и свидимся.

– Может быть. Передавай привет Стоуни.

Лейтенант кивнул и направился в прихожую.

Уже на пороге я спросил его:

– Да! Как твоя семья, как мальчишки?

Хэлтроп как-то странно посмотрел на меня, и тихо выдавил:

– Нет их больше. Сгорели вместе с домом. Даже пепла не осталось…

И он побежал вниз по ступенькам, а я еще долго смотрел ему вслед.

Потом появился Бруно.

– Нам пора, – положив руку мне на плечо, сказал он. – Канал может зарасти.

– Как это? – спросил я, пытаясь сосредоточиться.

– Мы чистим его импульсом, но потом эта нечисть прет опять, словно дождевая вода в водосточную трубу.

Я закрыл дверь на все замки, накинул стальную цепочку, и мы надели шлемы.

– Раз, два три, – сказал Бруно. – Как слышимость?

– Нормально.

– Тогда с Богом.

Модуль на огромной скорости шел по туннелю. Иногда я успевал заметить какие-то тени, шарахавшиеся в стороны. Порой нас подбрасывало в креслах, как будто мы ехали по сильно пересеченной местности.

– Что-то с машиной? – испуганно спросил я, когда тряхнуло в очередной раз.

– Нет. Это вирусы. Многие не успевают уступить нам дорогу.

И тут же что-то влепилось в лобовое стекло, размазавшись по обтекателю кровавым пятном.

– Черт! – пробормотал я. – Такое ощущение, будто мы в реальности. Я понимаю, в играх программисты стараются выписать весь антураж до мелочей, иначе их продукция просто не будет раскупаться, но почему здесь, в обычном телефонном кабеле все выглядит столь же реалистично?

Бруно пожал плечами:

– У меня тоже бывают моменты, когда я не понимаю, в реале еще нахожусь или уже в виртуальности. Дикое ощущение. Стоишь, смотришь по сторонам и думаешь, сон это или явь?

– Слушай, – сказал я. – А как вы собираетесь вытаскивать технику из виртала? Это же не пистолет или рюкзак – чтобы извлечь на свет божий какого-нибудь робота, не говоря уже о боевом корабле, энергополя костюма наверняка не хватит.

– Не волнуйся. Мы там такую штуку построили, обалдеешь, когда увидишь. Братья Обермайеры придумали. Это своего рода портал между нашим пространством и виртуальностью. Строителей согнали со всей округи, но управились за четыре недели. В нормальное время и года бы не хватило. Только вот построить-то построили, а потом призадумались, как этой самой техникой управлять. Хотели вытащить базу из «Домашнего мира». Здоровенная такая космическая платформа, несущая до сотни боевых кораблей. А наши пилоты глянули на приборы и приуныли. Говорят, на то, чтобы разобраться в них, лет пять уйдет.

– Это как раз не проблема, – задумчиво сказал я. – Есть игра, где космическими истребителями управлять проще, чем автомобилем. Там даже руль имеется, а чтобы начать стрельбу, нужно нажать, как ты думаешь на что? Ни за что не догадаешься. На клаксон!

– Смешно, – без улыбки ответил Бруно. – Но это как раз то, что нам нужно. И где ты видел такие истребители?

– В той самой игрушке, откуда вылезли хааны, или как их еще называл Нортон… Черт, не помню.

– Ты о горгонах, что ли?

– Да. Самое главное, что эти драндулеты весьма лихо разносят корабли хаанов.

– Думаешь, получится их оттуда достать?

– Не знаю, но попробовать можно. Да, кстати, помнишь, ты как-то говорил мне, что оружие из виртала даже стрелять не

может?

– Чего ж не помнить, – ответил Бруно. – Но ты же мне не поверил. И правильно сделал. Иначе никогда бы не вытащил меня из МИ-5. А вообще, сосунки мы еще во всем этом. Забрались куда-то, а куда – до сих пор понять не можем… Зато были уверены, что все нам подвластно, что мы хозяева мироздания, и Вселенная вертится только вокруг нас. Вот и поступали, как сопливые дети, интереса ради решившие засунуть пальчик в электромясорубку. И нам оттяпало этот пальчик. По самое горло оттяпало…

– Осторожно! – воскликнул я, увидев сквозь прозрачный купол что-то огромное, закрывающее чуть ли не весь туннель.

Пальцы Бруно быстро забегали по кнопкам, и модуль начал тормозить. И чем меньше становилась скорость, чем ближе мы подъезжали к огромному, размахивающему лапами чудовищу, тем отчетливее становились его очертания.

А потом мы разом выдохнули: «Кинг-Конг!» – и выпрыгнули из виртала.

Мы оказались на краю леса. Сквозь редкие деревья и чахлый кустарник проглядывали зеленые холмы и небольшая ферма, примостившаяся на краю оврага.

– Ты думаешь, нам удастся одолеть их всех? – спросил Бруно, все еще находясь под впечатлением увиденного секундой раньше.

– Не знаю, – честно ответил я.

– Мама мия, – вздохнул итальянец. – Оно нам надо было? А?

– Что именно?

– Ну, выдумывать всех этих тварей.

Я пожал плечами.

– Мы так жили, – сам себе ответил Бруно, – скучно, однообразно, без приключений и тревог. Даже убивать научились скучно, издалека, так что и не заметишь, как к тебе подкралась смерть. Не то, что раньше, когда рыцари выходили на поединки, сверкали мечи, звенело железо. Кто сильнее, выносливее, хитрее – тот побеждал. Из-за чего началась эмансипация? Потому что мужчины стали вырождаться. Где бицепсы, где широкие плечи и грудь колесом? От безделья мы стали женоподобными. А дремучие, почти уже угасшие инстинкты требовали адреналина в крови, острых ощущений, которых не получить в бесконечных переездах в комфортабельных авто. Вот мы и создали виртуальность, где можно было надеть на себя личину супермена и гоняться за всякой нечестью под присмотром системных операторов, чтобы, не дай Господь, кто-нибудь не получил в этих игрищах болевого шока, выходящего за пределы нормы. Ну да ладно, не в этом сейчас дело…

– Как нам теперь добраться до Лэнгли? – прервал я его излияния.

– Придется связываться с Нортоном, – ответил Бруно. – Пусть Смит пригонит сюда трехместный модуль.

– И такие уже есть?

– У нас много чего теперь есть. Дик Джексон по нескольку дней от компьютера не отходит, программирует амуницию, прочие аксессуары. Так что экипированы мы теперь по высшему классу.

– А раньше он не мог этим заняться? – раздраженно поинтересовался я.

– Куда ему было торопиться? Основным он и так нас снабжал. Ну да ладно, нам еще надо выяснить, если на этой ферме видеокомп или на худой конец обычный телефон? Пошли.

– Постой, – сказал я. – Выйти на открытое место мы всегда успеем. Давай отсюда глянем, стоит ли туда соваться.

– Думаешь, опасно?

– Черт его знает… Я уже собственной тени боюсь.

Мы включили телесистему шлемов, и ферма оказалась прямо перед нами – только руку протяни.

Вроде, все было тихо. Куры бегали по двору, меланхолично жевали сено коровы, окна дома были нараспашку и тюлевые занавески испуганными птицами метались на ветру.

– Тебе не кажется странным, что коровы стоят в стойлах, а не пасутся? – спросил Бруно.

– Мало ли, – ответил я. – Может, хозяева боятся их выпускать. Сам знаешь, какие сейчас времена. Народ из города попер, а кормиться ему чем? Вот то-то.

– Ну что, идем или нет?

– Подожди. Я бы хотел кого-то из людей увидеть. Скотине и черт лысый не страшен. На то она и скотина.

Спрятавшись за деревьями, мы продолжили наблюдение. Минут через десять из дома вышел угрюмого вида мужичок лет пятидесяти, заросший седой щетиной, какой-то дерганый и неуклюжий.

Опасным он не выглядел, и мы выперлись из леса, не забыв, конечно, снять шлемы, чтобы не напугать простодушных фермеров своим грозным видом. Шли, не прячась, словно совершали утренний моцион, потому хозяин заметил нас задолго до того, как мы подошли к плетеной изгороди. Он стоял возле хлева, упершись подбородком о черенок вил, и как-то странно глядел на нас. Поначалу я и не понял, что же особенного в этом взгляде, но когда мы приблизились еще на несколько шагов, осознал, что у мужичка нет белков. Точнее они были, только

красные, налившиеся кровью, будто все сосуды в глазах лопнули одновременно.

– Что вам здесь нужно? – проскрипел фермер.

– У вас есть видеокомп? – спросил Бруно.

– Нет.

– А телефон?

– Тоже нет. Убирайтесь отсюда! Это моя земля.

Но тут на пороге появилась женщина. Было ей далеко за сорок, однако, следы прежней привлекательности все еще проступали на сером изможденном лице. А вот глаза… Глаза у нее были такие же, как и у ее муженька, или кем он там ей приходился.

«Конъюнктивит у них, что ли?» – подумал я.

– Прекрати, Том, – закричала женщина, вытирая руки о передник. – Разве не видишь, что это солдаты?

– Ну и что с того?

– А день сегодня какой, ты тоже позабыл?

Лицо фермера перекосилось в странной, какой-то даже хищной ухмылке.

– А ведь ты права, старая!

И уже обращаясь к нам, он добавил слащавым тоном:

– Проходите, гости дорогие. Небось, устали с дороги, проголодались.

Бруно удовлетворенно хмыкнул, мне же все происходящее показалось несколько странным, но, честно говоря, не было ни сил, ни желания разгадывать еще и этот ребус. Покормят, и на том спасибо.

Мы вошли в дом вслед за хозяйкой. Не было там ничего, достойного описания. Разве, что запах. Запах мне очень не понравился. Несло плохо выделанными шкурами и еще чем-то непонятным, но донельзя омерзительным. Мне сразу захотелось вернуться на свежий воздух, но голодный желудок властно скомандовал обратное. Пришлось смириться и сесть за стол, сколоченный из простых досок, до блеска отполированных хозяйскими локтями. Впрочем, когда на столе, дымясь и скворча маслом, появилась огромная сковородка с яичницей и беконом, я совершенно забыл об отвратном запахе.

Я накинулся на еду, с благодарностью поглядывая на хозяйку, которая села напротив нас и, подперши руками подбородок, с умилением смотрела, как мы, обжигаясь и закатывая глаза от удовольствия, поглощаем содержимое сковородки.

И опять мелькнула мысль о неправильности происходящего. Ладно я обжираюсь – давненько не удавалось поесть досыта, но

Бруно-то почему ведет себя так, словно неделю маковой росинки во рту не имел?

А фермерша радостно улыбалась.

– Оголодали бедные, – вздыхала она. – Нынче всем тяжело, но нас, тьфу-тьфу, напасть стороной обходит. Мы ведь на отшибе живем, людей месяцами не видим.

– А где мы, собственно, находимся? – пробубнил, набив рот, Бруно.

– Как где? В Долине оборотней, где ж еще?

– Что?! – поперхнувшись куском мяса, прохрипел итальянец.

Я же уже стоял на ногах, и рука непроизвольно тянулась к карману, где лежал мой «узи».

– Да что с вами, касатики? – всплеснула руками фермерша. – Мы днем людей не едим, чего боитесь-то?

Бруно закашлялся. Я левой рукой хлопнул его по спине, а правой вытащил на свет божий свой пистолет-пулемет. Филетти тоже потянулся к оружию, но тут сзади, сквозь открытое окошко громыхнул голос хозяина:

– Вяжи их, старая! Вяжи! Сбегут!

Зарычав, фермерша подхватила одной рукой тяжелый стол и отбросила его в сторону, словно пушинку. От неожиданности Бруно отшатнулся, перевалился через скамью, на которой сидел, и приложился головой об пол. Кажется, на какое-то время напарника я лишился. Ну, ничего, и сам отобьюсь.

Я выстрелил. Хозяйку отбросило к стене, но не остановило? Она легко поднялась на ноги и вновь двинулась на меня. Сзади кряхтя лез через подоконник ее муженек.

Стараясь не терять из поля зрения обоих оборотней, я нажимал и нажимал на курок. Но моя пальба была им, что мертвому клизма. Словно мячики от пинг-понга, оборотни отлетели назад, но снова поднимались на ноги и шли на меня, рыча и брызгая красной слюной.

И тут до меня дошло: оборотней во всех фильмах, что мне доводилось видеть, убивали серебряными пулями, и никак иначе… Черт возьми, и угораздило же нас выпрыгнуть в какую-то игру! Как это, вообще, могло произойти?..

Слава Всевышнему, Бруно наконец очнулся, ошалело покрутил головой и тут же подхватился на ноги.

– Шлемы! – заорал я. – Вытаскивай шлемы!

Итальянец бросил мне сумку, а сам принялся расстегивать свой ранец. Но оборотни тоже не теряли времени даром. В руках у хозяина появилась веревка с петлей на конце. Мгновение – и она захлестнулась на шее у Бруно. Он дернулся, сделав попытку высвободиться, но оборотень резким рывком свалил итальянца на

пол.

Бруно лежал у моих ног, словно рыба, пойманная хитрым рыбаком, и с трудом всасывал воздух открытым ртом.

– Дернешься – твой дружок…

Не став дожидаться конца фразы, я положил «узи» на пол.

Женщина, если, конечно, ее можно было назвать женщиной, тут же отбросила оружие ногой и, зло ощерившись, залепила мне такую оплеуху, что перед глазами пошли круги, и я провалился в беспамятство.

Очнулся я в преисподней, ибо где еще могло быть так темно? Попытался пошевелить руками, потом ногами… Я был накрепко связан. Плохо, очень плохо. Опять я вляпался. В который уже раз. Будто все напасти в этом мире были уготованы лично для меня.

Я вспомнил, что уже когда-то думал о чем-то подобном, и вздохнул. Захотелось завыть от обуявшей меня тоски, но тут я вспомнил об оборотнях и решил, что подражать волку будет неуместно.

И еще мне было очень жарко. Мы ведь так и торчали до сих пор в прорезиненных ВР-костюмах. Тело чесалось, свербело, зудело и орало вовсю: «Поскреби меня, или я доведу тебя до сумасшедшего дома»! Но что я мог сделать?

Рядом застонал Бруно, и это меня обрадовало. Значит, нас решили не разлучать. До самого ужина, на котором главным блюдом на местной кухне должны стать мы.

– Эй! – позвал я. – Как ты там?

– Кто здесь? – прошептал итальянец.

– Тень отца Гамлета, кто же еще?

– Шутить изволишь, Хопкинс? Ну-ну.

– А что остается делать? Страх нам сейчас не помощник. Надо думать, как выбираться отсюда.

– А где мы? – спросил Филетти.

– Я почем знаю. В подвале, наверное.

– Ты связан?

– Нет, просто вставать лень. Хочу еще понежиться.

– Да хватит тебе. Я ведь серьезно.

– И я тоже. Просто не нужно задавать глупых вопросов.

– Вот как, – вздохнул Бруно, – помнится, однажды я тебе сказал то же самое.

– С тех пор, как связался с тобой, я поумнел. Лучше скажи, почему это нас из виртала выбросило в игру, а не в реальность?

– А ты уверен, что это игра?

– Я не знаю на Земле место, которое называется Долиной оборотней. А ты?

– Раньше такого не было, а теперь ни за что не могу поручиться. Эта виртуальная дрянь расползлась по всей планете. Но есть и люди, с удовольствием уходящие в виртал.

– Как это? – не понял я.

– Недавно, например, целый отряд наемников отправился под знаменами пришельцев с Альфы Центавра, чтобы завоевать для них трон какого-то царька. Заплатить им обещали весьма прилично. Сам видел объявление в одной газетенке.

– Рехнуться можно, – только и сумел вымолвить я.

Мы помолчали, потом Бруно спросил.

– От веревок не пробовал освободиться?

– Дохлый номер. Свое дело этот паразит знает туго…

Теперь мы замолчали надолго.

Над головой что-то заскрипело, и тут же стало светлее. Я, дергаясь всем телом, словно гусеница, перевернулся на спину и увидел над собой светлый прямоугольник, в котором через секунду показалась отвратительная рожа оборотня. Он все еще выглядел человеком, значит, наше время пока не пришло.

В дыру в потолке полезло что-то длинное и решетчатое, и я понял, что это лестница.

Оборотень спустился вниз и, ухватившись за веревку, рывком забросил меня себе на плечо. Затем он проделал с Бруно то же самое и полез обратно. Добрался до лаза и, упершись коленями в перекладину, забросил наверх сперва итальянца, а потом и меня.

Я стукнулся затылком о деревянный пол и до крови прикусил себе язык. Пока приходил в себя, оборотень успел выбраться из подвала и, увидев кровавую пену на моих губах, облизнулся. Вот тварь!

Мы находились в каком-то сарае. Вдоль стен шли полки с банками, коробками и разноцветными пакетиками, в углу валялось старое тряпье, а на перекосившемся, с обломанной ножкой, столе высились стопки аккуратно повязанных бечевкой газет, на которых жирными, угловатыми буквами выделялись заголовки: «Герцогство Карра объявило трехдневную войну», «Для индивидуальной работы с клиентами требуются вампиры. Обращаться в пункт переливания крови», «Потерялся зомби. Верните за вознаграждение», «Бронеходы канцлера Пизенского прорвались в оазис Везель-Вулла», «Молодой симпатичный бес ищет ведьму для создания семьи».

«Бред какой-то, – подумал я. – И кому взбрело в голову создавать подобную игру? А ведь создали нам с Бруно на погибель. Тьфу, напасть!»

Оборотень снова сгреб нас, подошел к двери, толкнул ее

ногой, и мы оказались во дворе. Огромное солнце, откормившееся за день на небесных своих пастбищах и увеличившееся чуть ли не вдвое, опускалось за кромку леса, выставив на всеобщее обозрение толстый, красный зад. А с востока черной стеной шла тьма.

Выползла во двор фермерша, голая и страшная, как смерть. Муженек лишь покосился на нее и принялся нас развязывать, не забыв, правда, приковать наручниками друг к другу.

Чертовски неприятно чувствовать себя чьим-то ужином. Бруно тоже было не по себе, он изредка клацал зубами и мелко подрагивал.

– Не психуй, – сказал я.

– Ага, – всхлипнул Филетти, – самое время радоваться тому, что нас сейчас на куски нашинкуют.

Вот посерели и исчезли последние розовые отблески заката, и тут же взвыли, застонали хозяева фермы. Из пальцев их ног полезли длинные когти, а тела стали покрываться каким-то белым пухом. Сзади, из того самого места стали вылезать хвосты, но какие-то странные, покрытые перьями. Прошло еще мгновение – и на руках оборотней тоже начали расти перья, а носы превратились в мощные, слегка загнутые книзу, клювы.

– Санта Мария! – закатив глаза к небесам, взмолился Бруно. – Не оставляй сына своего на съедение нечисти, защити и спаси!

И тут я расхохотался. Я сгибался пополам и был не в силах остановить истерический смех.

– Это… Это… – захлебываясь, кричал я. – Это детская игрушка. Страшилка! Понимаешь? Как они нас красиво! А?! Как красиво!

А возле наших ног весело копались в навозе, выискивая червячков, курица и петух.

Исхитрившись, я отвесил петуху хорошего пинка. Тот закудахтал и обиженно посмотрел на меня красным глазом. Ключи от наручников поблескивали на земле.

Мы вернулись в лес, разыскали то самое место, откуда вышли из проекции кабеля и, надев шлемы, прыгнули в виртал.

Повезло с первого же раза. Попали мы в тот самый туннель, только вот модуль… В общем, это был уже не модуль, а куча виртуального металлолома. Кинг-Конг повеселился на славу.

– Что будем делать? – спросил Бруно.

– Разве первоначальный план отменяется? Вернемся в реальность и вызовем Смита.

– А если опять напоремся на какую-нибудь детскую страшилочку, от которой взрослые дяди едва с ума не сходят?

– Да ладно тебе. Я с самого начало понял, что там что-то не так.

– Ага! Он все понял. Уж помолчал бы, что ли? Думаешь, я не видел, как тебя перекосило? Ты же весь белый был, как моя задни…

– Убью! – сказал я.

– Синхронизация, – скомандовал Бруно.

Шел противный затяжной дождь, а мы стояли в кювете возле раскисшей, разбитой колесами машин проселочной дороги, которую и дорогой-то трудно было назвать – так, сплошное черно-желтое месиво. И по этому месиву, завывая моторами и поминутно увязая, буксуя и сползая к кюветам, медленно, словно черепахи, шли грузовики. В них сидели мокрые, усталые люди, в основном женщины и дети. Они держали на коленях большие узлы, а руками цеплялись друг за друга, чтобы не вылететь за борт, если сильно тряхнет.

На другой стороне дороги лежал танк, опрокинутый пузом кверху. Башня его валялась метрах в двадцати, целясь дулом в низкое черное небо. А дальше, в километре, а то и в двух, виднелся город.

Грузовики прошли, поливая нас струями грязи из-под колес, но еще долго рев их моторов звоном отдавался в ушах.

– Ты знаешь, где мы? – спросил Бруно.

– А?

– Где мы, говорю?

– Понятия не имею.

– Надо было остановить грузовик и спросить, что это за город?

– Так бы они тебе и остановились. Какой дурак станет останавливаться на такой дороге? Колеса увязнут, и машину потом черта с два из грязюки вытащишь.

– Да, ты прав, – согласился итальянец. – Ну, ничего, скоро все узнаем.

– Подожди, – попросил я, достал нож и принялся сдирать им комья грязи с подошвы.

– Бессмысленно, – махнул рукой Филетти и пошел вперед, не дожидаясь меня.

Из-за поворота, надрывно ревя мотором, выполз тягач, виляя прицепом по всей дороге. Бруно остановился, поколебался мгновение и спрыгнул в кювет.

Полыхнуло. Тугой волной ударила по ушам волна воздуха, и я, заорав, побежал вперед.

Бруно лежал в грязи. Ног у него не было. Из обрубков,

пульсирующими фонтанами била кровь.

Я спрыгнул в кювет, совершенно не заботясь, есть ли там еще мины, и подбежал к нему. Итальянец был еще жив, он еще дышал и шевелил губами, пытаясь что-то сказать.

– Молчи! – закричал я. – Сейчас остановлю машину и отвезу тебя в город, в больницу, ты только потерпи. Я сейчас.

Но Бруно ухватил меня за рукав и потянул к себе.

– Слушай, – прошептал он. – Тот оператор на хакерском чате мой хороший друг. Я сразу понял, что Растерявшийся это ты…

– Почему же ты не сказал мне об этом?

– А зачем? Мы же хакеры, мы ломаем программы, а значит, мы вне закона…

– Хорошо. А теперь помолчи, – попросил я. – Тебе надо беречь силы.

– Мне уже ничего не надо беречь. Но пока эти самые остатки сил у меня есть, поклянись, что отыщешь свалку.

– Обещаю, – пробормотал я.

– Я ведь и сам ее искал, – улыбнулся окровавленным ртом Бруно. – Все эти месяцы. Но не нашел. Вход, наверное, есть только в той игре, но я так и не рискнул туда суну…

Он выдохнул воздух и уставился стеклянными глазами на этот мир, уже пребывая в ином. Ладонью я опустил ему веки и, задрав голову, громко закричал:

– Кто бы ты ни был, я до тебя доберусь! Слышишь? Тебе не уйти от меня!

В город я вошел около полудня. Пустынные улицы были завалены всяким хламом: обломками мебели, стеклом, горелыми шинами. Все, как в Нью-Йорке, с одной лишь разницей – это был маленький городок: с одного его конца был виден другой. Впрочем, я не собирался здесь останавливаться. Мне нужен был видеокомп или телефон.

Обращаться в первую же попавшуюся квартиру не имело смысла, меня просто не пустили бы на порог. Правда, после достаточно продолжительных поисков я мог наткнуться на брошенную квартиру с работающим телефоном. Но черт его знает, сколько времени у меня ушло бы на ее поиски? Поэтому я решил найти полицейский участок, который, как водится в маленьких городках, должен был располагался ближе к центру…

И я его нашел, только он был закрыт. Металлические двери, решетки на окнах – внутрь не попасть. Я сел на ступеньки и бездумно уставился на единственную, наверное, площадь в этом городишке, названия которого я до сих пор не знал, ибо кто-то обломал указатель на въезде.

Площадь была пуста, только высилась посреди нее статуя не то отца-основателя этого городишки, не то никому неизвестного, но знаменитого земляка. Лицо у статуи было хмурое, с насупленными бровями и кривым носом.

– Стоишь, – сказал я, – и на все тебе наплевать. Пройдут годы – люди уже не будут ходить по этой площади, а ты так и будешь таращиться на мир незрячими глазами. Разве ты поймешь, что творится в душе, когда дико и бестолково гибнут друзья?

Я провел мокрой ладонью по мокрому лицу, а когда опустил руку, увидел перед собой девочку в желтой полиэтиленовой накидке, совсем маленькую, лет семи.

Она стояла и смотрела на меня немигающими зелеными глазами.

– Ну, здравствуй, – сказал я. – Как тебя зовут?

– Кристина. А вы ждете шерифа Денкинса?

– Да, – ответил я.

– Его нет. Все давно уехали из города, а нас забыли.

– Кого это, вас? – настороженно спросил я.

– Ну, детей из нашего приюта. Директриса тоже сбежала, а нас не взяла. Зачем ей такая обуза? – и девочка по-взрослому поджала губы.

– Так, – сказал я, поднимаясь на ноги. – А кроме вас кто-нибудь в городе остался?

– Нет…

– Телефон у вас есть?

– Конечно, – улыбнулась девочка. – Только он давно не работает.

– И сколько детей в приюте?

– Четырнадцать.

«Замечательно, – подумал я, – великолепно. Сбежать, оставив детей. Разве жалко, ведь они чужие, не свои. И душа не болит, и сердце не кольнет спазмом совести. Черт бы нас всех побрал! Хотя… этим он сейчас и занимается».

Я протянул девочке руку и она уцепилась за нее, как за спасательный круг.

– Веди, показывай, где ваш приют, – сказал я.

Их действительно оказалось четырнадцать, испуганных, грязных, голодных. Старшему было лет десять, младшему – не больше трех. Они сидели в холодной, нетопленой комнате и жались друг другу, в тщетной надежде согреться. Кажется, у одного из них был жар, остальные усердно шмыгали носами. Я взял больного мальчика на руки, остальным сказал, чтобы шли за мной. Они продолжали сидеть, даже не пошевелившись.

– Пошли, – сказала Кристина. – Этот дядя нам поможет.

– Там дождь, – возразила самая старшая девочка. – Мы промокнем и заболеем. У нас же нет дождевиков, как у тебя.

Я кивнул.

– Ты права, а я об этом не подумал. Тогда сделаем так: оставайтесь здесь, а я что-нибудь придумаю.

Я вновь положил мальчика на кровать и достал из сумки плитку шоколада.

– Поделите на всех.

– Спасибо, – нестройно ответили дети.

Я проглотил комок, возникший в горле, и выбежал из дома, направляясь к въезду в город, откуда доносилось урчание моторов. Шла очередная колонна с беженцами.

Микроавтобус стоял на обочине, завязнув в грязи чуть ли не по самый кардан. Водитель – широкоплечий, краснорожий детина давил на газ и то открывал, то закрывал рот. Видимо, ругался. Потом он увидел меня, опустил стекло и, высунувшись в окно, заорал:

– Сам Бог тебя послал! Колонна ушла, никто не остановился. Сволочи! А ты что, от своих отстал?

Я молча обошел автобус, заглянул через стеклянное окошко в салон. Барахло. Под самую завязку.

Вернулся к кабине, спросил:

– Куда едешь?

– К брату на ферму.

– Сколько отсюда до Вашингтона?

Водитель посмотрел на спидометр, что-то прикинул в уме и сказал:

– Пятьдесят четыре мили. С хвостиком.

– Так близко? – удивился я.

– Ты что, совсем заплутал? – хмыкнул водитель.

– Ага! – кивнул я и добавил. – Ладно, давай помогу.

Автобус дергался, откатывался назад, и снова шел вперед, раскачиваясь, словно маятник. Но амплитуда становилась все больше и больше, покуда, наконец, двигатель не сорвался на вой, почувствовав, что жижа уже не так сильно держит колеса в своих липких объятиях.

Через секунду, совсем освободившись, автобус обдал меня грязью с ног до головы и рванулся вперед.

– Эй! – заорал я. – Остановись!

Водитель высунул в окно руку и показал мне средний палец, сжав остальные в кулак. Красноречивее жеста не бывает.

Я вытащил пистолет и выстрелил в колесо.

Машину кинуло в сторону, она завиляла, потом пошла юзом. И все же водителю удалось затормозить. Он выскочил из автобуса и, то и дело оглядываясь, побежал по дороге.

Я сунул пистолет обратно в карман и направился к машине.

На колесо было жалко смотреть. Его разорвало от выстрела, и теперь скат походил на тряпку, только резиновую. Впрочем, меня это ничуть не расстроило. Я знал, что делал, когда стрелял.

Обойдя машину, я забрался в кабину, а оттуда – в салон, открутил барашковую гайку и снял с крепления запасное колесо. Тут же из кучи барахла торчала ручка домкрата, и я порадовался, что не придется его искать.

На замену колеса ушло не менее получаса. Домкрат, вместо того, чтобы приподнимать машину, вдавливался в землю, покуда я не догадался подложить под него одно из съемных сидений, а сверху установил платформу от утюга, раскуроченного мною специально для этой цели.

Наконец, я завел мотор и нажал на газ. Автобус дернулся, и этим все кончилось.

Проклиная все на свете, я забрался в салон и стал выкидывать наружу тюки с вещами. Скинув половину барахла под колеса, утрамбовал его ногой, и уже собрался забраться обратно в кабину, но в этот момент кто-то дотронулся до меня сзади. Я подскочил, как ужаленный, выхватил пистолет и резко повернулся.

Передо мной стояла Кристина.

– Уф, – выдохнул я. – Извини. Мне показалось, что вернулся водитель.

– Какой?

– Ну… хм… Это неважно. Лучше скажи, как ты здесь оказалась?

– Мы ждали. А вас все не было. И я отправилась на поиски.

– А остальные дети?

– Они сказали, что я зря иду, что вы уже не вернетесь, что вам не нужна лишняя обуза, – это взрослое слово девочка выговаривала с явным удовольствием.

– Ну и зря они так. Я обязательно вернусь, только нужно как-то вытащить машину из грязи. Ты поможешь мне?

– А что надо сделать?

– Ты сядешь за руль и будешь давить вот на эту педаль, договорились?

– Конечно.

Я завел мотор, соскочил обратно в грязь, а Кристину посадил за руль.

– Давай, девочка. Жми. Как почувствуешь, что машина начала

двигаться, отпусти чуточку педаль и держи руль прямо, чтобы автобус не скатился в кювет.

– А вы? – испуганно спросила Кристина.

– Не волнуйся, я запрыгну на ходу.

Мы давно выбрались на федеральное шоссе, и я гнал автобус, постоянно виляя из стороны в сторону, чтобы не влететь в выбоину или же не врезаться в покореженную, черную от гари технику. Техники было много. Не только автомобилей, но и танков, бронетранспортеров, армейских грузовиков. Судя по количеству искореженных машин, хааны совершали налеты на шоссе довольно часто. И я молил бога, чтобы сегодня этого не случилось.

Дети смирно сидели в салоне на оставшихся узлах и во все глаза глядели на дорогу, вдоль которой непрерывной чередой тянулись беженцы. Я же старался на них не смотреть, ибо ничем не мог им помочь. Люди потеряли все: достаток, комфорт, спокойную, размеренную жизнь, но хуже всего, что они потеряли надежду. Они шли в никуда, им было ясно, что спасения нет нигде. Но они шли, сгибаясь под тяжестью чемоданов и сумок, катя перед собой детские коляски и магазинные тележки с жалким скарбом.

Несколько раз нас пытались остановить группы мужчин, но я выставлял «узи» в окно и давал в воздух короткую очередь. Вопросы отпадали сами собой.

А дети молчали и смотрели в окна. Только в самом начале пути Кристина спросила, куда мы едем. Я сказал, что в Лэнгли, где находится штаб-квартира ЦРУ. Похоже, мой ответ ее успокоил. Зато меня, чем ближе подъезжали мы к Вашингтону, сомнения терзали все больше. Захочет ли Нортон взять этих маленьких людей под свою опеку или же вышвырнет их вон, как щенят, которых хозяин поленился утопить?

«Детей не брошу, – думал я. – Если места им не найдется, значит и мне там делать нечего»…

И вдруг разом что-то изменилось. Люди, до сих пор медленно тащившиеся по обочинам дороги, бросились врассыпную, побросав свои вещи. Я приник к лобовому стеклу и посмотрел вверх. Прямо на шоссе пикировал какой-то древний самолет с черно-белыми крестами на крыльях. В голове всплыло дремучее слово «мессершмидт», и я вспомнил рассказ оператора хакерского чата о фашистах, расхаживающих по его городу, как у себя дома. Неужели, и сюда они добрались? Хотя, чему удивляться – игр о Второй мировой напридумывали немеряно…

Перед машиной стали взлетать в воздух фонтаны грязи.

Проклятье! Он еще и стреляет!

Я резко крутанул баранку влево, потом вправо, но осознав, что вилять бессмысленно – все равно от пули не убежишь – резко затормозил.

– Быстро из машины! Бегом! Прыгайте в кювет и ложитесь.

И тут послышался вой реактивного самолета. Я поднял глаза и увидел идущий на форсаже истребитель-перехватчик ВВС США. Что-то сверкнуло у него под крылом, и черная точка отделилась от самолета, оставляя за собой дымный след. Летчик «Мессершмидта» перестал стрелять и попытался уйти, кинув самолет в свечу. Не помогло. Яркая вспышка и все. Даже обломков не осталось.

Я облегченно вытер пот и вновь завел автобус. До самых предместий Вашингтона мы доехали без приключений.

Въезд в город перекрывала военная застава. Впереди стоял тяжелый танк, накрытый маскировочной сеткой, дорога была перегорожена шлагбаумом, и рядом с ним, упершись спинами в маленький одноэтажный домик, стояли два автоматчика.

Я сбавил скорость и, подъехав к шлагбауму вплотную, остановил машину. Тут же один из автоматчиков: молодой, безусый парень лет пятнадцати-шестнадцати (боже, неужели таких юнцов стали брать в армию?!) подошел к кабине и, направив на меня дуло автомата, заявил:

– Въезд в город запрещен.

– Почему? – удивился я.

– Производится эвакуация населения.

– А если мне нужно в Лэнгли?

Парнишка подозрительно посмотрел на меня, потом заглянув в салон автобуса, увидел детей.

– Кто это? – еще более подозрительно спросил он.

– Дети.

– Ваши?

– Нет. Их бросили в приюте.

– Та-ак, – протянул автоматчик, – документы есть?

Я порылся в сумке и протянул ему удостоверение сотрудника ЦРУ. Парнишка повертел его в руках и принялся внимательно изучать.

– Эй, Хенк! – окликнул его второй автоматчик. – Чего ты там возишься?

– Отстань, – буркнул парнишка.

– Да брось ты ерундой заниматься! Девчонки пришли, – не унимался его напарник.

Я посмотрел через лобовое стекло и увидел двух

расфуфыренных красоток в миниюбках и расстегнутых куртках, под которыми были видны облегающие цветные кофтенки.

– Документы, вроде, в порядке, – неуверенно сказал Хенк.

– Не волнуйся, – улыбнулся я, – мне ведь по объездной. В город я даже не заеду. А тебя дамы ждут. Начнешь созваниваться с начальством, выяснять что к чему, времени, знаешь, сколько уйдет? Девчонки ведь ждать не будут. По себе знаю.

– Ну, ладно, – вздохнул автоматчик, косясь на «сторожку», куда уже вошли его напарник и обе проститутки. – Проезжайте. Только в город не суйтесь. Там еще два поста и офицеры.

Я вновь завел мотор, подождал, покуда Хенк поднимет шлагбаум, и аккуратно сдвинул автобус с места. Пожалуй, мы не случайно проиграли эту войну. Везде бардак. Если дисциплины нет в армии, то где она может быть?

Оказавшись в Лэнгли, я тут же связался с Нортоном.

– Ты! – обрадовано сказал Дэвид, глядя на меня с экрана видеокомпа. – Наконец-то. Куда вы пропали? Где Филетти?

– Бруно больше нет, – нахмурившись, сказал я.

– Что?! – почернел лицом Нортон.

– Подорвался на мине.

– Мина в виртале?

– Нет, нам пришлось выйти в реальность.

– Причина?

– Напоролись на Кинг-Конга.

– Проклятье… – застонал Дэвид. – Эх, Филетти-Филетти… хороший был парень, – наконец он взял себя в руки и спросил: – Ты где сейчас?

– Первый пост.

– Это на въезде?

– Угу.

– Какие-то проблемы?

– Я не один.

– Не понял?

– Со мной дети. Нашел их под Вашингтоном в брошеном приюте для сирот.

– Так… Я распоряжусь, чтобы их разместили. И быстро ко мне!

Мы снова были в виртале. Я, Смит, оба Обермайера, Кристофер Шин и еще два спецназовца, которые шли в виртуальность впервые. Импульс высокочастотного напряжения очистил дорогу до самого зала выбора игровых программ, и теперь мы приближались к двери, над которой неоном сверкали

буквы, складываясь в неотвратимое, как смерть слово:

вторжение

– Послушай, – сказал я Нортону, после того, как он закончил последний инструктаж. – А может быть так, что хаанов в игре уже не осталось, что все они перебрались в наш мир?

– Увы, – покачал головой Дэвид, – на это не рассчитывай. Понимаешь, из виртала уходит только часть графобов. В игре их остается достаточно, чтобы поддерживать ее. Оставь свои завиральные идеи и пойми: они не способны мыслить, и если программа была создана, она будет выполняться…

И вот мы шли в самое логово врага, и нам было не по себе. Обермайеры обильно потели и были белыми, как мел, Шин вздрагивал при малейшем шорохе и без конца крутил головой по сторонам. Смит нервно насвистывал, а я грыз мундштук сигареты и часто сплевывал на пол. Только спецназовцы были внешне невозмутимы. Впрочем, они наверняка не очень отчетливо себе представляли, куда мы шли.

Нам предстояло войти в игру, занять места в истребителях и, вылетев с базы, ждать, покуда Обермайеры обнаружат виртуальные координаты своего портала, связывающего виртуальность с реальностью. В общем-то, задача не такая уж и сложная, но кто знал, какие сюрпризы могут поджидать нас внутри игры?..

Я поднял руку, подождал, пока все остановились и сказал:

– Значит так. Напоминаю, что за этой дверью находится коридор, который выходит в ангар. В нем вы увидите несколько десятков космических истребителей. Как ими управлять, вы уже знаете. Ни в коем случае не ввязывайтесь в боевые действия. Чтобы этого не произошло, вам предстоит отключить автопилот. Делается это с помощью кнопки, которая находится…

Черт! Внезапно я понял, что забыл, какую кнопку надо нажимать. Парни из ЦРУ все же отыскали одного из программистов, создававших эту игру. Он дал нам це у, но, будь оно все проклято, я напрочь забыл его наставления.

Шин косо посмотрел на меня и, сморщившись, пробормотал:

– Нажимать надо нижнюю слева кнопку с иконкой в виде крылышек. А вообще, зачем я все это говорю? – пожал он плечами. – Так бы, может, и назад вернулись, – потом, вздохнув, добавил: – Пошли, что ли?

И я, открыв дверь, первым вошел в игру…

– Быстрей! Быстрей! – орал лейтенант, облаченный в бронескафандр. – Корабли в зоне. Да побыстрее, дьявол вас раздери! Ели через минуту вы не взлетите, то уже можете никуда

не спешить, потому что станете частью ядерного гриба…

Все было как прежде, как тогда, когда я первый раз попал в эту игру в АФРИКАНЕТе. Сопер орал, как оглашенный, а потом, увидев меня, поднял деструктор и выстрелил. Я кувыркнулся в воздухе, не успев сделать ответный выстрел. Но в коридоре уже появился Смит и, мгновенно оценив ситуацию, тоже открыл стрельбу.

И мы уделали системного оператора, разнеся его на атомы.

Тут же в игру ввалились один за другим спецназовцы, а за ними оба Обермайера с выпученными глазами, словно они увидели в зале игровых программ черта с рогами.

– Что случилось? – спросил я.

– Шин сбежал.

– Что?

– Драпанул, аж пятки сверкнули, – сказал Абрахам.

– Мы его пытались остановить, да куда там! – добавил Бенджамин.

– Ну и черт с ним, – сказал Смит. – Нортон ему устроит головомойку не хуже горгонов.

– Все, пошли, – произнес я. – Сейчас арограмма автоматически создаст нового сопера.

– Ну и что? – удивился Бенджамин.

– А то, что здешний системный оператор чуть не укокошил меня, едва я появился в игре.

– Может быть, ты плохо вел себя в прошлый раз? – очень серьезно спросил Абрахам.

– Идем, – недовольно сказал Смит, – у нас нет времени на разговоры…

И мы побежали по коридору, покуда не выскочили в ангар.

– По машинам! – заорал я, бросаясь к ближайшему истребителю.

Первым подняв свою машину в воздух, я, как когда-то в АФРИКАНЕТЕ, разнес часть подъемного пандуса выстрелами из пушки и через секунду мой кораблик уже висел в космосе. Я отключил автопилот и стал дожидаться остальных, поглядывая по сторонам, нет ли поблизости хаанских кораблей. Но все было чисто, и это меня несказанно обрадовало.

Обермайеры возились с поисками портала несколько минут, но, в конце концов, все обошлось благополучно. Мы рванулись к большой светящейся точке, походившей на звезду, только гораздо больше, нежели остальные, прорисованные художниками.

– Это и есть ваш хваленый портал? – разочарованно спросил я по рации у Обермайеров.

Тут же кто-то из них откликнулся.

– Подожди, подлетим поближе, тогда и будешь судить.

– А далеко до него? – спросил один из спецназовцев.

– Ты ж в виртале, парень. Тут расстояние точно не определишь. Может быть, десять минут лету в реальном времени, а может и десять часов, кто знает?

– Замечательно, – вздохнул я, – и что нам теперь несколько часов кряду давить на эту дурацкую педаль акселератора?

– Хорошо, что не дней, – хмыкнул кто-то, похоже, Смит.

– Спасибо, – сказал я.

Но точка начала увеличиваться в размерах гораздо раньше. Минут через двадцать, она выбросила из себя туманное продолговатое пятно, которое потом распалось на отдельные спиралевидные рукава.

– Как галактика! – выдохнул я.

– В каждой игре портал будет выглядеть по-разному, – объяснил кто-то из Обермайеров. – В фэнтезийной игрушке или «ходилке» это будет что-то вроде ворот, в автомобильных гонках – туннель и так далее. Здесь же портал похож на галактику – вот и все. Хотя, признаться, нам самим приятно видеть столь величественное творение своих рук.

А галактика все увеличивалась в размерах, закрывая уже полнеба, и зрелище это, действительно впечатляло. Так, наверное, выглядит и наш Млечный путь, если посмотреть на него не с торца, как мы смотрим, а перпендикулярно…

Потом, когда уже все небо горело яркими сполохами огня, мы увидели черную воронку, вращающуюся с сумасшедшей скоростью.

– Нам туда? – спросил я.

– Ага, – разом ответили Обермайеры, и в то же мгновение Смит отчаянно выкрикнул:

– Сзади!

Я оглянулся и обомлел. Дисколет хаанов, пристроившийся нам в хвост, неумолимо приближался ко входу в портал. Времени на раздумье не оставалось, поэтому, заложив крутой вираж, я приказал:

– За мной!

Перегрузка вдавила меня в сиденье, на зубах заскрипели кусочки отбитой эмали. Слева от меня заходил на дисколет хаанов кораблик Смита. Спецназовцы следовали за ним, как приклеенные, но растерявшиеся Обермайеры изрядно отстали.

«Нужно попробовать подойти как можно ближе», – подумал я, нажимая на клаксон.

И рявкнули пушки.

– Послушайте, Дэвид, – сказал я Нортону, – Нельзя так рисковать. Ты же понимаешь, что в тот раз мы отбились чудом. Надо немедленно отключить портал, иначе рано или поздно вся эта нечисть хлынет сюда.

Мы сидели в бывшем кабинете Стрэдфорда и пили чай. И еще вот уже полчаса я пытался убедить Нортона, свернуть все работы по виртуалу.

– Все это правильно, – скороговоркой произнес Дэвид, – но что я скажу Президенту?

– Объясните ему суть вещей. Он поймет, должен понять. Иначе, какой из него Президент?

– Эндрю, сейчас все планы строятся вокруг этого проекта! Если мы не сможем снабдить войска нужной техникой, нас просто привлекут за саботаж. Думаете, мне легко было уговорить руководство, чтобы Кристофера Шина не отдавали под трибунал? А тут вы предлагаете вообще свернуть всю программу. Нас не поймут. Нет-нет, нас никак поймут.

«Эту стену мне не прошибить, – с тоской подумал я. – Ну что ж… Пожалуй, пришло время выполнять обещание, которое я дал Бруно.»

Посмотрев на Дэвида, косо поглядывающего на меня, я сказал:

– Хорошо, а меня вы на несколько дней можете отпустить?

– Зачем это вам? – удивился Нортон. – Куда вы отсюда подадитесь? В мире – хаос. Это только политики бодрятся и орут, что победа не за горами, но мы-то с вами положение знаем. Здесь, в Лэнгли, благодаря технике, которую вы извлекаете из виртуальной реальности, мы еще какое-то время продержимся. А потом…

– Ну хотя бы ненадолго, на несколько часов. Мне нужно, только чтобы вы прочистили канал до Лондона, – настаивал я.

– А кто там у вас? – поджал губы Дэвид.

– Любимая женщина.

Сказать правду я не мог. Нортон не верил в Зону Сброса и никуда не отпустил бы меня. Конечно, я мог бы уйти и сам, но… В такой момент это слишком походило бы на дезертирство. Лондон, как вариант, возник сам собой. Почему нет? Кроме того, в этом городе жила Сюзан. Может быть, удастся ее разыскать? Сердце странно защемило, и я понял, что хочу, очень хочу снова заглянуть в глаза этой бедовой девчонки.

Нортон приподнял бровь, внимательно посмотрел на меня своими небесно-голубыми глазами и вздохнул:

– Хорошо. Отправляйтесь. Может быть, еще успеете…

Я знал, что сам Дэвид опоздал. Два дня назад он отправился

через виртал в Сиэтл и обнаружил, что квартал, в котором жили его родители, превратился в руины. Он так никого и не нашел.

– Мы дадим сигнал помощнее, – предложил Дэвид. – Но на подготовку уйдет не менее часа. Собирайтесь.

Я вышел в коридор и столкнулся нос к носу с Президентом. Он был в стельку пьян, его, горланя какую-то разудалую песню, волок чуть ли ни на себе глава некогда великого государства. Они тоже знали, что все кончено.

Краткая передышка, представленная мне Нортоном, была очень кстати. Оставалось одно дело, откладывать которое было нельзя. Войдя в свою комнату, я включил компьютер, вышел на хакерский чат и быстро отбил слова приветствия.

– Рад, что ты уцелел, – почти сразу же появилось на экране.

– Бруно погиб.

– Знаю. Все, кто остался, скорбят.

– Что у вас? Совсем плохо? – спросил я.

– Как тебе сказать?.. Понимаешь, происходит что-то странное. Такое впечатление, что пришельцы из виртала прошли первый уровень своей игры. Война закончилась, и они начинают что-то строить. Свое, совсем нечеловеческое. Трудно объяснить, но все это напоминает «Цезаря». Была такая игрушка…

– Знаю. А что с людьми?

– Тех, кто сопротивляются, уничтожают. Остальные… Подстраиваются.

– Как?

– По-разному. Извини, но говорить об этом не хочется. Противно.

– Ладно. Я ухожу. Попробую что-нибудь сделать.

– Постой! Ты ТУДА?

– Да.

– Я могу хоть как-то помочь?

– Нет. Прощай.

– Если бы я мог, я бы помолился… Удачи тебе!

Я переодевался в экипировочной, разговаривая с Нортоном. Он пришел проводить меня, но что-то в лице Дэвида мне не нравилось, было ощущение, что он хочет сказать нечто важное, может быть, даже неприятное, но никак не может решиться. И только когда я уже одел комбинезон, застегнул молнию на груди и потянулся за шлемом, Нортон начал разговор, ради которого, наверное, и пришел сюда. При этом он старательно отводил глаза в сторону, стараясь не смотреть на меня.

– С-слушай, Эндрю, – слегка заикаясь, начал он. – Несколько

минут назад с-со мной по видеокомпу с-связалась некая миссис Маргарет Тревор…

– Миссис? – переспросил я, присвистнув.

– Она так представилась. А что, это имеет з-значение?

– В общем-то нет, хотя, признаться, я думал… А впрочем… Какое это теперь имеет значение? И что же она тебе поведала?

– Она с-сказала, что мы с тобой уже не люди.

– Что?! – я едва не потерял дар речи. – Ты шутишь? И кто же мы, по ее мнению?

– Часть виртала.

Я начал смеяться, громко, захлебываясь, роняя слезы.

Ну, Маргарет, ну, сучья дочь! Додуматься до такого!

– И ты ей поверил?

– Я не знаю, – развел руками Нортон. – Но то, что она мне рассказала…

– Стоп! Подожди. Меня интересует однозначный ответ. Ты ей поверил?

– Я отвечу после того, как ты мне скажешь, каким образом тебе удалось выжить, когда мы полностью с-свернули виртуальную с-сеть в Дакаре, как тебе удалось уцелеть, когда с-специальное подразделение командос было уничтожено, и наконец, как ты остался в живых, побывав на базе в Долине с-смерти?

Я развел руками и сказал, глядя ему в глаза:

– Не знаю. Наверное, мне просто везет.

– Это невозможно. Один шанс из тысячи дается на такое везение.

– Значит, я использовал этот шанс на все сто.

– Может быть, – тихо произнес Дэвид.

– Да что эта стерва сказала тебе, в конце концов? – взорвался я. – Почему слова какой-то психопатки тебя сломали?

– Она не психопатка… Скажи, ты не замечал, что в последнее время с тобой что-то происходит, что ты изменяешься, становишься частью какой-то игры?

– Ты сошел с ума! – возмутился я, но внезапно оборвал себя на полуслове. Черт! А ведь были какие-то странности, были… Неожиданное проявление гипнотических свойств, например.

И еще я вспомнил туннель в Долине смерти и то, как трижды просыпался от стрекота «чужого», ища спасения, покуда все-таки не нашел его. Были ли первые два раза сном? Уже тогда мне показалось, что все происходившее со мной мало походит на проделки Морфея.

– Вот видишь… – горько улыбнулся Дэвид. – Ты и сам засомневался.

– Не в чем мне сомневаться, – вспылил я. – А что скажешь о себе ты?

– Я человек, – вскинулся Нортон, – и что бы ни происходило, останусь им!

– Вот и хорошо, – устало сказал я, – по крайней мере, в себе каждый из нас уверен…

Дэвид промолчал.

Я стоял и смотрел на Нортона, и даже понимал его, сочувствовал страху, затаившемуся в уголках его глаз.

– И все-таки я прошу тебя, – снова заговорил Дэвид. – Если есть хоть толика сомнений, не возвращайся, уйди в свой виртал навсегда. Я не буду тебя задерживать, и ты не пытайся ничего сделать, потому что у меня… – он повернул руку, показав мне гранату, зажатую в побелевшей ладони.

Без чеки.

Он был готов на смерть, этот бедный старый хиппи!

Я вздохнул и сказал:

– Можешь не верить, мне уже все равно. Может быть, я и не вернусь, но ты знай: я – человек. Такой же как и ты, и все мы. И еще… Присмотри за детьми. Жалко, они так и не увидели жизни. А Кристине передай… Нет, ничего ей не говори. Если спросит обо мне, скажи, что я отправился на задание.

– Хорошо, – кивнул Нортон. – Не волнуйся за них. Когда станет совсем плохо, я отправлю их в Мир Тысячи Солнц.

– Значит, он действительно существует?

– Да. И виртуалу не добраться до него. Компьютер с автономным ядерным блоком питания спрятан глубоко под землей. Им не найти это место, и человечество, пусть виртуальное, сможет прожить еще тысячи лет. Но мы когда-нибудь вернемся и сотрем их с лица Земли, как неудавшийся эксперимент, как последнюю ошибку человеческой цивилизации.

– И да поможет нам Бог, – сказал я, надевая шлем.

Я забрался в модуль и набрал на пульте электронный адрес Сюзан. Модули, как объяснил Бруно, вытаскивая меня из Нью-Йорка, успели значительно усовершенствовать. Теперь стало возможным выбирать нужное направление прямо из кабины, не дожидаясь «попутного» звонка.

Через секунду модуль, слетев с платформы, ворвался в туннель. Нортон меня не обманул – канал был чистым, но меня бросало то в жар, то в холод. Я знал, что я – человек, но… А потом внезапно, почти мгновенно успокоился.

Осознание своей сути – вот что главное. Я люблю людей, я готов страдать ради них, и никому не по силам зачислить меня в

стан врагов человечества.

Сигнал вызова запел в шлеме неожиданно. Нортон? Что ему еще нужно? Но нет, перед глазами поплыли слова текстовой передачи.

– Эндрю, это Маргарет Тревор.

– И что вам угодно? – проворчал я, зная, что компьютер переведет мои слова в текстовый формат. – Собираетесь сообщить очередную гадость? Не старайтесь. Нортон рассказал мне о вашей беседе.

– Он ничего не понял. Слишком запуган. Кэрол явно переоценивала его. Поймите, Эндрю, в Зоне Сброса действительно проходит граница между мирами. Дело в том, что взаимодействие реальности, в которой мы жили, и виртала было обоюдным. Цивилизация людей стремительно уходит в виртуальность, в мир своих безумных выдумок. И человеку в прежнем понимании уже не сохраниться. Он становится частью нового мира, изменяется, превращается в нечто совсем новое…

– Вы лучше о границе. Оно как-то оригинальнее, – прервал ее я.

– Хорошо… Нам давно стало понятно, что катастрофа неизбежна. Мир Тысячи Солнц это всего лишь суррогат, резервация. И мы нашли новый, совсем новый мир, в который нет дороги тому, что погубило нашу цивилизацию. Граница с этим миром и проходит по Зоне Сброса.

– И вы боитесь, что я ее разрушу?

– Отнюдь. Вы напрасно рискуете, только и всего.

– Откуда такая забота обо мне? – хмыкнул я. – По-моему, мы не питаем друг к другу особой любви?

– Слишком мало осталось не потерявших себя. Уж не думаете ли вы, что я звонила Нортону ради вас? Мы надеялись и на него…

– Польщен. И за себя, и за Дэвида. А, кстати, кто эти «мы», коих вы все время поминаете? Великая Маргарет и ее клоны?

– Это не самая удачная шутка, Эндрю. Мои копии остались в том же мире, где сегодня находитесь вы. Они сами определят, как им жить.

– Их проблемы, – легко согласился я. – А что, ваш новый мир привлекателен?

– Прекрасен! Он невероятно красив.

– Но ведь красота порождает ненависть? – ехидно улыбнулся я, надеясь, что чуткий компьютер сопроводит мою фразу целой строчкой соответствующих значков.

Однако, Маргарет иронического тона не приняла.

– Господи, Хопкинс, разве я имела в виду внешнюю красоту? Да, ей порой завидуют, но чаще просто игнорируют.

– Разве?

– Вы завидуете красоте свиноматок, которых гордый фермер прогоняет по подиуму? А ведь они действительно красивы. Для знатоков. Нет, Эндрю, меня всегда удивляло, почему наибольшую ненависть вызывает красота духовная, почему общество с радостью уничтожает людей талантливых и по-настоящему мудрых?

– И что, вы нашли ответ на этот вопрос?

– Нет, но я нашла выход. Сейчас я нахожусь в обществе именно таких людей.

– Вот оно что! Значит, ваш прекрасный мир будут населять только избранные? Знаете, Маргарет, нам не по пути. Я никогда не был поклонником сверхчеловеков, людей будущего и прочих подобных. Не люблю я и тех, кто присваивает себе право отсеивать зерна от плевел по своему разумению. Приятно было побеседовать!

– Подождите, Хопкинс!

Но я уже дал команду компьютеру:

– Прервать связь! Не восстанавливать ее ни при каких условиях.

Надоела мне эта Маргарет! И ее россказням я не верил ни на йоту. Боится, боится мисс Тревор, что я прорвусь на свалку и спутаю ее планы. Какие? Не все ли равно! Удивительно, но после разговора с Маргарет мне стало легче, и я с легким сердцем выбросил все, сказанное ей, из головы.

Указатель расстояния показывал, что до Лондона осталось всего тысячу миль виртуального пространства. Еще несколько минут, и я увижу Сюзан. Как там она? Жива ли? Как я хотел верить в это! И отгонял, отгонял прочь страшные мысли.

А потом я начал мечтать, как напишу свою собственную программу. Пусть не Мир Тысячи Солнц, пусть там будет только одно солнце, но наше – мое и… Сюзи. Почему нет? Написать такую программу несложно. Ведь нам нужно не так уж и много: река, лес, дом в два… нет, лучше в три этажа, потому что у нас будут дети, много детей, и каждому потребуется отдельная комната. А как без этого? Без этого никак нельзя. Но сперва надо найти хороший аккумулятор, чтобы хватило его лет на сто…

Я улыбнулся. Наивные мечтания! Вдвоем можно быть счастливым, только если вокруг тебя люди. Много людей, целое человечество. Я не задержусь в Лондоне, меня ждет дорога в Зону Сброса, на свалку, где копошатся мерзкие порождения виртала, стремящиеся погубить мир, который я считал своим. А там, будь, что будет! Если мне повезет, программу составлять не потребуется.

Я и не заметил, как проскочил узловую телефонную станцию Лондона. На этот раз фильтра-очистителя здесь не было. Несколько недель назад правительства ведущих стран договорились снять все барьеры, столетиями возводимые друг против друга. Человечество объединилось, но увы, слишком поздно.

Модуль начал притормаживать, сбрасывая скорость. Сердце опять заколотилось. Я знал, я чувствовал, что с Сюзан все в порядке, и что через несколько минут я увижу ее…

Модуль замер, и я выпрыгнул из него, одновременно давая приказ на выход в реал.

Мгновение… и я оказался в комнате Сюзан. Она была здесь. Она лежала в постели с толстой шестилапой обезьяной, придавившей ее к кровати своей тушей. При виде меня глаза Сюзан расширились, и она, отгораживаясь хрупкой рукой, закричала:

– Нет! Уходи! Убирайся прочь!

Обезьяна вздрогнула, повернулась и раскрыла от удивления свою слюнявую пасть.

– Кто это? – заверещала она так пронзительно, будто ее распиливали на куски в живом виде. А потом в глазах мохнатой мерзости возник страх, обезьяна забулькала что-то на непонятном языке, и по полу разлилась вонючая лужа.

«Катись оно все к чертовой матери»! – подумал я, отдавая компу приказ ввести меня обратно в виртал.

Прежде, чем исчезнуть окончательно, я обернулся и увидел, что в глазах Сюзан блестит слезинка. Но может быть, мне это только показалось…

Я шел по космическому кораблю хаанов, сея вокруг смерть.

Полчаса назад я ворвался во «Вторжение» как смерч, как цунами, поглощающее миры и вселенные. А в игре все шло по старому сценарию. Я вывел в космос истребитель, и дал себя подстрелить. Очнулся в камере на корабле хаанов, выбрался из нее при помощи черепа, достал из тайника оружие и теперь продолжал часть игры на прохождение. Впрочем, сейчас идти было легче. Теперь я знал все лабиринты этого корабля и потому прямым путем двигался к шлюпочному ангару. А дальше… Дальше я надеялся выйти на свалку, где за огромной прозрачной стеной пряталось НЕЧТО, не имевшее право на существование, но все же существовавшее, безжалостно уничтожающее мой мир, потому что это самое НЕЧТО не научили жалости, потому что мы сами не знали жалости.

«Не убий!» – гласит заповедь, но мы ведь не убивали, мы

просто играли. И нам было весело. Вот только веселье рано или поздно заканчивается, и наступает похмелье. Тяжелое. Смертельное…

Вот и ангар, я забираюсь в шлюпку и стартую, а потом шепчу, как заклинание:

– Выход!

…И я действительно оказался на свалке. Там ничего не изменилось: как и в первый раз меня окружали горы искореженного метала, лужи, наполненные вонючей жижей, кучи каких-то обломков, останки гигантских конструкций. И как и прежде, по всему этому пробегали искрящимися змейками цифры и символы, стекали со склонов, вылетали фонтанчиками из глубин.

Я смотрел на прозрачную стену. Вот он – мой враг, и я иду к тебе, чтобы сразиться в смертельной схватке. Слышишь? Я иду!

Я сделал шаг, потом второй.

И свалка ожила. Тысячи страшный клыкастых морд зашипели, зарычали, залаяли. Но странно, чудовища не атаковали меня, они тянулись к загадочной прозрачной стене… Мечтают о воротах в прекрасный новый мир Маргарет? К черту! Нужно делать то, ради чего я сюда пришел. Достав из кармана «узи», я покрутил его в руках и отбросил в сторону. Здесь он мне не поможет, здесь нужно другое…

Я зажмурил глаза и представил, как превращаюсь в гигантскую крылатую ракету, начиненную ядерным зарядом. И я стал этой ракетой, и с бешеной скорость понесся к экрану, туда, где дергалось и плясало гигантское НЕЧТО.

Странное дело, Бруно ошибался, говоря, что только человек может обладать здесь разумом. Я был ракетой, но по-прежнему оставался человеком – мыслящим, страждущим и надеющимся.

А потом, когда я со всего размаха ударился в стену и начал медленно сползать вниз, так и не пробив ее, я почувствовал, что вновь обретаю человеческий облик. Но мне было уже все равно, потому что за этой проклятой стеной я увидел мальчика, сидевшего за клавиатурой компьютера. Глаза его с удивлением глянули на меня, и мальчик закричал:

– Мама! Мама, посмотри, что это такое?!

Сзади него появилось что-то большое и расплывчатое, а потом до боли знакомый мне голос произнес:

– Наверное, сбой в программе, сынок. Кусок глупой, никому не нужной игры. Перезагрузи компьютер…

notes

Примечания

1

Стихи Евгения Лукина